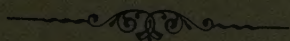
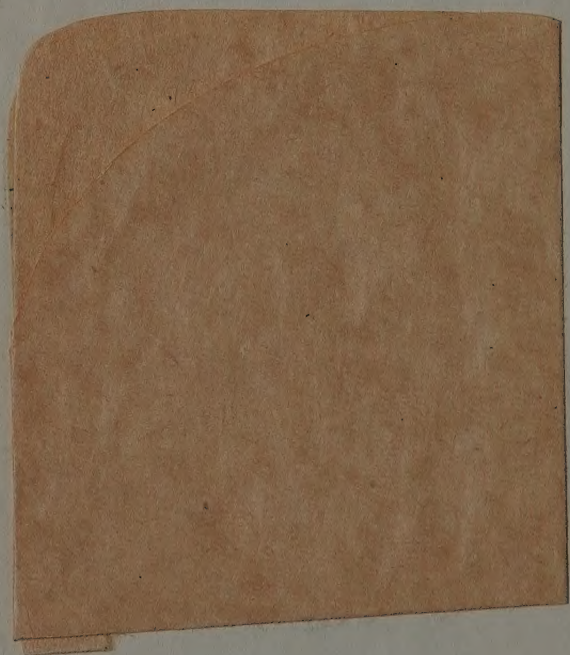

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО
СЕРГИЯ

К 600-летию со времени преставления
преподобного Сергия,
игумена Радонежского и всея России
чудотворца
посвящается.

Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры
По благословению Священно Архимандрита
Свято-Троице-Сергиевой Лавры
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Пимена

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.

СВОБІДНА ТИПОГРАФІЯ.

1904.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРГІЯ

ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКАГО

И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦА.

Составлено С. Иеромонахомъ, нынѣ Архимандритомъ Нікономъ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

МНОГИМИ РИСУНКАМИ.

Первое изданіе сей книги удостоено отъ Св. Синода преміи М. Макарія.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

Печатать дозволяется. Визанія. Октября 30 дня, 1903 года, Цензоръ, Ректоръ
Визанской Духовной Семинаріи,

Протоіерей А. Бгльевъ.

Предисловие

Троице-Сергиева Лавра в наши дни привлекает внимание многих. Что влечет сюда людей со всех концов нашей страны, из самых отдаленных уголков ее, а также многочисленных гостей из-за рубежа?

Неповторимый архитектурный ансамбль Лавры, в котором удивительно гармонично сочетаются стили самых разных эпох, от пятнадцатого до девятнадцатого века; насыщенная событиями история монастыря, видевшего в своих стенах и героя Куликовской битвы великого князя Дмитрия Донского, и сурово-деспотичного Ивана Грозного, и отряды польско-литовских интервентов, шестнадцать месяцев осаждавших эту твердыню земли русской в тяжелую годину Смутного времени, и будущего преобразователя России Петра Первого, укрывавшегося в дни своей юности за стенами Лавры от притязаний властолюбивой сестры, царевны Софьи, и мятежных стрельцов.

Как в зеркале, отразилась в истории Лавры история России. Но Лавра — это не только прошлое. На ее территории и в наши дни мирно уживаются музей-заповедник, действующий монастырь и Московские духовные школы — академия и семинария. И именно эта живая связь времен, уникальное сочетание традиций прошлого и современности так благотворно и так неотразимо действует на всех тех, кто в наши дни посещает удивительную жемчужину русской культуры.

История Троице-Сергиевой Лавры начинается с ее основателя — преподобного Сергия Радонежского (1314-1392 г.г.). Его трудами и подвигами утверждалась будущая великая обитель, его святость — святость его жизни и духовная сила положили начало тому могучему влиянию, которое оказывала и продолжает оказывать Лавра на развитие отечественной истории и русской культуры.

«Жития» преподобного Сергия имеют свою историю. Древнейший вариант составлен учеником святого — Епифанием Премудрым (первая половина пятнадцатого века). Это «Житие» неоднократно издавалось в девятнадцатом-двадцатом веках по рукописям пятнадцатого-шестнадцатого веков (наиболее полное издание — Троице-Сергиевой Лавры, 1908 г.), последнее издание — в сборнике «Богословские труды», № 11, 1973 г., с. 216-239, со вступительной статьей священника А.Просвирнина.

Впоследствии, в том же пятнадцатом веке, Епифаниева пера «Житие» было основательно переработано известным церковным писателем Пахомием Логофетом, текст Пахомиевой редакции «Жития» опубликован академиком Н.С. Тихонравовым в книге «Древние «Жития» Сергия Радонежского» (1892 г.). В девятнадцатом веке появляются новые жизнеописания преподобного Сергия — митрополитов Московских Платона (Левшина) и Филарета (Дроздова), известных церковных историков архиепископа Филарета (Гумилевского) и Е.Е. Голубинского. Наконец, нельзя не упомянуть «Житие преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца», составленное уже в двадцатом веке выдающимся деятелем Русской Православной Церкви патриархом Московским и всея Руси Алексием (Симанским, 1877-1970 г.г.).

К сожалению, несмотря на обилие глубоких мыслей и тонких наблюдений, незаурядные литературные достоинства, всем этим выше перечисленным «Житиям» присущ один весьма существенный недостаток — краткость, вследствие чего многие подробности из жизни Сергия Радонежского в этих изданиях опущены.

Для настоящего издания выбрано «Житие преподобного Сергия», составленное иеромонахом Никоном (Рождественским, впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским). Это «Житие» впервые было подготовлено к печати по случаю юбилея Сергия Радонежского — 500-летия со дня его кончины, торжественно отмечавшегося в 1892 году. Позже книга неоднократно переиздавалась, с дополнениями и исправлениями. Главное достоинство этого «Жития» — его полнота. Как писал в предисловии сам автор, его цель — «собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о преподобном Сергии». При этом, излагая исторический материал, автор преследует и морально-дидактическую цель — преподать читателям и некоторые нравственные назидания, органично вытекающие из житийного повествования.

И, наконец, это «Житие» ценно в научном отношении — многочисленные примечания, вынесенные в конец книги, изобилуют сведениями исторического, географического, био- и библиографического характера.

Настоящее, стереотипное издание «Жития преподобного Сергия» посвящается двум юбилейным датам в истории Лавры — уже прошедшему 650-летию со дня основания обители (1337—1987 г.г.) и грядущему 600-летию со дня кончины Сергия Радонежского (1392—1992 г.г.).

ВАѢ АЦ. МѢРТ.
СХОВАНУ БЫ. СВЕ СЕ.

„Полюби святаго Сергія: онъ былъ
Русскій въ душѣ; полюби его ис-
кренно, и онъ тебя полюбиты..“

Путеш. къ Св. Мѣст, Русск. изд. 3, ч. I, стр. 66

ДРЕВНИЙ ТРОПАРЬ.

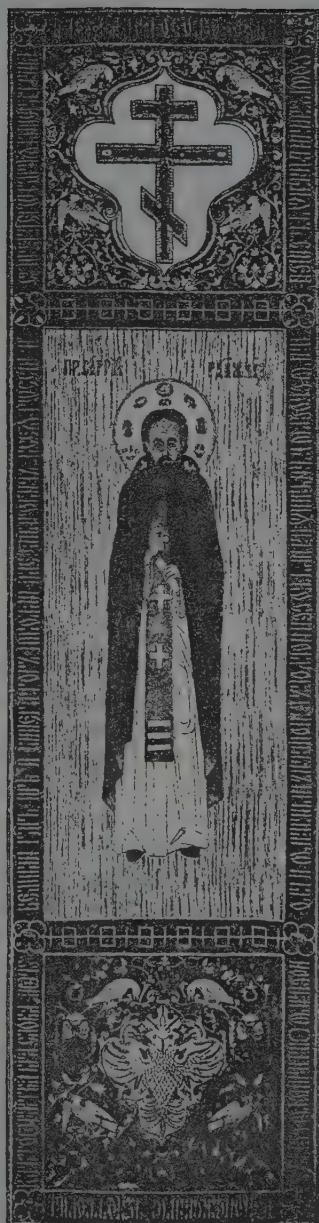
Въ чистотѣ жи-
тіа, истѣчникъ
слѣзъ твоихъ,
исповѣданіа трѣ-
дѣвныа поты со-
кокоуишъ єси, и
коупель дѣхѣвнѣю
источашъ єси, сла-
щеный Сѣргіе Пре-
подобне, ѡмыка-
еши сѣдѣствѣхъ,
творящымъ любѣ-
вѣю пѣмать твою,
скверны оубоамѣ
дѣшѣвныа и тѣ-
лѣсныа: сего ради
чѣда твоѣ сѣще
копѣмъ ти: моли,
о҃че, сѣа тѣю
Трѣцѣ ѡ дѣшахъ
нашихъ.

Изъ рукоп. Лавр.
Библ. XV вѣка, № 308.

ДРЕВНИЙ КОНДАКЪ.

И҆ко безплѣт-
нымъ равножѣ-
тель, всѣхъ пре-
подобныхъ пре-
возшелъ єси по-
стническими трѣ-
дѣи и бѣдѣни мо-
литвенными, мѣд-
ре Сѣргіе: тѣмъ
воспрѣлѣ єси ѡ
Б҃гѣ исцѣлѣти не-
дѣги и прогонѣ-
ти бѣсы: тогѣ
ради копѣмъ ти:
радѣиса о҃че Пре-
подобне Сѣргіе.

Изъ рукописныхъ
святцевъ Лавр. Библ.
XV вѣка, № 363.

йце мѣжа свѣта житіе спісано єбде, то
и того польза велика єсть и вѣтѣшеніе
квѣпѣ, и спсѣтелемъ, и сказателемъ, и
послѣшателемъ.

Єпифаній Премудрый.

Бѣди рекниатель правъ живущимъ, и іхъ
житіе и дѣланіе пиши на сѣрдцѣ своемъ.

Св. Василій Великій.

„СЛАВА БОГУ о всемъ и всяческихъ ради! Слава пока-
завшему намъ житіе мужа свѣта и старца духовна,—
благодаримъ Бога за премногую Его благодать, быв-
шую на насъ, яко дарова намъ свѣта старца, госпо-
дина Преподобнаго Сергія, въ земли нашей Русѣй,
въ странѣ полунощнѣй“.

Такъ начинается свое сказаніе о житіи и подвигахъ
Преподобнаго отца нашего Сергія, его присный уче-
никъ, блаженный Епифаній. „Дивлюся же“, говоритъ онъ, „како толико
лѣтъ минуло, а житіе свѣта старца не писано было; и о семъ сжалихся
зѣло, како убо таковъ свѣтый старецъ пречудный и предобрый, отнелѣже
преставился 26 лѣтъ преѣде, и никто не дерзныше писати о немъ, ни
дальній, ни ближній, ни большій, ни меньшій“.

Сіи слова Премудраго Епифанія еще съ большимъ правомъ можемъ
повторить мы, съ тою лишь разницей, что со дня кончины Преподоб-
наго Сергія до нашего времени протекло не 26, а уже пятьсотъ
лѣтъ, и до сихъ поръ мы не имѣемъ на современномъ рускомъ языкѣ
полнаго жизнеописанія великаго старца, не только въ смыслѣ само-
стоятельнаго историческаго изслѣдованія о его жизни и подвигахъ, о

Описаніе всѣхъ рисунковъ читатель найдетъ въ концѣ книги.

его значеніи въ исторіи Русской Церкви, русскаго подвижничества, русскаго просвѣщенія и вообще нравственнаго воспитанія Русскаго народа, но даже и простаго, полнаго перевода житія, написаннаго Епифаніемъ ¹. Правда, существуетъ болѣе десятка разныхъ житій Преподобнаго Сергія, и лучшее изъ нихъ, конечно, то, которое составлено святителемъ Московскимъ Филаретомъ. Но это житіе предназначено было для чтенія при Богослуженіи, и читано самимъ въ Бозѣ почившимъ Іерархомъ въ Лаврѣ, на всенощномъ бдѣніи 5 іюля 1822 года. Посвоимъ достоинствамъ внутреннимъ это житіе—слитокъ золота; но, какъ предназначенное для церковнаго чтенія, оно по необходимости отличается краткостію и опускаетъ многія подробности, драгоценныя для благоговѣйныхъ почитателей памяти великаго угодника Божія.—Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ житіяхъ Преподобнаго Сергія, помѣщенныхъ въ сочиненіяхъ: „Русскіе Святые“, преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, и „Житія Святыхъ Россійской Церкви“, А. Н. Муравьева; но ни то, ни другое также не имѣютъ желанной полноты, потому что составители этихъ житій, описывая житія всѣхъ Русскихъ Святыхъ, по необходимости старались быть краткими въ изложеніи. Изъ отдѣльныхъ изданій слѣдуетъ упомянуть только одно, вышедшее уже послѣ 2-го изданія нашей книги, къ 500-лѣтію преставленія Преподобнаго Сергія: „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра“, Е. Голубинскаго; авторъ предлагаетъ въ этой книгѣ, какъ самъ онъ говоритъ, „повѣствованіе о преподобномъ, съ одной стороны — краткое, а съ другой стороны—полное, безъ опущеній воспроизводящее всѣ частности его жизни, какъ естественнаго, такъ и сверхъестественнаго характера“. Но и эта книга не можетъ вполнѣ удовлетворять благоговѣйнаго читателя памяти великаго угодника Божія: довольно сказать о ней одно уже то, что ради „краткости“ авторъ ея не имѣетъ въ виду дать въ ней назидательное чтеніе, а предлагаетъ лишь сжатое изложеніе фактовъ, собранныхъ имъ изъ всѣхъ историческихъ источниковъ и изложенныхъ въ формѣ „жизнеописанія“. Притомъ и это „жизнеописаніе“ издано нераздѣльно съ „путеводителемъ по Лаврѣ“, и составляетъ какъ бы введеніе къ этому „путеводителю“. На другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ, въ родѣ сочиненія г. Лаврентьева, не считаемъ нужнымъ останавливаться, такъ какъ они представляютъ плохія передѣлки изъ Епифанія, или же просто заимствованія изъ вышеупомянутыхъ авторовъ.

Предлагая благочестивымъ читателямъ свое описаніе „Житія и подвиговъ Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія“, потрудившійся въ его составленіи считаетъ долгомъ сказать, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду писать ученое изслѣдованіе о жизни угодника Божія: онъ задался болѣе скромною цѣлію—собрать въ одну книгу все, что можно было найти въ исторической и проповѣднической литературѣ о Преподобномъ Сергіѣ, и соединить въ одно цѣлое не только всѣ,

дошедшія до насъ подробности изъ его жизни, но и тѣ нравственные уроки, какіе извлекали изъ сказанія о его жизни наши проповѣдники. Для настоящаго — пятаго изданія вновь пересмотрѣно по возможности все, что вышло въ 1891—3 годахъ по случаю 500 лѣтія преставленія угодника Божія, и такимъ образомъ многое въ текстѣ пополнено и исправлено. Побужденіемъ къ этому труду служило тоже, что побудило и преподобнаго Елифанія въ свое время взяться за перо: это — отсутствіе въ наличной духовной литературѣ полнаго житія Преподобнаго Сергія. Подумать только: кто былъ Преподобный Сергій для нашей Русской Церкви, для Русскаго государства, для Русскаго народа? Святая Церковь прекрасно характеризуетъ его, называя столпомъ Церкви. Онъ не только самъ былъ крѣпкимъ столпомъ Церкви Христовой, но, по выраженію одного изъ нашихъ архипастырей. Херсонскаго архіепископа Никанора, „уподобилъ и продолжаетъ уподоблять своей духовной природѣ и всѣхъ близко соприкасающихся къ нему людей. Онъ напиталъ своимъ крѣпкимъ духомъ цѣлыя сонмы, цѣлыя поколѣнія монашествующихъ. До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учениковъ; его духовное потомство было одною изъ главныхъ духовныхъ силъ, содѣйствовавшихъ духовному претворенію разныхъ полужыческихъ племенъ, раскинутыхъ по пространству сѣверной и средней Россіи, въ одно цѣлое Великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрѣпленное духомъ Православія. Будучи самъ высшимъ носителемъ хрістіанскаго православнаго духа, онъ—примѣромъ, назиданіемъ, молитвами своими много содѣйствовалъ и содѣйствуетъ питанію этимъ духомъ всего православнаго Россійскаго народа,—духомъ, который составляетъ руководительное начало, крѣпость и славу народной русской жизни. Потому-то къ Преподобному Сергію, какъ къ неизсякающему роднику крѣпкаго русскаго духа, притекають на поклоненіе, для назиданія, для молитвы и до сего дне многія тысячи народа. Ни одинъ вблизи путешествующій инокъ не минетъ обители Преподобнаго Сергія. Рѣдкій изъ Іерарховъ Русской Церкви не припадалъ до праха земнаго предъ ракою Преподобнаго Сергія. Всѣ до единого изъ Вѣнценосцевъ Россіи приносили у раки Преподобнаго свои молитвы (особенно—по вступленіи на царство). Не только члены нашего Царствующаго Дома, но и премногіе члены иностранныхъ царственныхъ семействъ приходили туда же—то молиться, то изучать русскую жизнь у самыхъ ея основъ, у того родника, у одного изъ главныхъ родниковъ, изъ которыхъ она бьетъ ключемъ“².

Да, наши лѣтописцы имѣли полное основаніе именовать Преподобнаго Сергія Игуменомъ всея Руси, и святая Церковь достойно и праведно величаетъ его возбраннѣмъ воеводою Русской земли!

„Если бы возможно было, говорить извѣстный нашъ историкъ В. О. Ключевскій, воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятію

Преподобнаго Сергія, что въ эти пятьсотъ лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано передъ его гробомъ миллионы умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ тоже общее чувство, стоя у гробницы Преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ уже пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ въ продолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтитъ въ чистой каплѣ воды. Спросите любого изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалика: когда жилъ Преподобный Сергій и что сдѣлалъ для Руси XIV вѣка, чѣмъ онъ былъ для своего времени, и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ: что онъ есть для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно“³.

Такъ характеризуютъ великое духовное значеніе Преподобнаго Сергія съ одной стороны — одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ духовныхъ витій, съ другой — одинъ изъ глубокихъ знатоковъ нашей родной исторіи.

Въ другомъ своемъ словѣ, обращаясь къ житію Преподобнаго отца нашего Сергія, Архіепископъ Никаноръ справедливо говоритъ, что это житіе „переноситъ насъ въ новый для насъ, хотя и стародавній міръ, міръ другихъ людей—святыхъ людей,—другихъ воззрѣній—святыхъ воззрѣній,—другихъ обычаевъ—святыхъ обычаевъ, въ міръ отреченія отъ міра и себя, въ міръ святыхъ великихъ подвиговъ, въ міръ вольнаго неуклоннаго несенія креста Христова... Чувствуешь въ душѣ разнозвучіе гармоніи этого міра съ дисгармоніей нашего внутренняго и внѣшняго міра, и съ одной стороны мирно настраивается сердце умиленіемъ,—такъ вотъ взялъ бы крылья, яко голубинѣ, и полетѣлъ бы туда, въ пустыню, за 500 лѣтъ назадъ,—а съ другой — надрывается сердце; что по неволѣ приходится жить многоятежною жизнію своего вѣка“⁴... Справедливо говоритъ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ: „какъ убогіе, видя царскія сокровища, еще болѣе познаютъ нищету свою: такъ и душа, читая повѣствованія о великихъ добродѣтеляхъ святыхъ отцевъ, дѣлается болѣе смиренною въ мысляхъ своихъ“⁵.

Такъ благотворно дѣйствуютъ на душу описанія подвиговъ великихъ угодниковъ Божіихъ, каковъ былъ Преподобный отецъ нашъ Сергій. „Якоже ароматы“, говоритъ святитель Платонъ, митрополитъ Московскій, „чѣмъ болѣе растираются руками, тѣмъ больше издаютъ благоуханія: тако и житія святыхъ, чѣмъ болѣе углубляемъ мы въ нихъ свое размышленіе, тѣмъ болѣе открывается святость и слава праведниковъ, а наша польза“⁶. Но это сравненіе еще не достаточно сильно: ароматы

со временемъ все же утрачиваютъ силу своего благоуханія, а житія святыхъ — никогда. Это — неистощимые очаги благодатнаго огня, отъ которыхъ каждый можетъ возжигать въ самомъ себѣ такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы такихъ огней ни зажигали отъ нихъ, сами они никогда не умалются..

Отъ жизнеописателя обыкновенно требуютъ, чтобы онъ не только знакомилъ читателя со всѣми, ему извѣстными, событіями изъ жизни описуемаго лица, но и рисовалъ предъ нимъ живую личность, вводилъ во внутренній духовный міръ этого лица, давалъ читателю возможность, при чтеніи жизнеописанія, пожить вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, съ кѣмъ его знакомятъ, полюбоваться его достоинствами, подышать, такъ сказать, воздухомъ той эпохи, въ которую жило и дѣйствовало это лицо. Справедливость требуетъ сказать, что при жизнеописаніи святаго лица выполнить эти требованія можно только отчасти. Въ Бозѣ почившій Московскій святитель Филаретъ по сему случаю однажды выразился такъ: „ненадежно для насъ догадками проникнуть въ души святыхъ, которыя далеко выше нашего созерцанія. Надежнѣе слѣдовать простымъ сказаніямъ очевидцевъ и близкихъ къ нимъ“¹. И дѣйствительно: описывая жизнь обыкновеннаго смертнаго, писатель можетъ больше полагаться на свой духовный опытъ; описывая жизнь подвижника, онъ долженъ быть самъ подвижникъ...

Увы, сего-то столь существеннаго условія для написанія полнаго житія Преподобнаго отца нашего Сергія потрудившійся въ составленіи сей книги и не имѣетъ! Глубоко сознавая свою нищету духовную, онъ и не помыслилъ бы взять на себя такой непосильный трудъ, если бы не имѣлъ предъ собою труда перваго жизнеописателя Сергія, его ближайшаго ученика, преподобнаго Епифанія. Этотъ ученикъ потщился, елико было ему дано, въ себѣ самомъ воплотить добродѣтели своего великаго наставника, опытно проходилъ подъ его руководствомъ жизнь духовно-подвижническую, и — потому въ состояніи былъ лучше, чѣмъ кто-либо иной, списать жизнь своего святаго старца въ назиданіе наше... Но и онъ сознавалъ всю трудность такого дѣла, и онъ говорилъ: „якоже не мощно есть малѣй лодіи велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходитъ нашу немощь и умъ подлежащая бесѣда... Подобаше ми отнюдь со страхомъ удобъ молчати и на устѣхъ своихъ персть положить, свѣдущу свою немощь... Яко выше силы моя дѣло бысть, яко немощенъ есмь, и грубъ и неразумиченъ“... Одно, что заставило его взяться за трудъ, — это горячая любовь къ почившему старцу: „любовь и молитва Преподобнаго того старца привлечить и томить мой помыслъ, и принуждаетъ глаголати же и писати“... Онъ скорбитъ объ одномъ: какъ бы не пришло въ совершенное забвеніе житіе такого великаго старца, какъ бы чрезъ это забвеніе не потеряна была навсегда духовная польза читателей... „Аще убо азъ не пишу, а

инь никтоже не пишетъ, боюся и осужденія притчи онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ и облѣнившагося“.

Съ такими мыслями приступалъ къ своему труду первый благоговѣйный „списатель“ житія Сергіева. Нужно ли говорить, съ какими чувствами долженъ приступать къ сему дѣлу недостойный писатель нашего грѣшнаго времени? И онъ долженъ сознаться, что не безъ долгихъ колебаній рѣшился на свой трудъ, призывая на помощь молитвы Преподобнаго старца и его приснаго ученика Епифанія Премудраго... А когда, для полноты изображенія личности угодника Божія, приходилось говорить о внутреннихъ духовныхъ состояніяхъ, онъ бралъ черты изъ писаній Богомудрыхъ отцевъ—подвижниковъ, изобразившихъ эти состоянія, на основаніи собственнаго опыта, въ своихъ писаніяхъ...

Послѣдѣмъ же, благочестивый читатель, шагъ за шагомъ во слѣдъ блаженнаго Епифанія; будемъ благоговѣйно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повѣствованію; прислушаемся и къ тѣмъ урокамъ, какіе извлекаютъ изъ его разсказа наши святители: Платонъ и Филаретъ — митрополиты Московскіе, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и другіе проповѣдники и благочестивые писатели... И если эта книга дастъ вамъ возможность хотя немного отдохнуть душою за ея чтеніемъ, хотя на нѣскольکو минутъ забыть окружающую васъ сѣту земную, перенестись мыслью и сердцемъ въ отдаленную по времени, но тѣмъ болѣе близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучихъ лѣсовъ Радонежескихъ, подышать благоуханіемъ молитвъ Сергіевыхъ, насладиться созерцаніемъ его Боголюбезнаго смиренія: тогда мы почтемъ себя счастливыми и воздадимъ славу Господу. А если книга наша не удовлетворитъ любознательности вашей, если составитель ея чего не дописалъ, или переписалъ, или въ чемъ погрѣшилъ, то смиренно проситъ въ томъ прощенія, и съ глубокою благодарностію приметъ всякое доброе замѣчаніе и указаніе погрѣшностей на случай новаго изданія.

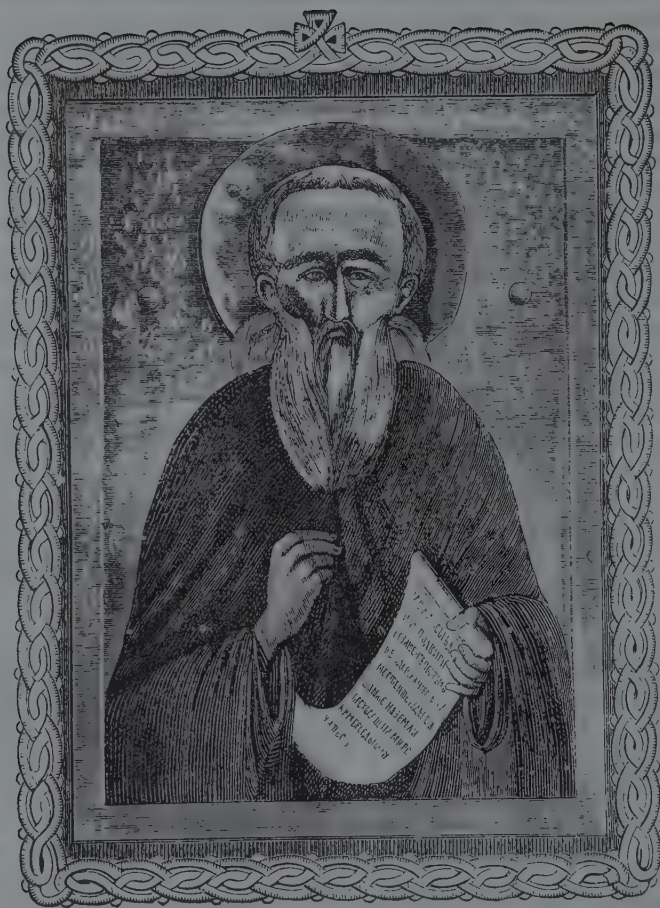
Архимандритъ Николѣ

Лавра Преподобнаго Сергія.

Марта 12 дня,

1885—1891—1898—1904.

Изображеніе иконы Преподобнаго Сергія, написанной, какъ говоритъ преданіе, въ годъ обрѣтенія его святыхъ мощей, однимъ изъ учениковъ его, и находящейся въ церкви Новгородскаго Архіерейскаго дома.—Кайма вокругъ иконы взята изъ заставки служебника, принадлежавшаго Преподобному Нікову и хранящагося въ лаврской ризницѣ.

ГЛАВА I.

СЫНЪ РАДОСТИ.

Родина Богоноснаго Сергія. — Его родители. — Ихъ семейство. — Чудное предзнаменованіе. — Размышленія блаженнаго Епифанія. — Молитвы святой матери. — Урокъ родителямъ. — Рожденіе благословеннаго дитяти. — Младенецъ-постникъ, (1319—1326).

Рѣдѣша въ чребѣ мѣтерни ѿскафенный,
 Рѣдѣша въ рождѣніи чкѣмъ сыномъ радости
 нареченный. Акаѣ. ѡ, Ук. а. ⁸
 Рѣдѣша, ѣко прежде рождѣніа проглашеніемъ
 прославленный Свѣю Троицѣ. Ук. Аппіи.
 Рѣдѣша, пречѣдное въ младенчествѣ поест-
 инеетко нѣмъ ѡскафѣн. Акаѣ. а, Ук. г.

ЕРСТАХЪ въ четырехъ отъ славнаго въ древности, но смиреннаго нынѣ Ростова Великаго, на ровной открытой мѣстности по пути въ Ярославль, уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятыя Троицы: это заштатный Варницкій монастырь ⁹. По древнему преданію, почти шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, тутъ была нѣкая весь, имя которой забылось въ исторіи, но которая всегда была и будетъ именита и дорога сердцу православныхъ Русскихъ людей, потому что весь эта была благословенною родиною великаго печальника и заступника Русской земли, Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, Игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца. Здѣсь было помѣстье его родителей, благородныхъ и знатныхъ

бояръ Ростовскихъ Кирилла и Маріи; ¹⁰ тутъ былъ ихъ домъ; тутъ и жили они, предпочитая уединеніе сельской природы суетѣ городской жизни при княжескомъ дворѣ. Впрочемъ Кириллъ состоялъ на службѣ сначала у Ростовскаго князя Константина II Борисовича, а потомъ у Константина III Васильевича; ¹¹ онъ не разъ сопровождалъ ихъ въ орду, какъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нимъ людей; владѣлъ достаточнымъ по своему положенію состояніемъ; но по простотѣ тогдашнихъ нравовъ, живя въ деревнѣ, онъ не пренебрегалъ и обычными сельскими трудами; мы увидимъ потомъ, что Кириллъ посылалъ, напримѣръ, своего малолѣтняго сына за конями такъ же, какъ и теперь посылаютъ своихъ малютокъ простые поселяне.

Кириллъ и Марія были люди добрые и богоугодные. Говоря о о нихъ, блаженный Епифаній замѣчаетъ, что Господь, благоволившій возсіять въ землѣ Русской великому свѣтильнику, не попустилъ родиться ему отъ неправедныхъ родителей, ибо такому дѣтищу, которое, по

устроенію Божію должно было въ послѣдствіи послужить духовной пользѣ и спасенію многихъ, подобало имѣть и родителей святыхъ, дабы доброе произошло отъ добраго и лучшее приложилось къ лучшему,—дабы взаимно умножилась похвала и рожденнаго и самихъ родившихъ во славу Божію. И праведность ихъ была извѣстна не одному Богу, но и людямъ. Строгіе блюстители всѣхъ уставовъ церковныхъ, они помогали и бѣднымъ; но особенно свято хранили они заповѣдь Апостола: *страннолюбія не забываютъ: тѣмъ бо не вѣдающе нѣциі стран-*

нопрѣша Ангелы (Евр. 13, 2). Тому же учили они и дѣтей своихъ, строго внушая имъ не опускать случая позвать къ себѣ въ домъ путешествующаго инока или иного усталого странника. До насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній о благочестивой жизни сей блаженной четы; за то мы можемъ, вмѣстѣ съ святителемъ Платономъ, сказать, что „самый произшедшій отъ нихъ плодъ показалъ, лучше всякихъ краснорѣчивыхъ похвалъ, доброту благословеннаго древа. Счастливы родители, коихъ имена прославляются вѣчно въ ихъ дѣтяхъ и потомствѣ! Счастливы и дѣти, которые не только не посрамили, но и приумножили, и возвеличили честь и благородство своихъ родителей и славныхъ предковъ, ибо истинное благородство состоитъ въ добродѣтели!“

Кириллъ и Марія имѣли уже сына Стефана, когда Богъ даровалъ имъ другаго сына—будущаго основателя Троицкой Лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рожденія сего святаго младенца, дивный Промыслъ Божій уже далъ о немъ знаменіе, что это будетъ великій избранникъ Божій и святая отрасль благословеннаго корня. Въ одинъ воскресный день ¹² его благочестивая мать пришла въ церковь къ Божественной литургіи и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, въ притворѣ церковномъ, вмѣстѣ съ прочими женами. Началась литургія; пропѣли уже трисвятую пѣснь, и вотъ, не за долго предъ чтеніемъ святаго Евангелія, вдругъ, среди общей тишины и благоговѣйнаго молчанія, младенецъ вскрикнулъ у нея во чревѣ, такъ что многіе обратили вниманіе на этотъ крикъ. — Когда начали пѣть Херувимскую пѣснь, младенецъ вскрикнулъ въ другой разъ, и притомъ уже столь громко, что голосъ его былъ слышенъ по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшія близъ нея женщины стали между собою переговариваться, что бы могъ означать этотъ необыкновенный крикъ младенца?—Между тѣмъ литургія продолжалась. Священникъ возгласилъ: *вонмемъ! святая святымъ!* При этомъ возглашеніи

младенець вскрикнулъ въ третій разъ, и смущенная мать едва не упала отъ страха: она начала плакать... Тутъ ее окружили женщины и, можетъ быть, желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: „гдѣ же у тебя младенець? Отъ чего онъ кричитъ такъ громко?“ Но Марія, въ душевномъ волненіи, обливаясь слезами, едва могла вымолвить имъ: „нѣтъ у меня младенца; спросите еще у кого-нибудь“. Женщины стали озираться кругомъ, и не видя нигдѣ младенца, снова пристали къ Маріи съ тѣмъ же вопросомъ. Тогда она принуждена была сказать имъ откровенно, что на рукахъ у нея, дѣйствительно, нѣтъ младенца, но она носитъ его во чревѣ...

— Какъ же можетъ кричать младенець, когда онъ еще въ утробѣ матери?—возражали ей удивленныя женщины.

— „Я и сама удивляюсь этому“, отвѣчала имъ Марія: и нахожусь въ немаломъ недоумѣніи и страхѣ“...

Тогда женщины оставили ее въ покоѣ, не переставая, впрочемъ, удивляться этому необыкновенному случаю.

„Въ наше время“, говоритъ святитель московскій Филаретъ, „свидѣтели подобнаго происшествія, вѣроятно, имѣли бы немало заботы объ изысканіи причины, произведшей сіе необыкновенное явленіе. Болѣе проникательные, можетъ быть, осмѣлились бы догадываться, что молитвенный восторгъ благочестивой матери, въ три важные періода священнодѣйствія, сообщилъ необыкновенное возбужденіе жизни плоду, который носила она во чревѣ. Но въ то время любили не столько любопытныя умствованія, сколько благоговѣйное наблюденіе путей Провидѣнія, и народъ выходилъ изъ церкви, повторяя написанное въ Евангеліи объ Іоаннѣ Предтечѣ: *что убо отроча сіе будетъ?* (Лук. 1, 66). Да будетъ надъ нимъ воля Господня!“

Благоговѣйный писатель житія Сергіева, преподобный Елифаній, сопровождаетъ свое повѣствованіе о семъ необыкновенномъ происшествіи такимъ размышленіемъ: „достойно удивленія“, говоритъ онъ, „что младенець, будучи во чревѣ матери, не вскрикнулъ гдѣ-либо внѣ

церкви, въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ никого не было, — но именно при народѣ, какъ бы для того, чтобы многіе его услышали и сдѣлались достовѣрными свидѣтелями сего обстоятельства. Замѣчательно еще и то, что прокричалъ онъ не какъ-нибудь тихо, но на всю церковь, какъ бы давая понять, что по всей землѣ распространится слава о немъ,—и не тогда возгласилъ онъ, когда мать его была гдѣ-нибудь на пиршествѣ, или почивала, но когда была она въ церкви, и именно во время молитвы, какъ бы указывая на то, что онъ будетъ крѣпкимъ молитвенникомъ предъ Богомъ; — не прокричалъ онъ въ какомъ либо иномъ мѣстѣ, но именно въ церкви. въ мѣстѣ чистомъ. въ мѣстѣ святомъ, гдѣ пребываютъ святыни Господни и совершаются священнодѣйствія. знаменую тѣмъ, что и самъ онъ будетъ совершенною святынею Господа въ страхѣ Божіемъ. Достоинъ замѣчанія также и то обстоятельство, что не возгласилъ онъ однажды или дважды, но именно трижды, являя тѣмъ, что онъ будетъ истиннымъ ученикомъ Святыя Троицы, такъ какъ троичное число предпочитается всякому другому числу, потому что вездѣ и всегда сіе число является источникомъ и началомъ всего добраго и спасительнаго". — Послѣ сего, приведя изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи примѣры и указанія, свидѣтельствующія о важномъ знаменованіи троичнаго числа, и вспомянувъ страшную тайну Трѣипостаснаго Божества, блаженный Епифаній продолжаетъ: „подобало и сему младенцу трижды провозгласить еще во чревѣ матери, прежде рожденія на свѣтъ, въ предзнаменованіе того, что онъ будетъ нѣкогда служителемъ Святыя Троицы и многихъ приведетъ къ познанію Бога, научая словесныхъ овецъ своихъ вѣровать во Святую Троицу, единосущную во единомъ Божествѣ. И дѣйствительно,—разсуждаетъ далѣе Епифаній: не служило ли все это явнымъ указаніемъ на все дивное и досточудное въ послѣдующей его жизни? Не сбылось ли все это самымъ дѣломъ въ его чудесныхъ дѣяніяхъ? И кто видѣлъ и слышалъ о первыхъ пред-

знаменованіяхъ, тотъ долженъ былъ потомъ вѣрить и тому, что послѣдовало за ними, ибо не просто, не безъ особенной цѣли были даны эти предзнаменованія: они были предвѣстниками и началомъ всего, что совершилось въ послѣдствіи. Вспомнимъ древнихъ святыхъ, просіявшихъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ: какъ зачатіе, такъ и рожденіе многихъ изъ нихъ предваряемо было особеннымъ откровеніемъ отъ Бога; такъ пророка Іеремію Богъ отъ чрева матери предъизбралъ и освятилъ; то же свидѣтельствуеть о себѣ другой Пророкъ — Исаія, а святой и великій Пророкъ и Предтеча Христовъ Іоаннъ, еще будучи во утробѣ матери, позналъ Господа, носимаго въ ложеснахъ Пречистой Приснодѣвы Маріи: *и възграся младенецъ радости во чревѣ* (Лук. 1, 44) матери своей Елисаветы, и ея же устами пророчески возопилъ; *откуда мнѣ, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ?* (ст. 43). О святомъ Пророкѣ Іліи есть сказаніе, что родители его видѣли, какъ свѣтлые и благообразные мужи повивали сего младенца огненными пеленами и питали его пламенемъ огненнымъ "... Далѣе Елифаній приводитъ подобные же рассказы о святыхъ: Николаѣ Чудотворцѣ, Ефремѣ Сиринѣ, Алипії и Сумеонѣ столпникахъ, Ѳеодорѣ Сукееотѣ, Евѡиміи Великомъ, Ѳеодорѣ Едесскомъ и Петрѣ, Митрополитѣ Московскомъ,—рассказы, которые мы опускаемъ, дабы, по выраженію самого блаженнаго Елифанія, „долгою слова послушателемъ слухи лѣнны не сотворити“, и приводимъ здѣсь только заключительныя его мысли: „досточудно, — говоритъ онъ, — было это возглашеніе младенца во чревѣ матери; досточудно было его воспитаніе отъ младенческихъ пеленъ; досточудна была и вся жизнь этого поистинѣ досточуднаго мужа! Господь еще до рожденія отмѣтилъ его Своєю благодатію и необычнымъ случаемъ предъуказалъ Свое особенное Божественное о немъ промышленіе“.

Всегда преданные волѣ Божіей и внимательные къ путямъ Провидѣнія, Кирилль и Марія поняли указанія Промысла Божія, и сообразно съ этими указаніями

должны были вести дѣло воспитанія дитяти. Послѣ описаннаго происшествія особенно мать сдѣлалась необыкновенно внимательна къ своему состоянію. Всегда имѣя въ мысляхъ, что она носитъ во чревѣ младенца, который будетъ избраннымъ сосудомъ Святаго Духа, Марія, во все остальное время беременности, готовилась встрѣтить въ немъ будущаго подвижника благочестія и воздержанія; а потому и сама, подобно матери древняго судии Израильскаго Сампсона (Суд. 13, 4), тщательно соблюдала душу и тѣло въ чистотѣ и строгомъ воздержаніи во всемъ. „Заботливо храня носимый ею во чревѣ Божій даръ, она желала“, какъ говоритъ святитель Платонъ, „черезъ свое воздержаніе дать тѣлесному составу дитяти чистое и здоровое питаніе, хорошо понимая добрымъ сердцемъ своимъ ту истину, что добродѣтель, сіяющая въ здоровомъ и прекрасномъ тѣлѣ, становится чрезъ то еще прекраснѣе“. Всегда благоговѣйная и усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца въ молитвѣ; поэтому она часто удалялась отъ людскаго взора и въ тишинѣ уединенія со слезами изливала предъ Богомъ свою горячую материнскую молитву о будущей судьбѣ своего младенца. „Господи!“ говорила она тогда: „спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди и сего младенца, носимаго во утробѣ моей, Ты бо еси — *храняй младенцы Господь* (Псал. 114, 5); да будетъ воля Твоя, Господи, на насъ, и буди имя Твое благословенно во вѣки!“ Такъ, въ строгомъ постѣ и частой сердечной молитвѣ пребывала богобоязненная мать святаго дитяти; такъ и самое дитя, благословенный плодъ ея чрева, еще до появленія своего на свѣтъ, нѣкоторымъ образомъ уже предъочищался и освящался постомъ и молитвою.

„О родители“, замѣчаетъ при повѣствованіи о семъ святитель Филаретъ: „еслибы вы знали, сколько добра, или, напротивъ, сколько зла можете вы сообщить вашимъ дѣтямъ, еще до ихъ рожденія! Вы удивились бы точно-

сти суда Божія, который благословляетъ дѣтей въ родителяхъ и родителей въ дѣтяхъ и *отдаётъ грѣхи отцевъ на чада* (Числ. 14, 18); и, помышляя о семъ, съ благоговѣніемъ проходили бы служеніе, ввѣренное вамъ отъ Того, *изъ Негоже всяко отечество на небесахъ и на земли именуется* (Ефес. 3, 15)“.

Кириллъ и Марія видѣли на себѣ великую милость Божию; ихъ благочестіе требовало, чтобы одушевлявшія ихъ чувства благодарности къ благодѣющему Богу были выражены въ какомъ-либо внѣшнемъ подвигѣ благочестія, въ какомъ-либо благоговѣйномъ обѣтѣ; а что могло быть пріятнѣе Господу въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ они находились, какъ не крѣпкое сердечное желаніе и твердая рѣшимость оказаться вполне достойными милости Божіей? И вотъ, праведная Марія, подобно святой Аннѣ, матери Пророка Самуила, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ дала такое обѣщаніе: если Богъ дастъ имъ сына, то посвятить его на служеніе Богу. Это значило, что они, съ своей стороны, обѣщали сдѣлать все, что могли, чтобы на ихъ будущемъ дитяти исполнилась воля Божія, совершилось тайное о немъ предопредѣленіе Божіе, на которое они уже имѣли нѣкоторое указаніе. Немного, конечно, такихъ родителей, да едвали и найдутся въ наше грѣшное время такіе счастливыя, которые могли бы такъ рѣшительно, и притомъ—непогрѣшительно опредѣлить судьбу своихъ дѣтей еще до ихъ рожденія: опасно и не разумно давать обѣты, исполненіе коихъ не зависитъ отъ воли обѣщающихъ; праведные родители Сергіевы могли сдѣлать это потому, что имѣли уже таинственное указаніе на будущую судьбу ихъ дитяти; но кто изъ хрістіанскихъ родителей не желалъ бы видѣть въ дѣтяхъ своихъ будущихъ гражданъ царства небеснаго? А если всѣ желаютъ, то пусть же всѣ и полагаютъ въ сердцѣ своемъ твердый и неизмѣнимый обѣтъ—дѣлать, съ своей стороны, все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы ихъ дѣти были истинными чадами Божіими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей

матери—святой Церкви Православной, чтобы ни дѣти, ни родители не испытали потомъ горькой участи сыновъ царствія, которые будутъ изгнаны, по слову Господню, во тьму кромѣшнюю. — Для чего человѣкъ созданъ отъ Бога? спросили одного простаго старца. — Чтобы быть наслѣдникомъ царствія Божія, отвѣчалъ онъ...

3 мая 1319 года въ домѣ боярина Кирилла была общая радость и веселіе: Маріи Богъ далъ сына ¹³. Праведные родители пригласили своихъ родныхъ и добрыхъ знакомыхъ раздѣлить съ ними радость по случаю рожденія новаго члена семьи, и всѣ благодарили Бога за сію новую милость, явленную Имъ на домѣ благочестиваго боярина. Въ сороковой день по рожденіи родители принесли младенца въ церковь, чтобы совершить надъ нимъ святое крещеніе ¹⁴, и въ то же время исполнить свое обѣ-

щаніе представить дитя въ непорочную жертву Богу, Который далъ его. Благоговѣйный іерей, по имени Михаилъ, нарекъ младенцу во святомъ крещеніи имя *Варѣоломей*, конечно потому, что въ этотъ день (11 іюня) праздновалась память святаго Апостола Варѣоломея, ибо сего требовалъ тогдашній церковный обычай; но это имя и по самому значенію своему—*сынъ радости* было особенно утѣшительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла ихъ сердца, когда они видѣли предъ собою начало исполненія тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, которыя почивали на семъ младенцѣ со дня его чудеснаго проглашенія во чревѣ матери? ¹⁵ Кириллъ и Марія рассказали этотъ случай священнику, и онъ, какъ свѣдующій въ Священномъ Писаніи,—указалъ имъ много примѣровъ изъ ветхаго и новаго заветовъ, когда избранники Божіи еще отъ чрева матери были пред-

назначаемы на служеніе Богу; привелъ имъ слова Пророка Давида о совершенномъ предвѣдѣніи Божиѣмъ: *несодѣянная моя видѣсть очи Твои* (Пс. 138, 16), и Апостола Павла: *Богъ воззваый мя отъ чрева матери моея явити Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его въ языцѣхъ* (Гал. 1, 16), и другія подобныя мѣста Священнаго Писанія, и утѣшилъ ихъ благодатною надеждою относительно ихъ новорожденнаго: „не смущайтесь“, говорилъ онъ имъ, „а паче радуйтесь, что сынъ вашъ будетъ избраннымъ сосудомъ Духа Божія и служителемъ Святыя Троицы“. И благословивъ дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустилъ ихъ съ миромъ.

Между тѣмъ мать, а потомъ и другіе стали примѣчать въ младенцѣ опять нѣчто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясною пищею, то младенецъ не бралъ сосцевъ ея; то же повторялось, и уже безъ всякой причины, по средамъ и пятницамъ: такъ что въ эти дни младенецъ вовсе оставался безъ пищи. И это повторялось не разъ, не два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, совѣтовалась съ другими женщинами, которыя тщательно осматривали дитя, но на немъ не было примѣтно никакихъ признаковъ болѣзни, ни внутренней, ни наружной; напротивъ: малютка не только не плакалъ, но и весело смотрѣлъ на нихъ, улыбался и игралъ ручками... Наконецъ обратили вниманіе на время, когда младенецъ не принималъ сосцевъ матернихъ, и тогда всѣ убѣдились, что въ этомъ дѣтскомъ постѣ „ознаменовались“, какъ выражается святитель Филаретъ, „предшествовавшія расположенія матери и проявлялись сѣмена будущихъ его расположеній“. Возвращенный постомъ во чревѣ матери, младенецъ и по рожденіи какъ будто требовалъ отъ матери поста. И мать, дѣйствительно, стала еще строже

соблюдать постъ: она совсѣмъ оставила мясную пищу, и младенецъ, кромѣ среды и пятницы, всегда послѣ того питался молокомъ матери.

Однажды Марія отдала младенца на руки другой женщинѣ, чтобы та покормила его своею грудью; но дитя не захотѣло взять сосцевъ чужой матери; то же самое было съ другими кормилицами... „Добрая отрасль добраго корня“, говоритъ блаженный Епифаній, „питалась только чистымъ млекою родившей его. Такъ сей младенецъ отъ чрева матери познавалъ Бога, въ самыхъ пеленахъ поучался истинѣ, въ самой колыбели привыкъ къ посту и, вмѣстѣ съ молокомъ матери, навикалъ воздержанію... Будучи по естеству еще младенцемъ, онъ выше естества уже предназначалъ пощеніе; съ младенчества онъ былъ питомецъ чистоты, питаемый не столько млекою, сколько благочестіемъ, и предъизбранный Богомъ еще до рожденія“...

„Многія матери“, замѣчаетъ по сему случаю святитель Платонъ, „не почитаютъ важнымъ дѣломъ кормить дитя своею грудью, но на самомъ дѣлѣ это очень важно. Для чего же Творецъ естества наполняетъ молокомъ сосцы матерніе, если не для того, чтобы приготовить въ нихъ для младенца питательную пищу? А съ этою пищею, то-есть съ молокомъ, вливаются въ младенца его будущія склонности и нравы“.—„Чужое молоко“, разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ святитель Димитрій Ростовскій, „не такъ полезно для младенца, какъ молоко его родной матери. Если кормилица больна, то будетъ больное и дитя; если она гнѣвлива, неводержжна, сварлива, таково же будетъ и дитя, которое она кормитъ. Дитя, воспитанное чужимъ, не матернимъ млекою, не будетъ имѣть къ матери такой любви и привязанности, каковую имѣютъ дѣти, вскормленные ея собственнымъ млекою. Да пристыдятъ такихъ матерей безсловесныя животныя: ни одно изъ нихъ не довѣряетъ другому питать собственныхъ дѣтей“... ¹⁶
„Лучше бы подумать доброй матери“, говоритъ святитель Филаретъ Московскій, „отнимать ли мать вдругъ у двухъ

младенцевъ: у младенца кормилицы и у своего собственнаго, и заставлятъ ли своего младенца пить изъ груди кормилицы можетъ быть тоску по оставленномъ ею собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери“...¹⁷ „Бываютъ матери“, говоритъ святой Златоустъ, „которыя своихъ дѣтей отдаютъ кормилицамъ. Христосъ не попустилъ сего. Онъ питаетъ насъ собственнымъ тѣломъ и напояетъ собственной кровію“...¹⁸

Окончилось время кормленія грудью Варѣоломея; дитя покинуло колыбель; возрастая тѣломъ, оно укрѣплялось и духомъ, исполняясь разума и страха Божія; благодать Божія почивала на святомъ младенцѣ и добрые люди утѣшались имъ.

ГЛАВА II.

БЛАГОДАТНЫЙ ОТРОКЪ.

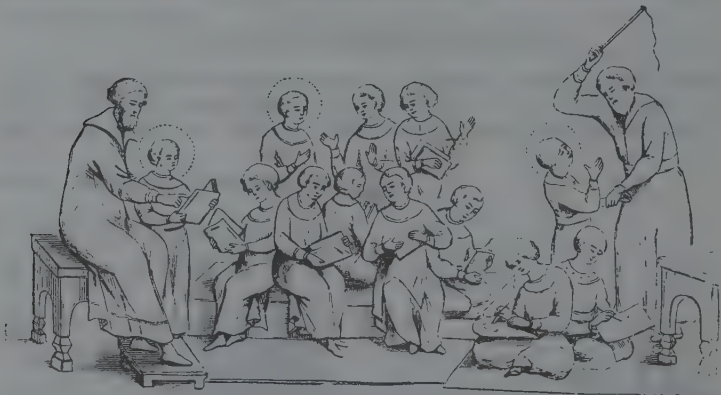
Слабые успѣхи въ грамотѣ.—Дѣтское горе.—Молитвы дитяти.—Дивный старецъ.—Чудная перемѣна.—Наученіе свыше.—Дѣтскіе подвиги.—Благоразумныя отвѣты строка.—Поведеніе и устроеніе его души.—Его молитвенныя изліянія предъ Богомъ (1326—1332).

Радѣйша, Отроцѣ добродѣшное и благона.
дѣшное,
Радѣйша, дѣтище, всѣмъ благодѣти вѣтъ ие.
поаненное! Іакѣд. ѡ, Іи. Ѣ.
Радѣйша, навѣнѣвый хранити страха бжій,
примѣдрости начало,
Радѣйша, вѣмъ соучащымъ тебѣ бывши
добродѣтели зерцало! Іакѣд. ѡ, Іи. Ѣ.

ОГДА Варѣоломею исполнилось семь лѣтъ, родители отдали его учиться грамотѣ. Наши благочестивые предки всегда смотрѣли на обученіе грамотѣ, какъ на дѣло священное: грамота давала ключъ къ чтенію и уразумѣнію Божественныхъ Писаній. И школы грамотности, которыхъ было очень немного въ то время, учреждались попеченіями Епископовъ и вообще духовенства. Ростовскимъ Епископомъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ Прохоръ, мужъ учительный и благочестивый.¹⁹ Подъ его руководствомъ и учителями въ школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Вмѣстѣ съ Варѣоломеемъ учились и два брата его: старшій Стефанъ, и младшій Петръ. Братья обучались успѣшно, хотя Петру въ то время не было и шести лѣтъ, а Варѣоломей далеко отставалъ отъ нихъ. Учитель наказывалъ его, товарищи упрекали и даже смѣялись надъ нимъ, родители уговаривали; да и самъ онъ напрягалъ всѣ усилія своего дѣтскаго ума, проводилъ ночи надъ книгою, и часто, укрывшись отъ взоровъ людскихъ, гдѣ-нибудь въ уединеніи, горько плакалъ о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: „дай же Ты мнѣ, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня. Господи, просвѣти и вразуми!“ Но грамота все же ему

не давалась. „Тяжелое чувство испытываетъ человѣкъ“, говоритъ святитель Платонъ, „когда всей душой желаетъ учиться, чувствуетъ въ себѣ пламенное влеченіе къ просвѣщенію, но на пути къ достиженію цѣли его желаній встрѣчаются какія-либо непреодолимые препятствія“. Сильно огорчалось своею безуспѣшностію и доброе дитя. Не мало печалились о томъ и родители его, и учитель: всѣмъ было прискорбно, что мальчикъ лишается великаго дара Божія—въ ученіи книжномъ. Но видно нужно было, чтобы отрокъ, о которомъ были столь добрыя предзнаменованія, раннимъ опытомъ научился, что никакого успѣха, никакого знанія, никакой способности не должно приписывать себѣ, но единственно Богу, *Отцу свѣтовъ*,

отъ Котораго свыше сходить всякое даяніе благо и всякій даръ совершенный (Іак. 1, 17), и смиряться подъ крѣпкую руку (1 Петр. 5. 6) Того, Кто одинъ просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9).—Чего, однакоже, не преодолеють прилежаніе и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая отъ чистаго сердца невиннаго дитяти?—И вотъ, Господь, *близъ сущій всѣмъ призывающимъ Его во истину* (Пс. 144, 18), внялъ, наконецъ, и усердной молитвѣ благоразумнаго отрока Вареоломея и даровалъ ему просимое.

Разъ отецъ послалъ его въ поле искать жеребятъ, каковое порученіе пришлось особенно по душѣ мальчику, любившему уединяться отъ людей. Здѣсь-то и случилось съ нимъ нѣчто подобное тому, что было съ Сауломъ, который, будучи также посланъ отцемъ своимъ для отысканія заблудившихся ослятъ, встрѣтилъ Пророка Самуила, возвѣстившаго ему, что онъ будетъ царемъ надъ Израилемъ.—На полѣ, подъ дубомъ, увидѣлъ Вареоломей незнакомаго старца-черноризца, саномъ пресвитера; благоговѣйный и ангелоподобный старецъ приносилъ здѣсь свои молитвы Богу вездѣсущему и изливалъ предъ Всевѣдущимъ слезы сердечнаго умиленія. Поклонившись ему, скромный отрокъ почтительно отошелъ въ сторону, не желая прерывать его бесѣды съ Богомъ, и сталъ вблизи, ожидая окончанія молитвы. Старецъ окончилъ молитву; онъ съ любовію взглянулъ на доброе дитя, и, прозрѣвая въ немъ духовными очами избранный сосудъ Святаго Духа, ласково подозвалъ его къ себѣ, благословилъ его, отечески поцѣловалъ и спросилъ: „что тебѣ надобно, чадо?“

Хотя мальчикъ былъ посланъ искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецѣло занята невеселыми мыслями о своей неспособности къ ученію; онъ забылъ на этотъ разъ о коняхъ и съ дѣтской простотой повѣдалъ старцу свое сердечное горе.

— „Меня отдали учиться грамотѣ“, сказалъ сквозь слезы Вареоломей: „и больше всего желала бы душа моя

научиться читать слово Божіе; но вотъ сколько ни стараюсь, никакъ не могу выучиться, не понимаю, что мнѣ толкуютъ, и очень печалюсь о томъ; помолись за меня Богу, отче святой,—попроси у Господа, чтобы Онъ открылъ мнѣ ученіе книжное: я вѣрю, что Богъ приметъ твои молитвы“.

Умилился старецъ отъ такихъ рѣчей малаго отрока; онъ видѣлъ его усердіе, и любясь красотой дѣтской души, отражавшейся на его кроткомъ лицѣ, воздѣлъ руки, возвелъ очи на небо, вздохнулъ къ Богу изъ глубины сердечной и сталъ молиться, испрашивая дитяти просвѣщенія свыше... О, какъ пламенна была эта молитва таинственнаго старца подъ открытымъ небомъ, подъ тѣнію дуба, и съ какимъ трепетомъ надежды соединялъ съ нею свою чистую дѣтскую молитву блаженный Варѣоломей! Въ этомъ трогательномъ единеніи двухъ душъ — убѣленнаго сѣдинами старца и малаго отрока — ихъ общая молитва, какъ чистый ѳиміамъ, восходила на небо и достигла престола Всевышняго...

Старецъ заключилъ свою вдохновенную молитву священнымъ словомъ: *аминь*, и бережно вынулъ изъ пазухи небольшой ковчежецъ. Открывъ его, онъ взялъ оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры, и, благословляя ея Варѣоломея, промолвилъ: „возьми сіе, чадо, и снѣдь; сіе дается тебѣ въ знаменіе благодати Божіей и разумѣнія Святаго Писанія. Не смотри на то, что частица св. хлѣба такъ мала: велика сладость вкушенія отъ нея“.

Нужно ли говорить, съ какимъ восторгомъ принялъ святой отрокъ этотъ благодатный даръ? Слезы радости блесѣли въ его дѣтскомъ взорѣ; съ благоговѣніемъ вкусилъ онъ отъ св. хлѣба и—какою же сладкою показалась ему эта таинственная пища!

Старець бережно взявъ тремя перстами частицу св. просфоры, и благословляя ея Вареоломея, промолвилъ: „сіе дається тебѣ въ знаменіе благодати Божіей и разумѣнія Священнаго Писавія...“

Стр. 16.

— „Не объ этомъ ли сказано въ псалмахъ,—сказаль онъ старцу: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ, и душа моя возлюби я зѣло!*“ (Пс. 118, 103).

Замѣтимъ, что юный Варѣоломей, по святой любознательности и усердію, много псалмовъ заучилъ наизусть со словъ своихъ благочестивыхъ родителей, и, конечно, повторялъ ихъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ по полямъ и лугамъ своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенныя слова Псалмопѣвца.

— „Если вѣруешь, чадо“, отвѣчалъ ему старецъ, „больше сихъ узришь. А о грамотѣ не скорби: вѣдай, что отнынѣ Господь подастъ тебѣ разумѣніе книжное паче братій твоихъ и товарищей, такъ что и другихъ будешь пользоваться“.

Радуюсь отъ всей души, что Богъ привелъ ему встрѣтиться съ такимъ святымъ старцемъ, Варѣоломей сладостно внималъ его душеполезнымъ наставленіямъ; какъ сѣмена на добрую землю, такъ и благодатныя слова старца ложились на его доброе сердце.

Довольно научивъ его о спасеніи души, старецъ хотѣлъ уже итти въ путь свой; но благоразумный отрокъ не хотѣлъ разстаться съ святымъ наставникомъ; онъ палъ къ ногамъ его и со слезами умолялъ войти въ домъ его родителей. „Родители мои“, говорилъ Варѣоломей, „очень любятъ такихъ, какъ ты, отче! Не лиши же и ихъ своего святого благословенія!“

Сколько дѣтской простоты слышится въ этихъ рѣчахъ добраго мальчика! Въ нихъ сказалась вся любящая душа святого дитяти, и какъ счастливы родители, которыхъ Богъ благословилъ такими дѣтьми! Поистинѣ такія дѣти—Божіе благословеніе, они не только въ себѣ самихъ носятъ это благословеніе небесное, но и собираютъ его, такъ сказать, отовсюду, чтобы привлечь на домъ родительскій.

Съ улыбкой любви послѣдовалъ старецъ за своимъ юнымъ страннопріимцемъ, и съ честію его встрѣтили ро-

дители Варѳоломеевы. Для благочестивыхъ людей такой старецъ — инокъ — всегда желанный гость, а Кирилль и Марія особенно любили принимать и покоить у себя въ домѣ иноковъ. Принявъ благословеніе отъ старца, они предложили ему радушное угощеніе. Но гость медлилъ садиться за столъ: „прежде слѣдуетъ вкусить пищи духовной“, замѣтилъ онъ и направился въ моленную, которая въ старое доброе время имѣлась въ каждомъ домѣ благочестивыхъ князей и бояръ. Туда пригласилъ онъ съ собою Варѳоломея, и, благословивъ начало третьяго часа, велѣлъ ему читать псалмы...

Напрасно изумленный отрокъ отговаривался неумѣн-

емъ: старецъ самъ далъ ему въ руки книгу и настоятельно сказалъ, чтобы тотъ читалъ слово Божіе безъ сомнѣнія. И что же? Отрокъ взялъ благословеніе отъ старца и, благоговѣнно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, началъ стихословить Псалтирь стройно и внятно!.. И самъ онъ, и родители, и

братья не могли. надивиться, какъ хорошо читаетъ онъ... Въдь до сего времени онъ такъ тупо учился и мало понималъ!.. Такъ въ послѣдствіи объ этомъ рассказывалъ самъ Преподобный. ²⁰ Надъ нимъ сбылось, замѣчаетъ блаженный Епифаній, слово Пророка: *тѣко глаголетъ Господь: се дахъ словеса Моя во уста твоя* (Іерем. 1, 9).

Послѣ того святой гость вкусилъ предложенной ему трапезы, и, благословивъ радушныхъ хозяевъ, хотѣлъ удалиться; но благочестивымъ боярамъ жаль было такъ скоро отпустить его: имъ хотѣлось еще побесѣдовать съ опытнымъ въ духовной жизни старцемъ, въ которомъ они уже примѣтили даръ прозорливости. Между прочимъ, они рассказали ему, какъ сынъ ихъ, будучи еще

во чревѣ матери, троекратно прокричалъ въ церкви, и желали знать, что думаетъ старецъ объ этомъ случаѣ, который самую необычайностью своей заставлялъ ихъ невольно задумываться надъ нимъ.

— „О добрые супруги!“ сказалъ имъ на это старецъ: „вотъ, Господь удостоилъ васъ такой великой милости,—далъ вамъ такого сына: зачѣмъ же вы страшитесь тамъ, гдѣ нѣтъ никакого страха? Вамъ должно радоваться, что Богъ благословилъ васъ такимъ дѣтищемъ: Онъ предъизбралъ вашего сына еще прежде его рожденія. А что я говорю вамъ истину—вотъ вамъ знаменіе: съ этой поры отрокъ будетъ хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будетъ читать Божественное Писаніе. Знайте, что великъ будетъ сынъ вашъ предъ Богомъ и людьми за его добродѣтельную жизнь!“

Старецъ всталъ, чтобы итти; уже на порогѣ дома онъ еще разъ обратился къ родителямъ Вареоломеевымъ и вымолвилъ въ пророческомъ духѣ такія загадочныя слова: „отрокъ будетъ нѣкогда обителю Пресвятой Троицы; онъ многихъ приведетъ за собою къ уразумѣнію Божественныхъ заповѣдей“.

Старецъ всталъ, чтобы итти; уже на порогѣ дома онъ еще разъ обратился къ родителямъ Вареоломеевымъ и вымолвилъ въ пророческомъ духѣ такія загадочныя слова: „отрокъ будетъ нѣкогда обителю Пресвятой Троицы; онъ многихъ приведетъ за собою къ уразумѣнію Божественныхъ заповѣдей“.

Гостепріимные хозяева проводили странника до воротъ своего дома; но тутъ онъ вдругъ сталъ невидимъ, такъ что Кириллъ и Марія невольно подумали: не Ангелъ ли Божій былъ посланъ къ нимъ, чтобы даровать премудрость ихъ сыну? ²¹—И глубоко сохранили они въ благоговѣющихъ сердцахъ своихъ его таинственные глаголы.

Между тѣмъ, какъ говорилъ старецъ, такъ и сбылось: съ отрокомъ произошла чудная перемѣна. Какую бы книгу не раскрылъ онъ,—тотчасъ же начиналъ читать ее безъ всякаго затрудненія, понимая и смыслъ того,

что читалъ. Такъ даръ Божій, столь неожиданно ему ниспосланный, воздѣйствовалъ въ юномъ Вареоломеѣ и просвѣтилъ умъ его. Нѣтъ нужды говорить, что послѣ этого случая онъ скоро опередилъ въ ученіи какъ братьевъ своихъ, такъ и прочихъ товарищей.

Не рѣдко можно и въ наше время встрѣтить примѣры горячаго дѣтскаго благочестія, продолжительныхъ горячихъ со слезами молитвъ, любви къ Богослуженію, усерднаго стремленія подражать подвигамъ святыхъ отцевъ; это бываетъ въ тѣхъ благочестивыхъ семействахъ, въ которыхъ дѣти воспитываются въ страхѣ Божиѣмъ, на чтеніи житій святыхъ, подъ сѣнію храма Божія. А въ древней Руси все воспитаніе дѣтей велось въ строго-церковномъ духѣ. И это чувство, эти чистыя, святыя стремленія дитяти не скорбь и мракъ вносятъ въ его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствіе. Дитя черпаетъ въ нихъ духовную силу и крѣпость; въ его душѣ слагаются свѣтлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелію Христову,—образы, которые сродняются съ его юнымъ сердцемъ и становятся для него на всю жизнь завѣтною святыней, къ которой съ теплымъ чувствомъ обращается потомъ человѣкъ даже въ глубокой старости. И чѣмъ сильнѣе эти святыя стремленія въ дѣтствѣ, тѣмъ больше они освѣщаютъ въ послѣдствіи мракъ жизни въ сей юдоли земной, — они примиряютъ утомленнаго невзгодами жизни пришельца земли съ его нерадостной долей и поддерживаютъ, ободряютъ, утѣшаютъ въ его многотрудномъ странствованіи къ отечеству небесному.

Такъ было и съ отрокомъ Вареоломеемъ. Рано въ его душѣ, воспитанной примѣрами и уроками благочестія, раскрылось чувство любви къ молитвѣ и готовность къ подвигамъ для угожденія Богу. Простое доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божіей; посему-то и сказалъ Господь о дѣтяхъ: *таковыхъ есть царство небесное* (Матѳ. 19, 14). Рано низошла благодать Божія и въ невинное сердце отрока Вареоломея и воцарилась

тамъ. Всею душею Варѳоломей полюбилъ Богослуженіе церковное и не опускалъ ни одной службы церковной. Наши предки не знали и не любили читать какія-либо книги свѣтскаго содержанія; житія святыхъ, святоотеческія писанія, разныя Палеи, сборники, лѣтописныя сказанія о минувшихъ судьбахъ родной земли — вотъ книги, которыя были любимымъ чтеніемъ того времени. Конечно, въ домѣ благочестиваго боярина Кирилла не было недостатка въ такихъ книгахъ, отрокъ Варѳоломей ихъ читалъ и перечитывалъ, и кто знаетъ?—можетъ быть нѣкоторыя рукописи XII—XIV вѣка, оставшіяся въ библіотекѣ Лавры отъ времени самого ея основателя, были принесены имъ въ пустыню, какъ единственное дорогое наслѣдство послѣ его родителей. Почерпая изъ книгъ уроки мудрости духовной, онъ тотчасъ же старался прилагать ихъ къ жизни своей — „не такъ“, замѣчаетъ святитель Филаретъ, — „какъ многіе долготѣннѣе ученые, которыхъ ученіе цвѣтетъ въ словахъ, но въ дѣлахъ не созрѣваетъ“. Онъ скоро понялъ, что еще въ отроческомъ возрастѣ страсти уже начинаютъ проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоитъ не малаго труда; а кто хотя разъ поддастся въ юности ихъ влеченію и попуститъ имъ связать себя порочными склонностями, тому и по-давно тяжело преодолѣть ихъ. И вотъ благоразумный отрокъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы оградить себя отъ ихъ воздѣйствія, и пресѣкаетъ всѣ пути, которыми онъ обыкли находить доступъ къ сердцу человѣка. — Такъ, прежде всего онъ совершенно уклоняется отъ дѣтскихъ игръ, шутокъ, смѣха и пустословія, помня, что *тлѣтъ обычаи благаи бѣсѣды злы* (1 Кор. 15, 33), и что со строптивымъ легко можно и самому развратиться (Пс. 17, 27). Потомъ, сознавая, что воздерживать себя во всемъ есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный отъ страстей духъ и непомяченная ими мысль всегда бывають способнѣе къ воспріятію благодати Божіей,—святой отрокъ налагаетъ на себя строгій постъ: по средамъ и пятницамъ онъ не позволяетъ себѣ вкушать ничего, а

въ прочіе дни питается только хлѣбомъ и водою. О какихъ-нибудь другихъ питіяхъ, не говоря уже о винѣ, онъ не позволяетъ себѣ и помыслить во всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умѣрить строгость его поста: „не изнуряй себя излишнимъ воздержаніемъ, сынъ мой“, говорила она,—„чтобы тебѣ не заболѣть отъ истощенія силъ: тогда и намъ немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тѣло еще растетъ; посмотри: никто въ твоемъ возрастѣ не принимаетъ на себя такого поста: ни братья твои, ни товарищи такъ не постятся, какъ ты; другіе дѣти семь разъ на дню поѣдаютъ, а ты, дитя мое, ѣшь только разъ въ день, а то и черезъ день; перестань такъ дѣлать, это тебѣ не по силамъ: всякое добро хорошо въ мѣру и въ свое время. Вкушай пищу по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ нами“.

Но благоразумный отрокъ кротко отвѣчалъ на эти увѣщанія любящей матери: „не стѣсняй меня въ этомъ, родная моя, чтобы не пришлось дѣлать такъ противъ воли твоей. Не отклоняй меня отъ воздержанія, которое такъ сладостно душѣ моей; зачѣмъ совѣтуешь моему сыну бесполезное? Вѣдь вы же сказали мнѣ, что я еще въ колыбели постился по средамъ и пятницамъ; какъ же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ грѣховъ моихъ?“

— „Тебѣ нѣтъ еще и двѣнадцати лѣтъ отъ роду“, возражала ему мать: „а ты уже говоришь о грѣхахъ своихъ! Мы видѣли надъ тобою явныя знаменія благодати Божіей; ты избралъ благую часть, которая не отнимется у тебя,—что у тебя за грѣхи?“

— „Перестань, матушка“, съ сдержаннымъ огорченіемъ отвѣчалъ ей сынъ: „что ты это говоришь? Тебя увлекаетъ естественная любовь твоя къ дѣтямъ; но послушай, что говоритъ Святое Писаніе: *никтоже чистъ предъ Богомъ, аще и единъ день житія его будетъ на земли* (Іова 14, 5); никто не безгрѣшенъ, токмо единъ Богъ, а Божественный Давидъ о нашей худости говоритъ, *въ беззакон-*

нихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя (Пс. 50, 7), сего ради да не похвалится всякъ человѣкъ! *Брашно и питіе, конечно, не поставитъ насъ предъ Богомъ!*" (Кор. 8, 8).

Мать удивлялась разумнымъ рѣчамъ своего сына, и, не желая препятствовать его доброму произволенію о Богѣ, обыкновенно говорила ему: „если ты такъ рассуждаешь, то дѣлай, какъ хочешь; Господь съ тобою, я не хочу стѣснять тебя въ добромъ, дитя мое!“...

И святой отрокъ никогда не позволялъ себѣ даже отвѣдать какихъ-нибудь сладкихъ блюдъ или напитковъ, слѣдуя мудрому наставленію Великаго Василія: „аще хочеши внити въ рай, воздержи чрево, бѣжи пїянства“. ²¹ Такъ укрощая юную плоть свою воздержаніемъ и трудами для сохраненія чистоты душевной и тѣлесной, онъ ни въ чемъ не выходилъ изъ воли своихъ родителей: какъ кроткій и послушный сынъ, онъ былъ истиннымъ утѣшеніемъ для нихъ.

„И виденъ былъ въ немъ прежде иноческаго образа совершенный инокъ“, говоритъ блаженный Епифаній; „поступъ его была полна скромности и цѣломудрія; никто не видалъ его смѣющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасномъ лицѣ, то и она была сдержана; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазахъ нерѣдко замѣтны были слезы — свидѣтели его сердечнаго умиленія; его устъ никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихій и молчаливый, кроткій и смиренный, онъ со всѣми былъ ласковъ и обходителенъ, ни на кого не раздражался, отъ всѣхъ съ любовію принималъ случайныя непріятности. Ходилъ онъ въ плохой одеждѣ, а если встрѣчалъ бѣдняка, то охотно отдавалъ ему свою одежду.

Благоговѣйное устроеніе юной души Вареоломея естественно располагало его искать уединенія, гдѣ бы могъ онъ, наединѣ съ Богомъ, изливать въ слезной молитвѣ предъ Нимъ всѣ святыя чувства невиннаго сердца, и въ самопреданіи волѣ Божіей искать подкрѣпленія духу

на предстоящемъ жизненномъ пути. Онъ такъ и дѣлалъ. Особенно любилъ онъ молиться по ночамъ, иногда совсѣмъ проводя ночи безъ сна, и все это стараясь тщательно укрыть отъ домашнихъ. И какою же дѣтскою

довѣрчивостію и пламенною любовью къ Богу, какою, такъ сказать, мудрою простотою дышала его чистая молитва! „Господи!“ — такъ зывалъ онъ въ умиленіи сердечномъ: „если вѣрно то, о чемъ повѣдали мнѣ родители мои; если прежде моего рожденія на свѣтъ Ты ужъ благоволилъ явить на мнѣ

убогомъ дивныя знаменія благодати Твоей; то—да будетъ воля Твоя, Господи! Буди, Господи. милость Твоя на мнѣ! И дай же мнѣ, Господи, измлада возлюбить Тебя всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душою моею, и поработати единому Тебѣ, яко къ Тебѣ привержень есмь отъ утробы матери моея, отъ ложа, отъ сосца матери моей Богъ мой еси Ты! И какъ посѣтила меня благодать Твоя, когда я былъ еще во чревѣ матери моей, такъ не оставь меня и нынѣ, Господи! Отецъ мой и мати моя—придетъ время—оставятъ меня, а Ты восприми меня, содѣлай меня Своимъ, причти меня къ избранному Твоему стаду! Тебѣ предоставленъ я бѣдный отъ самыхъ пеленъ,—избави же меня, Господи, отъ всякой нечистоты, отъ всякой скверны душевной и тѣлесной; сподоби меня творити святыню во страхъ Твоемъ, Господи! Къ Тебѣ единому пусть стремится сердце мое; да не усладятъ меня всѣ сладости міра сего; да не прельстятъ меня всѣ красоты житейскія; къ Тебѣ единому пусть прилѣпится душа моя, и да восприметъ меня десница Твоя... Не попусти мнѣ когда-нибудь возрадоваться радостію міра сего, но исполни меня, Господи, радостію духовною и неизреченною сладостію Божественною; Духъ Твой благій да наставитъ мя на землю праву!“

И невольно каждый, видѣвшій такое доброе устроenie

Вареоломея, любовался имъ, невольно говорилъ про себя съ удивленіемъ: что-то выйдетъ изъ этого отрока, котораго Богъ сподобилъ такой благодати съ ранняго дѣтства?

А отрокъ, между тѣмъ, становился юношей и, возростая лѣтами, возрасталъ и въ благочестіи. И само собою зараждалось въ немъ желаніе иноческаго подвига, и съ каждымъ днемъ все больше и больше росло и созрѣвало это желаніе, пока, наконецъ, не обратилось въ пламенную жажду души, которой томился нѣкогда вѣнценосный подвижникъ и пророкъ, и взывалъ: *желеаетъ и скончается душа моя къ Богу крѣпкому, Богу живому: когда же, наконецъ, прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3).

Но не въ Ростовской землѣ, не въ Ростовскомъ княжествѣ, которое тогда потеряло уже свое значеніе, суждено было исполниться этимъ завѣтнымъ мечтамъ. Тамъ, по выраженію пѣсни церковной, ²³ первая искры Божественнаго желанія только начали возжигать сей великій свѣтильникъ, но не тамъ надлежало ему возгорѣться. Ему назначено было Промысломъ Божиимъ просіять въ мрачной пустынѣ, среди дремучихъ лѣсовъ Радонежскихъ, чтобъ оттуда свѣтитъ свѣтомъ своей жизни святой и своего благодатнаго ученія только что возникавшей тогда изъ безвѣстности Москвѣ, которая готовилась быть первопрестольною столицей всей Русской земли, а съ Москвою — свѣтитъ и всему Православному Царству Русскому.

Посмотримъ теперь, какъ перенесенъ былъ благодатный свѣтильникъ сей изъ предѣловъ Ростова Великаго въ предѣлы незнатнаго Радонежа, — перенесенъ невидимою рукою Промысла Божія, руководившаго обыкновенными путями дѣлъ человѣческихъ.

Поистинѣ трудныя были тогда времена!.. Тяжкимъ бременемъ лежало иго татарское на плечахъ Русскаго народа. О томъ, чтобы сбросить съ себя это ненавистное иго, никто не смѣлъ и подумать. Князья то и дѣло ходили въ Орду, — то на поклонъ грознымъ тогда ханамъ монгольскимъ, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито въ Золотой Ордѣ по зависти и братоубійственной ненависти честолюбивыхъ соперниковъ! Нашъ исторіографъ Карамзинъ справедливо замѣчаетъ, что „древняя Русская пословица: близъ Царя — близъ смерти — родилась тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Монголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостью царской, или по крайней мѣрѣ съ головою!“²⁴ Нерѣдко тамъ они и душу свою полагали за вѣру Православную, и за святую Русь. А потому, отправляясь въ Орду, они обыкновенно писали духовныя завѣщанія, прощаясь навсегда со своею семьей. Народъ страдалъ отъ своеволія грубыхъ и гордыхъ татарскихъ численниковъ и баскаковъ (чиновниковъ), которые разѣзжали по всѣмъ городамъ. Не было отъ нихъ никому пощады, что хотѣли, то и дѣлали: города и селенія жгли и грабили, храмы Божіи разоряли или оскверняли, а людей убивали или уводили въ плѣнъ. Даже купцы, даже просто бродяги монгольскіе обходились съ нашими предками какъ съ презрѣнными рабами. При такихъ неурядицахъ, при недостаткѣ единой сильной власти, былъ полный просторъ страстямъ негодныхъ людей, которыхъ и всегда бываетъ не мало, а въ такія тяжкія времена число ихъ обыкновенно увеличивается.—Иго татарское не прошло безслѣдно и въ народной нравственности: „забывъ гордость народную“, говоритъ Карамзинъ, „мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, еще больше обманывали другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ

тирановъ. Отъ временъ Василя Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; воровство сдѣлалось общею язвою собственности“... ²⁵

Да, тяжело было Русской землѣ въ тѣ скорбныя времена; трудно, невозможно было одолѣть сильнаго врага и именно потому, что князья Русскіе все больше ссорились между собой,—единства не было, по клочкамъ была раздѣлена вся обширная Русская земля. И еслибы не сознали наконецъ необходимости этого единства—кто знаетъ? — можетъ быть и совсѣмъ погибла бы Русь Православная, подпавъ владычеству болѣе опасныхъ враговъ, каковы были въ то время: Литва, Польша, Венгрія и Швеція...

Но Богъ не попустилъ случиться такой бѣдѣ. Раньше всѣхъ поняли опасность наши первосвятители: они всегда твердили князьямъ, что единодушіе между ними необходимо для спасенія Россіи отъ окончательной гибели; когда было можно, святители всегда являлись миротворцами въ усобицахъ княжескихъ, дѣйствуя и словомъ убѣжденія, и силою духовной власти. А прозорливый святитель Петръ положилъ прочную основу объединенію Русской земли, переселившись навсегда изъ Владиміра, на Клязьмѣ, въ незнатный тогда городокъ Москву, къ умному и благочестивому Князю Іоанну Даниловичу Калитѣ. Этотъ Князь сталъ настойчиво приводить въ исполненіе намѣченную еще его отцемъ мысль объединенія Русской земли, и присоединялъ одно за другимъ сосѣднія княжества къ Московскому. Святитель Петръ, не долго предъ кончиною своею, ободрилъ Князя предсказаніемъ о будущемъ величіи Москвы. „Если ты, сынъ мой“, говорилъ онъ въ духѣ пророчества, „успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ твой

возвеличится; кости мои останутся въ семь градѣ; святители захотятъ обитать въ ономъ; и руки его въздуть на плеча враговъ нашихъ“. Іоаннъ исполнилъ завѣтъ старца-митрополита, и Богъ благословилъ успѣхомъ его начинанія на пользу отечества. Москва, мало - по - малу, стала возвышаться надъ другими городами, а самъ Іоаннъ заслужилъ славное имя собирателя Русской земли. Черезъ сто лѣтъ съ Москвою никто уже не дерзалъ спорить о первенствѣ: она объединила подъ собою всю тогдашнюю Русь, и это объединеніе не только спасло Россію отъ конечнаго разоренья, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удѣльнымъ князьямъ разставаться съ своею свободою. Московскій Князь дѣйствовалъ властно, иногда ни чѣмъ не стѣсняясь, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда присоединеніе сосѣднихъ удѣловъ совершалось мирнымъ путемъ, посредствомъ напимѣръ, родственныхъ союзовъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, и тогда Іоаннъ Даниловичъ не задумывался распоряжаться удѣльными, какъ ему хотѣлось. Такъ онъ выдалъ своихъ дочерей — одну за Василя Даниловича Ярославскаго, а другую — за Константина Васильевича Ростовскаго, и, дѣйствуя какъ глава Россіи, предписывалъ своимъ зятямъ законы въ ихъ собственныхъ областяхъ. ²⁶ „Горько тогда стало городу Ростову“, — со скорбію повѣствуетъ лѣтописецъ: „и особенно князьямъ его! У нихъ отнята была всякая власть и имѣніе, вся же честь ихъ и слава потягнули къ Москвѣ“. ²⁷ Посланъ былъ на Ростовъ въ санѣ воеводы московскій вельможа Василій, прозваніемъ Кочева, и съ нимъ другой, по имени Мина; по прибытіи въ Ростовъ, они стали дѣйствовать полновластно, притѣсня жителей, такъ что многіе ростовцы принуждены были отдавать москвичамъ свои имущества поневолѣ, за что получали только оскорбленія и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпѣли они: дерзость московскихъ воеводъ дошла до того,

что они повѣсили внизъ головою ростовскаго градоначальника, престарѣлаго боярина Аверкія, поставленнаго еще княземъ Васи́лемъ Константиновичемъ, и въ такомъ видѣ оставили его на поруганіе... Такъ поступали они не только въ Ростовѣ, но и по всѣмъ волостямъ и селамъ его. Народъ ропталъ, волновался и жаловался на эти своево́лія; всѣ говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствуетъ...

Не избѣжали, конечно, этихъ народныхъ скорбей и праведные родители Варѣоломеевы. Славный и именитый нѣкогда бояринъ Кириллъ, еще ранѣе описанныхъ нами событій въ Ростовѣ, подъ старость сталъ терпѣть нужду. Частыя путешествія въ Орду съ своимъ княземъ, тяжкія дани и непосильные подарки ордынскимъ вельможамъ, безъ чего никогда не обходились эти путешествія, — жесто́кій голодъ, нерѣдко опустошавшій Ростовскую область, а больше всего, говорить преподобный Епифаній, великая рать или нашествіе Туралыково въ 1327 году ²⁸—все это вмѣстѣ отозвалось крайне неблагопріятно на его состояніи и почти довело его до нищеты. Очень вѣроятно также, что своево́ліе московскихъ намѣстниковъ, которые распоряжались въ Ростовѣ какъ независимые государи, не пощадило и Кирилла, какъ ближняго боярина князей Ростовскихъ: можетъ быть и онъ лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достоянія. ²⁹ Тяжело было Кириллу послѣ всего, что испыталъ онъ въ Ростовѣ, оставаться тамъ, а можетъ быть и прямо приказано было отъ намѣстниковъ московскихъ удалиться изъ Ростова, и потому онъ рѣшилъ, лишь только откроется возможность, покинуть родной городъ и перейти на службу къ другому князю.

Случай скоро представился. Въ 12 верстахъ отъ Троицкой Лавры, по направленію къ Москвѣ, есть село Городище или Городокъ, которое въ древности носило имя Радонежа. Въ 1328 году, отправляясь въ Орду, Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ написалъ ду-

ховное завѣщаніе, въ коемъ, между прочимъ, назначилъ „село Радонежское“ въ удѣлъ Великой Княгинѣ Еленѣ „съ малыми дѣтьми“ нераздѣльно.³⁰ Вскорѣ послѣ того село это перешло въ полную собственность младшаго сына Іоаннова Андрея.³¹ Великій Князь, по малолѣтству Андрея, поставилъ въ Радонежѣ намѣстникомъ Терентія³² Ртища,³³ который, желая привлечь большее число поселенцевъ въ этотъ, почти незаселенный тогда край, объявилъ именемъ князя разныя льготы переселенцамъ. Лишь только это стало извѣстно въ Ростовѣ, многіе изъ его жителей, въ надеждѣ найти себѣ облегченіе; потянулись въ Радонежъ. Въ числѣ такихъ переселенцевъ Епифаній называетъ Протасія тысяцкаго, Георгія, сына Протопопова съ родомъ его, Іоанна и Θεодора³⁴ Тормасовыхъ, ихъ родственниковъ Дюденыя и Онисима, бывшаго ростовскаго вельможу,³⁵ а въ послѣдствіи діакона и ученика Сергіева. Въ числѣ ихъ переселился и блаженный Кирилль со всѣмъ своимъ семействомъ и водворился въ Радонежѣ близъ церкви Рождества Хрістова.

По обычаю того времени, Кирилль долженъ былъ получить помѣстье, но самъ онъ, по старости, уже не могъ нести службы, и потому обязанность эту принялъ на себя старшій сынъ его Стефанъ, который, вѣроятно, еще въ Ростовѣ, женился. Младшій изъ сыновей Кирилла Петръ также избралъ супружескую жизнь; но Варѣоломей и въ Радонежѣ продолжалъ свои подвиги. Размышляя о суетѣ всего земнаго, блаженный юноша нерѣдко повторялъ самъ себѣ слово пророческое: *„какая польза въ крови моей, внигда сходити ми во истлѣніе?“* (Псал. 29, 10). Правда, міръ и все, что въ мірѣ, создано Богомъ для блага людей; но все это человѣческими страстями, насиліями, неправдами, до того извращено, что жизнь человѣческая не представляетъ почти ничего, кромѣ труда и болѣзней, и для желающаго въ кротости духа устроить свое спасеніе со всѣхъ сторонъ встрѣчаются препятствія и соблазны.—Разсуждая такимъ образомъ, Варѣоломей сталъ просить у своихъ родителей благословенія избрать

путь иноческой жизни. Не разъ онъ говорилъ отцу: „отпусти меня, батюшка, съ благословеніемъ, и я пойду въ монастырь“.

— „Помедли, чадо“, отвѣчалъ ему на это отецъ, „самъ видишь: мы стали стары и немощны; послужить намъ некому: у братьевъ твоихъ не мало заботы о своихъ семьяхъ. Мы радуемся, что ты печешься, како угоди Господу Богу; это дѣло хорошее, но вѣрь, сынъ

мой: твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи намъ немного, пока Богъ явитъ милость Свою надъ нами и возьметъ насъ отсюда; вотъ, проводи насъ въ могилу, тогда уже никто не возбранитъ тебѣ исполнить свое завѣтное желаніе“.

И благодатный сынъ повиновался; онъ прилагалъ все свое стараніе угодить святымъ родителямъ и упокоить ихъ старость, чтобы заслужить себѣ ихъ благословеніе и молитвы. Не связанный семейными заботами, онъ всего себя посвятилъ упокоенію родителей, а по своему кроткому, любящему характеру былъ какъ нельзя болѣе способенъ къ этому.

Какой прекрасный, поучительный примѣръ и благо-разумія родительскаго, и послушанія сыновняго!—Кирилль и Марія не усиливаются погасить возгорающееся въ сынѣ своемъ Божественное желаніе, не принуждаютъ его связать себя съ суетою міра узами брачными, какъ дѣлають многіе родители вѣка сего: они только указываютъ ему на свои нужды и немощи, а втайнѣ, вѣроятно, болѣе имѣють въ виду его молодость и даютъ ему случай еще испытать самого себя и укрѣпиться въ святомъ намѣреніи, дабы онъ, возложивъ руку на рало, уже не озирался вспять. Но и Варѣоломей не слѣдуетъ примѣру своевольныхъ дѣтей вѣка сего, изъ коихъ многіе, даже въ обыкновенныхъ мірскихъ дѣлахъ, не хотятъ покорить воли своей—волѣ родителей и ни во что ставятъ ихъ нужды и желанія; нѣтъ, благоразумный юноша знаетъ достоинство того, чего желаетъ; однакоже, взирая на заповѣдь Божию: *чти отца и мать* (Мѡ. 15, 4), соглашается до времени томить себя неисполненнымъ желаніемъ, дабы сохранить повиновеніе родителямъ и чрезъ то наслѣдовать ихъ благословеніе: такъ дорожилъ онъ этимъ благословеніемъ! И родители, конечно, отъ всего любящаго сердца благословляли послушнаго сына святыми своими благословеніями до послѣдняго своего вздыханія!

Но духъ иночества нечувствительно сообщился отъ сына родителямъ: при концѣ своей многоскорбной жизни Кирилль и Марія пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельскій образъ. Верстахъ въ трехъ отъ Радонежа былъ Покровскій Хотьковъ монастырь, который состоялъ изъ двухъ отдѣленій: одного—для старцевъ, другаго—для старицъ;⁸⁶ въ этотъ монастырь и направили свои стопы праведные родители Варѣоломеевы, чтобы здѣсь провести остатокъ дней своихъ въ подвигъ покаянія и приготовленія къ другой жизни. Почти въ тоже время произошла важная перемѣна и въ жизни старшаго брата Варѣоломеева — Стефана: не долго жилъ онъ въ супружествѣ; жена его Анна умерла, оставивъ ему двухъ сыновей — Климента и Іоанна.

Похоронивъ супругу въ Хотьковомъ монастырѣ, Стефанъ не пожелалъ уже возвратиться въ міръ; поручивъ дѣтей своихъ, вѣроятно, Петру, онъ тутъ же, въ Хотьковѣ, и остался, чтобы, принять монашество, вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и своимъ немощнымъ родителямъ.³⁷ Впрочемъ, претруженные старостию и скорбями схимники бояре не долго потрудились въ своемъ новомъ званіи: не позже 1339 года они съ миромъ уже отошли ко Господу на вѣчный покой.

Дѣти почтили ихъ слезами сыновней любви и похоронили подъ сѣнію той же Покровской обители, которая съ сего времени сдѣлалась послѣднимъ пріютомъ и усыпальницею рода Сергіева.³⁸

Послѣ удаленія старшаго брата въ монастырь, Вареоломей остался полнымъ хозяиномъ въ домѣ родителей. Кончину ихъ онъ принялъ какъ поданный Провидѣніемъ Божиимъ знакъ къ исполненію своего завѣтнаго намѣренія. Отдавая имъ послѣдній долгъ сыновней любви, онъ неотлучно провелъ въ Хотьковѣ монастырѣ сорокъ дней, пока совершалось установленное Церковію поминовеніе новопреставленныхъ; свою молитву о упокоеніи душъ ихъ онъ соединялъ съ дѣлами милосердія: каждый день кормилъ нищихъ и раздавалъ бѣднымъ остатки небогатаго имущества почившихъ. Въ духовной радости возвратился онъ наконецъ въ Радонежъ: теперь никто и ничто не могло удержать его въ мірѣ, среди столь несносной для души его суеты... Съ наслажденіемъ повторялъ онъ изреченія Священнаго Писанія, которыя такъ подхо-

дили теперь къ его устроению душевному: *изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь*, и ничему, сущему въ мірѣ, не

прикасайтесь (2 Кор. 6, 17); отступите отъ земли и взыдите на небо. *Прильпе душа моя по Тебѣ, Господи, мене же пріять десница Твоя!* (Пс. 62, 9).

Вотъ какими чертами изображаетъ состояніе души Вареоломеевой въ это время святитель Платонъ: „читаль Вареоломей во Святомъ Евангеліи: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѣ. 11, 28),— читаль онъ и размышлялъ: что можетъ быть желательнѣе сего? Я, я—изъ числа сихъ труждающихся, я—изъ числа обремененныхъ... Чувствую въ себѣ силу страстей; совѣсть моя трепещетъ суда Божія... Сосудъ избранный, Апостоль Павелъ, говоритъ о себѣ, что онъ—первый изъ грѣшниковъ. А мнѣ что иное о себѣ сказать? И внѣшнія обстоятельства своею прискорбною гонять меня въ пустыню... Отовсюду я утружденъ и обремененъ; но вотъ, Господь глаголетъ въ Евангеліи: *пріиди ко Мнѣ, и Азъ упокою тя*. Можно ли пренебрегать тѣмъ, чего всѣми силами искать надобно? Самъ Господь ищетъ меня и срѣтаетъ съ Своимъ вождѣннымъ покоемъ. И какъ же я былъ бы не разуменъ, если бы вздумалъ отказаться отъ сего неоцѣненнаго сокровища! Нѣтъ, пойду, побѣгу за гласомъ симъ: Онъ солгать не можетъ. Сердце мое Онъ зажегъ, не могу успокоиться, пока обѣщаннаго Имъ покоя не найду! *Се удалюся бѣгая и водворюся въ пустыни, буду*

чаять Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури!" (Псал. 54, 8—9). ³⁹

Обращалъ Вареоломей въ благоговѣйномъ сердцѣ своемъ и другое слово Господа: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быть Мой ученикъ* (Лук. 14, 26. 33). Желая послѣдовать сему слову спасительному, онъ передалъ своему меньшему брату Петру все, что осталось послѣ родителей. Такъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ, и святой юноша, на 21 году своей жизни, бодро вступилъ на новый путь, полный скорбей и лишеній, и, подклонивъ свою главу подъ благое иго креста Христова, устремился къ вожделѣннымъ для него подвигамъ духовнымъ, какъ жаждущій елень стремится къ живительнымъ источникамъ воднымъ...

„Онъ оставилъ міръ,“ говоритъ святитель Филаретъ Московскій, „когда міръ еще не зналъ его; и въ послѣдствіи не восхотѣлъ стать даже въ такое состояніе, которое хотя и въ мірѣ, но не отъ міра и не для міра (разумѣемъ санъ святительскій); самое послушаніе, столь свято хранимое Сергіемъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, не могло привести его къ тому, чтобы разстаться съ сладкою пустынею, ⁴⁰ или хотя бы только принять отъ руки святителя священное украшеніе, какъ благословеніе архипастырское, потому, что сіе украшеніе (крестъ) было сдѣлано изъ золота“... ⁴¹

ГЛАВА IV.

БРАТЯ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Горящее сердце. — Стефанъ и Вареоломей водворяются въ пустынь. — Первая келлія и первая церквушка. — Восторгъ юнаго подвижника. — Пустынныя скорби. — Стефанъ оставляетъ брата. (1339—1342).

Радѣйша, ꙗко Хрѣтово благое понесѣши ѿз-
млада,
Радѣйша, не ѡбративъиша вспять въ шестѣи
до горнаго града! Акаѣ, ѿ, Ѹк. ѿ.
Радѣйша, ели міра сего крѣпиди. Аѿиъ тѣбѣ
исчезающа презрѣвши. Акаѣ, ѿ, Ѹк. ѿ.
Радѣйша, зеркало совершеннаго терпѣніа.
Ѹк, ѿ.

АЗСТАЛСЯ Вареоломей съ Радонежемъ и пошелъ въ Хотьковъ, который теперь былъ для него роднѣе Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояніе, въ какомъ находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенемъ Божественной любви? Опытные въ духовной жизни подвижники говорятъ, что въ началѣ подвига душа обыкновенно горитъ неизъяснимою жаждою подвига; все кажется возможнымъ, всякій трудъ — легкимъ, всякое лишеніе — ничтожнымъ. Благодать Божія, какъ нѣжная, любящая мать, даетъ новонаначальному подвижнику вкусить тѣхъ благъ неизреченныхъ, которыя ожидаютъ его по совершеніи подвига,—даетъ безъ всякой съ его стороны

заслуги, для того, чтобы онъ зналъ, что получить по очищеніи своего сердца отъ страстей, и потому не ослабѣвалъ въ борьбѣ съ врагами спасенія. И блаженъ, кто не былъ рабомъ своихъ страстей, кто сохранилъ непорочность дѣтства въ юности, и отъ юности взялъ крестъ свой, чтобъ итти за Господомъ! Тогда какъ другіе подвижники всю жизнь свою проводятъ въ тяжелой борьбѣ съ своими страстями, и благодать Божія дѣйствуетъ въ нихъ сокровенно, лишь изрѣдка утѣшая ихъ сладостнымъ ощущеніемъ своего присутствія, и снова скрываясь, дабы они не впали въ высокое о себѣ мнѣніе,—сей избранникъ благодати, за свою дѣтскую простоту, за чистоту своего сердца, незнакомаго съ грязью порока, скоро сподобляется благодатнаго покоя безстрастія. Къ таковымъ, по преимуществу, можно отнести слово Лѣстничника: „изшедшій отъ міра по любви къ Богу въ самомъ началѣ пріобрѣтаетъ огонь, который, бывъ вверженъ въ вещество (страстей), вскорѣ возжжетъ сильный пожаръ“ и истребитъ страсти.⁴² Къ числу такихъ избранниковъ благодати принадлежалъ и Варѣоломей. Давно горѣлъ въ душѣ его этотъ благодатный огонь, а теперь онъ проникъ все его духовное существо. Его мысль уже витала въ дебряхъ пустынныхъ...

Въ Хотьковѣ, какъ уже знаютъ читатели, смиренно подвизался, вблизи трехъ дорогихъ могилъ, старшій братъ Варѣоломея Стефанъ. Къ нему-то и спѣшилъ блаженный юноша. Скромный, съ дѣтства привыкшій подчинять свою волю волѣ старшихъ, онъ и теперь боялся положиться на себя, и надѣялся имѣть въ братѣ - инокѣ вѣрнаго спутника и опытнаго руководителя на новомъ многотрудномъ жизненномъ пути. Остаться въ Хотьковѣ у него не было намѣренія,—его душа жаждала безмолвія пустыни: чѣмъ больше представляла труда одинокая жизнь пустытника, чѣмъ больше было въ ней лишениій, тѣмъ для него казалось лучше.

И вотъ, Варѣоломей въ Хотьковской обители. Онъ спрашиваетъ брата итти съ нимъ искать мѣста для

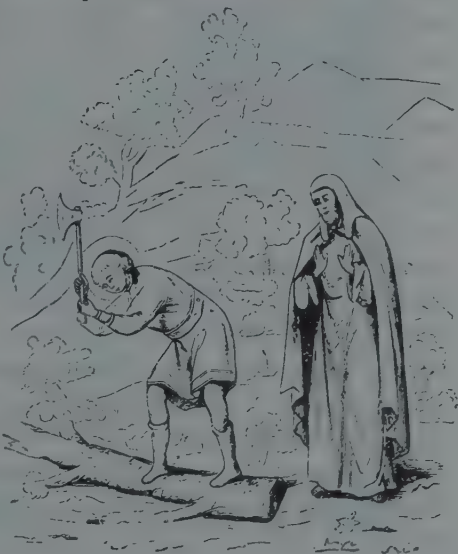
пустынножительства. Стефанъ не вдругъ рѣшается на такой подвигъ. Недавній мірянинъ, поступившій въ монастырь не столько по влеченію чистой любви къ Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейнымъ горемъ, искало врачеванія въ тишинѣ святой обители, онъ не думалъ принимать на себя подвига выше мѣры своей, и желалъ проходить обычный путь жизни монашеской въ стѣнахъ монастырскихъ. Но Варѣоломей просить, умоляетъ, и добросердечный Стефанъ уступаетъ наконецъ неотступнымъ просьбамъ любимаго младшаго брата и — „принуженъ бывъ словесы блаженнаго“ — соглашается. Братя оставляютъ гостепріимную обитель и идутъ въ самую глушь сосѣднихъ лѣсовъ...

Въ тѣ времена каждый, желавшій уединенной жизни, могъ одинъ или съ товарищемъ свободно итти въ лѣсъ, на любомъ мѣстѣ строить себѣ хижину или копать пещеру и селиться тутъ. Земли было много свободной, не принадлежавшей частнымъ владѣльцамъ. Когда собиралось около пустынниковъ нѣсколько человѣкъ, то строили церковь, испрашивали у князя право на владѣніе мѣстомъ, а у мѣстнаго святителя — разрѣшеніе освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варѣоломей не думалъ строить обитель, не желалъ собирать около себя братію, — у него было одно завѣтное желаніе: укрыться навсегда отъ міра въ глубинѣ непроходимой чащи лѣсной, укрыться такъ, чтобъ міръ никогда не нашелъ его и совсѣмъ позабылъ отшельника.

Долго ходили братья по окрестнымъ лѣсамъ; наконецъ имъ полюбілось одно мѣсто, удаленное не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ. Это мѣсто было Самимъ Богомъ предназначено къ устроенію обители: надъ нимъ и прежде видали достойные люди — одни свѣтъ, другіе огонь, а иные ощущали благоуханіе.⁴³ Оно находилось верстахъ въ десяти отъ Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась надъ сосѣднею мѣстностью въ видѣ маковки, почему и названа Маковцемъ или Маковицею.⁴⁴ Глубокая

дебрь съ трехъ сторонъ окружала эту Маковицу; густой лѣсъ до котораго еще никогда не касалась рука человѣческая, одѣвалъ ее со всѣхъ сторонъ сплошною чащей, высоко поднимая къ небу свои тихо шумящія вершины... Въ окружающихъ эту возвышенность дебряхъ можно было найти немного и воды, хотя ходить за нею было и не близко. „Любуясь первобытною красотою мѣстности“, говоритъ святитель Платонъ, — „Варѣоломей представлялъ себѣ въ мысли земной рай, въ которомъ жили праотцы рода человѣческаго въ невинномъ состояніи, до грѣхопаденія“.—Мы не можемъ представить себѣ того восторга, который наполнялъ тогда душу и сердце молодаго отшельника! Наконецъ-то сбываются его завѣтныя желанія, его задушевные мечты: вотъ она — давно желанная пустыня, вотъ онъ—дремучій лѣсъ!.. Міръ со всею его суетой, съ его житейскими тревоженіями остался тамъ, гдѣ - то далеко позади Варѣоломея; отшельникъ болѣе не вернется туда,—здѣсь онъ найдетъ свой покой, здѣсь поселится навсегда, будетъ бесѣдовать съ Единымъ Богомъ, раздѣляя труды съ своимъ роднымъ не по плоти только, но и по духу братомъ!..

Горячо помолились братья на избранномъ мѣстѣ пустыннаго житія; предавая самихъ себя въ руки Божіи, они призывали Божіе благословеніе и на самое мѣсто своихъ будущихъ подвиговъ. Потомъ стали рубить лѣсъ; съ великимъ трудомъ переносили они тяжелыя бревна на своихъ, хотя и привычныхъ къ труду, но все же боярскихъ плечахъ; мало - по - малу рѣдѣла чаща лѣсная

открывая мѣсто, на которомъ въ послѣдствіи суждено было Богомъ процвѣсти славной Лаврѣ Сергіевой. Отшельники устроили себѣ сначала шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей, а потомъ убогую келлію; наконецъ, подлѣ келліи, поставили и малую церквицу. Все это было сдѣлано руками самихъ братьевъ-трудниковъ; они не хотѣли приглашать постороннихъ людей, потому что тѣлесный трудъ былъ необходимымъ условіемъ самой жизни подвижнической.

Когда церковь была готова къ освященію, Вареоломей сказалъ Стефану: „по плоти ты мнѣ старшій братъ, а по духу — вмѣсто отца; и такъ, скажи мнѣ: во имя какого Святаго слѣдуетъ освятить нашу церковь? Какой будетъ ея престольный праздникъ?“

— „Зачѣмъ спрашиваешь меня о томъ, что самъ лучше меня знаешь?“ отвѣчалъ ему старшій братъ. „Ты, конечно, помнишь, какъ не разъ покойные родители наши, при мнѣ, говорили тебѣ: „блуди себя, чадо: ты уже не наше, а Божіе; Господь Самъ избралъ тебя прежде твоего рожденія и далъ о тебѣ доброе знаменіе, когда трижды возгласилъ ты во чревѣ матери, во время литургіи“. И пресвитерь, тебя крестившій, и чудный старецъ, насъ посѣтившій, говорили тогда, что это трикратное приглашеніе твое предзнаменовало, что ты будешь ученикомъ Пресвятыя Троицы; и такъ пусть церковь наша будетъ посвящена Пресвятому Имени Живоначальныя Троицы; это будетъ не наше смышленіе, а Божіе изволеніе: пусть же благословляется здѣсь имя Господне отнынѣ и во вѣки!“

Вздохнулъ изъ глубины сердца юный подвижникъ и сказалъ брату: „ты высказалъ, господинъ мой, то самое, что давно было у меня на душѣ, чего я всѣмъ сердцемъ желалъ, но не дерзалъ высказать. Любезно мнѣ слово твое: пусть эта церковь будетъ освящена во Имя Пресвятыя Троицы. Ради послушанія я вопрошалъ тебя; не хотѣлось мнѣ имѣть въ семъ волю свою, и вотъ Господь не лишилъ меня желанія сердца моего!“

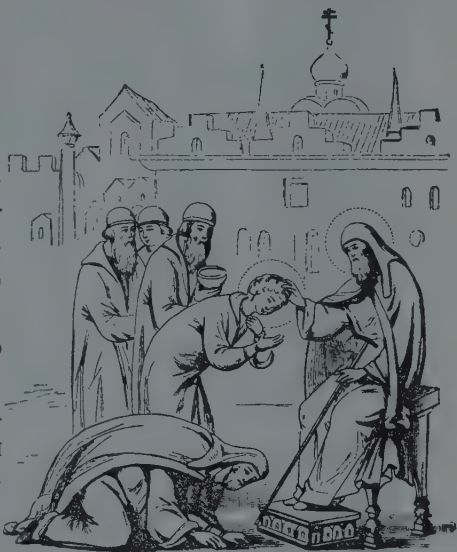
Горячо помолились братья на излюбленномъ мѣстѣ пустыннаго житія... Стр. 40.

„Въ семь разсужденіи Вареоломае“, замѣчаетъ одинъ его жизнеописатель, ⁴⁵ „открылось его глубокое духовное просвѣщеніе: самымъ наименованіемъ храма онъ проповѣдывалъ всѣмъ главнѣйшую истину Хрістіанства — о Тріипостасномъ Божествѣ“.

„Его умъ“, говоритъ святитель Филаретъ, „устремился тогда къ высочайшему Хрістіанскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцевъ вѣры. Посвятить храмъ сей имени Пресвятыя Троицы, онъ сдѣлалъ то, что здѣсь, въ его обители, по самому напominанію имени храма, каждый поклонникъ богословствуетъ, исповѣдуетъ и славить Живоначальную Троицу, и богословствуя приносить свою молитву“.

Затѣмъ оба брата пошли въ Москву, чтобы испросить благословленіе Всероссійскаго Митрополита Теоноста на освященіе церкви. Святитель милостиво принялъ просителей и послалъ съ ними священнослужителей, которые взяли съ собою святыи антиминсы съ мощами святыхъ мучениковъ и все потребное для освященія храма. Церковь, по желанію братьевъ, была освящена во Имя Пресвятыя и Живоначальныя Троицы. Такъ скромно, по пустынному смиренно было положено основаніе Свято-Троицкія Сергіево Лавры, столько прославленной въ послѣдствіи именемъ Преподобнаго Сергія! „Справедливо сія церковь“, замѣчаетъ при семъ блаженный Елифаній, „наречена во Имя Святыя Троицы: она основана благодатію Бога Отца, милостію Сына Божія и поспѣшеніемъ Святаго Духа“.

Это произошло въ 1340 году, уже при Великомъ Князѣ Симеонѣ Иоанновичѣ Гордомъ.⁴⁶

„Какою несказанною радостію радовался юный подвижникъ нашъ, когда увидѣлъ освященнымъ домъ Божій!“ говоритъ святитель Платонъ. „Теперь оставалось ему и самого себя всецѣло уготовать въ жилище Духа Святаго“. И онъ, дѣйствительно, еще съ большею ревностію сталъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и терпѣніи. Мира какъ бы вовсе не было для юнаго отшельника: онъ умеръ для міра и міръ умеръ для него навсегда.

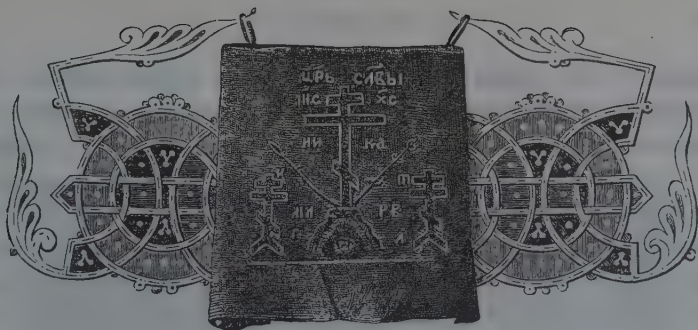
Не то было съ старшимъ братомъ. Суровою, непривѣтливой показалась ему дикая пустыня. Онъ видѣлъ здѣсь одни труды и лишенія. Никакихъ удобствъ для безбѣднаго существованія тутъ не было. Никто не заходилъ къ отшельникамъ; трудно было достать самое необходимое; на далекое разстояніе не было не только сель или дворовъ, но и пути людскаго; кругомъ ихъ убогой келліи и церквицы—непроходимая чаща лѣсная, съ негостепріимными обитателями—дикими звѣрями...

Не выдержалъ Стефанъ этихъ скорбей пустынныхъ; онъ вовсе не былъ подготовленъ къ нимъ предшествующею жизнію; утѣшаясь семейною жизнію, онъ, вѣроятно, не думалъ не только о пустынныхъ подвигахъ, но и о монашествѣ; тяжкое горе, смерть молодой супруги побудила его удалиться въ обитель, какъ тихую пристань на морѣ житейскомъ: тамъ, быть можетъ, онъ и окончилъ бы дни свои, еслибы не Варѣоломей... Только усердныя просьбы любимаго брата вызвали его оттуда; и вотъ, лишь только онъ встрѣтился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, какъ мужество измѣнило ему, его стала томить тоска нестерпимая, имъ овладѣлъ духъ унынія... Напрасно Варѣоломей утѣшалъ малодушнаго, уговаривалъ, упрашивалъ вооружиться терпѣніемъ противъ этого искушенія: хотя не безъ скорби, Стефанъ оставилъ одинокимъ пустыннолюбнаго брата и ушелъ въ Москву. Здѣсь устроилъ онъ себѣ келлію въ Бого-явленскомъ монастырѣ и сталъ подвизаться по мѣрѣ

своихъ силъ. По свидѣтельству блаженнаго Епифанія, который лично зналъ Стефана, онъ любилъ иноческое житіе, много трудился и вель строгую жизнь. Ходилъ онъ обыкновенно въ убогой одеждѣ. Въ то время въ Богоявленскомъ монастырѣ подвизался еще простымъ инокомъ будущій Святитель Всероссійскій Алексій. Они духовно полюбили другъ друга, рядомъ всегда стояли въ церкви, и вмѣстѣ пѣвали на клиросѣ. Наставникомъ и руководителемъ ихъ былъ старецъ Геронтій, опытный въ жизни духовной. Митрополитъ Ѳеогностъ любилъ Стефана, Геронтія и Алексія, и по временамъ приглашалъ ихъ къ себѣ для духовныхъ бесѣдъ.⁴⁷ Сынъ Калиты, Великій Князь Симеонъ Іоанновичъ также отличалъ своимъ вниманіемъ и Стефана и Алексія. По его желанію Митрополитъ Ѳеогностъ рукоположилъ Стефана во пресвитера и назначилъ игуменомъ Богоявленскаго монастыря. Великій Князь избралъ Стефана въ свои духовники. Примѣру Князя послѣдовали тысяцкій столицы Василій, братъ его Ѳеодоръ и другіе знатные бояре.⁴⁸ Позднѣе мы опять встрѣтимся съ Стефаномъ въ пустынь Радонежской, хотя уже при другихъ обстоятельствахъ. Обращаемся къ юному Варѣоломею.

Хотя и оставилъ его единоутробный, но на сей разъ не единокровный братъ, онъ остался твердъ и непоколебимъ въ своемъ намѣреніи. „Два родные брата“, — замѣчаетъ блаженный Епифаній, — „а между тѣмъ какая разность въ произволеніи! Оба совѣщались жить въ пустынномъ уединеніи, но одинъ изъ пустыни ушелъ въ городской монастырь, а другой и самую пустыню обратилъ въ городъ. Что казалось Стефану тяжкимъ и нестерпимымъ, то было легко и пріятно для Варѣоломея, котораго душа съ дѣтства пылала Божественнымъ огнемъ. И Господь хранилъ его Своею благодатію среди пустыни, ограждалъ его Своими Ангелами на всѣхъ его путяхъ, и какъ сердцеѣдецъ, видѣвшій его сердечныя расположенія, уготовлялъ въ немъ начальника многочисленной братіи и отца многихъ обителей“.

ГЛАВА V.

ЮНЫЙ ПОСТРИЖЕННИКЪ.

Мужъ разума духовнаго. — Игуменъ Митрофанъ. — Постриженіе въ пустынной церкви. — Знаменіе благодати Божіей. — Инокъ первый и послѣдній. — Прощальная бесѣда юнаго инока съ Евангельскимъ отцемъ. — Сергій Богомудрый. — (1342).

Рѣдѣша, юности твоѣ азъ цѣломъдріи вѣдѣхъ чинѣхъ,
Рѣдѣша, како дѣлѣ чистѣ женихъ. Хрѣтъ себѣ шверѣчивый! Лкѣд. бѣ, Ук. бѣ.

съ поступки Варѣоломея, въ теченіе всей его жизни“,—говоритъ святитель Платонъ,—„показывали, что онъ былъ мужъ высокаго разума и разсужденія духовнаго“. Разсужденіе—даръ безцѣнный, и святые Отцы почитаютъ его выше всѣхъ добродѣтелей. По словамъ преподобнаго Іоанна Лѣствичника, „разсужденіе въ томъ состоитъ и познается, чтобы точно и вѣрно постигать Божественную волю, во всякое время, во всякомъ мѣстѣ и во всякой вещи. Оно находится въ однихъ только чистыхъ сердцемъ, тѣломъ и устами“. ⁴⁹ „Оно рождается отъ послушанія и смиренія“, ⁵⁰ послѣ великаго подвига въ совершенномъ отсѣченіи своей воли и разума. Тѣмъ болѣе достойно удивленія, что Варѣоломей сподобился сего дара отъ юности: такъ чисто было сердце его, такъ была смиренна и проста его прекрасная душа!

„Разсужденіе въ новоначальныхъ есть истинное познаніе своего устроенія душевнаго“, говоритъ Лѣствич-

никъ. ⁵¹ Въ испытаніи самого себя обнаружилось это духовное дарованіе и въ юномъ Варѣоломѣ. Какъ ни горячо желалъ онъ облечься въ ангельскій образъ, однако не спѣшилъ исполненіемъ своего сердечнаго желанія. Онъ почиталъ неосновательнымъ дѣломъ связать себя обѣтами монашества, прежде нежели приучить себя къ строгому исполненію всѣхъ уставовъ монашеской жизни. ко всѣмъ трудамъ и подвигамъ не тѣлеснаго только, но и внутренняго, духовнаго дѣланія. Только тогда, когда онъ достаточно испыталъ себя во всемъ этомъ, — онъ сталъ усердно просить Господа, чтобы удостоилъ его столь давно желаннаго ангельскаго образа.

Въ одной изъ обителей близъ Радонежа, быть можетъ въ томъ же Хотьковѣ монастырѣ, жилъ смиренный старецъ игумень, по имени Митрофанъ. Неизвѣстно, когда Варѣоломей съ нимъ духовно сблизился; можетъ быть это произошло еще раньше удаленія его въ пустыню; можетъ быть даже, что Митрофанъ изрѣдка посѣщалъ Варѣоломея въ его пустынномъ уединеніи и служилъ для него Божественную литургію въ его церквицѣ,—блаженный писатель житія его ничего не говоритъ объ этомъ. ⁵² Онъ говоритъ только, что подвижникъ попросилъ Митрофана притти къ нему въ пустыню и несказанно обрадованъ былъ его посѣщеніемъ. Онъ встрѣтилъ игумена какъ дорогаго гостя, Самимъ Богомъ посланнаго, и усердно просилъ его пожить съ нимъ сколько-нибудь въ его кельи. Добрый старецъ охотно согласился на это, а Варѣоломей взирая съ благоговѣніемъ на добродѣтельную жизнь его, прилѣпился къ нему всей душой, какъ къ родному отцу.

Спустя не много времени, блаженный юноша во смиреніи склонилъ главу предъ старцемъ и сталъ просить его о постриженіи. „Отче“,—такъ говорилъ Варѣоломей: „сотвори любовь ради Господа; одѣжи меня въ чинъ иноческій; возлюбилъ я сей чинъ отъ юности моей, и съ давняго времени желаю постриженія. Только воля родителей моихъ долго меня отъ этого удерживала, но теперь, слава Богу, я отъ всего свободенъ, и какъ олень, жа-

7 октября 1342 года, въ убогой церквѣхъ пустынника совершилось постриженіе 23-хъ лѣтняго юноши, и Вареоломею дано было имя Сергія.. Стр 47.

ждушій источниковъ водныхъ, всею душею жажду иноческаго пустыннаго житія“.

Не сталъ противорѣчить старецъ - игуменъ его благочестивому желанію; онъ пошелъ немедленно въ свой монастырь, взялъ тамъ нѣсколькихъ изъ братій⁵³ и все, что нужно было для постриженія, и возвратился къ отшельнику. 7-го октября 1342 года, въ убогой церквицѣ пустынника совершилось по-

стриженіе двадцати-трехъ-лѣтняго юноши. Въ сей день святая Церковь празднуетъ память святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха: по обычаю того времени Варѣоломею и было дано имя *Сергій*.

Окончивъ обрядъ постриженія, Митрофанъ совершилъ Божественную литургію и приобщилъ новаго инока Святыхъ Христовыхъ Таинъ. И исполнился благодати Святаго Духа новопостриженный, и повѣяло въ церкви неизреченнымъ благоуханіемъ, и распространилось это дивное благоуханіе даже за стѣнами храма пустыннаго... Такъ рассказывали о семъ въ послѣдствіи сами свидѣтели, этого чуда, прославляя Бога, прославляющаго угодниковъ Своихъ.

„И былъ Сергій первый постриженникъ своей уединенной обители, первый начинаніемъ и послѣдній мудрованіемъ, первый по счету, и послѣдній по тѣмъ смиреннымъ трудамъ, которые самъ на себя возлагалъ; можно даже сказать, что онъ былъ и первый и въ то же время— послѣдній, потому что, хотя и многіе послѣ него въ той же самой церкви принимали постриженіе, но ни одинъ

не достигъ мѣры его духовнаго возраста. Многіе такъ же начинали подвигъ, но далеко не всѣ такъ и оканчивали; много было у Сергія учениковъ, много подвизалось и послѣ него въ его обители добрыхъ иноковъ, но никто не могъ сравниться съ нимъ: для всѣхъ и навсегда онъ остался образцомъ совершенства иноческаго!—Съ постриженіемъ онъ не только отлагалъ власы главы своей, но съ отнятіемъ власовъ отсѣкалъ навсегда и всякое свое хотѣніе; совлекаясь мірскихъ одеждъ, онъ въ то же время совлекался и ветхаго человѣка, чтобы облечься въ новаго, ходящаго въ правдѣ и преподобіи истины; препоясывая чресла свои, онъ уготовлялъ себя къ мужественному подвигу духовному; отрекаясь отъ всего, что въ мірѣ, онъ, какъ бы обновляемый юностію орлею взлеталъ на высоту созерцаній духовныхъ...”

Такъ разсуждаетъ о своемъ великомъ учителѣ его достойный ученикъ, преподобный Епифаній; а кто лучше и ближе его могъ оцѣнить подвиги его возлюбленнаго аввы?

Семь дней провелъ новопостриженный Сергій неисходно въ своей церкви; каждый день старецъ-игуменъ совершалъ Божественную литургію и приобщалъ его Святыхъ Христовыхъ Таинъ, и во всѣ эти семь дней Сергій ничего не вкушалъ, кромѣ просфоры, даваемой ему отъ постригавшаго. Чтобы сохранить бодрымъ и неразвлеченнымъ умъ свой, Сергій уклонялся отъ всякаго подѣлія; съ его устъ не сходили псалмы и пѣсни духовныя; утѣшая ими себя, онъ славословилъ Бога и взывалъ къ Нему изъ глубины сердца благодарнаго: *Господи! возлюбихъ благолюбіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея* (Пс. 25, 8). *Дому Твоему подобаетъ святыня въ долготу дній* (Пс. 92, 5). *Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни! Сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бозѣ живѣ, ибо птица—душа моя—обрѣте себѣ хramину, и горлица гнѣздо себѣ, и дѣже положитъ птенцы своя... Блаженіи живущіи въ дому Твоемъ, во вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя!* (83, 2. 4. 5). *Яко лучше день единъ во дворахъ Твоихъ паче тысящъ, изволихъ*

приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ! (ст. 11)—Такъ ликовала тогда душа Сергіева и горѣла Божественнымъ огнемъ!

Мірѣ не знаетъ и не можетъ знать тѣхъ благодатныхъ утѣшеній, какія ниспосылаются отъ Бога трудникамъ спасенія. Мірѣ видитъ только жестокость и тѣсноту пути иноческаго, и, не желая разстаться съ своимъ широкимъ путемъ, отвращается подвига монашескаго, называя его бесполезнымъ, неразумнымъ, даже преступнымъ самоистязаніемъ... Не будемъ говорить ему о томъ, что ему неудобопонятно: слѣпому бесполезно говорить о красотѣ цвѣтовъ; но пусть бы мірѣ внимательнѣе присмотрѣлся хотя только къ плодамъ подвиговъ иноческихъ, и тогда бы онъ позналъ ихъ великую силу въ жизни нравственной и не сталъ бы называть ихъ бесполезнымъ упражненіемъ... „О вы“, такъ взывалъ нѣкогда Московскій святитель Платонъ,—о вы, коихъ мысль помрачена и сердце разслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божія Преподобнаго Сергія! Чтожъ? Развѣ напрасно онъ столько въ подвигѣ добродѣтели трудовъ употреблялъ? Развѣ тщетны были тѣ слезы, тотъ потъ, которые онъ проливалъ и ими напоевалъ насажденное въ душѣ своей Божественное сѣмя? О —нѣтъ! Вотъ сколько вѣковъ прошло. а имя его все также любезно въ устахъ нашихъ, память его благословенна и слѣды жизни его святой достопочтенны“...⁵⁴ Почему? Потому, что при содѣйствіи благодати Божіей его подвиги преобразили всю нравственную природу его. и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вѣчное блаженство и высокое Богоподобное достоинство,—все то, что потеряно былъ первымъ Адамомъ и куплено для всѣхъ насъ безцѣнною кровію втораго Адама. Господа Иисуса!

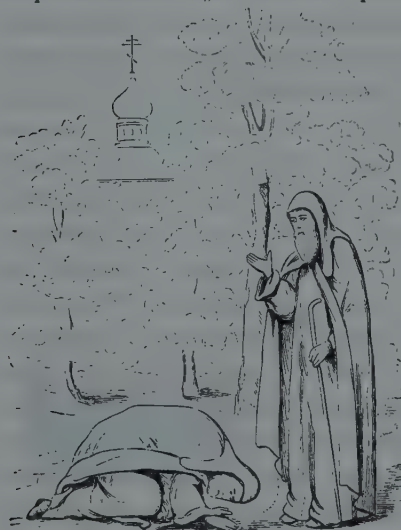
Семь дней протекли какъ одинъ день; настало время Сергію разстаться съ старцемъ-игуменомъ.

— „Вотъ, отче“, съ тихою грустью сказалъ тогда юный инокъ своему отцу Евангельскому: „ты уже уходишь и оставляешь меня одинокимъ въ этой безлюдной пустынѣ... Давно я желалъ уединиться и всегда просилъ

о томъ Господа, вспоминая слова Пророка: *се удамися бѣгая, и водворихся въ пустыни...* И благословенъ Богъ, не оставившій безъ исполненія молитвы моей; благодарю Его благодать, что не лишилъ меня этой милости: жить въ пустынѣ и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче: благослови же меня смиреннаго и помолись о моемъ уединеніи... Вразуми меня: какъ мнѣ жить теперь въ одиночествѣ, какъ Господу Богу молиться, какъ избѣгать вреда душевнаго, какъ противиться врагу и помысламъ гордыни, отъ него всѣваемымъ?... Вѣдь я еще новоначальный инокъ, я долженъ во всемъ просить совѣта у тебя!”

Подивился старецъ смиренномудрію своего новопостриженника: „меня ли грѣшнаго вопрошаешь о томъ,

что самъ не хуже меня знаешь, о честная глава!“ сказалъ Митрофанъ. „Ты уже приучилъ себя ко всякому подвигу; мнѣ остается только пожелать, чтобы Господь Самъ вразумилъ тебя и привелъ въ совершенную мѣру возраста духовнаго“.

Старецъ побесѣдовалъ съ нимъ еще немного о разныхъ случаяхъ въ жизни духовной и собрался въ путь. Сергій припалъ къ стопамъ его и еще разъ, на прощаньи, просилъ благословить его и помолиться за него: „молись, молись, отче“, говорилъ онъ, „чтобы Господь послалъ мнѣ силы противустать брани плотской и искушеніямъ бѣсовскимъ, чтобы сохранилъ Онъ меня и отъ лютыхъ звѣрей среди моихъ пустынныхъ трудовъ“...

— „Благословенъ Богъ,“—сказалъ ему старецъ, и—крѣпкая вѣра слышалась въ его рѣчахъ,—„Онъ не попускаетъ намъ искушеній выше силъ нашихъ; Апостолъ

говорить за всѣхъ насъ: вся могу о укрѣпляющемъ мя Господѣ Іисусѣ. Отходя отсюда, я предаю тебя въ руки Божіи; Богъ будетъ тебѣ прибѣжище и сила. Онъ поможетъ тебѣ устоять противъ козней вражескихъ. Господь любитъ тѣхъ, кто благоугождаетъ Ему, Онъ сохранитъ и твое вхожденіе отъ нынѣ и до вѣка“.

Въ заключеніе своей бесѣды Митрофанъ сказалъ Сергію, что на мѣстѣ его пустынножительства распространить Господь обитель великую и именитую, изъ которой пронесется слава имени Божія далеко во всѣ стороны. Потомъ онъ сотворилъ краткую молитву, благословилъ своего постриженника и удалился.

И остался Сергій одинъ, въ своей излюбленной пустынѣ, остался безъ предшественника и сподвижника, безъ наставника и безъ помощника, съ единымъ Богомъ вездѣсущимъ и никогда не оставляющимъ тѣхъ, которые для Него все оставили... Чиста и свѣтла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божіей, и Богъ, тайными внушеніями Своей благодати, Самъ руководилъ молодаго подвижника въ его борьбѣ съ искушеніями, которыя, по плану Божественнаго домостроительства нашего спасенія, неизбѣжны и для самыхъ чистыхъ душъ... И по истинѣ Сергій явился мужемъ *Богомудрымъ*, какъ именууетъ его святая Церковь: проходя путемъ древнихъ св. Отцевъ пустынниковъ—первоначальниковъ житія монашескаго, онъ, подобно имъ, былъ умудряемъ не столько отъ людей, сколько отъ Бога Самого, и, обогатившись симъ небеснымъ сокровищемъ мудрости Божественной, умудрялъ потомъ и другихъ во спасеніе.

ГЛАВА VI.

НАЕДИНЪ СЪ БОГОМЪ.

Невѣдомые міру подвиги пустынника. — Три врага: плоть, міръ и дьяволъ. — Тяжесть борьбы. — Правила Василия Великаго для отшельниковъ. — Терпѣніе Сергіево. — Страхованія и привидѣнія. — Угрозы безсильнаго. — Козни „коварнаго старца“. — Хищные звѣри. — Страннопримство пустынника. — Черта образа Вождя. — Вторая половина великой Христовой заповѣди. — (1340—1342).

Рѣдѣйша, еѣмъ плотскіа пѣхоти Бѣа рѣди
оумертвѣный,
Рѣдѣйша, многообрѣзныа козни лѣкааго
силоу Бжѣю повѣдѣный! Іако. ѡ, Ік. ѣ.
Рѣдѣйша, Оубѣрѣно Бѣакоу подражѣный жн.
тѣмъ въ пѣстѣнѣ,
Рѣдѣйша, Пѣнѣю погладѣваеый въ вѣчной
сѣатѣнѣ. Іако. ѡ, Ік. ѣ.

рости насъ, Преподобне отче Сергіе, если мы дерзнемъ теперь мысленно войти въ твою пустынную, убогую келлію, чтобы грѣшнымъ умомъ своимъ приникнуть въ сокровенное святилище души твоей и утѣшить себя созерцаніемъ незримыхъ міру твоихъ подвиговъ!.. Вѣдаемъ, преблаженне и Богомудре, что недостойны мы сего дивнаго созерцанія, что мало способны къ тому и наши сердечныя очи, страстями омраченныя; но, взирая на твою Христоподражательную любовь, уповаемъ, что ты, благоволившій въ назиданіе присныхъ учениковъ твоихъ

повѣдать имъ многое отъ того, чему былъ одинъ Богъ-Сердцевѣдецъ свидѣтелемъ въ пустынномъ житіи твоёмъ, ³⁵—ты, любвеобильный отче, не изгонишь и насъ, желающихъ собрать нѣкія крупіцы сего брашна духовнаго, оставшіяся отъ трапезы учениковъ твоихъ, во утolenіе нашихъ алчущихъ душъ!..

„Вотъ онъ“,—скажемъ словами приснопамятнаго святителя Платона,—„вотъ онъ, подвижникъ нашъ, въ сладкомъ своемъ уединеніи, въ убогой, но спокойной келліи, очи свои возводитъ всегда къ Живущему на небесахъ,—очи, исполненныя слезами покаянія... Мысль его бесѣдуетъ съ Богомъ; языкъ прославляетъ Владыку всѣхъ; его сердце — жилище всякой добродѣтели, а потому и Духа Святаго; руки же его служатъ его требованіямъ тѣлеснымъ... Онъ далекъ отъ всякой суеты и отъ соблазновъ міра, работаетъ Господу *со страхомъ и трепетомъ* (Пс. 2, 11), работаетъ въ пріятномъ уединеніи, въ сладкой тишинѣ, имѣя всегда ничѣмъ несмущаемыя мысли, не обремененный заботами разсудокъ и спокойный духъ... О дражайшее и любезное состояніе!“...

Но прежде нежели Сергій достигъ сего блаженнаго состоянія, прежде чѣмъ вкусилъ онъ сладость пустыни—сколько браней долженъ былъ претерпѣть онъ, сколько борьбы вынести! „Кто можетъ повѣдать“, говоритъ его блаженный ученикъ Епифаній, — „кто можетъ повѣдать всѣ уединенныя подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей всѣ требованія устава подвижническаго? Кто изочтетъ его теплыя слезы и воздыханія къ Богу, его стенанія молитвенныя и плачъ сердечный, его бдѣнія и ночи безсонныя, продолжительныя стоянія и поверженіе себя на землѣ предъ Господомъ? Кто сочтетъ его колѣнопреклоненія и земные поклоны, кто разкажетъ о его алканіи и жадѣ, о скудости и недостаткахъ во всемъ, объ искушеніяхъ отъ врага и страхованіяхъ пустынныхъ?“...

Силенъ Богъ и всегда готовъ на помощь призывающимъ Его: „но испытавшіе знаютъ“, говоритъ святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, „какимъ трудностямъ

„Вотъ онъ, подвижникъ нашъ, въ сладкомъ своемъ уединеніи..
Онъ далекъ отъ всякой суеты и отъ соблазновъ міра..“ Стр. 52.

подвержена иноческая жизнь въ совершенномъ уединеніи“: эти трудности столь велики, что неиспытавшіе ихъ съ трудомъ вѣрятъ повѣствованію о нихъ, а иногда и вовсе не вѣрятъ, потому что въ такомъ повѣствованіи предъ ними открывается совершенно иной міръ, міру грѣшному вовсе невѣдомый...

Чтобы легче представить себѣ всю тяжесть отшельническаго подвига Преподобнаго Сергія, намѣтимъ здѣсь кратко, въ общихъ чертахъ, трудности этого подвига, какъ изображаютъ ихъ люди, опытомъ прошедшіе симъ тѣснымъ и многоскорбнымъ путемъ.

Радостно вступаетъ въ свой подвигъ отшельникъ пустынный: никто не понуждалъ его къ тому, горячая ревность къ подвижничеству увлекала его въ пустыню. Всѣ скорби и лишенія—для него вождельнны; его молитва изливается въ слезахъ; онъ весь горитъ пламеннымъ желаніемъ Божественнымъ... Такъ бываетъ въ началѣ подвига; но вотъ первый восторгъ проходитъ; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиленія, при которыхъ такъ легки подвиги самоумерщвления, смѣняются днями сухости душевной, тоски невыносимой: мысли не покоряются разуму и бродятъ повсюду, молитва не дѣйствуетъ въ сердцѣ; сердце ноетъ; душа рвется бѣжать изъ-подъ креста и становится холодна ко всему духовному... А тутъ еще голодъ и жажда, холодъ, опасеніе за жизнь со стороны дикихъ животныхъ, или отъ скудости и безпомощности, и общее разслабленіе души и тѣла... Даже невинное, повидимому, отдохновеніе и естественный сонъ—и тѣ становятся врагами подвижника, съ которыми онъ долженъ сражаться!.. А міръ между тѣмъ манитъ его къ себѣ воспоминаніями прошлаго: вѣдь тамъ ему такъ тепло и уютно жилось, ни въ чемъ онъ такой, какъ теперь, нужды не терпѣлъ; вѣдь и тамъ можно спастись: зачѣмъ же этотъ подвигъ выше силъ? зачѣмъ эта страшная пустыня со всѣми ея лишеніями?.. Итти бы въ обитель какую - нибудь, гдѣ добрые братія раздѣляли бы съ нимъ скорби его, помогали бы ему въ борьбѣ со врагами

и добрымъ совѣтомъ и братскою молитвой... Такъ міръ и плоть пристають къ отшельнику съ своими требованіями,—не говоримъ уже о грѣшныхъ движеніяхъ сердца, когда точно буря поднимаются страстные порывы и гонять пустынника въ міръ, сожигая его внутреннимъ пламенемъ... И если бы не благодать Божія, по временамъ утѣшающая подвижника своими прикосновеніями къ его страждущему сердцу, если бы не сила Хрїстова. въ немощи совершающаяся, то никто изъ пустынниковъ не устоялъ бы въ этой тяжелой, непосильной для человѣка борьбѣ!—Но и это еще не всѣ трудности пустынного житія. Уже и въ то время, когда благодатныя утѣшенія изливаются въ душу отшельника, въ его сердце стремятся проникнуть помыслы услажденія подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожныхъ подвижниковъ до грубаго паденія, или до помраченія ума. Такимъ образомъ, для ревнителя жизни духовной, по мѣрѣ преспѣванія въ ней, открывается борьба уже не къ плоти и крови, а къ духамъ злобы поднебеснымъ. „Какъ скоро“, говоритъ святитель Филаретъ, „сіи невидимые враги примѣчаютъ, что человѣкъ, оставивъ міръ и презрѣвъ плоть, все болѣе и болѣе усиливается проникнуть въ область духовную, къ общенію съ небесными Силами и Самимъ Богомъ: то, чтобы воспрепятствовать ему, съ неимовѣрною дерзостію на него устремляются, такъ что не только издалека пускаютъ въ него разжженные стрѣлы противныхъ помысловъ, но, такъ сказать, вторгаясь въ предѣлы его воображенія и чувствъ, представляютъ ему странные образы и нелѣпыя мечтанія“. Иногда сіи мечтанія бывають направлены къ тому, чтобы прельстить подвижника ложнымъ мнѣніемъ о своей святости: вотъ тогда-то и нужно труднику спасенія ограждать себя отовсюду Хрїстоподражательнымъ смиреніемъ и, по слову Хрїстову, быть мудрымъ яко змію, дабы не погибнуть отъ хитрости змія исконнаго человѣкоубійцы—дїавола...

Св. Отцы подвижники, наученные опытомъ своей тру-

женической жизни, оставили намъ въ своихъ писаніяхъ богомудрыя правила этой борьбы, этого великаго подвига,—правила, составляющія „науку изъ наукъ“—науку монашеской жизни. Вотъ, напримѣръ, правила общаго наставника иноческой жизни, Святителя Василия Великаго, для подвижающихся въ пустынномъ уединеніи. Наставленіями сими руководствовался, конечно, и нашъ подвижникъ, Преподобный Сергій. 1) Люби слушать или читать слово Божіе, житія и поученія святыхъ: въ нихъ найдешь правила и примѣры святой, угодной Господу Богу жизни. 2) Непрестанно смотри за собою; каждый вечеръ разсматривай свои мысли и желанія, какія въ тебѣ возникли, слова, какія ты сказалъ, и дѣла, какія ты сдѣлалъ въ продолженіи дня, и усердно молись Богу о прощеніи всего, что сдѣлано противъ Его заповѣдей, и всячески спѣши исправиться. Каждое утро, послѣ молитвы, прилежно обдумывай свое положеніе въ наступающій день, и бери надежныя мѣры, чтобы не согрѣшить. 3) Какъ можно чаще, внимательнѣе и дольше размышляй о смерти, о томъ, что она неизбѣжна, неожиданна, что земныя блага негодны для будущей жизни, размышляй о второмъ пришествіи Господа на судъ міру, о мученіи грѣшныхъ и блаженствѣ праведныхъ. 4) Люби молитву и постоянно ею занимайся. 5) Люби постъ, потому что безъ него нельзя избѣжать худыхъ помысловъ, а за помыслами и худыхъ дѣлъ. 6) Гдѣ бы ты ни былъ, что бы ни дѣлалъ, всегда твердо помни, что Господь смотритъ на тебя и видитъ все, что ты думаешь, чего желаешь и что дѣлаешь. 7) Соображай всѣ свои мысли и желанія, слова и дѣла съ Христовымъ Евангеліемъ; строжайше исполняй всѣ заповѣди Христовы и будь весь Христовъ. Чтобы возлюбить Бога, чаще размышляй о величій Божіемъ, о Его благодати, о своемъ ничтожествѣ и грѣховности. Святую память о Богѣ носи всюду съ собою, какъ неизгладимую печать.⁵⁷

Таковъ многотрудный подвигъ отшельника. Съ веселіемъ вступилъ Сергій въ сей узкій путь, чтобы дости-

гнуть безмятежной страны безстрастія. Подвизаться противу плоти съ ея страстями и пожеланіями онъ обучилъ себя еще задолго до удаленія въ пустыню, и потому въ пустынножителствѣ его видны были, какъ знаменія непрестанныхъ побѣдъ надъ самимъ собою, долговременныя пощенія и другіе высокіе подвиги. Возвышая духъ свой Богомысліемъ, онъ укрѣплялъ и тѣло свое неустанными трудами, — „не туне вкушалъ онъ хлѣбъ свой“, какъ говоритъ святитель Платонъ, — но снѣдалъ его въ потѣ лица. Въ зимнее время, когда самая земля разсѣдалась отъ жестокихъ морозовъ, Сергій, точно безплотный, оставался въ одной обычной своей одеждѣ, и претерпѣвая стужу, думалъ только о томъ, какъ избѣжать будущаго огня вѣчнаго. „Никогда, во всю свою жизнь, онъ ни на что не жаловался, ни на что не ропталъ, ни унывалъ, ни скорбѣлъ: нѣтъ! онъ всегда и всѣмъ былъ доволенъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и нуждахъ; во всемъ былъ спокоенъ, при всѣхъ искушеніяхъ, и скорбяхъ человѣческихъ“. ⁵⁸ Поистинѣ онъ могъ съ дерзновеніемъ повторить слово Апостола: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14); благодатію Божіею я такъ живу, какъ бы не имѣлъ ничего общаго съ міромъ. Это былъ истинный воинъ Хріста Бога, облеченный во всѣ оружія Божіи противу всѣхъ слабостей человѣческихъ и искушеній бѣсовскихъ.

Особенно много скорбей и искушеній претерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ въ самомъ началѣ своего пустыннаго подвига. Невидимые враги нерѣдко принимали видимый образъ страшныхъ звѣрей и отвратительныхъ гадовъ, чтобы уstrasить подвижника. Съ пронзительнымъ свистомъ и звѣрскою свирѣпостію, съ страшнымъ скрежетаніемъ зубовъ устремлялись они на Сергія; но мужественный подвижникъ не боялся ихъ суетныхъ угрозъ, вспоминая слово Писанія: *не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тьмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго* (Пс. 90, 5. 6). Пользуясь частымъ чтеніемъ душеполезныхъ книгъ, зналъ онъ

искусство духовной брани, которому одинъ изъ опытныхъ духовныхъ воиновъ, преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ, поучаетъ, говоря: „вооружайся молитвою и бей супостатовъ именемъ Іисусовымъ, и тогда придетъ къ тебѣ Ангелъ Божій, добрый хранитель твой, и помолится съ тобою“. ³⁹ Крѣпкою, но смиренною, неразсѣянною и слезною молитвою Преподобный Сергій разрушалъ пустынные страхи и мечтанія, какъ тонкую паутину. И Господь хранилъ его Своею благодатію, а онъ, видя надъ собою покрывающую руку Божию, день и ночь прославлялъ Господа, *не оставляющаго жезла грѣшныхъ на жребій праведныхъ* (Пс. 124, 3).

Разсказывалъ въ послѣдствіи самъ Преподобный своимъ

ученикамъ: однажды ночью вошелъ онъ въ уединенную церковь свою, чтобы пѣть утреню; но лишь только онъ началъ молитвословіе, какъ вдругъ предъ его взорами разступилась стѣна церковная, и въ это отверзтіе, какъ тать и разбойникъ, не входящій дверьми, вошелъ сатана видимымъ образомъ; его сопровождалъ цѣлый полкъ бѣ-

совскій—всѣ въ остроконечныхъ шапкахъ и въ одеждахъ литовцевъ, которыхъ тогда боялись на Руси не меньше татаръ... Съ шумомъ и дикими воплями, скрежеща зубами отъ адской злобы, мнимые литовцы бросились какъ бы разорять церковь; пламенемъ дышали ихъ богохульные уста...

— „Уходи, уходи отсюда, бѣги скорѣе“, кричали они подвижнику: „не смѣй долѣе оставаться на этомъ мѣстѣ:

не мы на тебя наступили, — ты самъ нашелъ на насъ! Если не уйдешь отсюда, мы разорвемъ тебя на части, и ты умрешь въ нашихъ рукахъ“.

„Таковъ обычай у діавола“, замѣчаетъ при семъ блаженный Епифаній, быть можетъ, повторяя поучительное замѣчаніе своего великаго аввы: „таковъ обычай у безсильнаго врага: онъ гордо хвалится и грозитъ поколебать землю и изсушить море, хотя самъ по себѣ не имѣетъ власти, падшій духъ, даже и надъ свиніями“ (Мѡ. 8, 31. 32).

Нимало не смутился духомъ Сергій отъ этихъ безсильныхъ угрозъ; только еще крѣпче, еще пламеннѣе стала восходить къ Богу его смиренная молитва: „*Боже, зывалъ онъ словами Псламопѣвца: кто подобенъ Тебѣ? Не премолчи, ниже укроти, Боже, яко се врази Твои возшумѣша* (Пс. 82, 2)... *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящїи Его! Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божїя!* (Пс. 67, 1—3)... И не вынесли падшіе духи пламени молитвы Сергіевой, и исчезли такъ же внезапно, какъ и явились.

Въ другое время, вся келлія предъ взорами Преподобнаго наполнилась отвратительными змїями, такъ что не видно было и пола. Еще разъ, когда Преподобный читалъ въ пустынной хижинѣ ночное свое правило, вдругъ пронесся шумъ по чащѣ лѣсной и кругомъ его келліи слышались безчинные крики бѣсовскихъ полчищъ: „*уйди же отсюда! Зачѣмъ пришелъ ты въ эту глушь лѣсную, что хочешь найти тутъ? Нѣтъ, не надѣйся дольше здѣсь жить: — тебѣ и часа тутъ не провести; видишь — мѣсто пустое и непроходимое; какъ же ты не боишься умереть тутъ съ голоду, или погибнуть отъ рукъ душегубцевъ-разбойниковъ?.. Найдеть тогда кто-нибудь трупъ твой и скажетъ: вотъ былъ бесполезный человѣкъ!.. Да и звѣри хищные бродятъ вокругъ тебя въ пустынѣ, готовые растерзать тебя; и мы не оставимъ тебя въ покоѣ: не думай, чтобы мы уступили тебѣ это мѣсто, искони пустынное...*

И такъ, если не хочешь умереть внезапною смертію, то бѣги отсюда, бѣги теперь же, не озираясь ни направо ни налѣво, иначе — смерть тебѣ и погибель отъ руки нашей!“

И снова Преподобный возопилъ къ Богу въ слезной молитвѣ; и опять Божественная сила пріосѣнила его, и разстѣялось полчище бѣсовское. А сердце подвижника исполнилось несказанной сладости духовной, и онъ уразумѣлъ, что отнынѣ дана ему навсегда побѣдная власть *наступати на всю силу вражію* (Лук. 10, 19); и воспѣлъ онъ тогда, ликуя духомъ, какъ новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святаго Писанія: „благодарю Тебя, Господи“, взывалъ онъ изъ глубины благодарнаго сердца: „Ты не оставилъ меня, но скоро услышалъ и помиловалъ!.. Ты сотворилъ со мною знаменіе во благо, и видятъ ненавидящіе меня, и постыждаются, ибо Ты, Господи, помогъ мнѣ и утѣшилъ меня. Десница Твоя, Господи, прославилась въ крѣпости; десная рука Твоя сокрушила враговъ моихъ, и державною крѣпостію Твоею истребила ихъ до конца!“

Изъ приведенныхъ разсказовъ самого угодника Божія, записанныхъ его ученикомъ, можно видѣть, съ какимъ ожесточеннымъ упорствомъ ополчалась на него мрачная область духа тьмы, въ началѣ его подвига. Преподобный Епифаній замѣчаетъ, что „врагъ боялся, какъ бы на пустынномъ мѣстѣ не возникла священная обитель иноковъ къ прославленію имени Божія и спасенію многихъ: онъ хотѣлъ прогнать Преподобнаго, завидуя спасенію не его только, но и *нашему*“, говоритъ ученикъ Сергіевъ. И такъ, сатана, этотъ „коварный старецъ“, какъ называетъ его Преподобный Варсонофій Великій, ⁶⁰ наученный тысячелѣтнимъ опытомъ борьбы съ хрістіанскими подвижниками, видѣлъ, съ какимъ мужемъ силы имѣетъ дѣло, и потому всѣ свои усилія направлялъ къ тому, чтобы остановить подвижника въ самомъ началѣ его подвига: въ послѣдствіи онъ не надѣялся побѣдить смиреннаго Сергія. Но что всѣ козни сатаны противу благодати Хрістовой? Что

всѣ усилія безсильнаго въ своей злобѣ врага противу силы Божіей? Мы знаемъ, что Сергій вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и основалъ свою Радонежскую Лавру, которая стала матерію многихъ обителей—и въ пустыняхъ и городахъ обширной Русской земли!..

Мы уже говорили, что бѣсы нерѣдко являлись Преподобному въ видѣ дикихъ звѣрей и разныхъ чудовищъ, готовыхъ его растерзать; послѣ такихъ привидѣній страхъ настоящихъ звѣрей пустынныхъ былъ для него уже „послѣднимъ изъ страховъ“. Стаи голодныхъ волковъ рыскали около его жилища и выли по цѣлымъ ночамъ; зловѣщимъ огнемъ горѣли въ темномъ лѣсу ихъ страшные глаза вокругъ уединенной келліи; иногда заходили сюда и другіе, болѣе страшные обитатели пустынныхъ лѣсовъ—медвѣди.⁶¹ По немощи человѣческой невольный страхъ на минуту овладѣвалъ сердцемъ пустытника, при мысли о его безпомощномъ одиночествѣ; но онъ тотчасъ же ограждалъ себя молитвою, и этотъ страхъ переходилъ на самихъ звѣрей, которые удалялись въ глубину дебрей лѣсныхъ, не сдѣлавъ ему никакого вреда.

Разъ угодникъ Божій увидѣлъ предъ своею хижиною большого медвѣдя, и примѣчая, что онъ не столько свирѣпъ, сколько голоденъ, сжалился надъ звѣремъ: пошелъ въ свою келлію взять тамъ кусокъ хлѣба и предложилъ медвѣдю этотъ пустынный обѣдъ на пнѣ или колодѣ. Звѣрь полюбилъ страннопріимство пустытника, и часто, приходя къ келліи, ожидалъ обычнаго угощенія и съ ласкою посматривалъ на подвижника. Иногда лѣсной гость долго не уходилъ, озираясь по сторонамъ, „точно злой заимодавецъ, желающій настойчиво получить свой долгъ. А Преподобный благодарилъ Бога, что послалъ ему лютаго звѣря на утѣшеніе“, ⁶² и, памятуя слово Пи-

санія: блаженъ иже и скоты милуетъ, — привыкъ миловать звѣря; онъ дѣлилъ съ нимъ послѣдній кусокъ, а иногда и весь отдавалъ своему пустынному сожителю, какъ неразумѣющему поста, а самъ оставался безъ пищи. Кромѣ хлѣба у него въ келліи не было никакой иной пищи; да часто случалось, что и хлѣба не доставало. Можно думать, что хлѣбъ доставлялъ ему время отъ времени младшій братъ его, Петръ, жившій въ Радонежѣ. Такъ упражнялъ себя угодникъ Божій въ отреченіи отъ самыхъ необходимыхъ потребностей, „а можетъ быть“, говоритъ святитель Филаретъ, „въ семъ мирномъ обращеніи съ свирѣпою тварію, съ назиданіемъ души своей, созерцалъ онъ слѣды первоначальнаго повиновенія всѣхъ тварей невинному человѣку“. За то и неразумная тварь повиновалась ему, и дикій звѣрь сдѣлался до того ручнымъ, что слушался его слова и былъ кротокъ предъ нимъ, какъ овца.

„Чего не можетъ сдѣлать добродѣтель?“ разсуждаетъ святитель Платонъ. „Думаю, что дикіе звѣри нынѣ стали свирѣпы отъ жестокости нашихъ нравовъ; а любовь и добродѣтель могутъ эту свирѣпость преложить въ кротость и покорность“. Всѣ одушевленные созданія Божіи ясно видѣли въ первомъ человѣкѣ свѣтлый образъ Божій, и самые лютые звѣри, по выраженію одного святаго отца, ощущая дивное благоуханіе сего образа, смиренно склоняли свою голову предъ Адамомъ. Человѣкъ повиновался Богу, и всѣ земные твари повиновались человѣку, почитая въ немъ образъ Божій. Согрешилъ человѣкъ — помрачился въ немъ образъ Божій, и неразумныя твари не стали уже узнавать его. Не послушался человѣкъ заповѣди Божіей, перестали и ему повиноваться твари земныя. Зловоніе страстей замѣнило благоуханіе образа Божія, и самъ человѣкъ уподобился скотамъ несмысленнымъ. И вотъ, грѣшный, бранный человѣкъ трепещетъ и страшится тѣхъ звѣрей, которые нѣкогда были покорены подъ ноги его. Его непослушаніе Богу наказано непослушаніемъ тварей земныхъ ему самому! А святые Божіи,

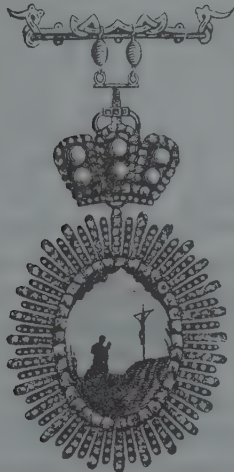
И дикій звѣрь сдѣлался до того ручнымъ, что слушался слова Сергіева и былъ кротокъ предъ нимъ какъ овца... Стр. 62.

своею дивною жизнію, своимъ неуклоннымъ послушаніемъ заповѣдямъ Божиимъ, своимъ святымъ смиреніемъ, при содѣйствіи благодати Божіей, возстановили въ себѣ образъ Божій, и онъ просіялъ въ нихъ съ первобытною чистотою и свѣтлостію. Ощутили его благоуханіе и неразумныя твари, и лютые звѣри—грозные враги грѣшнаго челоуѣчества стали послушны имъ, какъ кроткіе агнцы. Такъ власть, утраченная Адамомъ, возвращена его святымъ потомкамъ! Вотъ внутренній глубокій смыслъ этого, удивительнаго для насъ грѣшныхъ, послушанія свирѣпыхъ неразумныхъ тварей святымъ Божиимъ, о чемъ такъ часто встрѣчаются рассказы въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ и въ страданіяхъ святыхъ мучениковъ, о чемъ читаемъ и въ житіи нашего подвижника Богомудраго Сергія.—Но обращаемся къ рассказу о его пустынномъ подвигѣ.

„Не было мѣста унынію въ мужественномъ сердцѣ Сергія“, говоритъ преподобный Елифаній: „съ радостью принималъ онъ всѣ скорби, какъ бы отъ руки Божіей; искушаемый, какъ золото въ огнѣ, онъ восходилъ отъ силы въ силу; крѣпкій вѣрою въ Бога, онъ столь же крѣпко и уповалъ на Бога, по слову Писанія: *праведный яко левъ уповаѣ* (Притч. 28, 1), и: *надѣющійся на Господа яко гора Сіонъ не подвижится въ вѣкъ* (Пс. 124, 1). Оттого и слышалъ онъ въ своемъ чистомъ и Богопреданномъ сердцѣ великое слово обѣтованія: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое* (Пс. 90, 16). Равнодушный къ своему спасенію не можетъ имѣть такого упованія; его носить въ своемъ сердцѣ только тотъ, кто во всемъ предаль себя Богу и всѣмъ существомъ своимъ устремился къ Нему единому, по выраженію Давида: *исчезостъ очи мои отъ еже уповати ми на Бога моего*“ (Пс. 68, 4).

Наконецъ пришло время, когда Господу было благоугодно поставить сей благодатный свѣтильникъ на свѣщникѣ, чтобы онъ свѣтилъ изъ своей пустыни всей Православной Россіи, чтобы отъ его свѣта зажгли свой свѣтъ

и другіе свѣтильники, и разнесли сей свѣтъ по лицу родной земли. Своимъ пустыннымъ подвигомъ Сергій исполнилъ во всей широтѣ первую половину великой заповѣди Божіей о любви; *возлюбилъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею* (Мѡ. 22, 37); оставалось,—и теперь Господь призывалъ его исполнить въ такой же полнотѣ и вторую половину сей заповѣди:—*возлюбилъ искренняго твоего яко самъ себе* (ст. 39). Смиренно трудился онъ въ пустынѣ для Господа; настало время столь же смиренно послужить и ближнему ради Господа. И смиренный послушникъ воли Божіей не отрекся возложить на себя тяготу чужую, по слову Апостола: *другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2), *не своихъ си кійждо, но и дружныхъ смотрите* (Фил. 2, 4).

ГЛАВА VII.

ПЕРВЫЕ СПОДВИЖНИКИ.

Благоуханный цвѣтокъ.—Молва народная о пустынникѣ Радонежскомъ.—Первые пришельцы.—Благодатное слово подвижника.—Обитель дванадесяти.—Пустынныя порядки.—Игуменъ Митрофанъ.—Несбывшаяся надежда Сергія.—Первый—восьмь слуга.—Стефанъ возвращается къ Сергію.—12-ти лѣтній постриженникъ (1349—1354).

Рѣдѹи́ся, свѣти́льниче, ѿбѣа́и ми́лости ки-
пѹщи́и,
Рѣдѹи́ся, на свѣ́щницѣ́ сла́вы небе́снаго го-
ра́щій! А́кад. ѿ, ѿк. ѿи.
Рѣдѹи́ся, крѣ́нне ра́йскаго прозаве́нїа! А́кад. ѿ.
ѿк. ѿ.
Рѣдѹи́ся, прите́лющихъ къ тебѣ́ спа́сѣнїа
хо́дѹтъ! ѿк. ѿи́и́и.

е можетъ градъ укрытися верху горы стоя (Мф. 5, 14). Нельзя скрыть цвѣтка благоухающаго и въ дикой травѣ: его найдутъ по запаху, по благоуханію: такъ же ^{не} могъ укрыться и Сергій въ дремучемъ лѣсу, въ любезномъ своемъ одиночествѣ. Далеко разносилось благоуханіе его жизни святой, и услышали, сердцемъ ощутили это благоуханіе люди, имѣвшіе, по выраженію святителя Филарета, очищенное чувство духовное, или, по крайней мѣрѣ, ищущіе очищенія. А скорбныя обстоятельства того времени, о которыхъ мы уже говорили въ III главѣ, еще болѣе располагали такихъ людей бѣжать изъ міра въ дебри пустыни: благо тамъ нашелся благодатный мужъ, способный утолить жажду

души, зажечь и поддержать въ ней тотъ огонекъ, при свѣтѣ и теплотѣ котораго легко несется всякое бремя жизни и становится легкимъ благое иго Хрістово.

Не больше двухъ-трехъ лѣтъ прошло со времени его поселенія въ глухихъ лѣсахъ Радонежскихъ, ⁶³ какъ въ Радонежѣ и сосѣднихъ селеніяхъ заговорили о молодомъ пустынникѣ. „Одни“, пишетъ Пахомій Логофеть,—„говорили о его строгомъ воздержаніи, трудолюбіи и другихъ подвигахъ; другіе удивлялись его простотѣ и незлобію; иные рассказывали о его власти надъ духами злыми; а нѣкоторые благоговѣли предъ его дивнымъ смиреніемъ и чистотою душевною“. И вотъ одинъ за другимъ, стали приходить къ нему, сначала ради душеполезной бесѣды и совѣта духовнаго — въ чемъ любвеобильный пустынникъ имъ не отказывалъ,—а потомъ нашлись желающіе и жить близъ него. Иногда приходили по два, по три человекъ, и припадая къ стопамъ его, умоляли, чтобы позволилъ имъ поселиться тутъ.

Жаль было пустыннолюбному Сергію разставаться съ своимъ уединеніемъ; притомъ онъ опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижниковъ, чтобы не пришлось имъ уйти отсюда съ роптаніемъ, подобно тѣмъ малодушнымъ ученикамъ Хрістовымъ, которые говорили: *жестокое слово сіе, кто можетъ его послушати?* (Іоан. 6, 60). ⁶⁴ И онъ сначала не соглашался принимать ихъ, представляя имъ всѣ трудности пустыннаго житія.

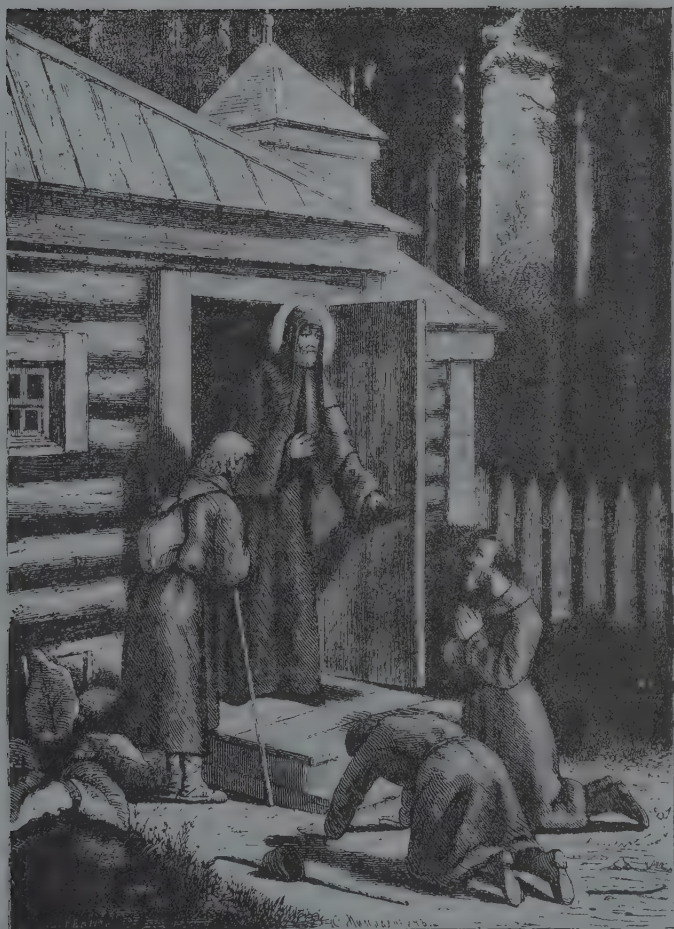
— „Можете ли терпѣть скудость этого мѣста?“ говорилъ Сергій. „Васъ ждетъ здѣсь и голодъ, и жажда, и всякіе недостатки“.

— „Все готовы мы понести, честный отче“, отвѣчали пришельцы: „все понесемъ, при помощи Божіей, за твои святыя молитвы; только объ одномъ просимъ: не удаляя насъ отъ себя, не гони прочь отъ этого святаго и достолюбезнаго мѣста“.

Тронулось доброе сердце подвижника: онъ видѣлъ ихъ благое произволеніе и крѣпкую вѣру въ помощь Божію, и, памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мнѣ не*

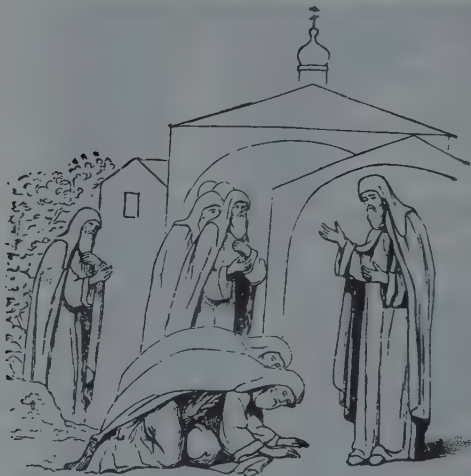
изжену вонъ (Іоан. 6, 37), рѣшилъ принять ихъ. Но опытомъ извѣдавшій всю трудность одиночества, онъ.предупреждалъ ихъ о пустынныхъ скорбяхъ, и укрѣплялъ заранѣе къ подвигу терпѣнія: „желалъ я, братіе мои“, такъ говорилъ онъ, „одинъ скончать въ пустынь свою одинокую жизнь; но Господь сказалъ: *идѣже два или три собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ* (Матѣ. 18, 20), и Давидъ поетъ въ Псалмахъ: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1); посему и я грѣшный не хочу итти противъ воли Господа, Которому угодно устроить здѣсь обитель. Съ радостію я принимаю васъ: стройте каждый себѣ келлію; но да будетъ вамъ извѣстно, что, если вы пришли сюда дѣйствительно работать Господу, и если хотите здѣсь со мною жить, то должны быть готовы терпѣть всякую нужду и печаль, ибо сказано въ Писаніи: *яще приступаеши работати Господеву, уготови душу твою во искушеніе* (Сир. 2, 1): съ нуждею царствіе Божіе воспріимется!..⁶⁵ Да не устраситъ васъ помыслъ, что мѣста сіи—пустынны и скудны потребнымъ для жизни: сами знаете, что *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Узокъ и прискорбенъ путь, вводящій въ жизнь вѣчную, и много званыхъ, а мало избранныхъ и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Хрістово, которому Господь обѣтовалъ царство Отца Своего: Господь не попуститъ намъ искушеній выше силъ нашихъ. Нынѣ печалью Господь посѣтитъ насъ, а завтра печаль нашу въ радость претворитъ и никто этой радости не отниметъ отъ насъ! Дерзайте же, дерзайте, людіе Божіи, ибо Тотъ, Кто призвалъ васъ на мѣсто сіе, Онъ Самъ побѣдитъ и враговъ нашихъ, какъ Богъ всесильный!“

И много другихъ словъ утѣшенія слышали пришельцы отъ любвеобильнаго подвижника, и—можно ли было не привязаться къ нему всею душой? Можно ли было еще колебаться въ сомнѣніяхъ и страшиться подвиговъ пустыннаго житія? Съ такимъ наставникомъ можно все понести, все вытерпѣть: тоска ли сдавить сердце твое,

Иногда приходили по два, по три человека, и, припадая къ
стопамъ Сергія, умоляли, чтобы позволилъ имъ поселиться тутъ..
Стр. 66.

или уныніе овладѣтъ душой; врагъ ли навѣтъ помыслы грѣховныя, или страсти поднимуть въ сердцѣ свои змѣи-ныя головы,—не медли, иди скорѣе къ любящему и горячо любимому наставнику, съ дѣтской простотой открой

предъ нимъ все сердце свое, повѣдай, что томить тебя, пожалуйся ему на себя самого, какъ дитя жалуется нѣжной матери на своего обидчика, и вѣрь: онъ скажетъ тебѣ въ утѣшеніе иногда только два—три слова, но за то какія это чудныя, теплыя благодатныя слова! Они прольютъ миръ въ

душу твою, согрѣютъ ее такою любовію, какою только мать согрѣваетъ грудное дитя, и—все пройдетъ, какъ рукою сниметъ, и станетъ на душѣ такъ тихо, ясно и тепло...

И стали пришельцы строить себѣ хижины около уединенной келліи Сергіевой, и съ дѣтскою любовію начали учиться у него пустыннымъ подвигамъ. Не болѣе двѣнадцати братій собралось въ началѣ около Сергія; и это число долгое время оставалось неизмѣннымъ: когда убывалъ одинъ, приходилъ другой на его мѣсто, такъ что это нѣкоторымъ подавало мысль: не по числу ли двудесяти Апостоловъ, или столькихъ же колѣнъ Израилевыхъ, само собою уравнивается число учениковъ Сергіевыхъ?.. ⁶⁶ Прежде всѣхъ пришелъ къ Преподобному нѣкто *Василій*, быть можетъ за свое строгое воздержаніе прозванный *Сухимъ*; пришелъ онъ съ верховьевъ рѣки Дубны, ⁶⁷ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и не долго поживъ съ Преподобнымъ, отошелъ ко Господу. Другой

ученикъ и сподвижникъ Сергія былъ простолюдинъ, земледѣлецъ *Іаковъ*, который между братіей назывался уменьшеннымъ именемъ—*Якута*; онъ служилъ братіи въ родѣ разсылнаго; впрочемъ, замѣчаетъ преподобный Епифаній, его посылали въ міръ только по крайней нуждѣ, и потому не часто. Сохранились еще имена двухъ учениковъ, пришедшихъ къ Преподобному въ числѣ самыхъ первыхъ—это *Онисимъ* діаконъ и *Елисей*, отецъ съ сыномъ,—земляки Сергіевы, изъ коихъ Онисимъ упоминается раньше въ числѣ переселившихся съ родителями Преподобнаго изъ Ростова въ Радонежъ.⁶⁸ Къ числу первыхъ же учениковъ Сергіевыхъ должно отнести преподобныхъ: *Сильвестра* Обнорскаго, *Меводія* Пѣшношскаго, *Андроника* и др.

Когда построено было 12 келлій, Преподобный обнесъ ихъ высокимъ деревяннымъ тыномъ для безопасности отъ звѣрей, и приставилъ вратаремъ Онисима, котораго келлія была у самаго входа въ обитель. Густой лѣсъ окружалъ обитель со всѣхъ сторонъ; вѣковые деревья стояли надъ самыми келліями, широко осѣняя ихъ и шумя своими вершинами; даже около церкви вездѣ видны были пни и колоды, между которыми и засѣвались различныя огородныя овощи для убогой трапезы отшельниковъ. Вотъ какой смиренный видъ имѣла Лавра Сергіева въ первые годы своего существованія!

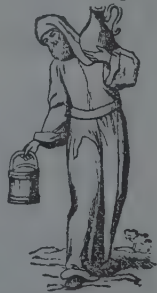
Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынниковъ въ новоустроенной обители. Не было въ ней ни начальника, ни даже пресвитера; однако же строго соблюдался весь порядокъ повседнежнаго Богослуженія, исключая, конечно, литургіи. День отшельниковъ начинался съ глубокой полуночи: во исполненіе словъ Псалмопѣвца—седмерицею днемъ восхвалять Господа (Пс. 118, 164), пустынные подвижники каждый день собирались въ церковь на полунощницу, утреню, третій, шестой и девятый часъ, на вечерню и повечеріе, совершая между сими службами еще частыя молебныя пѣнія. Въ рукописяхъ, сохранившихся отъ того времени въ библіотекѣ Лаврской, нахо-

димъ каноны: за творящихъ милостыню, за болящихъ, за умершихъ. Непрестанная молитва, по заповѣди Апостола (1 Сол. 5, 17), была ихъ постояннымъ правиломъ и въ церкви и въ келліи. А для совершенія Божественной литургіи въ праздничные дни обыкновенно приглашали священника изъ ближайшаго села, или игумена, быть можетъ, того же старца Митрофана, который постригалъ самого Преподобнаго. Священнослужителя всегда встрѣчали съ радостію и съ подобающею честію.

Годъ спустя послѣ того, какъ собрались къ Преподобному братія, пришелъ къ нимъ на жительство и упомянутый игумень Митрофанъ. Сергій очень радъ былъ ему, по нуждѣ въ іереѣ Божіемъ; притомъ онъ надѣялся, что старецъ сей не откажется принять на себя начальство

надъ собравшимися пустынниками; но не долго порадовался Сергій: поживъ немного подъ кровомъ своего постриженника, Митрофанъ тяжело занемогъ и отошелъ ко Господу. И снова обитель осталась безъ совершителя Таинъ Божіихъ, потому что самъ Преподобный, по своему глубокому смиренномудрію, не хотѣлъ принять на себя ни игуменства, ни сана священнаго. Подра

жая кроткому и смиренному сердцемъ Господу, онъ управлялъ только посредствомъ своего примѣра, и точно: по слову Хрїстову, былъ первый тѣмъ, что былъ *всѣмъ слуга* (Марк. 9, 35). Три или четыре келліи для братіи онъ построилъ своими руками, самъ рубилъ и кололъ дрова, носилъ ихъ къ келліямъ, мололъ въ ручныхъ жерновахъ, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, кроилъ и шилъ одежду и обувь, носилъ, на гору воду въ двухъ водоносахъ, и поставлялъ у келліи каждаго брата. Когда кто - нибудь изъ братій отходилъ ко Господу, угодникъ Божій своими руками

омывалъ и приготовлялъ къ погребенію усопшаго ⁶⁹ Однимъ словомъ — онъ служилъ братіи, по выраженію блаженнаго Епифанія, какъ купленный рабъ, всячески стараясь облегчить ихъ трудную жизнь пустынную, хотя и приводилъ братію въ немалое смущеніе такимъ глубокимъ смиреніемъ и трудолюбіемъ.

Служа другимъ въ теченіи дня, Сергій не имѣлъ и одного часа свободнаго отъ труда и молитвы; питался онъ только хлѣбомъ и водою, и то малою мѣрою, а ночь почти всю проводилъ въ келейной молитвѣ, и гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ, всегда имѣлъ въ умѣ и на устахъ слово Псалмопѣвца: *предзрѣхъ Господа предо мною выну. яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). И всѣ сіи многотрудные подвиги не только не ослабили его силъ тѣлесныхъ, но и укрѣпляли ихъ: преподобный Епифаній говоритъ, что въ молодые годы свои угодникъ Божій былъ столь крѣпокъ тѣломъ, что „имѣлъ силу противъ двухъ человѣкъ:“ это было слѣдствіемъ его трудолюбія и строгаго воздержанія, замѣчаетъ при этомъ святитель Платонъ. Когда же Сергій ощущалъ брань вражію и стрѣлы разжженныхъ, пускаемыя

рукою стрѣляющаго во мракѣ въ правыхъ сердцемъ (Пс. 10, 2). онъ еще болѣе усиливалъ свой постъ и молитвенные подвиги. Такъ поработалъ духу тѣло свое смиренный подвижникъ, прилагая труды къ трудамъ; такъ подвизался этотъ земной Ангелъ, желавшій паче всего содѣлаться гражданиномъ горняго Іерусалима! А братія съ любовію и благоговѣніемъ взирали на своего возлюбленнаго авву, и всѣми силами старались подражать ему.

И трудно было пришедшему въ первый разъ поѣтителю различить, кто былъ старшій изъ нихъ, и кто младшій, кто начальникъ мѣста сего, и кто подчиненный, потому что, взирая на смиреннаго и кроткаго Сергія, каждый старался смирять себя предъ смиреннѣйшимъ. Всѣ считали другъ друга братіями, и никто изъ нихъ не хотѣлъ

быть старшимъ. Какой поучительный урокъ гордымъ сынамъ нашего суетнаго вѣка, желающимъ весь міръ передѣлать по своимъ безумнымъ мечтамъ! Не путемъ безначалія, насилій и полной разнузданности

страстей человѣческихъ достигаются истинно - братскія отношенія между людьми, а путемъ глубочайшаго смиренія, путемъ полного самоотреченія въ духѣ Евангельской любви, когда люди забываютъ о своихъ правахъ, и во имя любви думаютъ только о своихъ обязанностяхъ, да горько оплакиваютъ немощи падшей природы своей...

Свободные отъ молитвы часы отшельники проводили въ постоянныхъ трудахъ. Молитва и трудъ, по ученію св. Отцевъ, неразлучны въ жизни инока, и ученики Сергіевы трудились надъ воздѣлываніемъ своихъ небольшихъ огородовъ для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келліи, сами готовили себѣ пищу, шили себѣ одежды, переписывали книги и можно думать—занимались даже иконописаніемъ.⁶⁹

Разлучившись съ Сергіемъ братъ его Стефанъ, конечно, не прерывалъ съ нимъ духовнаго общенія, и живя въ Москвѣ, быть можетъ, по временамъ навѣщалъ его въ пустынь Радонежской. Можетъ быть, иногда приводилъ онъ сюда и малютку сына, *Іоанна*, который въ дѣтствѣ жилъ въ домѣ своего дяди Петра, въ Радонежѣ. Наслышавшись о богоугодной жизни своего святаго дяди, 12-лѣтній *Іоаннъ* возгорѣлся желаніемъ жить подъ его

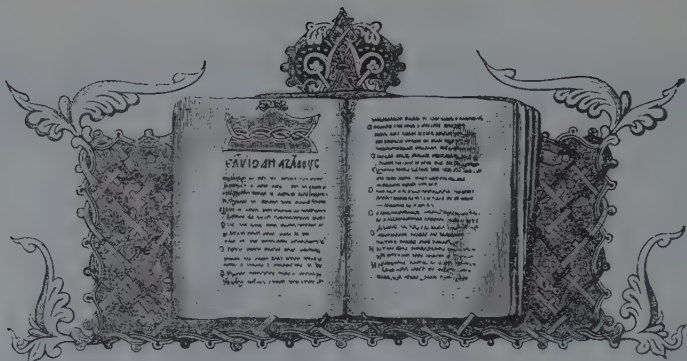
духовнымъ водительствою, и однажды пришелъ къ нему вмѣстѣ съ отцемъ. Держа отрока за руку, Стефанъ самъ ввелъ его въ пустынную церковь, и передавая его брату, къ удивленію всей братіи заявилъ свое желаніе немедленно облечь его въ Ангельскій образъ... Не сталъ противорѣчить Сергій этому желанію старшаго брата, который, подобно древнему Аврааму, отдавалъ Богу своего сына. И вотъ отрокъ Іоаннъ принимаетъ постриженіе, быть можетъ, отъ своего отца, и нарекается *Теодоромъ*... ⁷¹ Чистый

душею и сердцемъ, отрокъ беззавѣтно отдалъ себя преподобному дядѣ, и скоро навывкъ всѣмъ добродѣтелямъ иноческимъ. Въ обители Сергіевой будущій Архіепископъ Ростовскій прожилъ около 22 лѣтъ; въ это, конечно, время онъ научился здѣсь иконописанію, и былъ однимъ изъ первыхъ иноковъ иконописцевъ Сергіевой Лавры. ⁷²

ГЛАВА VIII.

ВЛАСТЬ ЗА ПОСЛУШАНИЕ.

Нужда въ игуменѣ. — Черная смерть. — Желанія братіи. — Скорбь смиренія Сергіева. — Просьбы братіи. — Угроза любви. — Братолюбіе побѣждаетъ. — Святитель Асаназіѣ. — „Ты не имѣешь послушанія!“ — Сергій іеродіаконъ, іеромонахъ и игумень. — Святительское поученіе. (1354).

РѢДѢИША, Образе истиннаго смиренія...

Акад. ѿ, Ік. ѿ.

РѢДѢИША, Инокшез наставниче предѣльный!

Ік. ѿ.

РѢДѢИША, ДѢВЪ ОТОМЪ ПОДКОСНІВЫША СО КЕМЪ
КНАЗЪ СМІРЕНІЕШЪ... Ік. н.

коло двѣнадцати лѣтъ протекло со времени прихода къ Преподобному Сергію его первыхъ сподвижниковъ, а игумена въ новой обители все еще не было. Правда, въ средѣ отшельниковъ царило полное единодушіе и братская любовь; каждый готовъ былъ, еслибы оказалось нужнымъ, пожертвовать самою жизнію, не говоря уже объ удобствахъ, для сохраненія мира и спокойствія остальныхъ братій, и такое безначаліе, конечно, было крѣпче всякаго порядка, существующаго въ міру; тѣмъ болѣе, что одно слово любимаго наставника могло прекратить всякое несогласіе и побудить къ подчиненію уставамъ монашескимъ; но таковъ ужь Самимъ Богомъ изначала установленный законъ для обществъ

человѣческихъ, чтобъ во главѣ ихъ непремѣнно стояла власть, въ послушаніи коей выражалось бы послушаніе людей Самому Богу — Творцу и Владыкѣ всяческихъ. Правда, что Сергій на дѣлѣ былъ истиннымъ руководителемъ въ духовной жизни своихъ учениковъ; но все же онъ не былъ еще и, безъ сана священнаго, не могъ быть ихъ *духовнымъ отцемъ* въ таинствѣ покаянія; а эта должность въ древнихъ обителяхъ нерѣдко соединялась съ должностью игумена или настоятеля обители. Притомъ неудобно было каждый разъ для Богослуженія призывать сосѣдняго священника, — нельзя было не имѣть въ обители лица, облеченнаго священною властію вязать и рѣшить согрѣшающихъ.

Особенно должна была сказаться нужда въ священнослужителѣ въ то время, когда надъ Русскою землею разразилось тяжкое бѣдствіе — моровая язва, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *черной смерти*; она появилась въ предѣлахъ Россіи около 1348 года и опустошала ее въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, переходя изъ края въ край, изъ города въ городъ. Справедливо говоритъ одинъ историкъ: „Ангелъ смерти никогда не губилъ вдругъ столько людей съ самаго Ноева потопа, сколько погибло ихъ съ 1348 по 1350 и въ слѣдующіе годы“. Страхъ и ужасъ объялъ всѣхъ и каждого; уныніе распространилось повсюду. Ничѣмъ нельзя было остановить грознаго шествія „черной смерти“, не было отъ нея никакого спасенія. Въ одномъ Китаѣ легло въ могилу до 13 милліоновъ народа; вымирали цѣлые города, становились безлюдными цѣлыя области. Въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и Суздальѣ едва уцѣлѣла одна третья часть населенія: въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного человѣка. Не успѣвали хоронить умершихъ: отпѣвали по тридцати — по сорока человѣкъ заразъ. клали по три, по пяти человѣкъ въ одинъ гробъ... Въ короткое время умерли: Митрополитъ Θεогностъ, два сына Великаго Князя и самъ Великій Князь Симеонъ Ивановичъ... ⁷³

Въ эту тяжкую годину многіе православные Русскіе

люди шли въ монастыри: подъ благодатнымъ кровомъ святыхъ обителей не такъ страшно было и умереть, какъ въ средѣ мірской суеты; здѣсь каждый могъ съ мирною душою совершенно предать себя въ волю Божию и приготовиться къ смерти по хрістіански. Можно ли сомнѣваться, что и къ Преподобному Сергію, въ его пустынную обитель, въ это время особенно много приходило людей, искавшихъ у сего благодатнаго инока-подвижника утѣшенія въ горестяхъ жизни, въ тяжелой потерѣ близкихъ сердцу, мирнаго приготовленія къ переходу въ будущую жизнь? И могъ ли онъ, любвеобильный отецъ, отвергать сихъ несчастныхъ пришельцевъ? Но принимая ихъ, онъ долженъ былъ заботиться и объ удовлетвореніи ихъ духовныхъ нуждъ, о напутствіи приготовляющихся къ смерти—таинствами Церкви. Такъ самыя обстоятельства, а лучше сказать — Промыслъ Божій располагалъ эти обстоятельства къ тому, чтобы въ обители Сергіевой былъ свой совершитель таинъ Божіихъ, а съ умноженіемъ братіи и свой игумень...

Преподобный Сергій, по своему смиренію, и слышать не хотѣлъ, чтобы ему принять эту должность; онъ всегда говорилъ, что „желаніе игуменства есть начало и корень властолюбія;“ тѣмъ не менѣе и самъ онъ сознавалъ нужду въ духовномъ пастырѣ для своей обители. Одного боялся онъ, чтобы братія не стала настаивать на своемъ желаніи имѣть его своимъ игуменомъ; и потому усердно молилъ Господа, чтобы Самъ Онъ далъ имъ наставника, который могъ бы управить душевный корабль ихъ отъ волнъ потопленія къ пристанищу спасенія. И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышалъ молитву Своего угодника, и поелику никто, лучше самого просившаго, не могъ послужить на семъ мѣстѣ къ славѣ имени Его, благоволилъ его самого и дать игуменомъ братіи. Вотъ какъ это было.

Въ сердцахъ братіи уже давно сложилось желаніе поставить на игуменство своего возлюбленнаго авву, а при столь скорбныхъ обстоятельствахъ, о коихъ мы сейчасъ

упомянули, еще болѣе усилилось это единодушное желаніе. „И въ самомъ дѣлѣ“,—замѣчаетъ святитель Платонъ: „на комъ прежде всего могли они остановиться мыслію? Каждый, сравнивая свои подвиги съ его подвигами и добродѣтелями, съ его опытностію и заслугами предъ Богомъ, и въ мысляхъ стыдился присвоивать себѣ такое преимущество, чтобы затмить собою свѣтъ столь ясно горящаго свѣтильника“. Сообщая свои чувства одинъ другому, они рѣшились наконецъ обратиться съ своимъ желаніемъ къ Преподобному. Укрѣпивъ себя надеждою на Бога, братія пришли къ нему всѣ вмѣстѣ и сказали:

„отче! мы не можемъ долѣе жить безъ игумена; исполни наше сердечное желаніе: будь намъ игуменомъ, будь наставникомъ душъ нашихъ; мы будемъ каждый день приходить къ тебѣ съ покаяніемъ и открывать предъ тобою нашу совѣсть; а ты будешь подавать намъ прощеніе, благословеніе и молитву. Мы желали бы видѣть тебя совершающимъ ежедневно Божественную литургію, и отъ

твоихъ честныхъ рукъ причащаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желаніе; не откажи намъ въ этой милости!“

Такое единодушное заявленіе всей братіи, конечно, не было неожиданнымъ для угодника Божія; тѣмъ не менѣе его глубокому смиренію не легко было выслушать его. „Не труда и подвига убѣгалъ онъ“, говоритъ святитель Платонъ, „а считалъ себя недостойнымъ такого сана, и разсуждалъ, что, будучи подначальнымъ, онъ удобнѣе устроить дѣло своего спасенія, нежели тогда, когда приметъ на себя нелегкое бремя попеченія о спасеніи другихъ“. Съ другой стороны, онъ хорошо понималъ, что

его рѣшительный отказъ глубоко опечалить всю братію, столь горячо имъ любимую, и будетъ имѣть скорбныя послѣдствія для самой обители. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, подвижникъ вздохнулъ изъ глубины сердечной и смиренно отвѣчалъ просителямъ: „братіе мои! у меня и помысла никогда не было объ игуменствѣ; одного желаетъ душа моя — умереть здѣсь простымъ чернецомъ. Не принуждайте же меня и вы, братія! Оставьте меня Богу: пусть Онъ, что хочетъ, то и творить со мною“.

Но братія настаивала на своемъ. — „Зачѣмъ ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желаніе? Вѣдь ты основатель обители сей; будь же ей и настоятель. Твоя добродѣтель собрала насъ сюда: она же пусть и управляетъ нами. Ты насадилъ виноградъ сей: ты и питай насъ своимъ ученіемъ и плодами примѣра твоего. Вотъ наше послѣднее слово: или самъ будь намъ игуменомъ, или, если не хочешь, иди, испроси намъ игумена у святителя; если же не такъ, то мы всѣ разойдемся отсюда“.

Мысль объ *иномъ* игуменѣ лично для смиреннаго Сергія, конечно, была пріятна: онъ готовъ былъ сдѣлаться послѣднимъ послушникомъ у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть начальникомъ. Но любовь къ ближнему требовала на этотъ разъ забыть о себѣ и подумать о пользѣ братіи; а духовный опытъ указывалъ опасность, что новый, чуждый по духу обители игуменъ задумаетъ вводить новые порядки, что эти порядки могутъ смутить братію, которая привыкла смотрѣть на порядки, установленные самимъ основателемъ пустынножительства, какъ на неизмѣнный законъ; а отсюда можетъ возникнуть не мало искушеній и нестроеній въ юной обители. Посему, не рѣшая вопроса окончательно, но желая по возможности отдалить это рѣшеніе, Преподобный кротко сказалъ братіи: „идите пока съ Богомъ каждый въ свою келлію; лучше помолимся всѣ поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ Самъ открылъ намъ волю Свою; и тогда увидимъ, что намъ дѣлать“.

Братія послушалась любимаго аввы и разошлась; но не надолго. Прошло нѣсколько дней и старцы опять пришли къ Преподобному и стали умолять его — принять санъ игумена. „Вѣдь ради тебя мы и сошлись-то сюда, въ это мѣсто пустынное“, говорили они, „мы слышали о твоихъ подвигахъ, знаемъ труды твои; вѣдь ты своими руками построилъ и эту церковь во имя Живоначальныя Троицы. И мы вѣруемъ, что въ тебѣ обитаетъ благодать Ея, и потому вотъ пришли сюда, возложивъ упованіе на Господа, и желаемъ совершенно предать себя твоему руководству. И такъ, будь нашимъ игуменомъ и духовнымъ отцемъ и, предстоя престолу Божию, возноси за насъ свои теплыя молитвы. Вѣдай, отче“, присовокупляли къ сему старѣйшіе изъ нихъ, „мы шли сюда въ надеждѣ, что ты упокоишь нашу старость и похоронишь наши кости“.

Тронутый до глубины души такою любовію братіи, смиренный подвижникъ открылъ предъ ними все свое сердце: онъ сталъ говорить имъ о своемъ недостойствѣ, всячески упрашивалъ и умолялъ не принуждать его къ принятію священнаго сана и игуменства. „Простите меня, отцы мои и господіе“, такъ говорилъ онъ: „кто я грѣшный, чтобы быть мнѣ іереемъ Божиимъ? Какъ дерзну я на такое служеніе, предъ которымъ со страхомъ и трепетомъ преклоняются и самые Ангелы? Нѣтъ, это выше мѣры моей, отцы мои; я еще не начиналъ жить по монашески: какъ же я осмѣлюсь коснуться святыни Божіей? Вотъ мое дѣло: плакать о грѣхахъ моихъ, чтобы вашими же святыми молитвами достигнуть онаго края желаній, къ которому стремится отъ юности моя грѣшная душа“.

Сказалъ сіе Преподобный, и, чтобы не продолжать болѣе сего тяжкаго для его смиренія спора, ушелъ въ свою келлію...

Тогда сподвижники его поняли, что имъ не склонить его къ своему желанію кроткимъ словомъ сыновней любви,—оставалось употребить средства болѣе рѣшитель-

ныя. Уже не со слезами только, но и съ горькимъ словомъ упрека и даже угрозы приступили они теперь къ своему аввѣ. „Мы не желаемъ спорить съ тобою, отче честный“, сказали они: „мы вѣруемъ, что Самъ Богъ привелъ насъ сюда; мы сердечно желали подражать твоему житію и подвигамъ, и чрезъ то надѣялись достигнуть вѣчнаго блаженства. Но если ужъ ты не хочешь пещись о душахъ нашихъ и быть нашимъ пастыремъ, то мы всѣ принуждены будемъ оставить это мѣсто, — мы уйдемъ отъ храма Пресвятыя Троицы, и будемъ невольными нарушителями нашего обѣта, — будемъ блуждать какъ овцы безъ пастыря, и расхитить насъ мысленный волкъ; а ты дашь за насъ отвѣтъ нелицепріятному Судіи-Богѣ!“

Еще разъ попытался было угодникъ Божій отклонить отъ себя высокую честь; еще разъ сказалъ братіи: „отцы мои! вы излишне понуждаете меня, я излишне отрицаюся: къ чему это?“...—но все было напрасно: братія стояла на своемъ, и братолюбіе побѣдило.

— „Желаю“,—сказалъ Преподобный,—„лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божія; не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будетъ!“

Это значило, что онъ болѣе спорить не будетъ, и предаетъ все дѣло въ волю Божию.

„Какая прекрасная распря!“ замѣчаетъ святитель Филаретъ Московскій, — „распря едва ли не превосходнѣйшая, нежели самое согласіе. Здѣсь смиреніе старшаго сражается съ любовію и покорностію младшихъ — единственная брань, въ которой ни одна сторона не теряетъ, а обѣ пріобрѣтаютъ въ каждомъ сраженіи! Какъ благополучны былибы общества, еслибы члены ихъ такъ же препирались между собою за сохраненіе подчиненности, а не за домогательство власти!“

„Въ мірскихъ обществахъ“, говоритъ другой святитель, Филаретъ Черниговскій, — „люди сражаются другъ съ другомъ за власть, и чрезъ то производятъ разстрой-

ство въ дѣлахъ, разстройство въ сердцахъ, и губятъ себя и другихъ жаждою власти. А тутъ—все совершенно обратно: какъ благотворенъ законъ Твой, Господи!“

Побѣжденъ былъ смиренный Сергій любовію къ братіи, однакоже не хотѣлъ выступить изъ обычнаго порядка; а можетъ быть не терялъ еще надежды, что высшая церковная власть не соизволитъ на поставленіе его во игумена. „Отцы и братія“, сказалъ онъ сотрудникамъ своимъ въ подвигѣ пустынномъ: „не хочу болѣе прекословить вамъ; но не намъ рѣшать это дѣло: пусть рѣшитъ его святитель; и такъ, пойдете же къ нему“.

Московского первосвященника, Митрополита Алексія, въ то время не было въ Россіи: въ 1354 году онъ путешествовалъ въ Царьградъ по дѣламъ церковнымъ ⁷³, а управленіе дѣлами митрополіи, на время своего отсутствія, поручилъ Волынскому Епископу Аѳанасію, который жилъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ Нагорномъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ ⁷⁴. Туда и отправился Преподобный Сергій, взявъ съ собою двухъ старѣйшихъ иноковъ.

Раннимъ утромъ, предъ самою литургіею явился Преподобный къ святителю. Онъ палъ къ ногамъ его и просилъ благословенія. Епископъ спросилъ его: кто онъ и откуда?

— „Грѣшный инокъ Сергій — мое имя“, смиренно отвѣчалъ пришедшій.

Имя Сергія давно было извѣстно Аѳанасію: онъ раньше много слышалъ о его пустынныхъ подвигахъ, объ основанной имъ обители и о постройкѣ церкви, и теперь очень радъ былъ видѣть у себя такого гостя. Онъ съ любовію принялъ его, отечески поцѣловалъ, и долго бесѣдовалъ съ нимъ о спасеніи души.

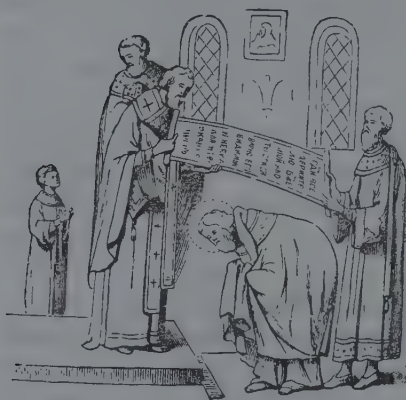
Въ заключеніе сей бесѣды гость смиренно поклонился хозяину и сталъ просить у него игумена для новой обители.

„Сынъ и братъ мой!“ отвѣчалъ ему, какъ бы по вдох-

новенію свыше, святитель Божій: „Господь Богъ устами Пророка Давида сказалъ: *вознесохъ избраннаго отъ людей Моихъ, ибо рука Моя заступитъ его* (Пс. 88, 20. 22); и Апостоль говоритъ: *никтоже самъ о себѣ пріемлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже Ааронъ* (Евр. 5, 4). А тебя воззвалъ Господь Богъ отъ чрева матери твоей, какъ отъ многихъ слышалъ я о томъ; посему ты и будь отнынѣ отцемъ и игуменомъ для братіи, тобою же собранной въ новой обители Живоначальныя Троицы“.

Подвижникъ сталъ было отклонять отъ себя это назначеніе, ссылаясь на свое недостойнство; но блаженный пастырь внушительно остановилъ его, сказавъ: „возлюбленный! ты все стяжалъ, а послушанія не имѣешь“, — и симъ словомъ обезоружилъ смиреннаго Сергія, который

съ покорностію на это отвѣчалъ: „какъ Господу Богу угодно, такъ и пусть будетъ; благословенъ Господь во вѣки!“ И всѣ присутствовавшіе при этомъ единодушно сказали: „аминь!“

Тогда святитель со всѣми священно-служителями пошелъ въ церковь, взявъ съ собою и Преподобнаго; тамъ онъ облачился во всѣ священныя одежды, велѣлъ Сергію гласно произнести Символъ вѣры, и, осѣнивъ крестообразно его преклоненную главу, поставилъ его во уподіакона. Началась Божественная литургія и Сергій произведенъ былъ во іеродіакона; а на другой день облаченъ и благодатію священства. Святитель распорядился,

чтобы на слѣдующій день новоблагодатный іеромонахъ Сергій одинъ совершилъ Божественную литургію. Нужно ли говорить, съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ впервые приносилъ Преподобный Сергій безкровную жертву собственными руками? Онъ весь исполненъ былъ благоговѣйнаго страха и весь сіялъ неземною радостію...

По окончаніи литургіи святитель Аѳанасій произнесъ надъ нимъ молитвы, совершающія его поставленіе во игумена. За тѣмъ онъ пригласилъ новаго игумена въ свои келліи, и тамъ, въ отеческой съ нимъ бесѣдѣ наединѣ, наставилъ его въ правилахъ апостольскихъ и святоотеческомъ ученіи о спасеніи души и руководствѣ подчиненныхъ ему иноковъ. „Чадо“, говорилъ онъ, „вотъ, ради святаго послушанія къ намъ, воспріялъ ты теперь санъ священный; знай же, что сіе служеніе дается только *вѣрнымъ человекомъ*, какъ говоритъ Апостоль Христовъ, *уже довольни будутъ и иныхъ научити* (2 Тим. 2, 2).

Посему надлежитъ тебѣ, возлюбленный, по заповѣди великаго Апостола, *немоги немощныхъ носити и не себѣ угождати* (Рим. 15, 1). Помни слово его: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Если будешь такъ поступать, то и себя спасешь, и живущихъ съ тобою“.

Такъ заключилъ свое поученіе святитель и, благословивъ новопосвященнаго, отпустилъ его съ миромъ. И пошелъ онъ, новый игуменъ, облеченный теперь свѣше благодатію и властію іерейскою, въ свою родную обитель, чтобы прилагать тамъ труды къ трудамъ, и восходя на небо по лѣствицѣ христоподражательнаго смиренія, вести туда же за собою и всѣхъ присныхъ учениковъ своихъ...

ГЛАВА IX.

СМИРЕННЫЙ ИГУМЕНЪ.

Радость обители.—Первое поучение брати.—Смирненное прошение игумена.—Труды игумена.—Архимандрить послушникъ.—Умноженіе брати.—Разширеніе обители.—Сергій „яко единъ отъ древнихъ“.—Свидѣтельство пр. Іосифа Волоколамскаго. (1354 — 1391).

Рѣдѹица, добрый стада своего ѿночествую.
прихъ наставниче ѿ правѣтелю... Іѡанн. 3, Іѡанн. 4.
Рѣдѹица, желаемыхъ блага пришедшымъ къ
тебѣ подаѣтелю... Іѡанн. 4.

Рѣдѹица, свѣщникъ тричастный, свѣтаѣиши.
ми бѣгобѣиши доверодѣтели свѣтаѣиши.

Рѣдѹица, свѣтаѣиши доверодѣтели, лю-
бовію къ Бѣгу и къ ближнимъ горѣиши!
Іѡанн. 3, Іѡанн. 4.

Съ нетерпѣніемъ ожидали братія своего
перваго игумена, — говоримъ „перваго“
потому, что почившій въ Бозѣ игуменъ
Митрофанъ былъ только случайнымъ пред-
ставителемъ власти, которымъ Преподобный Сергій только
хотѣлъ оградить себя отъ необходимости начальство-
вать. — Съ какою-же радостію вышли они теперь на

встрѣчу своему новому начальнику, или, лучше сказать, своему давнему наставнику и любимому отцу! Со слезами сыновней любви поклонились они ему до земли. Радовался и святой игумень, смотря на радость любимых чадъ своихъ. Войдя во врата обители, онъ прошелъ во храмъ, и тамъ, весь въ слезахъ, палъ ницъ предъ святою иконою Живоначальныя Троицы, прося благодатной помощи въ предстоящемъ ему многотрудномъ служеніи. Въ пламенной молитвѣ своей онъ призывалъ на помощь

Пресвятую Владычицу Богородицу и безплотныхъ служителей у Престола благодати—святыхъ Ангеловъ и Архангеловъ, святаго Предтечу Хрїстова и мудрыхъ Апостоловъ; онъ вспомнулъ и великихъ Святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и всѣхъ святыхъ, дабы ихъ молитвами укрѣпила его десница Вседержителя — неосужденно, со дерзновеніемъ и несмущеннымъ сердцемъ предстоять престолу Пресвятыя Троицы и касаться руками Агнца Божія, закланнаго за спасеніе міра.

Окончивъ молитву, онъ обратился къ братіи съ словомъ поученія, убѣждая ихъ не ослабѣвать въ подвигахъ ради Царства небеснаго. „Царствіе Божіе“, говорилъ

онъ между прочимъ, „съ нуждею воспріемлется, и только понуждающіе себя восхищаютъ оное (Мѡ. 11, 12). Подвизайтесь же, братіе, войти въ него узкими вратами! (Мѡ. 7, 3). *Пріидите, чада, послушайте мене, по слову Давидову, я страху Господню научу васъ* (Пс. 33, 12). Помните слова Апостола: *плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23). Подвигъ немалый предстоить намъ противу невидимаго врага, ибо *діаволъ яко левъ рыкающій ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Не устрашимся, други, этого подвига, чтобы страшнаго геенскаго мученія избѣгнуть; пусть сведены будутъ руки отъ трудовъ: будемъ простираť ихъ только къ Богу, а ноги— пусть неподвижно стоятъ на молитвѣ!.. Не будемъ, братіе, щадить естество тлѣнное, со всѣмъ усердіемъ возмемся за подвигъ, чтобы получить побѣдныя вѣнцы отъ Христа Бога!“ ⁷⁸

Послѣ поученія святыи игуменъ въ первый разъ благословилъ свою братію. При этомъ онъ поручалъ себя ихъ молитвамъ, исповѣдуя свою немощь въ виду той тяжкой отвѣтственности предъ Богомъ, какую онъ принималъ на себя, еслибы кто подвергся соблазну по его винѣ.—„Молитесь, братіе, обо мнѣ“, говорилъ смиренный игуменъ, „ибо я человѣкъ малосвѣдущій и неопытный. Вотъ я принялъ отъ Царя Небеснаго талантъ, и долженъ буду отдать въ немъ отчетъ. Страшитъ меня слово Господа: *иже аще соблазнить единаго малыхъ сихъ вѣрующаго въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мѡ. 18, 6). Какое же горе угрожаетъ тому, кто своимъ неразуміемъ погубить многія души! И буду ли я имѣть дерзновеніе, представъ предъ Господа, сказать Ему: *се азъ и дѣти, яже ми далъ еси?* (Исаи 8, 18). Услышу ли я сей Божественный гласъ великаго Пастыря горнихъ и дольнихъ, съ милосердіемъ вѣщающаго: *благій рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа своего?*“ (Мѡ. 25, 21).

Такъ вступилъ Преподобный въ управленіе своею

родною обителію. Поучая братію, онъ избѣгалъ многоглаголанія; его рѣчь обнаруживала глубокое знаніе Священнаго Писанія, духъ и смыслъ котораго онъ постигалъ не умомъ только, но и сердцемъ, просвѣщаемый благодатію Божіей и руководимый опытомъ духовной жизни. Оттого всѣ его поученія, при своей простотѣ и краткости, были проникнуты особенною силою, дышали благодатнымъ помазаніемъ и властно дѣйствовали на сердца слушателей. Въ одной изъ рукописей XVII вѣка, принадлежавшихъ Новгородской Софійской библіотекѣ, а нынѣ находящихся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, есть такое *поученіе Преподобнаго Сергія*:

„Внимайте себѣ, братіе, всѣхъ молю: прежде имѣйте страхъ Божій и чистоту душевную и любовь нелицемѣрную; къ симъ и страннолюбіе, и смиреніе съ покореніемъ, постъ и молитву. Пища и питіе въ мѣру; чести и славы не любите, паче же всего бойтесь и поминайте часъ смертный и второе пришествіе“. ”

Вотъ и все поученіе. Дѣйствительно ли оно написано самимъ Преподобнымъ Сергіемъ, или только записано его учениками, но отъ него несомнѣнно вѣетъ духомъ Сергіева смиренія, и потому мы читаемъ его, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, на многихъ древнихъ иконахъ угодника Божія, написаннымъ въ свиткѣ.

Блаженный Епифаній говоритъ, что Преподобный Сергій всегда имѣлъ предъ духовнымъ взоромъ своимъ великіе образцы ангелоподобной жизни такихъ свѣтильниковъ монашества, какъ великіе Антоній и Евѣимій, Савва Освященный и Пахомій, Ѳеодосій Киновіархъ и другіе. Поэтому въ своихъ бесѣдахъ съ братією и въ поученіяхъ онъ любилъ воспоминать объ ихъ подвигахъ и всегда удивлялся, какъ они, будучи облечены плотію, побѣждали враговъ безплотныхъ и были страшны діаволу; сильные земли въ удивленіи склонялись предъ ними, а они во смиреніи благодѣтельствовали людямъ: исцѣляли больныхъ, избавляли отъ бѣдъ на сушѣ и на морѣ, представляли въ часъ смертный, питали нищихъ, вдовъ

и сиротъ, по слову Апостола: *ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 10). Размышляя о семъ, Преподобный усердно молилъ Бога, дабы сподобилъ его непреткновенно итти по стопамъ сихъ подвижниковъ, и убѣждалъ братію подражать ихъ равноангельной жизни.

Игуменство Преподобнаго Сергія во многомъ напоминало игуменство Преподобнаго Феодосія Кіево-Печерскаго: та же строгость къ себѣ и любовь къ братіи, та же неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, обличеніе праздныхъ, тихія, кроткія рѣчи, растворенныя слезами отеческой любви. Въ отношеніи къ братіи и въ санѣ игумена онъ нисколько не перемѣнился. По прежнему онъ училъ не столько словомъ, сколько своимъ примѣромъ. Къ великому утѣшенію братіи, каждый день совершалъ онъ Божественную литургію. Никакая усталость, никакія дѣла и заботы не могли помѣшать ему первымъ являться въ церковь ко всякому Богослуженію, и выходилъ онъ изъ церкви—всегда послѣднимъ. Въ продолженіи всей службы Божіей онъ стоялъ какъ свѣча, и отнюдь не позволялъ себѣ прислоняться къ стѣнѣ, „что знаменовало“, по выраженію святителя

Московского Филарета, „мысль въ Богомыслии водруженную, и духъ непобѣждаемый лѣнностію тѣла“. Сидѣнія въ церкви не допускалъ—никогда. Памятуя слова Господа: *иже аще хочетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ* (Мр. 10, 44), онъ и въ санѣ игумена продолжалъ по прежнему служить братіи въ домашнихъ дѣлахъ: онъ самъ скатывалъ свѣчи, варилъ кутію, или коливо, которое въ тѣ времена было прино-

симо въ церковь на память всѣхъ великихъ святыхъ, особенно же просфоры всегда приготавливалъ самъ, не допуская никого изъ братіи участвовать въ этомъ, хотя, конечно, многіе и желали того; даже и пшеницу для сего мололъ самъ. А потомъ приносилъ сіи чистые труды благоговѣй-

ныхъ рукъ своихъ къ алтарю Божію для безкровной жертвы Господу Богу.

Въ началѣ игуменства Преподобнаго Сергія, какъ мы уже говорили, число братій въ его обители не превышало двѣнадцати. Такъ было до 1357 года, когда пришелъ къ нему архимандритъ Симонъ — первый принятый имъ сверхъ сего числа. Съ этого времени число братіи стало возрастать: „многіе хрістолюбцы, имена коихъ записаны у Господа въ книгѣ жизни“, говоритъ блаженный Епифаній, „стали издалека приходить къ Сергію, оставляя суету житейскую и приклоняя свои главы подъ благое иго Господне“. Кажется, всего чаще приходили къ нему земляки—Ростовцы: кромѣ Елисея и Онисима, мы знаемъ Андроника и Аѳанасія, уроженцевъ Ростовскихъ.

Упомянутый выше архимандритъ Симонъ былъ дивный мужъ, старѣйшій изъ архимандритовъ области Смоленской. извѣстный своими добродѣтелями и строгою жизнію. Слушая рассказы о подвигахъ Преподобнаго Сергія, онъ возгорѣлся ревностію по Богѣ, оставилъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, оставилъ почетъ и уваженіе, коими пользовался тамъ, оставилъ наконецъ родную сторону, разстался съ друзьями и всѣми близкими, и съ посохомъ простаго странника пришелъ въ пустыню Радонежскую. Съ глубокимъ смиреніемъ просилъ онъ Преподобнаго Сергія принять его въ число своихъ послушниковъ, и Преподобный съ любовію и радостию принялъ смиреннаго архимандрита. Много лѣтъ провелъ усердный Симонъ въ послушаніи у святаго игумена; на его пожертвованіе былъ построенъ болѣе просторный—но только деревянный, какъ и первый — храмъ Живоначальныя Троицы; украшенный всѣми добродѣтелями подвижника пустыни, въ глубокой старости преставился онъ къ Богу, и Преподобный игуменъ съ великою честію проводилъ его въ могилу.

Мало по-малу расширялась обитель Сергіева и принимала видъ вполне благоустроеннаго монастыря. Тамъ, гдѣ прежде была непроходимая чаща, гдѣ нѣкогда бродили страшные медвѣди, и никогда не ступала нога

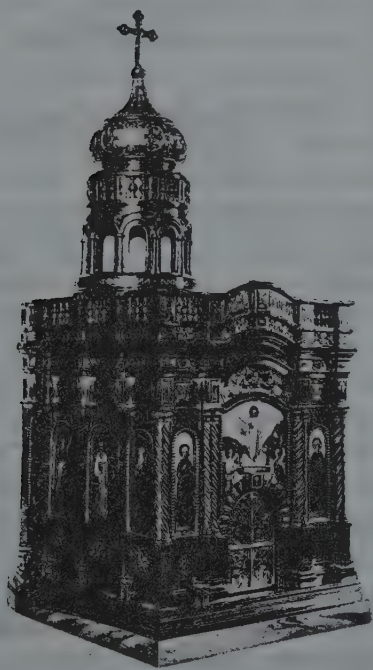
человѣческая, тамъ теперь расцвѣла пустынная обитель; ея келліи, сначала разбросанныя безъ порядка по дремучему лѣсу, мало-по-малу, были поставлены четвероугольникомъ вокругъ церкви, которая такимъ образомъ стояла среди монастыря въ своей скромной пустынной красотѣ и была видима изъ всѣхъ келлій.—И въ этой церкви, и въ этихъ убогихъ на видъ келліяхъ не умолкало славословіе Господу, и въ тишинѣ пустынной смиренные иноки неустанно трудились, подѣ опытнымъ руководствомъ своего святаго игумена Сергія, надѣ очищеніемъ своего сердца отъ страстей, стараясь вовсе позабыть о томъ, что тамъ, за предѣлами ихъ завѣтной пустыни, есть другой міръ, который шумитъ и волнуется какъ море непостоянное, погружая людей въ мутныя волны житейской суеты... „Есть“, замѣчаетъ преподобный писатель житія Сергіева,—„есть въ древнихъ книгахъ отеческихъ такое сказаніе: сошлись однажды святыя отцы и повели между собою бесѣду о послѣднихъ временахъ. Въ пророческомъ духѣ говорили они, что въ послѣднія времена люди будутъ слабы, и не будетъ среди ихъ такихъ великихъ подвижниковъ, каковы были первые отцы-пустынножители. Но вотъ, Богъ укрѣпилъ Преподобнаго Сергія и въ послѣднемъ родѣ, и явилъ въ немъ какъ бы одного изъ древнихъ отцевъ. Онъ водворился въ глуши лѣсной, не страшась привидѣній діавольскихъ, и за то Богъ оградилъ обитель его полками Ангельскими. Многіе приходили къ нему, чтобы спастись души свои подѣ его мирнымъ кровомъ, и никому онъ не отказывалъ—ни старому, ни юному, ни богатому, ни убогому; всѣхъ принималъ онъ съ радостію и съ любовію, по слову Евангельскому: *грядущаго ко мнѣ не изгнecu вонъ* (Іоан. 6, 37),—только не скоро постригалъ. Прикажетъ, бывало, одѣть пришельца въ длинную свитку изъ грубаго чернаго сукна, и велитъ ему проходить какое-нибудь послушаніе вмѣстѣ съ прочими братіями, пока тотъ не навикнетъ всему уставу монастырскому; потомъ облечетъ его въ одежду монашескую“, или, какъ нынѣ говорятъ: въ рясофоръ; „и только послѣ тщательнаго

испытаніа пострижеть уже въ мантию и дастъ ему клобукъ. А когда видѣлъ, бывало, что который-либо инокъ сталъ опытенъ въ духовномъ подвигѣ, такового удостоивалъ и святой схимы“. ⁷⁸

Однимъ изъ правилъ порядка, установленнаго Преподобнымъ Сергіемъ въ своей обители, требовалось, чтобы послѣ повечерія братія не ходили изъ келліи въ келлію и не бесѣдовали другъ съ другомъ, кромѣ крайней нужды, когда, напримѣръ, нужно было побывать зачѣмъ-нибудь у самого игумена; ⁷⁹ каждый въ своей келліи долженъ былъ заниматься молитвою и рукодѣліемъ. Преподобный самъ строго наблюдалъ за исполненіемъ этого правила. Бывало, въ глубокой вечеръ, особенно въ долгія осеннія и зимнія ночи, заботливый игумень, совершивъ свою келейную молитву, тихо обходитъ всѣ келліи, и черезъ малыя волоковыя оконца замѣчаетъ: кто чѣмъ занимается. Если инокъ стоитъ на молитвѣ, или занятъ своимъ рукодѣліемъ,—пишетъ, читаетъ св. книгу, или же погруженъ въ размышленіе о грѣхахъ своихъ, — святой игумень радуется, благодаритъ за него Бога и молится, чтобы Господь подкрѣпилъ труженика въ подвигѣ спасенія. А если слышитъ онъ бесѣду непозволенную, то ударяетъ въ дверь или въ окно и удаляется. На утро же призываетъ къ себѣ празднословившихъ, кротко вступаетъ съ ними въ разговоръ объ обязанностяхъ монашескихъ, и, не обличая прямо, говоря будто о другихъ, склоняетъ ихъ къ смиренному признанію въ прегрѣшеніи; кроткій и послушливый инокъ тутъ же, бывало, сознается и со смирениемъ проситъ и получаетъ отъ своего аввы прощеніе; но случалось и то, что неразумный инокъ уклоняется отъ признанія; тогда авва съ кротостію и любовію обличаетъ его, по слову Псалмопѣвца: *накажетъ мя праведникъ милостію и обличитъ мя* (Пс. 140, 5); если же и тутъ инокъ упорствуетъ, Преподобный налагаетъ на него какую-нибудь епитимію. Такъ любящій отецъ подавалъ руку помощи немощнымъ чадамъ своимъ; такъ умѣлъ онъ совмѣщать кротость съ строгостію, не послабляя нерадѣнію и не

подавая повода къ унынію! Нельзя безъ умиленія читать страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій воспитывалъ своихъ иноковъ, съ какою любовью, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ человѣческаго сердца онъ слѣдилъ за тѣми, которые ввѣрили себя его мудрому руководительству. Можно сказать, что онъ глазъ не спускалъ съ каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, постепенно приучая его къ самоотверженному труду, къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ, чувствахъ и подвигахъ. Богомудрый наставникъ терпѣливо трудился надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждого брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ Преподобнаго Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ ученики не обезличивались; напротивъ, каждый, постепенно очищая свое сердце отъ страстей, въ тоже время служилъ Богу тѣми свойствами своей души, какими его Богъ надѣлилъ. Наблюденіе и любовь къ людямъ, собственный духовный опытъ, а наипаче благодать Божія, обитавшая въ его чистомъ сердцѣ и преисполнявшая его тихою духовною радостью о Господѣ, дали ему умѣнье и способность тихо и кротко настраивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства, умиляя сердце рѣчами благоувѣтливыми.⁸⁰ „Слышахомъ“, писалъ о Преподобномъ Сергіи другой Преподобный, жившій спустя только сто лѣтъ послѣ него, — Іосифъ Волоколамскій, — „слышахомъ о блаженномъ Сергіѣ и о прочихъ святыхъ отъ неложныхъ свидѣтелей, иже бяху въ лѣта ихъ, яко толику бодрость и тщаніе имѣяху о паствѣ, яко нимало небреженіе или преслушаніе презрѣти. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и напрасни (строги), егда потреба бываше, и обличающе, и понуждающе ко благому согрѣшающія; непослушающія же не оставляху своимъ волямъ послѣдовати, но всячески возбраняху, и отъ Церкви отлучаху“.⁸¹

Таковы были порядки въ пустынѣ Радонежской въ первое время игуменства Сергіева. Число братства постепенно возрастало: „добродѣтель“, говоритъ блаженный Епифаній, „такъ - же творитъ явнымъ стяжавшаго ее, какъ зажженная свѣча—носящаго оную. И какъ оленей привлекаютъ къ себѣ источники водъ, такъ и жаждущихъ спасенія влекли къ себѣ благодатныя дарованія души Сергіевой“.

ГЛАВА X.

ПУСТЫННАЯ НИЩЕТА.

Строгія правила пустыни Сергіевоѣ.—Вогослуженіе съ лучиноѣ.—Книги на берестѣ — Игумень-древодѣль.—Дорогіе куски гнилаго хлѣба, снѣдаемаго въ потѣ лица.—Ропотъ братіи.—Отеческое увѣщаніе.—Упованіе непосрамляющее.—Безвѣстные благотворители.—Чудотворный источникъ.—Золото и мишура.—Благоговѣйныя думы святителя Филарета. (1354—1372).

Рáдѣйса шѣтáкъшій пáмѣнѣа ѿ козàмѣйскѣи
нищѣтѣ хрѣтовѣ... Лкѣд. ѿ, Ык. ѿ.
Рáдѣйса, лѣпнѣыхъ подвигнѣый тѣоѿли
хрѣтоподражáтѣльнѣи прáвы... Ык. бѣ.
Рáдѣйса, чѣдѣснѣхъ бодѣ вѣмолѣнѣахъ пáпóл.
нѣкѣи обѣтѣи тѣоѿа о́грáдѣ,
Рáдѣйса, врáшны некѣдомѣ принесѣннѣи
áлчнóй вратѣи сотворѣый шрáдѣ...
Лкѣд. бѣ, Ык. бѣ.

постолъ Павелъ, по его собственнымъ словамъ, день и ночь работалъ своими руками, чтобъ не жить на чужой счетъ и не быть никому въ тягость, хотя, какъ благовѣстникъ спасенія, и имѣлъ на то полное право (1 Сол. 2, 7 и д.). Такого же правила строго держались и святые подвижники Христовы; то же узаконилъ въ своей обители и Преподобный отецъ нашъ

Сергій. Онъ строго запрещалъ братіи выходить изъ монастыря для собиранія по селамъ и деревнямъ подаянія отъ мірянъ на обитель; каждый инокъ долженъ былъ доставать самъ для себя пропитаніе трудами рукъ своихъ, а въ случаѣ недостатка — просить и съ терпѣніемъ ожидать милости отъ Бога. Такъ училъ онъ и словомъ, и собственнымъ примѣромъ. Понятно, что это было нелегкое правило даже и для такого монастыря, который находился недалеко отъ мірскихъ селеній, и чаще посѣщался богомольцами; а обитель Преподобнаго Сергія въ то время была въ полномъ смыслѣ слова пустынею: „на далекое разстояніе“, рассказываетъ блаженный Епифаній, „ее окружали густые непроходимые лѣса, изобиловавшіе всякими дикими животными, отъ робкаго зайца до кровожаднаго волка и страшнаго медвѣдя“. Даже полсотни лѣтъ спустя послѣ того времени, о коемъ мы говоримъ, во время игуменства Преподобнаго Никона, когда вокругъ обители уже было не мало мірскихъ поселеній, по лѣснымъ рѣкамъ, въ окрестностяхъ Лавры, ловили бобровъ;⁸² что же было раньше, когда тутъ не было по близости даже отдѣльныхъ дворовъ, и къ обители едва можно было пробраться по узкой и прерывающейся тропинкѣ? Въ такой глуши кто сталъ бы посѣщать пустынниковъ и приносить имъ что нибудь изъ жизненныхъ припасовъ? Съ другой стороны, въ обители не было тогда учреждено правильнаго общежитія: пустынники имѣли общеніе другъ съ другомъ только въ молитвенныхъ собраніяхъ церковныхъ, остальное время дня и ночи каждый трудился для себя, въ своей уединенной келліи: ни общей трапезы, ни общихъ послушаній еще не было. Не удивительно посему, что богатая благочестіемъ пустыня Сергіева часто нуждалась въ самомъ необходимомъ. Чего ни хватись — всего нѣтъ, какъ выражается блаженный писатель житія Сергіева: не рѣдко случалось, что ни у кого изъ братій не было ни куска хлѣба, ни горсти муки, — даже не доставало соли; о маслѣ же и другихъ приправахъ нечего было и говорить. И много приходилось пустынникамъ

терпѣть нужды при такихъ суровыхъ порядкахъ пустыннаго житія; но Сергій вѣровалъ Богу вѣрою твердою, испытанною скорбями, и Богъ исполнялъ по вѣрѣ его; онъ уповалъ, и упованіе никогда не посрамляло его!

Случалось, что не доставало вина для совершенія литургіи, пшеницы—для просфоръ, ѳвміама для кажденія, и тогда пустынники терпѣли лишеніе Божественной литургіи; не доставало воска для свѣчъ, елея для лампадъ: они зажигали березовую или сосновую лучину, которая съ трескомъ и дымомъ свѣтила ихъ чтенію и пѣнію, и вотъ при такомъ-то освѣщеніи они отправляли утреннюю

или всенощную службу, съ трудомъ читая въ полумракѣ каноны и псалтирь! Нужно ли говорить, что такое служеніе было не менѣе пріятно Богу, какъ и торжественная служба, совершаемая въ величественныхъ храмахъ при свѣтѣ безчисленныхъ лампадъ и множества свѣтильниковъ; а сердца святыхъ подвижниковъ горѣли тише и яснѣ всякихъ свѣчъ, и пламень ихъ молитвы трепеталъ воздыханіями, изъ глубины сердечной восходившими къ престолу Божію!

По свидѣтельству Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, въ обители Сергіевой бывала такая нищета, такое нестяжаніе, что и самыя книги иногда писались не на хартіяхъ, а на *бересткахъ*,⁸³ потому что у пустынниковъ не было средствъ достать пергамента. Самая святыня не блистала тогда золотомъ: и понынѣ благочестивые

поклонники съ благоговѣйнымъ удивленіемъ разсматриваютъ хранимые въ Лаврской ризницѣ завѣтные памятники этой завѣтной нищеты: деревянные сосуды, употреблявшіеся Преподобнымъ Сергіемъ при совершеніи Божественной литургіи, и простое крашенинное его облаченіе...

Самъ преподобный игумень всего менѣе заботился о насущномъ хлѣбѣ лично для себя, и потому не рѣдко случалось, что недостатокъ въ пропитаніи ему приходилось терпѣть прежде всѣхъ. И онъ, постившійся еще въ колыбели младенческой, съ благодарнымъ сердцемъ переносилъ всякое лишеніе, подавая собою примѣръ всей братіи. Такъ однажды у него не было ни хлѣба, ни соли, и во всемъ монастырѣ ощущалась крайняя скудость въ пищѣ. Три дня провелъ смиренный игумень безъ пищи, а на разсвѣтѣ четвертаго взялъ топоръ и пошелъ къ одному изъ братіи, по имени Даніилу.

— „Слышалъ я, старче“, сказалъ онъ своему сподвижнику: „ты хочешь пристроить сѣни къ своей кельѣ, позволь мнѣ построить ихъ для тебя, чтобъ руки мои не были безъ дѣла“.

— „Правда, отвѣчалъ ему Даніиль, мнѣ очень бы хотѣлось построить ихъ; у меня уже все и для работы давно заготовлено, и вотъ только поджидаю плотника изъ деревни. А тебѣ какъ поручить это дѣло? Пожалуй запрошишь съ меня дорого“.

— „Эта работа не дорого тебѣ обойдется“, сказалъ ему Сергій: „мнѣ вотъ хочется гнилаго хлѣба, а у тебя онъ есть; больше этого съ тебя не потребую. Развѣ ты не знаешь, что я умѣю работать не хуже плотника? Зачѣмъ же тебѣ, старче, звать другаго плотника помимо меня?“

Тогда Даніиль вынесъ ему рѣшето съ кусками гнилаго хлѣба, котораго онъ самъ не могъ ѣсть, и сказалъ: „вотъ, если хочешь, возьми все, что тутъ есть, а больше не взыщи“.

— „Хорошо“, сказалъ трудолюбивый игумень. „этого

съ избыткомъ довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы“.

Сказавъ сіе, онъ крѣпко подтянулъ себя поясомъ, и принялся усердно за работу. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не смотря на голодъ, онъ пилилъ, тесалъ доски, долбилъ столбы, и при помощи Божіей окончилъ постройку. Солнце уже скрылось за дремучимъ лѣсомъ, когда старецъ Даниль снова вынесъ ему гнилые куски хлѣба, какъ условленную плату за трудъ

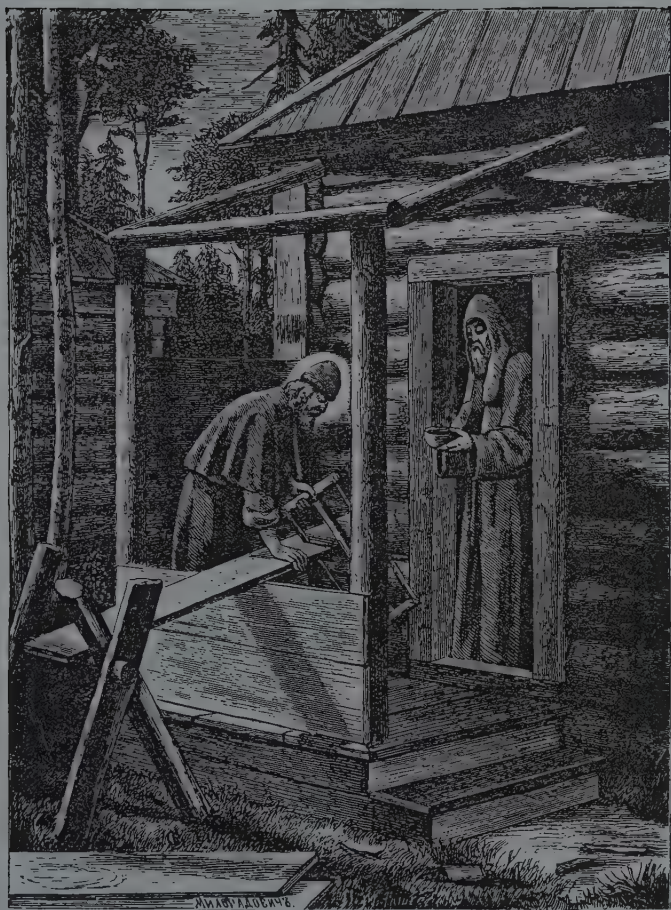
цѣлаго дня. Положивъ ихъ предъ собою, подвижникъ помолился, благословилъ ихъ, и началъ ѣсть съ одною водою, даже и безъ соли. Это былъ его и обѣдъ и вмѣстѣ ужинъ!

Нѣкоторые изъ братіи при этомъ замѣтили, что когда онъ вкушалъ въ потѣ лица заработанный имъ хлѣбъ, то изъ устъ его исходила пыль отъ гнилости хлѣба, и конечно не мало дивились великому терпѣнію своего игумена, который и такую дурную пищу не хотѣлъ принять безъ труда. Такъ строго держался онъ заповѣди Апостола Хрістова: *аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10). А взирая на его примѣръ, и братія укрѣплялись въ подвигъ терпѣнія.

Но гдѣ люди, тамъ и немощи. Нашлись такіе, которые поголодали дня два и зароптали... Одинъ изъ такихъ нетерпѣливцевъ рѣшилъ даже сказать отъ лица всѣхъ игумену: „вотъ, мы смотрѣли на тебя, все тебя слушались, а теперь приходится умирать съ голоду, потому что ты запрещаешь намъ выходить въ міръ просить милостыни. Потерпимъ еще сутки, а завтра всѣ уйдемъ отсюда и больше не возвратимся: мы не въ силахъ выносить такую скудость, такіе гнилые хлѣбы!“

Преподобный игумень видѣлъ, что братією начинаетъ

Съ равняго утра до поздняго вечера, не смотря на голодъ, св. игумень пилилъ тесалъ доски, долбилъ столбы и при помощи Божіей окончилъ постройку... Стр. 98,

овладѣвать духъ унынія; нужно было подкрѣпить ихъ малодушіе. И вотъ онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ иноковъ и съ обычною кротостію повелъ съ ними такую бесѣду: „о чемъ скорбите вы, братія мои? Зачѣмъ такъ смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано: *воззрите на древніе роды, и увидите: кто върова Господеви, и постыдѣтся? Кто вѣровалъ слову Его, и обманулся? Или кто пребысть въ страсть Его и оставися? Кого изъ призывающихъ Его Онъ не услышалъ?* (Сир. 2, 10). Не Я ли, глаголетъ Господь, не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды отъ земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего міра, питатель всей вселенной, подающій пищу всякой плоти, отверзающій щедрую руку Свою во благо время, насыщающій всякое животное благоволеніемъ? — Братіе

мои! и во святомъ Евангеліи Господь сказалъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ: не много ли паче васъ, маловѣри?* (Мѣ, 6, 33. 26. 30). А мы развѣ напрасно и бездѣльно подвижаемъ

ся? Мы ожидаемъ получить за свои подвиги жизнь вѣчную. Люты скорби, но сладокъ рай; болѣзненны труды,

но вѣчная за нихъ награда! Не полѣнимся, братіе! Потерпимъ хоть немного, чтобы получить нетлѣнные вѣнцы отъ Христа Бога, ⁸⁴ Который Самъ говоритъ: *въ терпѣнїи вашемъ стяжете души ваша* (Лук. 21, 19), ибо *пре-терпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Ме, 10, 22). Вотъ“, продолжалъ угодникъ Божій: „вы скорбите изъ-за недостатка пищи; но вѣдь это случилось на краткое время, ради испытанія вѣры нашей; вѣдь если вы перенесете это лишеніе, какъ подобаетъ инокамъ, съ вѣрою и благодареніемъ, то это самое искушеніе вамъ же послужить на пользу. Благодать Божія вѣдь никому не дается безъ скорбей и искушеній: безъ огня, говоритъ святой Лѣствичникъ, и золото не бываетъ чисто. А вотъ, дастъ Богъ, минуетъ скорбь—дождемся радости; вѣдь такъ обыкновенно бываетъ, что радость слѣдуетъ за скорбію: *вечеръ*, сказано, *водворится плачь, а завтра радость* (Пс. 29, 6). Такъ и вы: сегодня терпите оскудѣніе хлѣба и недостатокъ всякой пищи, а завтра—Богъ пошлетъ—вы будете наслаждаться въ изобилїи и ястіемъ, и питіемъ, и всѣмъ потребнымъ. Я, грѣшный, вѣрую, что Богъ не оставитъ мѣста сего и живущихъ въ немъ“.

Такъ утѣшалъ скорбящую братію святой игумень, и Богъ, дѣйствительно, чудеснымъ образомъ оправдалъ вѣру его. Еще онъ бесѣдовалъ съ братіей, какъ послышался сильный стукъ въ монастырскія ворота; привратникъ взглянулъ въ окошечко и увидѣлъ—къ воротамъ кто-то

привезъ много хлѣба. Будучи самъ очень голоденъ, отъ радости онъ не отперъ ворота и побѣжалъ къ Преподобному.

— „Отче“, говорилъ онъ: „привезли много хлѣбовъ,— благослови принять! — Вотъ, по твоимъ святымъ молитвамъ, они у воротъ!“

— „Отвори имъ, пусть войдутъ“, — сказалъ игумень.

Монастырскія ворота отворились, и въ нихъ вѣхало нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ печенымъ хлѣбомъ, рыбою и другими припасами для монашеской трапезы. Всѣ прославили милосердіе Божіе, а Преподобный Сергій весело сказалъ: „ну вотъ, теперь вы, алчущіе, накормите кормильцевъ вашихъ, позовите ихъ раздѣлить съ нами общую трапезу, угостите ихъ и успокойте, какъ слѣдуетъ“. И немедленно онъ приказалъ ударить въ било и всѣмъ итти въ церковь; тутъ онъ отслужилъ благодарственный молебенъ Господу Богу, милующему и питающему рабовъ Своихъ, и только послѣ сего благословилъ братіи садиться за трапезу. Всѣ сѣли, и самъ игумень сталъ одѣлять братію привезенными хлѣбами. Они были теплы и мягки, какъ будто только-что испечены, и на вкусъ были необыкновенно пріятны, будто печены были съ масломъ, съ медомъ или съ какимъ-либо благовоннымъ зелиемъ. Такъ нѣкогда манна, сей хлѣбъ ангельскій, по выраженію Псалмопѣвца, имѣла для Израильтянъ особенную сладость во вкусѣ. И Преподобному Сергію, за его дивное терпѣніе, *взмѣнъ черствыхъ корокъ гнилого хлѣба, послалъ Богъ эту чудную пищу, ибо, по слову Давида, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца* (Пс. 8, 19).

За трапезою святой игумень сказалъ: „гдѣ же тотъ братъ, который ропталъ на заплѣснѣвшіе хлѣбы? Пусть войдетъ сюда и отвѣдаетъ, какую пищу послалъ намъ Господь; пусть при этомъ вспомнитъ Царя и Пророка Давида, который *пепелъ яко хлѣбъ* вкушалъ, *и нѣтіе слезами растворялъ*“ (Пс. 101, 10).

Потомъ Преподобный спросилъ: „а гдѣ же наши благодѣтели?“ — Но никто не могъ отвѣтить ему на этотъ

вопросъ; всѣ только смотрѣли въ недоумѣніи другъ на друга.

— „Развѣ я не говорилъ вамъ“, сказалъ игумень, „чтобы вы пригласили ихъ къ трапезѣ? Почему же ихъ нѣтъ?“

— „По слову твоему мы звали ихъ, отче“, отвѣчали иноки: „мы даже спрашивали ихъ, отъ кого все это прислано? Но они только сказали намъ, что одинъ Христілюбецъ, человѣкъ богатый, прислалъ ихъ издалека, чтобы передать тебѣ эти припасы, а отъ трапезы отказались и говорили, что имъ дано еще другое порученіе, которое должны также немедленно исполнить, и потому спѣшать въ дорогу“.

Можно себѣ представить общее удивленіе, когда узнали, что хлѣбы привезены издалека, а между тѣмъ они были еще теплые, какъ бы только что вынутые изъ печи!

Преподобный игумень воспользовался симъ случаемъ для назиданія своей братіи. „Видите сами теперь“, ска-

заль онъ, „что Господь не оставляетъ мѣста сего и рабовъ Своихъ, которые служатъ Ему здѣсь съ вѣрою день и ночь, и терпятъ съ благодареніемъ всякое лишеніе. Пом-

ните же слово Апостола: *имуще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 18). Зачѣмъ намъ излишне заботиться о тѣлесныхъ потребностяхъ? Лучше будемъ всегда уповать на Господа, Который пошлетъ все, что нужно и полезно и душѣ и тѣлу нашему. Тотъ, Кто сорокъ лѣтъ питалъ въ пустынѣ непокорныхъ и неблагодарныхъ Израильтянъ, ниспосылая имъ манну съ небесъ и крастелей до сыта, развѣ не силенъ пропитать и насъ, Ему работающихъ? Или Его могущество и благость истощились

нынѣ, и Онъ пересталъ промышлять о Своихъ созданіяхъ? Нѣтъ, братіе! Какъ въ древнія времена, такъ и теперь—Онъ единъ и тотъ же всеблагій Богъ, всегда готовый подать намъ все потребное для жизни нашей!“

Сильно подѣйствовалъ этотъ урокъ на малодушныхъ, и съ того времени не было слышно ропота при случавшихся недостаткахъ въ чемъ-либо; а между тѣмъ,—разсказываетъ блаженный Епифаній,—къ большому укрѣпленію вѣры въ Промыслъ Божій, и на другой, и на третій день, невѣдомые благотворители присылали въ обитель обильную пищу для братіи. Такъ Господь оправдывалъ упованіе Своего избранника на Его Божественное промышленіе.

Не разъ, впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ, когда сего требовало или назиданіе братіи, или же вообще челоуѣколюбіе, вѣра Преподобнаго Сергія проявляла себя съ тою силою, какую присволяетъ ей Христосъ Спаситель, когда говоритъ: *вся елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете* (Мѡ. 21, 22). Былъ, напримѣръ, такой случай, возбудившій сперва ропоть, а потомъ обратившійся во славу Божию по молитвамъ угодника Божія. Когда Преподобный избиралъ себѣ мѣсто для пустыннаго безмолвія, онъ вовсе не заботился о томъ, чтобы имѣть воду по близости; трудолюбивому подвижнику даже было пріятно носить ее издалека, дабы тѣмъ еще болѣе утруждать свою плоть. Такъ было до семи лѣтъ по основаніи обители ⁸⁵. Но съ умноженіемъ братіи недостатокъ воды становился все ощутительнѣе. Не разъ братія жаловалась ему, что приходится далеко ходить за водою, и нѣкоторые, менѣе терпѣливые, даже говорили ему съ упрекомъ: „для чего на такомъ мѣстѣ построилъ ты обитель?“—На это Преподобный отвѣчалъ: „я хотѣлъ здѣсь безмолвствовать одинъ; Богу угодно было воздвигнуть здѣсь обитель во славу Его Пресвятаго Имени; дерзайте въ молитвѣ и не унывайте; если Онъ въ безводной пустынѣ далъ воду изъ камня непокорному народу Еврейскому, то неужели Онъ оставитъ васъ, работающихъ Ему на семъ мѣстѣ день и ночь?“

Разъ, послѣ такого наставленія братіи, онъ взялъ съ собою одного инока и пошелъ съ нимъ въ лѣсной оврагъ подъ монастыремъ; тутъ онъ нашелъ немного дождевой воды, преклонилъ надъ нею колѣна и помолился такъ: „Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа, сотворившій небо и землю, и все видимое и невидимое, создавшій человѣка и не хотящій смерти грѣшника! Молимъ Тебя мы, грѣшные и недостойные рабы Твои: услыши насъ въ часъ сей и яви славу Твою! Какъ въ пустынѣ чудодѣйствовала крѣпкая десница Твоя, отъ камня воду источивъ, такъ и здѣсь яви силу Твою—даруй намъ воду на мѣстѣ семъ, и да разумѣютъ всѣ, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу возсылающихъ—Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь!“

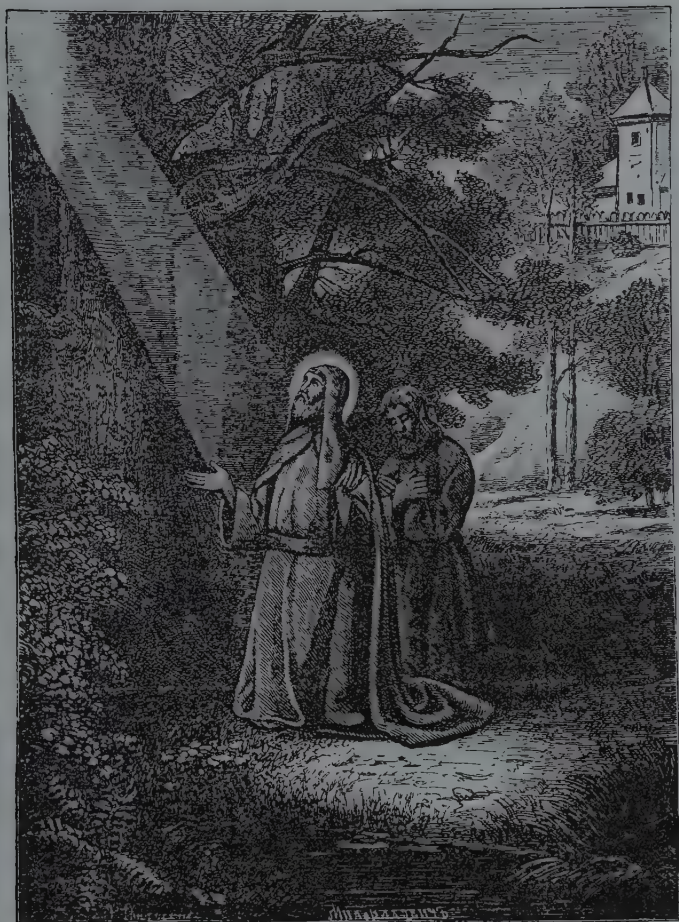
Такъ молился угодникъ Божій и едва произнесъ онъ эту молитву и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ мѣсто, гдѣ стояла дождевая вода, какъ вдругъ изъ-подъ земли про-

бился обильный источникъ холодной ключевой воды, и она потекла быстрымъ ручьемъ по долинѣ ⁸⁶... Съ той поры многолюдная обитель Сергіева не имѣла недостатка въ водѣ; преподобный Епифаній, ученикъ Сергіевъ, сви-

дѣтельствуеъ, что бывали исцѣленія отъ воды сей, и даже издалека присылали за нею для болящихъ, такъ что ручей тотъ получилъ прозваніе *Сергіевой рѣки*, и въ этомъ наименованіи сказалось чувство благодарности къ угоднику Божію. Но смиренный чудотворецъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ старѣйшихъ изъ братіи и сказалъ имъ: „братіе мои,—вѣдь не я вамъ воду далъ,—это Господь милосердый утѣшилъ насъ недостойныхъ Своєю милостію. Зачѣмъ же вы зовете источникъ моимъ именемъ? Причѣмъ тутъ я грѣшный?“ И съ того времени братія, изъ послушанія къ заповѣди своего святаго аввы, мало-по-малу, отвыкли отъ сего наименованія.

„О достолюбезное, святое смиреніе!“ размышляетъ, по поводу этого разсказа, одинъ проповѣдникъ слова Божія: „ты не видишь даже и того, что чудеса творишь; ты всегда и во всемъ видишь только одну благодать Божію, да свое недостойнство!.. Ты боишься, угодниче Божій, какъ бы люди не почли тебя за святаго человѣка; ты готовъ бы убѣжать, укрыться въ глушь лѣсную, въ чашу непроходимую, въ темныя пещеры и мрачныя дебри пустынные, чтобы не славили люди имя твое, не указывали на тебя, какъ на Божія избранника!.. А мы грѣшные... сдѣлаемъ что-нибудь доброе,—и то иногда съ грѣхомъ пополамъ, да сами же и начинаемъ трубить о томъ!.. Если же иной разъ, изъ приличія, чтобы не называли насъ самохвалами, и молчимъ о себѣ, за то ужъ какъ же бываемъ довольны какъ утѣшаемся, когда другіе скажутъ о насъ словечко доброе! Точно малые дѣти игрушкой—такъ и мы забавляемся похвалою людской! Какъ же не сказать послѣ этого, что какъ небо отъ земли, такъ и наша жизнь далека отъ святой жизни угодниковъ Божіихъ? А вся бѣда наша въ томъ, что смиренія у насъ нѣтъ,—нѣтъ ни единой крупичи этого некрадомаго сокровища небеснаго, этого злата мытарева, которымъ такъ богаты были святые угодники Божіи, а безъ этого золота нельзя купить и царства небеснаго, — безъ смиренія все наше добро—мишура одна, а не золото!“ ⁸⁷

Преподобный нашёл немного дождевой воды, преклонил надъ
нею колѣна и помолился... Стр. 104.

Но чтобы стяжать себѣ хотя малую крупицу этого многоцѣннаго въ очахъ Божіихъ золота, намъ должно чаще переноситься мыслию и сердцемъ въ тѣ давнія времена, когда жили святые угодники Божіи, подобные Богоносному Сергію, чтобы привитать духомъ около избранниковъ благодати, и поучаться у нихъ Хрістоподражательному смиренію. *Съ преподобнымъ*, сказано, *преподобенъ будещи* (Пс. 17, 26), и незамѣтно для самого себя навывнешь мыслить и жить по примѣру преподобныхъ. Въ этомъ мысленномъ и духовномъ общеніи съ Преподобнымъ Сергіемъ любилъ привитать въ Бозѣ почившій святитель митрополитъ Филаретъ; въ этомъ общеніи онъ почерпалъ великую силу благодатнаго помазанія, когда изъ его сердца изливалось умиленное слово, дышащее беззавѣтною любовію къ самому мѣсту обитанія Сергіева. Не можемъ не привести здѣсь этого трогательнаго обращенія его къ пустынь Сергіевой.

„Прости мнѣ“,—такъ взывалъ онъ, — „великая Лавра Сергіева, если мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергія. Чту, и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ, дѣла святыхъ, обители святыни, свидѣтелей праотческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ Богослуженій, и нынѣ, съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія, совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не колебавшіеся и тогда, когда колебалась было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіѣ, въ его пустынь, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мошахъ, въ его Лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ, съ трескомъ и дымомъ, горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и

яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной... Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ отпечатлѣно столько глаголсвъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ... Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя... Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя, въ одинъ день, своими руками построилъ Преподобный Сергій, и, въ награду за трудъ дня и гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрупъ согнивающего хлѣба... Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынь, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія... Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова... Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ...—Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ! Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище: оно непохитимо и неистоимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, наprimѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“ ...⁸⁸

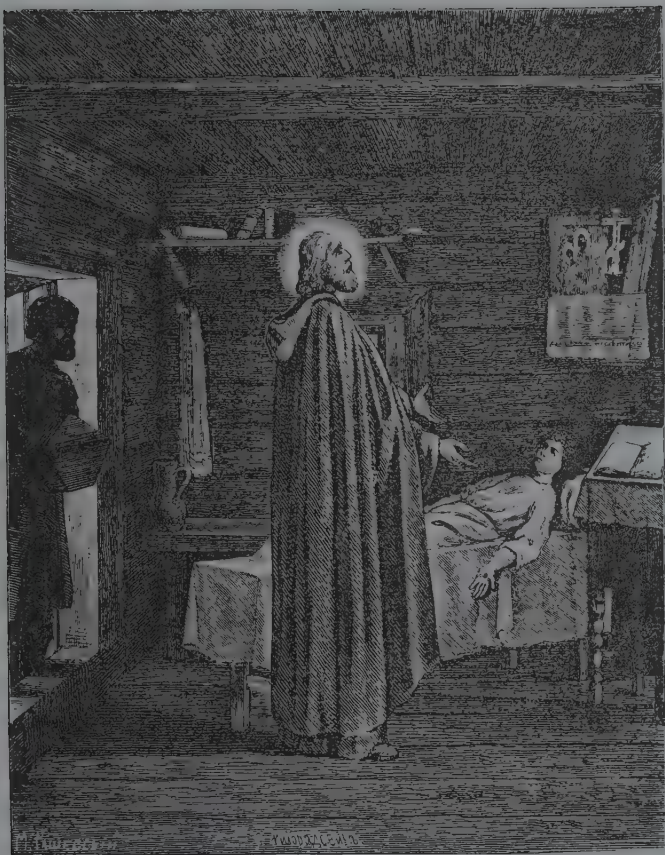
стали кое-гдѣ селиться земледѣльцы; никто не запрещалъ имъ вырубать лѣса, до которыхъ не касалась еще рука человѣческая. Мало-по-малу обратили дебри пустынные въ чистое поле, которое засѣвали хлѣбомъ; въ пролѣскахъ поставили одиночные дворы, а въ иныхъ и селенія, и такимъ образомъ, — какъ, не безъ сожалѣнія, выражается блаженный писатель житія Сергіева — „исказиша пустынь, и не пощадиша, и составиша селы и дворы многи“... Затѣмъ проложена была мимо монастыря большая дорога въ сѣверные города, и обитель стали посѣщать не только простые люди, но и бояре. „Миръ, говорить одинъ историкъ, приходилъ въ монастырь Сергіевъ и то, что онъ видѣлъ здѣсь, быть и обстановка пустыннаго братства, уже поучали его самымъ простымъ правилами, которыми крѣпко людское хрістіанское общежитіе. Въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичекъ, пришедшій издалека въ обитель Преподобнаго Сергія повидать прославленнаго, величественнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско“; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатить на сермяжной рясѣ игумена; но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ; каждый дѣлаетъ свое дѣло; каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чувствуется скрытый огонекъ, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту обитель труда и молитвы. Миръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный, освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибывая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей“...⁸⁹ Таково было впечатлѣніе обители Сергіевой на всѣхъ, кто ее посѣщалъ тогда—впечатлѣніе глубоко благотворное и назидательное. Незамѣтно, подобно закваскѣ, о которой говоритъ Спаситель въ Своей притчѣ, это впечатлѣніе ложилось на душу посѣтителей и уносилось ими въ ихъ родныя семьи, какъ свѣтлый примѣръ жизни

по заповѣдямъ Божиимъ. Но не въ этомъ только впечатлѣніи была главная сила, самое важное, что влекло въ тихую, бѣдную обитель Сергіеву православныхъ Русскихъ людей: ихъ привлекалъ сюда свѣтлый образъ самого дивнаго подвижника, они шли сюда за тѣмъ, чтобъ попросить у него молитвъ, получить отъ него благословеніе, услышать отъ него слово духовнаго назиданія, открыть ему свои скорби душевныя и въ бесѣдѣ съ ними найти себѣ утѣшеніе и подкрѣпленіе. Чудный нѣкогда юноша Вареоломей сталъ теперь великимъ Сергіемъ, который былъ всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ руководить ко спасенію. И онъ тихо совершалъ это великое дѣло, какъ „святое послушаніе“, возложенное на него Господомъ. Цѣлые полвѣка приходившіе къ нему, вмѣстѣ съ водой изъ его источника, черпали въ его кельѣ утѣшеніе и ободреніе и, возвращаясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились имъ съ другими, такъ что, къ концу жизни великаго старца Божія, „едвали, какъ выражается тотъ же почтенный историкъ, вырывался изъ какой либо православной груди на Руси скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призывомъ имени святаго старца“. ⁹⁰

Особенно привлекала къ Преподобному молва о чудесныхъ знаменіяхъ, въ которыхъ проявляла себя благодать Божія, обильно почившая на своемъ избранникѣ. Сіи благодатныя знаменія открылись молитвеннымъ изведеніемъ источника въ пустынномъ оврагѣ у стѣнъ обители; но преподобный Епифаній повѣствуетъ и о другихъ, болѣе разительныхъ чудесахъ угодника Божія. Послушаемъ теперь рассказы о нихъ блаженнаго ученика Сергіева.

Жилъ въ окрестностяхъ его обители одинъ благоговѣйный мужъ, имѣвшій большую вѣру къ Преподобному. У него былъ единственный сынъ—малютка, который опасно заболѣлъ. Съ вѣрою понесъ его въ обитель на своихъ рукахъ скорбящій отецъ. „Только бы мнѣ донести его до человека Божія“, разсуждалъ благочестивый мужъ: „а тамъ—я вѣрю, что онъ непремѣнно исцѣлитъ его“. И онъ донесъ сына живымъ до келліи Преподобнаго; но пока онъ

Еще не окончилъ Сергій своей молитвы, какъ вдругъ дитя ожило, открыло глаза и протянуло ручки къ Преподобному молитвеннику... Стр. 111.

слезно умолялъ смиреннаго игумена помолиться объ исцѣленіи дитяти, пока Сергій готовился совершить молитву, мальчикъ, отъ жестокаго припадка, испустилъ духъ...

Потерявъ послѣднюю надежду, огорченный родитель съ плачемъ сталъ укорять Преподобнаго Сергія, что онъ, вмѣсто желаннаго утѣшенія, только увеличилъ его скорбь: „что же мнѣ теперь дѣлать?“ взывалъ онъ: „лучше бы для меня было, еслибы мальчикъ мой умеръ дома, — тогда, по крайней мѣрѣ, я не оскудѣлъ бы вѣрою, которую доселѣ питалъ къ тебѣ, человѣче Божій!“

И безъутѣшный отецъ оставилъ своего мертвеца въ тѣсной келліи подвижника, а самъ пошелъ приготовить гробъ для любимаго дитяти...

Сжалился угодникъ Божій надъ несчастнымъ родителемъ; оставшись наединѣ съ умершимъ отрокомъ, онъ преклонилъ колѣна и сталъ молиться... Еще не окончилъ онъ своей молитвы, какъ вдругъ дитя ожило, открыло глаза и протянуло ручки къ Преподобному молитвеннику...

Возвратился отецъ. Онъ принесъ все нужное для погребенія; но святой игуменъ встрѣтилъ его на порогѣ келліи словами: „напрасно ты, человѣче, не разсмотрѣвъ, такъ возмутился духомъ; видишь, отрокъ твой вовсе не умиралъ“.

Изумленный родитель не хотѣлъ вѣрить словамъ его; но увидѣвъ сына живымъ, палъ къ ногамъ человѣка Божія...

— „Ты обманываешься и не знаешь самъ, за что благодарить“, говорилъ ему смиренный подвижникъ: „когда ты несъ сюда больнаго отрока, онъ изнемогъ отъ сильной стужи и впалъ въ обморокъ; а тебѣ показалось, что онъ умеръ. Видишь, онъ вотъ согрѣлся у меня въ теплой келліи, а тебѣ опять показалось, что онъ воскресъ“...

Счастливымъ отецъ стало было настойчиво утверждать, что его сынъ, дѣйствительно, ожилъ молитвами Преподобнаго; но святой строго запретилъ ему объ этомъ говорить: „если ты осмѣлишься рассказывать кому-нибудь,—промолвилъ онъ, то и вовсе лишишься сына“.

Тотъ обѣщалъ молчать и, взявъ малютку, теперь совершенно уже здороваго, возвратился домой, прославляя Бога, творящаго чудеса чрезъ Своего угодника. Боясь потерять сына, онъ, конечно, не смѣлъ разглашать о совершившемся чудѣ; но въ силахъ ли онъ былъ скрыть отъ всѣхъ радость родительскаго сердца? Первый замѣтилъ эту радость келейный ученикъ Преподобнаго, чрезъ котораго и стало извѣстно въ послѣдствіи это чудо, записанное съ его словъ и блаженнымъ Епифаніемъ.

Изъ многихъ чудесныхъ исцѣленій, совершившихся по молитвамъ Преподобнаго Сергія, Епифаній рассказываетъ о слѣдующихъ двухъ. Одинъ изъ окрестныхъ жителей заболѣлъ тяжкою болѣзнію: въ теченіи трехъ недѣль онъ не могъ ни заснуть, ни принять пищи. Его родные братья рѣшились обратиться за помощію къ угоднику Божію. „Столько чудесъ творитъ Господь руками блаженнаго старца“, говорили они, „можетъ быть онъ смиляется и надъ нами“. И вотъ, они принесли больного въ обитель, и, положивъ къ ногамъ Сергія, усердно просили

его помолиться за немощнаго. Преподобный съ молитвою покропилъ болящаго святою водою, и онъ въ ту же минуту почувствовалъ облегченіе, тутъ же крѣпко заснулъ, а проснувшись, въ первый разъ послѣ столь продолжительной болѣзни, пожелалъ вкусить пищи, и Преподобный самъ предложилъ ему оную и отпустилъ отъ себя совершенно здоровымъ.

Другой случай исцѣленія былъ съ бѣсноватымъ вельможею, котораго привели къ Преподобному съ отдаленныхъ береговъ Волги. Этотъ знатный человѣкъ находился въ изступленіи ума; мучимый злымъ духомъ, онъ кусался и бился съ такою нечеловѣческою силою, что десять человѣкъ не могли удержать его; приходилось усмирять его желѣзными цѣпами, но и тѣ онъ не рѣдко разбивалъ на себѣ. Подобно упоминаемому въ Евангеліи Гадаринскимъ бѣсноватымъ, онъ убѣгалъ отъ людей въ пустынные мѣста и тамъ бродилъ какъ безмысленное животное, пока не находили его домашніе. И вотъ, когда достигла молва народная о Радонежскомъ пустынникѣ-чудотворцѣ до этого далекаго края, сердобольные родные рѣшились отвезти несчастнаго вельможу къ человѣку Божию. Многихъ трудовъ стоило имъ исполнить свое благое намѣреніе; бѣсноватый всѣми силами противился этому и кричалъ дикимъ голосомъ: „куда вы меня тащите? не только видѣть но и слышать не хочу о Сергіѣ“. Но его сковали цѣпами и повезли. Когда они были уже въ виду обители, бѣсноватый вдругъ рванулъ съ такою силою, что разбилъ на себѣ оковы, и, бросаясь на всѣхъ окружающихъ, кричалъ: „не могу! не хочу!.. вернусь туда, откуда пришелъ!“ Его голосъ былъ такъ страшенъ, что казалось, самъ несчастный расторгнется на части, и дикіе вопли его были слышны внутри ограды монастырской. Сказали объ этомъ Преподобному; онъ немедленно велѣлъ ударить въ било и собраться братіи въ церковь; началось молебное пѣніе о болящемъ, и тотъ сталъ мало-по-малу укрощаться. Роднымъ удалось ввести его въ монастырь; Преподобный Сергій вышелъ изъ церкви съ крестомъ

Господнимъ въ рукѣ. Лишь только угодникъ Божій осѣ-
нилъ имъ бѣсноватаго, какъ тотъ съ дикимъ воплемъ
отскочилъ въ сторону... Недалеко была вода, скопившаяся
отъ проливного дождя; увидѣвъ ее, больной бросился въ
лужу съ ужаснымъ крикомъ: „горю, горю страшнымъ
пламенемъ!“...

И съ той минуты сталъ здоровъ благодатію Христовою
и молитвами Преподобнаго Сергія. Разсудокъ возвратился
къ нему, и на вопросъ: зачѣмъ онъ бросился въ воду,
когда увидѣлъ Сергія?—онъ спокойно отвѣчалъ: „когда
привели меня къ Преподобному, и онъ хотѣлъ осѣнить
меня крестомъ, я увидѣлъ великій пламень, который
исходилъ отъ креста и охватилъ меня со всѣхъ сторонъ;
вотъ я и бросился въ воду, чтобы не сгорѣть“.

Нѣсколько дней провелъ исцѣленный вельможа подъ
благодатнымъ кровомъ обители Сергіевой, прославляя
Божіе милосердіе, и съ миромъ возвратился въ свой
домъ.

По мѣрѣ того, какъ Господь прославлялъ Своего воз-

любленнаго раба дивными знаменіями благодатныхъ исцѣленій и даромъ прозорливости, сей досточудный мужъ все болѣе и болѣе нисходилъ въ глубину смиренія. „Онъ бѣгалъ“, говоритъ святитель Платонъ, Митрополитъ Московскій, — „суетной славы человѣческой, какъ погибели, и почиталъ обидою для себя то, чего не рѣдко съ такимъ усиленіемъ домогаются, не пренебрегая никакими средствами, гордые властелины земли: тѣми руководить одно тщеславіе, простирающееся до самозабвенія, а имъ—одна пламенная, чистая святая любовь къ Богу и ближнему“.

Съ умноженіемъ числа посѣтителей, улучшилось и матеріальное благосостояніе обители Сергіевой. Она уже не терпѣла такой нужды, какъ прежде; скромныя потребности пустынножителей, при ихъ собственныхъ постоянныхъ трудахъ, съ избыткомъ удовлетворялись приношеніями благочестивыхъ посѣтителей и окрестныхъ жителей, которые, сознавая великую духовную пользу отъ обитателей пустыни, съ усердіемъ доставляли все для нихъ потребное. по слову Апостола: *аще мы духовная стяжамъ вамъ, велико ли, аще тѣлесная ваша пожнемъ?* (1 Кор. 9, 11). Есть даже мнѣніе, что еще при жизни Преподобнаго Сергія его обители были пожалованы во владѣніе нѣкоторыя ближайшія къ ней села.⁹¹ По крайней мѣрѣ объ одномъ промыслѣ извѣстно, что онъ былъ пожертвованъ въ обитель еще при жизни Преподобнаго Сергія; это—половина варницы и половина солянаго колодезя у Соли Галичкой, что нынѣ городъ Солигаличъ, Костромской губерніи; этотъ промыселъ пожертвованъ однимъ Галичскимъ бояриномъ не задолго до смерти Преподобнаго Сергія, когда онъ уже передалъ игуменство Нікону.⁹² „Владѣніе образовавшимися въ окрестностяхъ обители поселками“, говоритъ одинъ ученый изслѣдователь старины, „было въ то время единственнымъ средствомъ какъ для содержанія умножившейся братіи, такъ и для огражденія самой обители отъ произвола сосѣднихъ поселянъ, которые, не принадлежа монастырю, а другимъ владѣльцамъ, служили бы для него

источникомъ не благосостоянія, а безпокойства и раззоренія. Во всякомъ случаѣ, ясно“, заключаетъ тотъ же писатель, „что запрета на приобрѣтеніе населенныхъ вотчинъ со стороны святаго основателя обители Преподобнаго Сергія не было; иначе воля его была бы закономъ для его блаженнаго ученика и непосредственнаго преемника, имъ самимъ избраннаго—Преподобнаго Никона“. ⁹³

И такъ, теперь обитель Сергіева изобиловала всѣмъ потребнымъ; но душа Сергія была по прежнему свободна отъ всякаго пристрастія къ земнымъ вещамъ. Если случилось ему имѣть въ рукахъ что-нибудь излишнее, онъ тотчасъ отдавалъ или въ церковь, или бѣднякамъ. Жившіе съ нимъ много лѣтъ старцы рассказывали преподобному Епифанію, что никогда новая одежда не восходила на тѣло его; никогда не одѣвался онъ въ красивыя или мягкія одежды, помня слово Евангельское, что носящіе такіа одежды—*въ домѣхъ царскихъ суть* (Мѡ. 11, 8). Вмѣсто дорогихъ суконъ онъ носилъ сермяжную ткань изъ простой овечьей шерсти, да притомъ еще ветхую, которую, какъ негодную, другіе отказывались носить. Большею частію такая одежда и сшита бывала его святыми руками, и отличалась отъ одежды его сподвижниковъ развѣ тѣмъ, что вся была покрыта заплатами и, по прекрасному выраженію святителя Платона, „вмѣсто дорогихъ камней обильно украшалась каплями его пота“. Эта одежда у него была одна и таже—и лѣтомъ, и зимою: „за рай, который мы потеряли“, говаривалъ блаженный Сергій своимъ ученикамъ, „надобно теперь отложить одежды теплыя; за грѣхъ мы нѣкогда покрыты были одеждою, потерпимъ же теперь лишеніе одежды, чтобы облечься потомъ въ нетлѣнныя ризы,—будемъ изнурять плоть, чтобы получить нетлѣнныя вѣнцы отъ Христа Бога“. ⁹⁴ Такъ думалъ, такъ училъ, такъ и самъ поступалъ смиренный игумень Сергій.

Однажды не случилось хорошаго сукна въ его обители; была всего одна половинка, гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто изъ братіи не хотѣлъ ея восполь-

зоваться: одинъ передавалъ ее другому, и такъ обошла она до семи человѣкъ. Но Преподобный Сергій взялъ ее, самъ скроилъ себѣ рясу, и надѣвъ ее на себя, не хотѣлъ уже болѣе разставаться съ нею, пока, въ продолженіи одного года, вся она не распалась отъ гнилости.

Нерѣдко случалось, что люди, которые, по пословицѣ, встрѣчаютъ по одеждѣ, увидѣвъ его, не хотѣли вѣрить, чтобы то былъ знаменитый игумень Сергій. Обыкновенно

принимали его за какого нибудь странника, или одного изъ послѣднихъ трудниковъ въ его обители. По этому поводу блаженный Епифаній рассказываетъ одинъ случай прекрасно характеризующій смиреніе и кроткое, благостное устроеніе души Преподобнаго Сергія. Кажется, Епифаній самъ былъ свидѣтелемъ этого случая, который такъ глубоко запечатлѣлся въ душѣ благоговѣйнаго ученика, что онъ передаетъ его со всѣми подробностями. Приводимъ его рассказъ.

„Многіе приходили издалека, желая хотя бы только взглянуть на Преподобнаго. Много слышалъ о немъ поселянинъ, простой земледѣлецъ, и пожелалъ видѣть его. При входѣ въ монастырскую ограду онъ сталъ спрашивать братію: гдѣ бы повидать ихъ славнаго игумена? А Преподобный въ это время трудился на огородѣ, копая заступомъ землю подъ овощи.

— „Подожди немного, пока онъ выйдетъ оттуда“, отвѣчали иноки пришельцу.

Нетерпѣливый посѣтитель заглянулъ въ огородъ черезъ

отверстіе въ заборѣ и увидѣлъ тамъ смиреннаго старца въ разодранной, ушитой заплатами одеждѣ, трудившагося въ потѣ лица надъ грядою. Простодушный поселянинъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы этотъ старичекъ былъ тотъ самый Сергій, котораго онъ желалъ видѣть. Онъ снова сталъ докучать братіи, требуя, чтобы показали ему игумена: „я издалека пришелъ сюда, чтобы видѣть его, у меня есть до него важное дѣло“, говорилъ онъ.

— „Мы уже указали тебѣ игумена“, говорили ему иноки: „если не вѣришь, что это—онъ, то спроси его самого“.

Тогда поселянинъ сталъ у калитки огородной, поджидая, пока выйдетъ старецъ.

Преподобный вышелъ, и случившіеся тутъ иноки опять показали на него поселянину, говоря: „вотъ онъ самый, кого тебѣ нужно“.

Но простецъ отвернулся отъ него въ сторону и сказалъ: „я издалека пришелъ посмотрѣть на пророка, а вы мнѣ показываете какого-то нищаго!.. Напрасно же я трудился—шелъ сюда; я думалъ получить пользу душѣ своей въ вашей честной обители, а вмѣсто того встрѣчаю только насмѣшки... Но я еще не дожилъ до такого безумія, чтобы почестъ этого убогаго старичка за того знаменитаго Сергія, о которомъ такъ много слышалъ я славныхъ вещей!“...

Такъ разсуждалъ простецъ, въ своемъ невѣдѣніи смотрѣвшій на все только тѣлесными очами, а не внутренними. Понятно, что братія оскорбилась за честь своего любимаго игумена, и нѣкоторые даже сказали Преподобному: „только тебя не смѣемъ, отче: а то гостя твоего мы выслали бы вонъ изъ обители—такой онъ невѣжа! Да еще насъ же укоряетъ, будто мы смѣемся надъ нимъ!“..

Но человѣкъ Божій взглянулъ на нихъ съ удивлені-

емъ: „нѣтъ“, сказалъ, „зачѣмъ выгонять его? Онъ не къ вамъ пришелъ, а ко мнѣ; не трогайте его; своими простодушными словами онъ не причинилъ мнѣ никакого зла. Да еслибы и погрѣшилъ онъ въ чемъ-нибудь, то намъ, духовнымъ, подобаешь, по слову Апостола Христова, *исправляти таковыхъ духомъ кротости* (Галат. 6, 1).

И, не дождавшись себѣ поклона отъ поселянина, угодникъ Божій самъ подошелъ къ нему и съ великимъ сми-

реніемъ поклонился ему до земли... Потомъ поцѣловалъ его, съ любовію благословилъ и поблагодарилъ за то, что этотъ простецъ имѣетъ объ его убожествѣ надлежащее мнѣніе... Такъ смиренномудрый радуется своему безчестію и униженію столько же, сколько тщеславный приходитъ въ восторгъ отъ почестей и похвалъ людскихъ!

Но и этого мало: Преподобный взялъ гостя за руку, посадилъ рядомъ съ собою за трапезу и самъ сталъ угощать его. Простодушный поселянинъ, видя такое радушіе старца, повѣрилъ ему печаль свою, что доселѣ ему не удалось видѣть игумена Сергія.

— „Не скорби, брате“,—утѣшилъ его Преподобный: „Богъ такъ милостивъ къ мѣсту сему, что никто отсюда не выходитъ печальнымъ. И тебѣ Онъ скоро покажетъ, кого ты ищешь“.

И вотъ, они еще продолжали бесѣду, какъ въ обитель прибылъ князь (можетъ быть, Радонежскій), окруженный многочисленною свитою изъ бояръ и рабовъ. Преподобный всталъ, чтобы встрѣтить именитаго гостя, и рабы князя, разчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и отъ своего князя, и отъ игумена... Между тѣмъ прибывшій князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божію, который поцѣловалъ его и благословилъ; затѣмъ оба они сѣли, а всѣ бояре и братія почтительно стояли вокругъ ихъ.

Смущенный простецъ ходилъ около ихъ, стараясь сквозь толпу разсмотрѣть, который былъ Сергій; онъ опять спросилъ одного изъ иноковъ: „кто же этотъ чернецъ, что сидитъ направо отъ князя?“

Инокъ взглянулъ на него съ упрекомъ и сказалъ: „развѣ ты пришлецъ здѣсь, что не знаешь Преподобнаго отца Сергія?“

Тогда только понялъ свое невѣжество поселянинъ и, укоряя себя, сталъ просить нѣкоторыхъ изъ братій, чтобы они попросили за него прощенія у старца, котораго онъ оскорбилъ своимъ невѣжествомъ. „Вотъ ужъ справедливо зовутъ насъ мужиковъ невѣжами“, говорилъ онъ: „какъ будто я ослѣпъ и не вижу, съ кѣмъ говорю!.. Съ какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?“

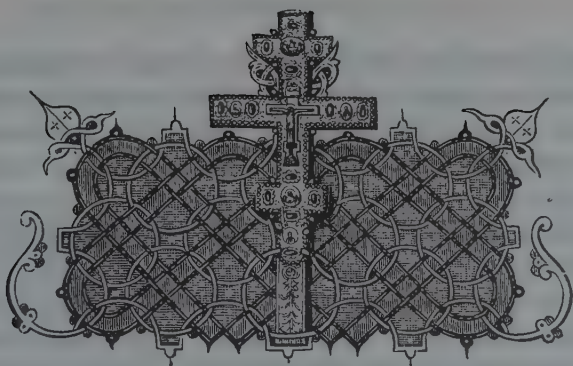
Такъ горевалъ простодушный гость и дождавшись, когда князь вышелъ изъ обители, онъ бросился къ ногамъ Преподобнаго, умоляя простить его невѣжество и невѣріе.

Но смиренный игумень сказалъ ему: „не скорби, чадо; одинъ ты справедливо разсудилъ обо мнѣ; вѣдь они всѣ ошибаются!“ И онъ утѣшилъ его назидательнымъ словомъ, и отпустилъ его съ благословеніемъ... Но доброе сердце

простаго человѣка такъ было тронута смиреніемъ и любовію великаго подвижника, что онъ скоро опять пришелъ въ обитель, дабы уже никогда ее не оставлять: здѣсь онъ принялъ постриженіе и, потрудившись нѣсколько лѣтъ, съ миромъ преставился къ Богу...

ГЛАВА XII.

ПРОРОЧЕСКОЕ ВИДѢНІЕ И ДАЛЬНІЕ ПОСЛАНЦЫ.

Избранники Божіи. — Птицы небесныя. — Радость о Господѣ. — Гости съ Востока. — „Патріаршіе поминки“. — Недоумѣніе старца. — Патріаршіе посланіе. — Благословеніе святительское. — Начало общежитія. — Новыя должности и послушанія. — Списание книжнсе. — Библіотека. — Число братіи возрастаетъ. — Заѣтъ страннопримства и обѣтованіе старца. (1372).

Рѣдѣица, преблагій ѿ добрый наставникъ
инокшея,

Рѣдѣица, образе пустынножителѣй ѿ устрои-
телю общаго житія. Лк. ѡ, Ік. ѡ.

ИВЕНЪ Богъ во святыхъ Своихъ! Прославляя Своихъ избранниковъ, Онъ чрезъ нихъ же устрояетъ и наше спасеніе. Въ исторіи Церкви Божіей мы постоянно видимъ примѣры такого попечительнаго промысленія Божія; а въ трудныя для Церкви времена, когда благодетельна была особенная помощь Божія къ укрѣпленію вѣры Православной въ сердцахъ людскихъ, или когда нечестіе людское грозило подавить собою благочестіе и вѣру Православную,—въ такія трудныя времена Богъ нарочито посылалъ особыхъ избранниковъ Своихъ, которые, будучи преисполнены благодати Божіей, своею дивною жизнію, своимъ смиреніемъ привлекали къ себѣ сердца людей и дѣлались наставниками и руководителями въ духовной жизни для всѣхъ, кто искалъ очищенія отъ страстей и спасенія души своей. Цѣлые тысячи монашествующихъ воспитывались подъ ихъ духовнымъ руководствомъ, и

потомъ расходились въ разныя стороны, основывали свои обители,—въ свою очередь дѣлались также наставниками другихъ въ иноческой жизни, дѣлились добрымъ совѣтомъ духовнаго опыта и съ мірянами, были избираемы въ санъ святительскій, или же выходили на проповѣдь Евангелія къ невѣрующимъ въ истиннаго Бога. Каково же было ихъ смиреніе, когда имъ и на мысль не приходило, что они совершаютъ великое дѣло Божіе, что изъ ихъ уединенія, изъ ихъ пустынь обильнымъ потокомъ разливается свѣтъ благодатный по лицу ихъ родной земли!.. А между тѣмъ именно чрезъ нихъ-то благодать Божія и отбирала чистую пшеницу отъ плевелъ, выдѣляя и привлекая ко Христу Спасителю всѣхъ, способныхъ воспріять въ свое сердце благодатное сѣмя слова Божія и содѣлаться сынами Царствія Божія.

Однимъ изъ такихъ великихъ избранниковъ Божіихъ былъ и Преподобный отецъ нашъ Сергій. Ему суждено было обновить духъ подвижничества на землѣ Русской, зажечь благодатный огонекъ во многихъ отдаленныхъ предѣлахъ Русской земли, и чрезъ то содѣлаться духовнымъ родоначальникомъ безчисленнаго лика монашествующихъ. Справедливо поэтому говорятъ, что онъ былъ для сѣверной, Московской Руси, тѣмъ же, чѣмъ были для южной, Кіевской Руси—Преподобные Антоній и Феодосій.

И Богу угодно было утѣшить еще при жизни смиреннаго подвижника Радонежскаго пророческимъ откровеніемъ о будущемъ многочисленномъ духовномъ его потомствѣ. Это было не за долго до введенія въ его обители устава общежительнаго, который справедливо почитается образомъ совершеннѣйшаго иноческаго житія во всѣхъ православныхъ обителяхъ.

Святому игумену было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Около тридцати лѣтъ онъ уже подвизался на „Маковицѣ“. Отовсюду стекались къ нему искатели безмолвія, подъ его кровъ, и монашествующіе, покидая свои прежнія обители, считали для себя болѣе полезнымъ жить въ послушаніи у такого аввы. Таковъ былъ Смоленскій архимандритъ

Симонъ, таковъ былъ и братъ Преподобнаго Стефанъ, который оставилъ игуменство въ Боявленскомъ монастырѣ и жилъ теперь въ обители Сергіевой вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Теодоромъ. И Преподобный Сергій, видя надъ своею обителью благословеніе Божіе, еще съ большимъ усердіемъ и дерзновеніемъ молился о преуспѣяніи братіи. И вотъ, однажды, въ глубокой вечеръ, когда онъ совершалъ свое обычное молитвенное правило и весь былъ погруженъ въ сердечную молитву за духовныхъ чадъ своихъ, вдругъ онъ слышитъ голосъ, который звалъ его по имени: „Сергій!“ Удивился Преподобный столь необычному зову въ тишинѣ ночной; сотворивъ молитву, онъ открываетъ оконце своей келліи и видитъ дивное видѣніе: въ высотѣ небесъ сіяетъ чудный свѣтъ и разгоняетъ тьму ночную такъ, что стало свѣтлѣе дня; а невѣдомый голосъ снова говоритъ ему: „Сергій! Ты молишься о дѣтяхъ твоихъ духовныхъ: Господь принялъ твою молитву. Посмотри кругомъ — видишь, какое множество иноковъ собрано тобою подъ твое руководство во имя Живоначальная Троицы!“..

И Сергій видитъ предъ собою множество прекрасныхъ птицъ, никогда дотолѣ имъ невиданныхъ; онѣ летаютъ не только по всему монастырю, но и вокругъ ограды его,—летаютъ и поютъ несказанно-сладоотно...

А онъ опять слышитъ таинственный голосъ съ высоты небесъ: „такъ умножится стадо учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ они; такъ чудно они будутъ украшены разными добродѣтелями, если только захотятъ послѣдовать стопамъ твоимъ!“..

Небесная радость наполнила сердце смиреннаго Сергія; пророческое видѣніе касалось не его одного, но и всего возлюбленнаго его братства, всѣхъ дорогихъ чадъ его по духу, и онъ пожелалъ раздѣлить свою духовную радость съ кѣмъ-нибудь изъ присныхъ учениковъ своихъ. Въ сосѣдней съ нимъ келліи жилъ Смоленскій архимандритъ Симонъ: его и пригласилъ Преподобный быть участникомъ чуднаго видѣнія.

Удивленный нечаяннымъ зовомъ игумена въ ночное время, Симонъ поспѣшилъ на его голосъ; но не сподобился полного видѣнія, и только успѣлъ видѣть нѣкую часть чуднаго свѣта. Тогда Преподобный повѣдалъ ему все, что самъ видѣлъ и слышалъ, и оба они, по слову Псалмопѣвца, возрадовались о Господѣ съ трепетомъ...

Читая этотъ разсказъ, невольно оглянешься на теперешнія *окрестности* Лавры: вотъ—Виѳанія, вотъ—Геѳсиманія, Пещеры, Киновія, а тамъ, въ чащѣ лѣсной—удивленная пустынь Святаго Духа—Утѣшителя; всѣ эти обители, какъ дѣти, на виду у своей матери—славной Лавры Сергіевой; но не забудемъ, что это—дѣти младшіе; сто лѣтъ назадъ ихъ еще не было; а сколько обителей было основано въ теченіи 500 лѣтъ сынами обители Сергіевой! Ниже мы увидимъ, что еще при жизни угодника Божія, его учениками было основано до 25 монастырей, а потомъ число ихъ возросло до 70-ти.

Но для высшаго духовнаго преуспѣянія самихъ учениковъ Сергіевыхъ, ихъ святому наставнику нужно было сдѣлать нѣчто очень важное въ устройствѣ монастырской жизни. До сего времени каждый братъ самъ заботился о всемъ необходимомъ для жизни, а потому каждый имѣлъ свою собственность, и, можетъ быть нѣкоторые, подобно архимандриту Симону и схимникамъ—воинамъ Пересвѣту и Ослябѣ, приносили изъ міра средства для жизни. Такой порядокъ открывалъ путь зависти, любостыжанію и превозношенію однихъ передъ другими; чтобъ устранить всѣ поводы къ усиленію въ средѣ братіи такихъ пороковъ, нужно было ввести въ обители общежитіе. Впервые въ русскихъ обителяхъ было введено общежитіе Преподобнымъ Θεодосіемъ Печерскимъ; но ко времени Преподобнаго Сергія мало-по-малу общежительные порядки въ нашихъ обителяхъ ослабѣли и забылись. Иноки того времени, по недостаточному разсужденію духовному, не любили общежитія. Много стоило трудовъ пастырямъ Церкви и послѣ того устроить жизнь апостольской общины въ обителяхъ. Вотъ, можетъ быть, причина, почему

Преподобный пожелалъ раздѣлить свою духовную радость съ кѣмъ-нибудь изъ присныхъ учениковъ своихъ и вышелъ, чтобы пригласить Архимандрита Симона... Стр. 124.

Преподобный Сергій, всегда кроткій и смиренный сердцемъ, всегда склонный снизойти немощамъ братіи, сколько можно это сдѣлать безъ ущерба основнымъ требованіямъ иноческой жизни, не рѣшался самъ, своею личною волею, безъ особеннаго указанія свыше, ввести общежитіе въ своей обители. Тѣмъ не менѣе именно ему, а не кому другому судилъ Господь возстановить строгіе общежительные уставы въ монастыряхъ сѣверной Руси. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ тѣхъ обителяхъ, которые основаны были его учениками, какъ-то: Пѣшношской, Андрониковой, Симоновской, общежитіе было введено при самомъ учрежденіи сихъ обителей и, это сдѣлано, конечно, по заповѣди Преподобнаго Сергія. Промыслъ Божій помогъ ему ввести общежительный уставъ и въ его Лаврѣ, — помогъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ.

Около 1372 года въ его обитель прибылъ одинъ греческій митрополитъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ грековъ, изъ Царьграда. Они объявили святому игумену, что „Вселенскій Патріархъ Константинопольскій Киръ Филоѳей благословляетъ его и посылаетъ ему поминки: крестъ, парамандъ и схиму, вмѣстѣ съ своимъ писаніемъ“.

Смутился смиренный Сергій; думалъ ли онъ, чтобы имя его было извѣстно Вселенскому Первосвятителю? Цѣлыя три тысячи верстъ отдѣляли его скромную пу-

стыню отъ Царьграда; да и кто онъ, чтобы удостоиться такой великой чести отъ Патріарха Вселенскаго?

— „Смотрите“, сказалъ онъ патріаршимъ посланцамъ: „не къ другому ли кому вы посланы? Кто я грѣшный, чтобъ мнѣ получать поминки отъ святѣйшаго Патріарха?“

— Нѣтъ, отче святой“,—отвѣчали они: „мы не ошиблись. Мы хорошо знаемъ, что къ тебѣ посланы, а не къ иному кому: вѣдь ты—Сергій Радонежскій?“

— Да, я—грѣшный чернецъ Сергій“, сказалъ онъ.

— „Тебя-то вотъ и благословляетъ святѣйшій Филоеѳей, Вселенскій Патріархъ“, подтвердили пришельцы ⁹⁵.

Тогда игуменъ поклонился имъ до земли. Онъ угостилъ ихъ пустыннымъ обѣдомъ, и пригласивъ отдохнуть въ обители, приказалъ братіи успокоить дальнихъ гостей; а самъ, не раскрывая посланія патріаршаго, поспѣшилъ въ Москву, къ Святителю Алексію: смиренный пустычникъ не рѣшился принять даровъ Патріарха безъ благословенія своего святаго друга и Архипастыря. Явившись къ нему, Преподобный рассказалъ о пришельцахъ и подалъ ему Патріаршую грамоту. Митрополитъ велѣлъ прочитать ее и было читано слѣдующее:

„Божію милостію Архіепископъ Константинограда Вселенскій Патріархъ Киръ Филоеѳей, о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія Сергію: благодать и миръ, и наше благословеніе да будетъ съ вами. Слышахомъ убо еже по Бозѣ житіе твое добродѣтельно, и зѣло похвалихомъ, и прославихомъ Бога, якоже рече Господь: *да возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ.*“ ⁹⁶

Но едина главизна (правило) еще не достаточествуетъ ти: яко не общее житіе стяжасте. Понеже вѣси, Преподобне, и самый Богоотецъ Пророкъ Давидъ, иже вся обясавый (изслѣдовавшій) разумомъ, ничтоже ино возможе тако похвалити, точію: *се нынѣ что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ.* Потому же и азъ совѣтъ благъ даю вамъ: послушайте убо смиренія нашего, яко да со-

ставите общее житіе, и милость Божія на васъ и Пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ, и наше благословеніе и молитва да есть съ вами“⁹⁷.

— „Ты что повелишь, владыко святой?“ — спросилъ Преподобный Сергій Святителя Алексія, когда было прочтено это посланіе.

— „Самъ Богъ прославляетъ славящихъ Его“, — отвѣчалъ Митрополитъ: „Онъ сподобилъ и тебя такого блага, что имя твое и твоя святая жизнь стали извѣстны въ такой далекой странѣ, и даже самъ Вселенскій Патріархъ шлетъ тебѣ совѣты на общую пользу. Можемъ ли мы предложить тебѣ лучший совѣтъ? Мы очень благодарны Святѣйшему Патріарху за такой совѣтъ, и что онъ повѣлѣваетъ и благословляетъ, то благословляемъ и мы“.

Для смиреннаго игумена этихъ словъ было довольно, чтобы знать волю Божию. Возвратившись изъ Москвы, онъ объявилъ братіи желанія Патріарха и Митрополита. Пустынники съ радостію согласились на введеніе въ обители общежитія. Правда, и между ними нашлись недовольные: но они не стали возражать потому, что невозможно же было итти противъ воли Патріарха и Митрополита; ихъ было немного, и нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ оставили обитель⁹⁸.

Теперь Преподобный Сергій со всѣмъ усердіемъ занялся устройствомъ полнаго общежитія въ своемъ монастырѣ. Немало новыхъ трудовъ и заботъ легло на него при введеніи новыхъ порядковъ въ обители. До сего времени онъ могъ не заботиться о житейскихъ потребностяхъ всего братства, потому что каждый заботился самъ для себя; къ нему приходили больше за духовнымъ совѣтомъ, для откровенія ему своихъ помысловъ, своихъ скорбей и нуждъ духовныхъ; теперь приходилось заботиться и о пищѣ, и объ одеждѣ, и обо всемъ, необходимомъ для братіи. Имѣть свою собственность, или называть что-нибудь своимъ было строго запрещено, и потому каждый шелъ съ своею нуждою къ игумену. Трудиться должны были всѣ способные къ труду, исключая, ко-

нечно, престарѣлыхъ и больныхъ, къ которымъ были приставлены послушники; но примѣръ трудолюбія подавалъ всѣмъ святой игумень.

Общежитіе потребовало устройства особыхъ помѣщеній для трапезы, хлѣбопекарни, амбаровъ, кладовыхъ и под. И все это было построено.

Соотвѣтственно общежительному уставу распредѣлены были и должности между старѣйшею братіею. Самый почтенный изъ братіи, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, былъ поставленъ *келаремъ*. Эта должность извѣстна съ самаго основанія монашества въ Россіи: она учреждена Преподобнымъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ. Келарь въ нашихъ древнихъ монастыряхъ исполнялъ должности казначея, эконома и благочиннаго; онъ былъ въ монастырѣ вторымъ лицомъ послѣ настоятеля, а въ то время, когда монастырь имѣлъ вотчины, келарь завѣдывалъ оными, и всѣмъ хозяйствомъ, и судебными дѣлами. Однимъ изъ первыхъ келарей въ обители Преподобнаго Сергія былъ Преподобный Никонъ. Списатель житія его говоритъ: „и умысли Сергій сего пастыря обители оныя поставить вмѣсто себе, еже и бысть, и устрояетъ его въ служеніи, яко быти ему вторымъ по настоятели. Блаженный же Никонъ милосердіе на всѣхъ просто имѣя, и еже до конца тихо и человѣколюбиво; о всѣхъ бо всегда печашеся, благоразумнѣ же и великодушнѣ тѣмъ служа, и премудрѣ ихъ утѣшая, и коего же лишеніе подаяніемъ исполняя. Никтоже имъ отъ братіи презираемъ бываше, и толико, яко ни отъ родителей нѣкимъ удобно таковая къ чадамъ сотворити, елика онъ къ братіи творяше“. Такое усердіе преподобнаго Никона много радовало его великаго старца—игумена.

Наиболѣе опытный въ духовной жизни, отличавшійся смиренномудріемъ и кротостію старецъ былъ назначенъ *духовникомъ* для всей братіи. Изъ первыхъ духовниковъ Троицкой Лавры извѣстенъ былъ Преподобный Савва, въ послѣдствіи основатель Сторожевскаго Богородичнаго, близъ города Звенигорода, монастыря. Позднѣе духовни-

комъ былъ преподобный Епифаній, „премудрый“ писатель житія Сергіева.

Для соблюденія порядка и благочинія въ церкви во время Богослуженія былъ избранъ *экклесіархъ*. На его обязанности лежало наблюденіе за точнымъ выполненіемъ церковнаго устава, онъ испрашивалъ у игумена благословеніе начинать благовѣсть къ Богослуженію, и вообще проходилъ послушаніе нынѣшняго уставщика и отчасти—ризничаго. Такимъ экклесіархомъ былъ, напримѣръ, преподобный Симонъ, одинъ изъ приближенныхъ учениковъ Преподобнаго Сергія.

У экклесіарха подъ рукою былъ *параэкклесіархъ*, или пономарь, который назывался также кандиловжигателемъ. На его обязанности лежало, какъ видно изъ самого названія, соблюдать въ церкви безукоризненную чистоту; онъ зажигалъ и гасилъ лампы и свѣчи, приготовлялъ кадило, завѣдывалъ звономъ по указанію экклесіарха и под.

Въ подчиненіи тому же экклесіарху былъ и *канонархъ*, которому поручено было вѣдать клиросное послушаніе и хранить Богослужебныя книги. Пѣтъ на клиросѣ обязаны были всѣ, къ тому способные.

Что касается до устава Богослужебнаго, то, вѣроятно, въ началѣ употреблялся въ обители Сергіевой уставъ Студійскій, какъ болѣе простой и несложный. Но съ учрежденіемъ общежитія въ Троицкой обители введенъ былъ уставъ Іерусалимскій, (обители преподобнаго Саввы Освященнаго), такъ какъ въ это время въ ней было уже достаточное число священниковъ, которые могли безъ нужды совершать Богослуженіе, хотя бы ежедневно, съ большею торжественностію по Іерусалимскому уставу.

За исполненіемъ правилъ общежитія строго наблюдалъ самъ Преподобный Сергій. Отъ начальствующихъ онъ требовалъ быть кроткими и милостивыми къ подчиненнымъ; а братіи заповѣдывалъ быть въ непрекословномъ послушаніи у начальствующихъ. Поступь у всѣхъ должна быть тихая и спокойная, съ наклоненною головою, чтобы наружность соотвѣтствовала внутреннему смиренію. ⁹⁹ Въ

свободное время братія должны были находиться въ своихъ келліяхъ, а чтобы руки ихъ не были праздны, должны были заниматься рукодѣліемъ, или, какъ говорятъ иноки—„подѣліемъ“ потому что настоящее „дѣло“ инока—спасеніе своей души. Однимъ изъ важныхъ келейныхъ послушаній, судя по оставшимся въ Лаврской библіотекѣ и ризницѣ памятникамъ, было „списаніе книжное“ и переплетъ рукописей въ кожу ¹⁰⁰. Жизнеописатель ученика Сергіева Аѳанасія, впослѣдствіи основателя Высоцкаго монастыря, говоритъ, что Сергій особенно любилъ Аѳанасія за его трудолюбіе въ переписаніи книгъ. ¹⁰¹ И теперь въ Лаврской ризницѣ можно видѣть: Евангеліе Преподобнаго Нікона на пергаменѣ, малой мѣры, съ надписью на немъ: „Евангеліе четвертное, на харатьѣ, Нікона чудотворца. А не отдати его никому“. Служебникъ, писанный, можетъ быть, для Преподобнаго Сергія, рукою Преподобнаго Нікона въ 1381 году, на пергаменѣ, въ 12 долю. Въ библіотекѣ Лавры также сохранилось нѣсколько драгоценныхъ рукописей отъ временъ Преподобнаго Сергія. Нѣкоторыя изъ нихъ принесены изъ Ростова, гдѣ въ то время процвѣтало книжное ученіе въ обители Григорія Богослова, и откуда пришелъ къ Преподобному писатель житія его — Епифаній премудрый, а другія рукописи писаны въ самой обители Сергіевой, или же относятся къ болѣе раннему времени и драгоценны для насъ потому, что они бывали въ рукахъ угодника Божія, по нимъ онъ молился, читалъ братіи поученія и самъ поучался въ словѣ Божіемъ. Таковы: на пергаменѣ Пятокнижіе Моисеево (№ 1), собраніе нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завета (№ 2), „Паремейникъ“ (№ 4), Евангеліе (№ 5), Поученія Ефрема Сирина (№ 7), 16 словъ святаго Григорія Богослова (№ 8), съ искусною заглавною заставкою изъ перевитыхъ фигуръ съ красками, и съ надписью: „Елисеевской“—можетъ быть эта рукопись принадлежала преподобному Елисею, ученику Преподобнаго Сергія; Іоанна Златоуста (№ 9), „Златая Цѣпь“ (№ 11), два Сборника (№№ 12 и 13),—Пандекты Нікона Черногорца (№ 14),

„Мѣрило Праведное“ (№ 15); — изъ Богослужебныхъ на пергаменѣ замѣчательны: „Кондакаръ“ XII вѣка съ крюковыми нотами, по которымъ пѣли при Преподобномъ Сергіѣ и „Стихираръ“, писанный преподобнымъ Епифаніемъ, какъ видно изъ его подписи на первой страницѣ:

ѲѢФАНІЙ КІПРСКІЙ

то есть: „многогрѣшный рабъ Божій Епифанъ недостойный“... далѣе трудно прочитатъ. Подъ 12 мая, на память святаго Епифанія Кипрскаго подписано:

ГНЕ СТЬІІЕ МѢА КИПРСКІЙ
СЪІМЕННИЧЕ МОІ-ЕЛЕЙСОН МИ

то есть: „господине святой Епифаніе Кипрскій, съимениниче мой, елеисон ми“. Изъ рукописей на бумагѣ упомянемъ: „Потребникъ“, по которому тогда постригали иноковъ (№ 229), и „Слова Постническія Преподобнаго Исаака Сирина“, писанныя при Преподобномъ Сергіѣ въ 1381 году (№ 172). Нѣкоторыхъ драгоценныхъ рукописей сохранились одни заглавія въ описяхъ древнихъ; таковы: *два служебника на харать; свертки на деревцѣ Чудотворца Сергія; Евангеліе въ десть на бумагѣ Исаковское Молчальниково; Псалтирь въ полдесть на бумагѣ, письмо Исаака Молчальника, ученика Преподобнаго Сергія.*—Отъ временъ Преподобнаго Нікона тоже сохранилось нѣсколько рукописей, изъ коихъ здѣсь упомянемъ только двѣ: „Лѣствицу“, списанную „рукою грубаго и худаго, страннаго и послѣдняго въ иноцѣхъ, смѣреннаго многими грѣхы Варлаама“,—въ концѣ книги смиренный инокъ приписалъ: „о лѣнливый Варлааме, готовися къ ранамъ. Близъ есть конецъ“. Но особенно замѣчательна изъ числа сохранившихся отъ времени Преподобнаго Нікона — другая рукопись: Псалтирь съ послѣдованіями писанная около 1428 года: изобрѣтательность писца въ почеркахъ и художественное выполненіе красками съ золотомъ разныхъ заставокъ — изумительны! Съ характеромъ этихъ прекрасныхъ заставокъ читатель можетъ ознакомиться по застав-

камъ, какія видитъ въ этой книгѣ...¹⁰² Но обращаемся къ правиламъ общежитія въ пустынь Сергіевой.

Одежду и обувь иноки получали отъ монастыря. И Епифаній, и Преподобный Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуя, что самъ игумень Сергій шилъ одежду и обувь для братіи: посему можно думать, что была мастерская для приготовленія ихъ. Безъ особенной нужды выходить за ворота монастырскія запрещалось. Правило строго исполнялось братією не только при жизни Преподобнаго Сергія, но и по кончинѣ его. Когда Преподобный Пафнугій Боровскій приходилъ въ Троицкій монастырь помолиться Святой Троицѣ и чудотворцу Сергію, и, исполнивъ свое желаніе, намѣренъ былъ возвратиться въ свою обитель: тогда братія вышли было провожать преподобнаго богомольца за ворота монастырскія; но вспомнивъ завѣтъ Преподобнаго отца своего Сергія — не выходить за ворота, тутъ же остановились, и, помолившись, простились съ Преподобнымъ Пафнугіемъ.¹⁰³

Когда совершилось благоустройство обители, то еще больше возросло число ея братства, и она стала всѣмъ изобиловать. А чтобы избытокъ не привелъ съ собою нерадѣнія, или не подалъ повода къ зависти и осужденію,—чтобы, напротивъ, онъ послужилъ къ умноженію благословенія, мудрый распорядитель ввелъ въ обители страннопріимство. Онъ считалъ это учрежденіе столь важнымъ для обители, что въ пророческомъ духѣ подкрѣпилъ свою волю относительно сего особеннымъ общаніемъ Божія покровительства: „если вы, дѣти“,—такъ говорилъ онъ братіи, „сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, то и по отшествіи моемъ отъ житія сего обитель процвѣтетъ, и на многія лѣта неразрушима постоитъ благодатію Христовою“.—Рука Сергіева простерта была къ нуждающимся, по краснорѣчивому выраженію блаженнаго Епифанія, какъ рѣка многоводная, тихая струями; и если кому приходилось въ зимнее время, отъ сильнаго мороза, или глубокихъ снѣговъ, или бурной метели, уمدлить въ обители долѣе обыкновеннаго, то во все время пребыва-

нія своего въ ней онъ получалъ все необходимое. А странники, нищіе и болящіе подолгу въ ней отдыхали, пользуясь полнымъ довольствомъ и покоемъ по заповѣди

старца. Уединенная дотолѣ обитель Сергіева, теперь какъ бы вдругъ выдвинулась изъ дремучихъ лѣсовъ на распутіе жизни людской: мимо ея гостепріимныхъ воротъ часто проходили Князья и воеводы съ своими полками, и всѣхъ она принимала радушно, съ подобающею честію и отпускала съ щедрымъ запасомъ. А бывали годы, отмѣченные въ лѣтописяхъ тяжкими скорбями для всей Русской земли: такъ въ 1357 году „велика была истома Княземъ русскимъ“ отъ посла татарскаго Кошана,¹⁰⁴ въ 1364 году былъ моръ повсюду, такъ что въ Смоленскѣ осталось отъ него живыми всего 15 человѣкъ;¹⁰⁵ въ 1368 году Москва претерпѣла опустошеніе отъ Олгерда;¹⁰⁶ въ 1382—земля Русская опустошена Тохтамышемъ. Въ этомъ же году была „великая дань, тяжкая по всему княженію великому—всякому безъ отдатка“ (уступки).¹⁰⁷ Нѣтъ сомнѣнія, что въ такіе годы много нуждающихся приходило въ обитель Сергіеву, и она дѣлилась съ ними всѣмъ, что имѣла. Дѣлится она и по нынѣ, строго исполняя святой завѣтъ гостепріимства, оставленный ей святымъ ея первоначальникомъ, и какъ тогда, такъ и теперь въ обилии потребныхъ нельзя не видѣть надъ нею особеннаго Божія благословенія за молитвы досточуднаго старца.

ГЛАВА XIII.

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ.

Вѣды въ пустынь.—Случай въ церкви.—Смиренный игумень въ добровольномъ изгна-
ніи.—Уроки м. Филарета.—Махра.—Встрѣча святыхъ друзей. — На Киржацѣ. — Скорѣ
троицкихъ братья.—Новая обитель.—Братія у Митрополита Алексія.—Послы у Сергія.—
Послушаніе „устамъ Христовымъ“.—Торжество любви и „друге солнце“...—Волѣзнь Пре-
подобнаго Сергія. (1372—1375).

Рѣдѣиша, образе кротости духовныа...

Ѳк. ѿ, Ѳк. ѿ.

Рѣдѣиша, покорѣиши себѣ колѣнъ Бжїей ѿ на-
чальникшамъ, ѿ негѣ поставленныа... Ѳк. ѿ.

Рѣдѣиша, вышши столпъ добродѣтелей соз-
давыи,

Рѣдѣиша, сердце незабѣно во всемъ житїи
стажавыи. Ѳк. ѿ, Ѳк. ѿ.

АЗАЛОСЬ, послѣ введенія общежитія, обитель
Сергіева была отовсюду крѣпко утверждена
и отъ всякой превратности безопасна; но кто
знаетъ, что принесетъ съ собою наступающій
день? О, какъ нужно бодрствовать, чтобы наружный миръ
и утвержденіе не превратились во всегубительство по-
средствомъ страстей, таящихся въ глубинѣ человѣческаго
сердца!

„Не рѣдко“, говоритъ святитель Платонъ, „Богъ и на
праведниковъ Своихъ попускаетъ искушенія, дабы чрезъ
то ихъ добродѣтель просіяла еще болѣе, какъ золото въ
огнѣ искушенное“. Это судилъ Богъ претерпѣть и Препо-

добному отцу нашему Сергію. Вдругъ пронеслась надъ его обителию буря, которая едва не сорвала съ нея благодатный покровъ и едва не разрушила самыхъ ея основаній, лишивъ ее святаго игумена... „И кто бы могъ подумать“, говоритъ тотъ же святитель, „чтобы это произошло отъ его роднаго брата Стефана—того самаго Стефана, который вмѣстѣ съ нимъ былъ основателемъ обители и соревнителемъ его подвиговъ?—Но видно отъ бѣдъ и искушеній никуда не уйдешь: *бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пустынь*“ (2 Кор. 11, 26),—бѣды отъ лжебратій, бѣды и отъ сродниковъ...

Стефанъ пришелъ въ пустынную обитель своего брата, вѣроятно, по влеченію къ болѣе строгой жизни, чѣмъ какую онъ могъ вести въ Москвѣ; но при этомъ желаніи, отказавшись отъ игуменства въ Богоявленскомъ монастырѣ, онъ не могъ побѣдить въ себѣ страсти властолюбія. Онъ былъ старшій братъ Преподобнаго, онъ вмѣстѣ съ нимъ полагалъ основаніе новой обители; можетъ быть, онъ принесъ и денежное пожертвованіе изъ Москвы на новую обитель: все это питало въ немъ желаніе первенства. Можно думать, что въ средѣ недовольныхъ новыми порядками въ обители, были нѣкоторые на сторонѣ Стефана.

Въ одинъ субботній день Преподобный Сергій самъ служилъ вечерню и былъ въ алтарѣ, а братъ его Стефанъ, какъ любитель церковнаго пѣнія, стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. Вдругъ Преподобный слышитъ довольно громкій голосъ брата:

— „Кто тебѣ далъ эту книгу?“ — вопросъ обращенъ былъ къ канонарху.

— „Игумень“, отвѣчалъ канонархъ.

Помыслъ гнѣва и властолюбія поколебалъ Стефана при этомъ отвѣтѣ. „Кто здѣсь игумень?“ сказалъ онъ уже запальчиво: „не я ли первый основалъ это мѣсто?“.. Сказаны были и другія немирныя слова.

Преподобному стало понятно, что въ этомъ раздраженіи брата излилось тайное недовольство нѣкоторыхъ изъ

братій на новые порядки въ обители. Мы уже говорили, что нѣкоторые изъ этихъ недовольныхъ оставили обитель; но были, повидимому, и такіе, которые желали бы смѣнить самого игумена.

Игуменство не привлекало, а тяготило смиреннаго Сергія: тѣмъ менѣе желалъ онъ управлять такими, которые не желали его управленія, и онъ воспользовался случаемъ сложить съ себя это тяжкое бремя. Предоставляя своевольныхъ суду ихъ совѣсти, Преподобный, по окончаніи вечерни, не пошелъ уже ни въ келлію, ни въ трапезу, куда пошли всѣ братія; ¹⁰⁸ никѣмъ незамѣченный, онъ вышелъ изъ обители и удалился по дорогѣ, ведущей на Кинелу... ¹⁰⁹

Благоговѣйный читатель житія Сергіева невольно останавливается мыслію надъ этимъ поступкомъ угодника Божія. Приводимъ здѣсь разсужденіе по сему случаю пригнопамятнаго святителя Филарета митрополита Московскаго. „Очевидно“, говоритъ онъ, „въ семъ поступкѣ терпѣніе, кротость и смиреніе святаго. Но вотъ что недомѣнно: почему не вразумилъ онъ брата, по долгу игумена?

Какъ, за одного человѣка, оставилъ всю братію и служеніе, въ которое поставленъ священною властію?“

„Есть особенные пути святыхъ“, отвѣчаетъ на сей вопросъ мудрый святитель, — „пути, предъ которыми всѣ должны благоговѣть, поелику они особенною благодатію Божіею управлены, и оправданы въ своихъ послѣдствіяхъ, но которымъ не всякій имѣетъ право послѣдовать, потому что было бы дерзновенно, еслибы каждый сталъ приписывать себѣ ту же благодать. Таковъ случай, теперь разсматриваемый“.

„Если у отца сынъ, или у начальника подчиненный безчинствуетъ: берегитесь молчать и оставлять его безъ обличенія и исправленія. Вспомните грозное прещеніе и наказаніе, которымъ за небреженіе сего рода Богъ поразилъ несчастнаго Илія: *отмищу Азъ на домъ его до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихже вѣдаше, яко злословиста Бога сынове его и не наказа ихъ* (1 Цар. 3, 13). Если отъ какого нибудь искушенія, или неудовольствія, приходитъ тебѣ желаніе бѣжать отъ мѣста, на которомъ ты поставленъ законною властію: остерегись; можетъ случиться, что вину своеволія понесешь; отъ зла путемъ своего произвола не избѣжишь, и преслѣдуемаго тобою спокойствія не уловишь“.

„Но если святой Сергій въ извѣстномъ случаѣ не по симъ обыкновеннымъ правиламъ дѣйствовалъ: то по какимъ же? Ибо святому по святымъ правиламъ дѣйствовать надлежитъ.—Мы уразумѣемъ дѣло его, если приложимъ къ его поступку правило Апостола: *сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна* (Рим. 14, 13). Видѣлъ прозорливый Сергій, что неудобно было прямо обличить любоначалствующаго; потому что въ семъ случаѣ обличеніе казалось бы препирательствомъ за начальство и видъ личной распри между игуменомъ и старшимъ по немъ (тоже имѣвшимъ игуменскій санъ), и притомъ родными братіями по плоти, былъ бы не безъ претыканія и для прочихъ братій обители“.

„Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ премудрый старецъ нашелъ средство не только не положить претыканія съ своей стороны, но и положенный другими соблазнъ уничтожить. Онъ никому не сказалъ о поступкѣ брата, и своимъ удаленіемъ отъ начальствованія подалъ и сильнѣйшее врачевство противъ страсти любоначалія. Богъ же, оправдывая путь угодника Своего, чрезъ его добровольное изгнанничество, паче прежняго утвердилъ въ любви къ нему братію его первоначальной обители и возвратилъ его къ ней властію Святителя Алексія“.¹¹⁰

Такъ размышлялъ о семъ „добровольномъ изгнаніи“

Преподобнаго Сергія святитель Филаретъ — Обратимся теперь къ повѣствованію.

На пути въ Кинелу Преподобнаго застигла ночь, которую онъ провелъ въ глухомъ лѣсу, въ молитвѣ и краткомъ снѣ. На утро онъ продолжалъ путь свой и пришелъ въ Махрищскій монастырь.

Здѣсь былъ игуменомъ его духовный другъ и собесѣдникъ, Преподобный Стефанъ. Постриженникъ Кіево-Печерской Лавры, онъ ушелъ отъ преслѣдованій латинянъ въ предѣлы Московскаго княжества, и здѣсь, въ 35-ти верстахъ отъ обители Преподобнаго Сергія, основалъ свою пустынную обитель, такъ же, какъ и Сергій, во имя Пресвятыя Троицы. Преподобные друзья посѣщали другъ друга для духовной бесѣды и взаимнаго утѣшенія, и теперь, узнавъ о прибытіи Сергія, Стефанъ велѣлъ ударить въ било и со всею братією вышелъ на встрѣчу къ нему. И какъ же трогательна была эта встрѣча! Они поклонились другъ другу до земли, прося другъ у друга молитвъ и благословенія, и ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ первый подняться: такъ велико было ихъ смиреніе! Наконецъ святой гость уступилъ: онъ всталъ, благословилъ святаго хозяина и друга съ его братією и всѣ вмѣстѣ вошли въ церковь для краткой молитвы. Затѣмъ гостепріимный Стефанъ предложилъ Сергію пустынную трапезу и долго они бесѣдовали о спасеніи души.

Преподобный Сергій гостилъ у своего друга нѣсколько дней; онъ обходилъ съ нимъ пустыню и радовался процвѣтанію его обители. Наконецъ онъ сказалъ Стефану: „желалъ бы я, отче, найти себѣ, при помощи Божіей, такое уединенное мѣсто, гдѣ можно было бы безмолвствовать. Твои ученики хорошо знаютъ здѣшнія пустынные мѣста; и такъ прошу твою любовь: дай мнѣ одного изъ нихъ въ провожатые“.

Стефанъ не только съ любовію исполнилъ эту просьбу, отпустивъ съ Сергіемъ ученика своего Симона, но и самъ проводилъ святаго друга версты за три отъ обители, гдѣ они отдохнули у источника и распростились. И понынѣ

стоитъ надъ этимъ источникомъ часовня—памятникъ ихъ дружескаго прощанья, и ежегодно къ этой часовнѣ бываетъ крестный ходъ изъ Махришской Сергіевой приходской церкви.¹¹¹

Преподобный Сергій обошелъ, въ сопровожденіи Симона, много пустынныхъ дебрей и нашель наконецъ прекрасное мѣсто на рѣкѣ *Киржачъ*,¹¹² гдѣ и поселился для безмолвія.

Нужно ли говорить, въ какое уныніе была приведена Троицкая обитель нечаяннымъ удаленіемъ изъ нея святаго игумена? Лучшіе иноки встревожились, но сначала думали еще, что онъ скоро возвратится. Ожиданіе ихъ однакоже не исполнялось... Тогда братія отправились, по двое и по трое искать его по пустыннымъ лѣсамъ, по селамъ и городамъ; но его нигдѣ не находили... Нѣкоторые, чувствуя духовное сиротство въ разлукѣ съ любимымъ старцемъ-игуменомъ, рѣшались уже покинуть и самую обитель, въ которой теперь все казалось такъ пусто и безпріютно... Но вотъ одинъ изъ братіи пришелъ на Махру, къ Преподобному Стефану, и отъ него услышалъ, что Сергій прошелъ въ дальнюю пустыню, дабы тамъ основаться. Въ порывѣ радости усердный инокъ хотѣлъ было устремиться по слѣдамъ своего игумена; но потомъ одумался и поспѣшилъ возвратиться въ Троицкую обитель, чтобы утѣшить скорбѣвшихъ братій радостною вѣстію. Понятно, какъ велика была эта радость осиротѣвшихъ иноковъ, когда они узнали, гдѣ привитаецъ ихъ любимый наставникъ и отецъ. Они не могли долѣе сносить разлуки, и одинъ по одному стали переселяться на Киржачъ. А Преподобный съ любовію принималъ ихъ и самъ помогалъ строить имъ келліи, самъ своими руками ископалъ и кладязь, который существуетъ до нынѣ.—Братія пожелала, чтобы построена была церковь; тогда Преподобный послалъ двухъ учениковъ своихъ къ Митрополиту Алексію просить у него благословенія на это; благословеніе скоро было получено и церковь основана... Списатель житія Сергіева сохранилъ и молитву, которою помолился угод-

никъ Божій при основаніи сей церкви,—вотъ эта молитва:

„Господи Боже Силь, иже древле Израиля многими увѣривый великими чудесы и законодавца Своего Моисея многими и различными извѣстивъ знаменьями, и иже Гедееону руномъ образъ побѣды показавый! Самъ и нынѣ, Владыко Вседѣтелю, услыши и мене раба Твоего молящагося Тебѣ! Прими убо молитву мою и благослови мѣсто сіе, егоже благоизволи создатися во славу Твою, въ похвалу же и честь Пречистыя Твоея Матере, честнаго Ея Благовѣщенія. Да и въ томъ всегда славится имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!“

При помощи Божіей постройка церкви пошла успѣшно; надъ строеніемъ новой обители трудились добровольно многіе иноки и міряне: кто строилъ келліи и церковь, кто доставлялъ матеріаль, нашлись благотворители изъ Князей и бояръ, которые присылали и денежныя пожертвованія на постройки. Число братіи быстро увеличивалось. Преподобный и здѣсь ввелъ общежительный уставъ.

Прошло гри-четыре года.¹¹³ Иноки Троицкой обители, не пожелавшіе разстаться съ первоначальнымъ мѣстомъ подвиговъ Преподобнаго своего игумена, все еще утѣшали себя надеждою, что ихъ старецъ скоро возвратится въ свою возлюбленную обитель! Имъ казалось невозможнымъ, чтобы любвеобильный Сергій навсегда покинулъ мѣсто, на которомъ такъ долго трудился, и надъ которымъ уже видѣлъ и Божіе благословеніе. Не разъ приходили они въ Киржачъ и упрашивали Преподобнаго возвратиться подъ кровъ Живоначальныя Троицы, но онъ отклонялъ ихъ просьбы и оставался въ новой обители. Тогда троицкіе старцы, въ порывѣ сыновней любви къ своему святому игумену и сердечной привязанности къ родной обители, пошли въ престольный градъ Москву къ самому Святителю Алексію, и зная, какъ Сергій свято чтитъ волю Архипастыря, со слезами стали умолять его, чтобы онъ своею святительскою властію возвратилъ имъ, осиротѣвшимъ дѣтямъ, чадолюбиваго отца.

— „Владыко святой“, говорили они Митрополиту, „вѣдаетъ святое твое владычество о разлукѣ нашей съ отцемъ нашимъ духовнымъ; живемъ мы теперь какъ овцы безъ пастыря; священно-иноки и простые старцы, и все святое, Богомъ собранное братство, не въ силахъ будучи сносить разлуку эту, одинъ за другимъ покидаютъ нашу обитель и уходятъ къ нему... Да и сами мы не можемъ дольше жить безъ него... И такъ, если соизволишь, Богомъ данный Архипастырь нашъ, исполнить смиренное моленіе наше, то повели ему возвратиться въ свою прежнюю обитель, чтобы она не пришла въ запустѣніе“.

Святитель хорошо понималъ, какъ нуженъ Сергій для обители Троицкой; но видѣлъ и то, какъ тяжело огорчили блаженную душу своевольные, которые возмутились и противъ отца своего, и противъ воли Вселенскаго Патріарха. Жаль ему было и учениковъ, безутѣшно скорбящихъ въ разлукѣ съ наставникомъ; но не хотѣлъ онъ дѣйствовать и на святаго друга своего одною только властію архипастырской... Благословивъ троицкихъ иноковъ и сказавъ имъ слово утѣшенія, Митрополитъ отпустилъ ихъ въ свою обитель, и немедленно отправилъ почетное посольство къ Преподобному Сергію, состоявшее изъ двухъ архимандритовъ: Герасима и Павла. Посланные прибыли на Киржачъ и братски привѣтствовали Сергія.

— „Отецъ твой“, сказали они, „Алексій Митрополитъ благословляетъ тебя и очень радъ, что имѣетъ добрыхъ вѣсти о твоей жизни въ этой далекой пустынѣ, и что имя Божіе и тутъ прославляется чрезъ тебя. Но онъ повелѣлъ намъ сказать тебѣ: довольно и того, что ты здѣсь построилъ церковь и собралъ немало братій. Избери теперь изъ числа своихъ учениковъ опытнаго въ духовной жизни и оставь его строителемъ новой обители; а самъ возвратись опять въ монастырь Пресвятыя Троицы, дабы братія, такъ долго скорбящія о разлукѣ съ тобою, не разошлись вовсе изъ той обители. Непокорныхъ и строптивыхъ я выведу вонъ оттуда, чтобы тамъ не было ни одного твоего недоброжелателя. Только не ослушайся насъ, и милость

Божія, и наше благословеніе всегда да будутъ надъ тобою!“

— „Такъ скажите отъ меня господину моему Митрополиту“,—отвѣчалъ смиренно Преподобный: „все, что исходить отъ твоихъ устъ, принимаю съ радостію, какъ исходящее отъ устъ Христовыхъ, и ни въ чемъ тебя не слушаюсь“.

Съ такимъ отвѣтомъ архимандриты возвратились къ Святителю, который былъ очень обрадованъ совершеннымъ послушаніемъ Сергія. Немедленно послалъ онъ въ новую обитель священниковъ и утварь церковную, и церковь была освящена въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. А Сергій избралъ изъ своихъ учениковъ Преподобнаго Романа, котораго Митрополитъ рукоположилъ въ священный санъ и поставилъ строителемъ на Киржачѣ. Закончивъ, такимъ образомъ, благоустройство новой обители, Преподобный игуменъ возвратился въ свою первоначальную пустынь.

Этотъ возвращеніе было торжествомъ добра надъ зломъ, праздникомъ взаимной любви учениковъ и наставника. Какъ только стало извѣстно въ обители, что Преподобный идетъ въ свою родную Лавру, вся братія поспѣшила къ нему на встрѣчу. „Умилительно было видѣть“, рассказываетъ преподобный Епифаній, который, можетъ быть, самъ былъ свидѣтелемъ этой встрѣчи, будучи тогда еще послушникомъ, „какъ одни съ слезами радости, другіе съ слезами раскаянія, ученики бросались къ ногамъ святаго старца: одни цѣловали его руки, другіе — ноги, третьи самую одежду его; иные, какъ малыя дѣти, забѣгали впередъ, чтобы полюбоваться на своего желаннаго авву, и крестились отъ радости; со всѣхъ сторонъ слышались возгласы: „Слава Тебѣ, Боже, о всѣхъ промышляющій! Слава Тебѣ, Господи, что сподобилъ Ты насъ, осиротѣвшихъ было, снова увидѣть нашего отца, нашего пастыря и учителя! Пришелъ онъ наконецъ къ намъ заблудшимъ! И вотъ теперь будто другое солнце взошло для насъ!..

Что же ихъ отецъ?

Ликоваль и онъ духовно, любуясь дѣтьми своими, которыхъ онъ же собралъ въ этой пустынѣ; онъ теперь цѣловаль ихъ какъ любящій отецъ послѣ долгой скорбной разлуки: онъ видѣлъ теперь на дѣлѣ ихъ искренно-

сыновнюю любовь, сыновнее послушаніе... Такъ былъ вознагражденъ за скорбь свою великій праведникъ!.. По своему глубокому смиренію и кротости онъ добровольно изгналъ самого себя изъ обители ради умиротворенія изгонявшихъ его: онъ не могъ видѣть въ монастырѣ мірскаго своеволія; за то утѣшенъ былъ теперь сыновнею любовію и преданностью своихъ учениковъ.

А что же случилось съ его братомъ Стефаномъ, который своимъ неосторожнымъ грубымъ словомъ огорчилъ смиреннаго игумена и подалъ ему поводъ уйти изъ обители?

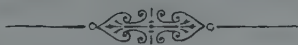
При встрѣчѣ Преподобнаго Сергія мы его не видимъ; можетъ быть, онъ самъ, или по распоряженію Святителя Алексія, на это время удалился изъ Лавры или въ Богоявленскій монастырь, или въ Симоновъ, къ своему сыну Θεодору; но позднѣе, по кончинѣ Преподобнаго Сергія, мы видимъ его опять живущимъ въ обители и повѣдающимъ писателю житія Сергіева исторію его дѣтства.

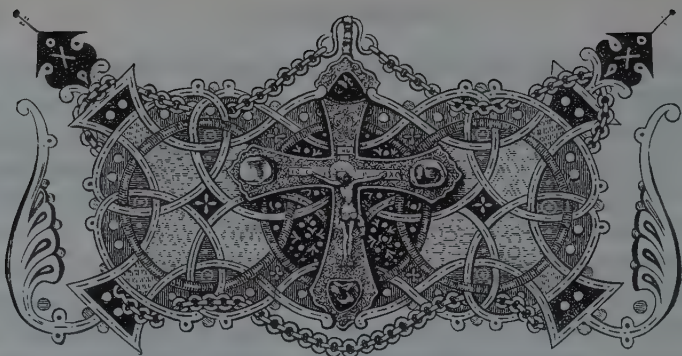

Ясно, что онъ раскаялся въ своей минутной вспышкѣ и примирился съ своимъ святымъ братомъ-игуменомъ. ¹¹⁴

Впрочемъ, нерасположеніе къ общежитію примѣчалось въ нѣкоторыхъ изъ братіи и въ послѣдствіи, даже спустя лѣтъ 10—12; это видно изъ того, что около 1382 года Вселенскій Патріархъ Ниль, въ утѣшеніе святому игумену въ борьбѣ съ недовольными, прислалъ свое посланіе, въ которомъ называлъ обычный образъ жизни тогдашнихъ русскихъ иноковъ жизнію мірскихъ людей и дѣломъ „дикой, невѣжественной земли“; напротивъ, введенное Сергіемъ общежитіе называлъ дѣломъ высокой духовной мудрости и предлагалъ братіи наставленіе о необходимости и достоинствѣ послушанія. ¹¹⁵

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій, именно въ 1375 году, Преподобный Сергій былъ тяжело боленъ, такъ что опасались за жизнь его. Онъ пролежалъ на одрѣ болѣзни со второй недѣли Великаго поста „до Семенова дня“, то есть до 1 сентября. Жизнь праведника такъ была дорога въ глазахъ современниковъ что лѣтописецъ счелъ нужнымъ занести извѣстіе объ этомъ въ свою лѣтопись. „Пусть не удивляются тому“, замѣчаетъ при этомъ дѣеписатель, „что праведникамъ посылаются скорби и болѣзни: многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе. А что грѣшные люди живутъ здоровы и веселы, и не терпятъ на семъ свѣтѣ никакихъ скорбей, за то имъ готовится вѣчное мученіе въ будущей жизни. А для страждущихъ праведниковъ готовится Господомъ Богомъ много вѣнцовъ и неизреченная слава на небесахъ“. ¹¹⁶

ГЛАВА XIV.

ДРУГЪ СЯТИТЕЛЕЙ.

Духовное злато и мѣдницы.—Свѣтильникъ въ пустынѣ.—Церковныя смуты на Востокѣ.—Св. Алексій въ Царьградѣ.—Буря на Черномъ морѣ.—16 августа.—Исполненіе обѣта.—Памятникъ исцѣленія Тайдулы.—Мысль Святителя.—„Отъ вѣности я не былъ золотоносцемъ“.—Предложеніе высокаго сана и отреченіе отъ него.—Уроки мудрости духовной.—Честолюбивый архимандритъ.—Кончина Святителя Алексія и скорби Русской Церкви.—Пр. Діонисій Суздальскій.—Пророчество Сергіево.—Переписка Святителя Кипріяна съ Пр. Сергіемъ.—Пророчество исполняется.—Пименъ и Кипріянь.—Гнѣвъ В. Князя.—Удаленіе и возвращеніе м. Кипріяна. (1354—1391).

Радѣша, смирѣнїемъ возвышавшїи . . . .

Ак. ѿ, Ы. ѿ

Радѣша, иже сего на небесѣхъ ѿ на земли
рѣзѣхъ Хрѣта Іиса вѣдѣти желавшїи. Ы. д.

о сихъ поръ мы говорили о дѣянїяхъ игумена Радонежскаго только въ тѣсномъ кругу иноческой жизни; мы видѣли въ немъ пустынника, великаго подвижника, великаго наставника иноковъ; теперь скажемъ о немъ какъ служителѣ Церкви Христовой и гражданинѣ земнаго отечества. Съ благоговѣнїемъ взирали мы на его иноческіе подвиги; съ благодарною любовію посмотримъ теперь на дѣянїя его, какъ православнаго Русскаго человѣка. И мы увидимъ въ немъ друга Святителей, совѣтника Князей, печальника всей Русской земли.

„Мудрость“, — говоритъ одинъ писатель, „соединяясь со смиреніемъ, образуетъ тотъ духовный разумъ, который святые Отцы называютъ „порожденіемъ искушеній“, или „плодомъ опыта духовнаго“. Это дивное свойство святыхъ подвижниковъ привлекаетъ къ нимъ сердца какъ простыхъ людей, такъ и сильныхъ земли; къ нимъ идутъ Князья и вельможи, идутъ и мудрые пастыри Церкви, почитая для себя великою милостью Божіей—бесѣдовать съ такими подвижниками, и укрѣплять себя въ трудныя минуты жизни, подъ тяжестью великихъ трудовъ, утѣшеніемъ ихъ слова благодатнаго. Справедливо Исаакъ Сиринъ называетъ слово опыта духовнаго—золотомъ, въ потѣ лица пріобрѣтеннымъ, а слабое слово человѣческаго разсужденія безъ опыта—мѣдницею: первое, по его прекрасному сравненію, подобится живой водѣ ключевой, а послѣднее—водѣ, на стѣнахъ написанной! ¹¹⁷

Дорого цѣнили мудрое слово Преподобнаго Сергія современные ему Святители и Князья Русской земли. Его имя—„яко священіе нѣкое обношашеся“ въ устахъ всякаго чина людей, отъ Великаго Князя и бояръ до послѣдняго простолюдина, жившаго въ предѣлахъ Московскаго княжества. Въ этомъ отношеніи пустынный Радонежскій былъ для своего времени тѣмъ же, чѣмъ были древніе Пророки, съ которыми и сравниваетъ его блаженный Елифаній. Готовился было сему великому свѣтильнику Церкви и отечества и высшій свѣщникъ: но „непреложный жребій его“, по прекрасному выраженію Московскаго святителя Филарета, „былъ—изъ пустыни свѣтитъ престоламъ, а не съ престола свѣтитъ Церкви и Государству. Вотъ почему самое послушаніе, столь свято хранимое Сергіемъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, не могло привести его къ тому, чтобы разстаться съ сладкою для него пустынею“. ¹¹⁸

Въ 1354 году Святитель Алексій былъ утвержденъ отъ Вселенскаго Патріарха Каллиста въ званіи Митрополита Всероссійскаго. Въ томъ же году, какъ знаютъ читатели, Преподобный Сергій былъ возведенъ въ санъ

игумена. Съ сего времени тѣсная дружба соединила ихъ союзъ любви, и эта святая дружба не прекращалась уже до самого гроба. Они вмѣстѣ дѣлили и радость и горе, вмѣстѣ служили Церкви и родной землѣ. Едва Митрополитъ Алексій возвратился въ новомъ санѣ изъ Царьграда, какъ его смиреніе омрачилось смутами на Востокѣ. Патріаршій соборъ въ Константинополѣ, уступая требованію западно - русскихъ Князей, поставилъ нѣкоего Романа митрополитомъ Западной Руси. Романъ, не довольствуясь Галиціей и Волинью, потребовалъ доходовъ отъ Тверскаго Епископа. Но и въ Кіевѣ не приняли Романа, а Тверской Епископъ, не смотря на желаніе своего Князя, не хотѣлъ имѣть никакого сношенія съ Романомъ. Россія, почитая законнымъ Митрополитомъ только Алексія, встревожилась. Чтобы положить конецъ этимъ смутамъ и тревогамъ, смиренный Святитель вынужденъ былъ, въ 1356 году, снова отправиться въ Царьградъ. Туда же явился и Романъ. Патріархъ подтвердилъ Роману, чтобы онъ былъ митрополитомъ только Литвы и Волини, а Алексію предоставилъ считаться Митрополитомъ Кіевскимъ и Великой Россіи.—На возвратномъ пути изъ Царьграда, блаженный Святитель встрѣтилъ новое бѣдствіе. На Черномъ морѣ поднялась страшная буря: волны катались какъ горы, и корабль каждую минуту готовъ былъ исчезнуть въ страшной пучинѣ. Всѣ, бывшіе съ Митрополитомъ, отчаявались въ спасеніи. Святитель молился, молился усердно; онъ далъ обѣтъ соорудить храмъ во имя того святаго, котораго память будутъ праздновать въ день высадки пловцевъ на берегъ. Господь услышалъ молитву Святителя: настала тишина и корабль благополучно присталъ къ берегу 16 августа. И такъ Святитель сталъ теперь должникомъ Всемиловитому Спасителю. Скопившіяся въ его отсутствіи дѣла по управленію Церковію замедлили исполненіе сего обѣта.

Прошло пять лѣтъ. Митрополитъ нерѣдко посѣщалъ своего пустынного друга, Преподобнаго Сергія, и совѣщался съ нимъ о всемъ, что касалось церковныхъ дѣлъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Святитель сказалъ игумену:

— „Возлюбленный!—хочу просить у тебя одного благодаренія, и надѣюсь, что твоя любовь не откажетъ мнѣ въ этомъ“.

— „Мы всѣ готовы служить твоей святынѣ“,—смирненно отвѣчалъ Сергій „ничто тебѣ не возбранено въ моей обители“.

— „Хочу“,—продолжалъ Митрополитъ, „исполнить мое давнее обѣщаніе—построить монастырь въ честь нерукотворенной иконы Спасителя“,—и Святитель разсказалъ о томъ, что было съ нимъ на Черномъ морѣ.

— „Доброе дѣло затѣялъ ты“,—сказалъ пустынножитель: „помоги тебѣ Господь выполнить его! А чего потребуешь отъ сына твоего—все готово для тебя“.¹¹⁹

— „Уступи же мнѣ своего возлюбленного Андроника въ настоятели для этой обители“,—сказалъ тогда Митрополитъ.

— „Твоя воля“,—отвѣчалъ Сергій, и Святитель, надѣливъ обитель Пресвятыя Троицы милостынею, тогда же взялъ съ собою въ Москву Преподобнаго Андроника. Обитель была основана въ 1361 году на берегу Яузы.

Въ 1365 году Святитель Алексій основалъ обитель въ самомъ Кремлѣ, въ честь чуда Архистратига Михаила, на мѣстѣ подаренномъ ему татарскою царицею Тайдулою. Это былъ благодарный памятникъ чуду совершившемуся надъ сею царицею 6 сентября. И для Чудова монастыря, по свидѣтельству Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, Митрополитъ Алексій „испросилъ честныхъ старцевъ у Сергія“, а другихъ взялъ изъ иныхъ монастырей. И эти иноки „жили иночески, жизнію духовною, такъ что многіе приходили къ нимъ, старые и юные, и получали пользу“.¹²⁰

Мудрые совѣты смиреннаго старца и его святая равноангельская жизнь подали Святителю мысль приготовить въ лицѣ Сергія достойнаго себѣ преемника первосвятительской каѳедры. Чувствуя ослабленіе старческихъ силъ

своихъ, онъ хотѣлъ поступить по примѣру своего предшественника Митрополита Теогноста, который еще при жизни, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, просилъ Патріарха не назначать себѣ другаго преемника, кромѣ его, то есть Алексія.

И вотъ онъ вызываетъ къ себѣ въ Москву Преподобнаго Сергія, изъ его любимаго уединенія. Пѣшій идетъ старецъ-игуменъ къ своему другу — Митрополиту: „до глубокой старости любилъ угодникъ Божій труды“, замѣчаетъ при этомъ лѣтописецъ, „и никогда не ѣздилъ на коняхъ, а всегда ходилъ пѣшкомъ“. ¹²¹

Съ любовію встрѣчаетъ Святитель пустыннаго гостя. Среди бесѣды онъ вдругъ приказываетъ принести золотой „парамандный“ крестъ, украшенный драгоценными камнями и дарить его Сергію.

Смутился смиренный любитель нищеты. Ему и на мысль не приходили такія почести.

— „Прости мнѣ, владыко святой“, — говоритъ онъ съ глубокимъ поклономъ Святителю: „отъ юности я не былъ златоносецъ, а въ старости тѣмъ паче желаю въ нищетѣ пребывать“.

— „Знаю“, — отвѣчаетъ ему старецъ-Митрополитъ: „знаю, что таково всегда было твое житіе; но теперь покажи послушаніе и прими отъ насъ сей даръ въ благословеніе“.

Сказавъ это, онъ своими руками возлагаетъ на Сергія золотой крестъ, „какъ бы въ знакъ обрученія святительскаго сана“, ¹²² и говоритъ ему: „вѣдаешь ли, Преподобный, для чего я теперь призвалъ тебя и что хочу сдѣлать съ тобою?“

— „Почему могу знать это, господинъ мой?“ — скромно отвѣчалъ смиренный Сергій.

— „Держалъ я“, — говоритъ Святитель, „Богомъ врученную мнѣ митрополию, сколько Ему, Господу, было это угодно; теперь вижу что близокъ мой конецъ, — не знаю только дня моего скончанія. Я желалъ бы, пока самъ живъ, найти человѣка, который могъ бы послѣ

Съ великимъ уничиженіемъ, даже со скорбію, Сергій сталъ отрекаться отъ предлагаемой ему чести... Стр. 151.

меня пасти стадо Хрістово“, Тутъ Митрополитъ упомянулъ, что на его мѣсто, вѣроятно, будетъ назначенъ Кипріанъ, но что онъ совсѣмъ не знаетъ этого человѣка, и потому не можетъ спокойно положиться на него. „Въ тебѣ вижу я мужа, достойнаго править слово истины“,— продолжалъ онъ. „Знаю достовѣрно, что всѣ отъ Великодержавнаго до послѣдняго человѣка тебя пожелаютъ имѣть своимъ пастыремъ. Теперь, заблаговременно ты почтенъ будешь саномъ Епископа, а послѣ исхода моего и престолъ мой воспримешь“.

Глубоко смутило смиренномудрую душу Сергія столь неожиданное предложеніе старца-Святителя; съ великимъ уничиженіемъ, даже со скорбію онъ сталъ отрекаться отъ предлагаемой ему чести: санъ святительскій казался ему бременемъ не по силамъ. „Прости мнѣ, владыко святой“,—говорилъ онъ: „ты хочешь возложить на меня бремя свыше мѣры моей, ибо — кто я, грѣшный, и худѣйшій паче всѣхъ человѣкъ? Нѣтъ! Ты не найдешь во мнѣ, чего ищешь!“...

Долго Святитель уговаривалъ Сергія принять великій санъ; онъ приводилъ ему примѣры изъ житій святыхъ и убѣждалъ словами Священнаго Писанія, но все было напрасно: смиренный пустыннолюбивый Сергій никакъ не могъ примириться съ мыслию о принятіи на себя архіерейскаго сана, и наконецъ рѣшительно сказалъ своему другу Святителю: „владыко святой! Если не хочешь ты отгонять моей нищеты отъ твоей святыни, то не говори больше объ этомъ моей худости,—не позволяй и другимъ побуждать меня къ тому: повѣрь, что невозможно найти во мнѣ того, чего желаешь ты“... ¹²³

Тогда прозорливый Святитель увидѣлъ, что если онъ

еще будетъ настаивать на своемъ желаніи, то заставить Сергія удалиться въ какую-нибудь безвѣстную пустыню, и опасаясь, чтобы совсѣмъ не скрылся свѣтильникъ, тихимъ свѣтомъ озарявшій и благодатною теплотою согрѣвавшій его паству, переѣнилъ разговоръ. Утѣшивъ старца словомъ отеческой любви, онъ отпустилъ его съ миромъ въ обитель.

Исполненный глубокаго смиренія отказъ Преподобнаго Сергія отъ святительской кафедры всегда останавливалъ на себѣ благоговѣйную мысль писавшихъ о его житіи. Соберемъ здѣсь уроки духовной мудрости, извлеченные пастырями Церкви изъ сего поступка Сергіева.

„Кто можетъ изъяснить сію священную распрю?“ — разсуждаетъ Московскій святитель Филаретъ. „Духовный, по слову Апостола, *востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого истязуется* (1 Кор. 2, 15). Мы только знаемъ отъ того же Апостола, что *коемуждо дается явленіе Духа на пользу* (12, 7): и одинъ даръ нельзя переѣнить на другой по произволу“.

„Въ этой духовной борьбѣ“, — говоритъ другой святитель Московскій митрополитъ Платонъ, — „одинъ старался одержать побѣду надъ другимъ, а сей другой старался одержать побѣду надъ самимъ собою, — и оба остались побѣдителями! — Одинъ далъ верхъ и торжество своему смиренномудрію; другой, уступая изволенію Духа Божія, управляющаго сердцахъ праведниковъ, какъ бы возложилъ вѣнецъ славы на смиреннаго подвижника! Рѣдкая вещь! Чего другіе, подстрекаемые честолюбіемъ, всѣми мѣрами ищутъ, того всемѣрно отрицается и избѣгаетъ праведникъ! Но не позволимъ себѣ думать, будто Сергій, въ семъ случаѣ, воспротивился званію Божію. Нѣтъ, онъ исполненъ былъ Святаго Духа, Который управлялъ его душою, и располагалъ ее къ тому, чего требовала его добродѣтель и польза другихъ“.

Третій архипастырь, Херсонскій архіепископъ Никаноръ, разсказавъ сію исторію въ поученіе своимъ слушателямъ, съ горечью восклицаетъ: „а мы кто?.... Зла-

тоносцы, недостойные быть келейниками у Преподобнаго, и носимъ сіи златотканныя одежды, и тяготу, и высшій долгъ архіерейства!... И больно намъ за наше недостойнство, когда читаемъ все это въ житіи Преподобнаго Сергія!... Что же дѣлать? Бѣжать ли всѣмъ въ пустыню?—вопрошаетъ проповѣдникъ-святитель. И указавъ на многихъ святыхъ Божіихъ, свято пожившихъ и Богу угодившихъ въ высокомъ санѣ и званіи, среди богатства и блестящей обстановки,—указавъ на того же Святителя Алексія, который „вотъ тоже носилъ золотой крестъ, камнями дорогими украшенный“,—заключаетъ, что не во внѣшности дѣло, а въ смиреніи, что лучше всего въ семъ случаѣ слѣдовать заповѣди Апостола Христова Павла: *каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призналъ* (1 Кор. 7, 17—31). Такъ святой Апостолъ не только заповѣдуетъ, но и повелѣваетъ по всѣмъ церквамъ “... ¹²⁴

„Великій отецъ нашъ Сергій“, говоритъ святитель Филаретъ, „какъ бы въ нѣкоторое вознагражденіе Православной Церкви за то, что не отдалъ ей въ Епископство самого себя, въ обиліи возвращаетъ подъ сѣню своею сыновъ послушанія и разума духовнаго, которыхъ потомъ избраніе церковное призываетъ къ Епископству“. ¹²⁵

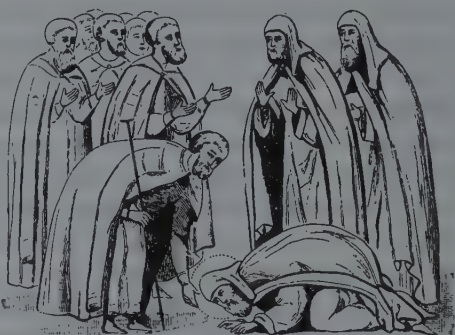
Чтобы понять, почему Митрополитъ Алексій такъ настойчиво желалъ имѣть Преподобнаго Сергія своимъ преемникомъ, должно знать, что Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ былъ увлеченъ пристрастіемъ къ своему любимцу, духовнику и хранителю его великокняжеской печати, Новоспасскому архимандриту *Михаилу*, и желалъ его видѣть на Московской кафедрѣ. Этотъ Михаилъ, или какъ его прозвали—*Митяй*, былъ человѣкъ видной наружности, съ громкой и чистой рѣчью, хорошо толковалъ силу книжную, зналъ всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи, и обо всемъ разсуждалъ краснорѣчиво. Но щедро надѣленный дарами Божіими, онъ плохо помнилъ, что все это—не его,—былъ гордъ, самонадѣянъ и заносчивъ.

Великій Князь не разъ просилъ Митрополита Алексія—и самъ, и черезъ Серпуховскаго Князя Владиміра Андреевича, и черезъ ближнихъ бояръ Святителя,—чтобы онъ благословилъ Митяя послѣ себя на митрополию. Но Святитель хорошо зналъ дурныя свойства Новоспасскаго архимандрита, и говорилъ Князю: „Митяй еще недавній монахъ, — надобно ему запастись духовнымъ опытомъ и потрудиться въ монашествѣ. Если дастъ Богъ, и Святѣйшій Патріархъ съ соборомъ благословить, то пусть будетъ; а я не могу благословить его“.—Если бы не это пристрастіе Великаго Князя къ своему духовнику, то и Святителю Алексію не было бы особенной нужды такъ заботиться о преемникѣ, потому что еще въ 1376 году былъ посвященъ по просьбѣ Литовскихъ Князей въ санъ Митрополита Кипріанъ, съ тѣмъ, чтобы по смерти Алексія онъ сталъ Всероссійскимъ Митрополитомъ. А передъ волею Патріарха благоговѣли и Алексій, и Сергій. Богомудрый Сергій видѣлъ, что принять предлагаемый санъ въ такихъ обстоятельствахъ—значило увеличить церковныя смуты, или взять на себя тяжкое дѣло умиротворенія этихъ смуть: глубокое смиреніе старца не приняло на себя и этого подвига. Все, что могъ онъ взять на себя для блага Церкви, онъ сдѣлалъ: онъ убѣждалъ Великаго Князя принять Кипріана, выставя на видъ вредныя послѣдствія раздѣленія митрополіи Русской. Но Великій Князь былъ недоволенъ Кипріаномъ за то, что онъ, еще при жизни Святителя Алексія, въ 1376 году, позволилъ себѣ пріѣхать въ Москву въ званіи Митрополита Всероссійскаго, но, понятно, не былъ здѣсь принять и долженъ былъ удалиться въ Кіевъ, гдѣ и жилъ.

12 февраля 1378 года не стало Святителя Алексія... Съ его кончиною начинаются скорбныя времена для Русской Церкви, до того скорбныя и смутныя, что нѣкоторые повѣствователи, излагая исторію этого времени, и обращая вниманіе только на внѣшній ходъ событій, безъ надлежащей оцѣнки нравственнаго характера тогдашнихъ дѣятелей, обвиняють въ корыстолюбіи, честолюбіи, и дру-

гихъ человѣческихъ немощахъ даже такихъ лицъ, которые, за свою святую жизнь, Самимъ Богомъ прославлены и Церковію чтутся въ ликъ святыхъ Божіихъ... И тѣмъ выше, чище и свѣтлѣе выступаетъ въ этотъ смутный періодъ церковной жизни святая личность смиреннаго игумена Радонежскаго; тѣмъ важнѣе его служеніе, его личное участіе въ тогдашнихъ событіяхъ, что онъ даетъ безпристрастному историку вѣрное руководство для надлежащей нравственной оцѣнки лицъ и событій, даетъ возможность избрать вѣрную точку зрѣнія на того или другаго дѣятеля и сказать слово правды сколько безпристрастное, столько же и безобидное...

По смерти Святителя Алексія и самъ Великій Князь и многіе изъ знатныхъ людей ¹²⁶ снова предлагали Преподобному Сергію принять святительскій жезлъ, но Преподобный опять указалъ на Кипріана, какъ законнаго Архипастыря; а когда Великій Князь не согласился на это, то онъ указалъ на Суздальскаго епископа Діонисія, какъ человѣка наиболѣе достойнаго сего сана. ¹²⁷ Но Великій Князь опять обратился мыслию къ своему любимцу — Новоспасскому архимандриту, и Митяй избранъ въ митрополиты. Этотъ гордый человѣкъ не хотѣлъ даже соблюсти должнаго приличія въ своемъ положеніи. Еще не посвященный въ санъ святителя, онъ облачался въ митрополичью мантию, носилъ бѣлый клобукъ и золотой крестъ съ украшеннымъ бисеромъ параманомъ, садился на святительскую кафедру и позволялъ себѣ подвергать наказаніямъ не только архимандритовъ, но и епископовъ. Онъ внушилъ было Великому Князю противную правиламъ того времени мысль—посвятить его въ санъ митро-

полита въ Москвѣ, безъ участія Вселенскаго Патріарха. Великій Князь пригласилъ было уже и епископовъ для сего посвященія. Но Суздальскій епископъ Діонисій возсталъ: „кто это учитъ тебя, Государь, перемѣнять церковный законъ по своему усмотрѣнію? Не слѣдуетъ быть тому, чего желаютъ отъ тебя и отъ насъ“. Такъ говорилъ правдолюбивый Діонисій Великому Князю, и тотъ отказался отъ своего желанія. Это раздражило честолюбиваго Митяя; онъ потребовалъ отъ Діонисія объясненія: почему тотъ не являлся къ нему на поклонъ? — „Потому“, отвѣчалъ Діонисій, „что я — епископъ, а ты только священникъ: не тебѣ судить меня“. — „Да я тебя и попомъ не оставлю!“ — гнѣвно закричалъ Митяй: „я своими руками спорю твои скрижали!“

Зная добрыя отношенія Діонисія къ Преподобному Сергію, и подозрѣвая, что они оба противъ него въ заговорѣ, Митяй пожаловался на Діонисія Великому Князю, будто онъ хочетъ ѣхать въ Царьградъ, чтобъ тамъ получить себѣ санъ митрополита, и Князь посадилъ Діонисія подъ стражу. Но Преподобный Сергій взялъ своего друга на поруки, и Діонисій былъ освобожденъ. Черезъ недѣлю онъ, дѣйствительно, уѣхалъ сначала къ себѣ въ Суздаль, потомъ — въ Нижній, а оттуда поѣхалъ въ Царьградъ, куда вызвалъ его Вселенскій Патріархъ по церковнымъ дѣламъ.¹²⁸ Это страшно раздражило честолюбца Митяя противъ Преподобнаго Сергія: ему всегда казалось, что Преподобный Сергій дѣйствуетъ противъ него за одно съ Діонисіемъ, и что именно по совѣту Сергія покойный Митрополитъ Алексій не захотѣлъ имѣть его, Митяя, своимъ преемникомъ. „Вотъ, вернусь изъ Царьграда“, хвалился онъ, „тогда до основанія разорю монастырь Сергіевъ.“¹²⁹ Эта похвальба дошла до смиреннаго сподвижника. „Молю Бога“, сказалъ на это старецъ, „чтобы онъ не попустилъ Митяю разорить мѣсто сіе и изгнать насъ безъ вины. Митяй побѣжденъ гордостію; онъ грозитъ обители нашей, но самъ не получить желаемаго и даже не увидитъ Царьграда“.

Между тѣмъ въ Москву ѣхалъ изъ Кіева Митрополитъ Кипріанъ. Когда Преподобный Сергій имѣлъ случай лично познакомиться съ этимъ Святителемъ, нельзя сказать съ точностію. До насъ дошли три письма Митрополита Кипріана, писанныя къ „преподобнымъ игуменомъ Сергію и Θεодору“ — Симоновскому,¹³⁰ и изъ перваго письма можно заключить, что до 1379 года они не были лично знакомы. Письмо это писано съ дороги, изъ Любутска (нынѣ село въ Калужской губерніи), когда Кипріанъ, узнавъ о кончинѣ Святителя Алексія, ѣхалъ въ Москву. Вотъ это письмо:

„Благословеніе о Святѣмъ Дусѣ, возлюбленнымъ сыномъ нашего смиренія, преподобнымъ игуменомъ Сергію и Θεодору. Молюся Богови, да пребываете въ спасеніи душевномъ съ Богомъ данною вамъ братьею. Наставляйте ихъ къ путемъ спасеннымъ (спасительнымъ). *Слышу о васъ* и о вашей добродѣтели, како мірская вся мудрованія преобидѣсте (вмѣнили ни во что), и о единой волѣ Божіей печетесь, и о томъ вельми благодарю Бога, и молюся Ему, *да сподобитъ видѣти другъ друга* и насладитися духовныхъ словесъ. Буди вамъ свѣдомо: пріѣхалъ есмь въ Любутскъ, въ четвергъ, мѣсяца іюня 3 день (1378 г.), а ѣду къ сыну своему ко Князю къ Великому на Москву. Иду-же якоже иногда Іосифъ отъ отца посланъ къ своей братіи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣщии о мнѣ инако совѣщаютъ, азъ же Святитель есмь, а не ратный (военный) человекъ; благословеніемъ иду, якоже и Господь, посылая ученики Своя на проповѣдь, учаще ихъ, глаголя: пріемляй васъ Мене пріемлетъ. Вы же будите готовы видѣтися съ нами, гдѣ сами погадаете; вельми жадаю (жажду) видѣтися съ вами и утѣшиться духовнымъ утѣшеніемъ. А милость Божія и Святія Богородицы и мое благословеніе да будетъ на васъ!“

Въ отвѣтъ на это отеческое посланіе Преподобные отправили было пословъ на встрѣчу первосвятителю; но Великій Князь Димитрій велѣлъ этихъ посланцевъ воротить назадъ.¹³¹ Изъ этого письма видно, что Кипріанъ

зналъ о проискахъ Митяя; но, повидимому, вовсе не ожидалъ такой встрѣчи, какая ему готовилась въ Москвѣ. Онъ былъ расположенъ дружелюбно къ Великому Князю и везъ съ собою нѣсколько священныхъ вещей, чтобы подарить ихъ Князю; но съ нимъ поступили именно „какъ съ Юсифомъ.“ онъ былъ схваченъ какимъ-то бояриномъ Никифоромъ, который ограбилъ Митрополита, осыпалъ неслыханными ругательствами и насмѣшками и полуобнаженного, голоднаго заперъ подъ стражу въ сырую клѣтъ. На другой день его съ безчестіемъ выпроводили изъ столицы. Оскорбленный до глубины души Святитель 23 іюня остановился гдѣ-то не подалеку отъ Москвы и написалъ второе посланіе „честному старцу игумену Сергію и игумену Θεодору“. Тутъ онъ излилъ всю свою скорбь на эти несправедливости, сильно возставалъ противъ незаконныхъ притязаній Митяя и предаль отлученію всѣхъ, принимавшихъ участіе въ нанесеніи ему, законному Митрополиту, такого безчестія и поруганія, какого, по его выраженію, „не сотворилося есть ни надъ единымъ Святителемъ, како Русская земля стала“. „Язъ“, пишетъ онъ, „Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго и святаго собора, и благословеніемъ и ставленіемъ Вселенскаго Патріарха, поставленъ есмь Митрополитъ на всю Русскую землю, а вся вселенная вѣдаетъ (о томъ). И нынѣ поѣхалъ есмь былъ со всѣмъ чисто-сердечіемъ и съ доброхотѣніемъ къ Князю Великому“... Разказавъ далѣе о томъ, что потерпѣлъ отъ Никифора, который обобралъ до нага не только его, но и всѣхъ бывшихъ съ нимъ, и выпроводилъ изъ города на тощихъ клячахъ, „въ обротехъ лычныхъ“, безъ обуви и даже безъ сорочекъ, Святитель съ горькимъ упрекомъ жалуется: „такъ ли не обрѣтется никтоже въ Москвѣ, добра похотѣти душѣ Князя Великаго и всей отчинѣ его?.. А аще міряне блюдутся (боятся) Князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатства, и того не хотятъ погубити: вы же, иже міра отреклися есте, и живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте?..

Растерзали бы есте одежды своя, глаголали бы есте предъ цари не стыдяся; аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили. и вы святи"... Тутъ Кипріанъ приводитъ церковныя правила, угрожающія анаѳемою „купующимъ и продающимъ мздою или силою княжескою святительство“, а „у васъ“, говоритъ, „стоитъ на митрополици мѣстѣ чернецъ въ мантии святительской и въ клобуцѣ, и перемонатка (парамандъ) святительская на немъ, и посохъ въ рукахъ. И гдѣ таковое безчиніе и злое дѣло слышалось?... Аще братъ мой (св. Алексій) преставился, азъ есмь Святитель на его мѣстѣ; моя есть митрополія!“ Онъ свидѣтельствуется Богомъ, что его совѣсть чиста въ отношеніи къ Великому Князю, что онъ всегда отдавалъ ему должную честь, всегда за него молился, что и въ Литвѣ онъ дѣлалъ все, что могъ, для пользы Великаго Князя и Русской Митрополіи. А польза Церкви требуетъ не раздѣленія, а единства Митрополіи. Указавъ далѣе на то, что никакой Князь не имѣетъ права судить епископа даже и виновнаго, безъ собора и Патріарха, Святитель восклицаетъ: „слыши небо и земля и вси хрістіане; что сотвориша надо мною хрістіане!... И язъ колика сила (сколько могъ) хотѣлъ есмь, чтобы злоба утишилася. То Богъ вѣдаетъ, что любилъ есмь отъ чистаго сердца Князя Великаго Димитрія, и добра ми было хотѣти ему и до своего живота... Вы же, честніи старци и игумени, отпишите ми наборзѣ (поскорѣе), да угонитъ мене ваша грамота наборзѣ, что мудрствуете (какъ вы думаете)... А ко Царю-граду ѣду, оборонитися Богомъ и святымъ Патріархомъ, и великимъ соборомъ; и тии (враги мои) на куны надѣются и на фрязы (генуэзцевъ, у которыхъ можно было брать „куны“ въ долгъ), язъ же на Бога и на свою правду“...

Не приводимъ въполнѣ этого, очень обширнаго посланія; но и сдѣланныхъ нами выдержекъ довольно, чтобы видѣть, что скорбящій Святитель не имѣлъ людей, болѣе Сергія и Θεодора близкихъ по духу, предъ которыми онъ могъ бы раскрыть все свое горе и облегчить душу излія-

ніемъ скорбныхъ чувствъ. И онъ не ошибся. Изъ его третьяго посланія видно, что Преподобные не оставили безъ отвѣта его скорбной исповѣди. „Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣсте къ святѣй Божіей Церкви и къ нашему смиренію, *все позналъ есмь отъ словъ вашихъ*“, — пишетъ Святитель отъ 18 октября уже изъ Кіева. „А како повинуетесь къ нашему смиренію, тако крѣпитесь“. Теперь Кипріанъ уже спокойнѣе смотрѣлъ въ будущее, зная свою правоту. „Язъ бо славы не ищу, ни богатства, но митрополію свою, юже ми есть предада святая Божія Церкви, а смиренія (мира) и соединенія церковнаго желаю и хрістіанскаго. А кто насъ не восхотѣли, потомъ познають истину. А язъ безъ измѣны (непремѣнно) ѣду къ Царю-городу. А предъ собою вѣсти послалъ же есмь. А вы, сынове, не тужите; молитесь же Господа Бога, да сподобить насъ видѣтися, и тогда утѣшимся веселіемъ духовнымъ и возрадуемся“. Такъ Святитель Кипріанъ заключаетъ свое третіе посланіе къ Преподобнымъ.

Между тѣмъ Митяй съ большою свитою и дарами отправился въ Царьградъ для посвященія въ санъ митрополита. Но надъ гордымъ честолюбцемъ сбылось пророчество смиреннаго игумена Сергія: во время плаванія онъ вдругъ заболѣлъ и въ виду самаго Константинополя скоропостижно умеръ. „Разсказывали“, говоритъ лѣтописецъ, „что корабль, на которомъ онъ плылъ, во время его болѣзни, вдругъ сталъ на одномъ мѣстѣ, безъ всякой причины; и тогда какъ другія суда шли взадъ и впередъ безпрепятственно, онъ, какъ бы удерживаемый невидимою рукою, не трогался съ мѣста, несмотря на попутный вѣтеръ и всѣ усилія пловцевъ. Когда же Митяй умеръ и былъ свезенъ на особомъ суднѣ въ Галату, гдѣ и похороненъ, то корабль немедленно тронулся и пошелъ своимъ путемъ“.¹³²

Преподобный Діонисій, Епископъ Суздальскій, въ это время находился въ Царьградѣ. При расположеніи къ нему Патріарха, который почтилъ его саномъ Архіепископа, Діонисій могъ бы, послѣ несчастной смерти Митяя,

испросить себѣ санъ Митрополита. Но онъ не искалъ земной чести, а только славы Божіей.¹³³ Нашолся другой искатель высокаго сана: это былъ архимандритъ Пименъ, одинъ изъ спутниковъ Митяя. И безъ согласія княжескаго, обманомъ и подкупомъ, онъ добился того, что былъ поставленъ въ санъ митрополита. Когда Великій Князь узналъ объ этомъ, то распорядился взять Пимена еще на пути въ Москву и послать въ заточеніе, а своему новому духовнику, Преподобному Ѳеодору Симоновскому, приказалъ ѣхать въ Кіевъ, чтобы звать въ Москву Митрополита Кипріана. Въ маѣ 1381 года Кипріанъ съ честію былъ встрѣченъ въ Москвѣ. Но въ августѣ 1382 года, во время нашествія Тохтамыша, онъ имѣлъ неосторожность удалиться изъ Москвы въ Тверь, гдѣ въ то время княжилъ давній врагъ Великаго Князя Московскаго—Михаилъ Александровичъ. Московскій Князь оскорбился и послѣ того не захотѣлъ принять къ себѣ Кипріана, который вынужденъ былъ снова удалиться въ Кіевъ. Туда сопровождалъ его ученикъ Преподобнаго Сергія, Преподобный Аѳанасій Серпуховской. Сохранилось отъ этого времени еще письмо Кипріана, по всей вѣроятности, писанное такъ же, какъ и вышеупомянутыя три, къ Преподобному Сергію, но уже одному, безъ Ѳеодора. „Буди ти вѣдомо, сыну“, писалъ Митрополитъ, „ѣду къ Царю-городу конми, на Волошскую землю. Мнѣ не хотѣлось отъ своихъ дѣтей нигдѣ не бывать (разставаться), да что взять! Кто мене въ трудъ путный вложилъ въ сіе время, Господь Богъ паки да подастъ ему (Великому Князю) познати истину. А мнѣ борзо (скоро надо) быти у васъ изъ Царягорода, а лживаго челоуѣка и льстиваго (Пимена) Богъ объявитъ. Ты же прилежи своей паствѣ, вѣдый, яко о нихъ слово воздаси Богови; Аще ли кто не послушаетъ, о томъ больше прилежи и учи, вѣси бо слово Господне, глаголющее: изводяй честное отъ недостойнаго яко уста Моя будутъ. Маловременна бо есть жизнь наша, и блаженъ челоуѣкъ ходяй въ заповѣдехъ Господнихъ. Отпиши же ми (ко мнѣ), дати ми свѣдомо, како еси (какъ ты

живешь)? А Господь Богъ да соблюдаетъ васъ неврежены“.

Такъ писалъ Святитель Кипріанъ смиренному пустыннику; такъ онъ повѣрялъ ему свои скорби и заботы; такъ и самого его укрѣплялъ въ подвигахъ добродѣтели. Какъ жаль, что до насъ не дошли отвѣтныя посланія святаго игумена: можно судить какъ они были дороги и утѣшительны для скорбящаго, гонимаго Архипастыря!

На мѣсто Кипріана въ Москву былъ вызванъ изъ заточенія Пименъ. Но и онъ былъ не по сердцу Великому Князю, который послалъ теперь Преподобнаго Діонисія Архіепископа Суздальскаго въ сопровожденіи Θεодора, племянника Сергіева, въ Царьградъ для поставленія въ санъ Митрополита. Діонисій, дѣйствительно, былъ поставленъ и уже ѣхалъ въ Москву, но на пути былъ задержанъ Княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и Θεодоръ возвратился въ Москву одинъ. Заключенный въ Кіево-Печерской Лаврѣ, Діонисій скорѣе успѣлъ достигнуть почести небеснаго званія, нежели воспользоваться почестями новаго сана церковнаго: въ 1384 году онъ тамъ скончался.

Только въ концѣ 1389 года, уже по смерти Великаго Князя Димитрія Іоанновича, митрополитъ Пименъ былъ низложенъ, а Кипріанъ, Патріархомъ Антоніемъ и соборнымъ дѣяніемъ въ Константинополѣ, былъ окончательно утвержденъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи, и въ февралѣ слѣдующаго 1390 года прибылъ въ Москву. Но недолго ему пришлось „утѣшаться духовнымъ утѣшеніемъ“ въ собесѣдованіи съ великимъ старцемъ Радонежскимъ: въ сентябрѣ 1391 года сего Богоноснаго старца не стало!... ¹³⁴

ГЛАВА XV.

ПЕЧАЛЬНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Міръ и пустынки.—Сергій—печальникъ родной земли.—Мамаево нашествіе.—В. Князь въ Троицкой обители.—Его бесѣда съ св. игуменомъ. — Иноки-воины. — Пророчество св. старца.—Икона и крестъ.—Страхъ Рязанскаго Князя. — Утро 8-го сентября 1380 года.—Просфора и грамота отъ св. игумена.—Татарскій богатырь и русскій схимникъ.—Грозная битва.—Молитвенная помощь Пр. Сергія.—Памятная запись Троицкаго инока на 21 сентября 1380 года.—Влагодарный В. Князь въ обители Живоначальныхъ Троицы.—Димитріевская Суббота.—Обѣтные монастыри.—Нашествіе Тохтамыша. (1380—1381).

Рѣдѣйша, великоглавыи Русскійскій пѣшъ за-
стѣпникъ, Оче Сергіе! Аи. ѿ, Уи. ѿ.

Рѣдѣйша, похваляю отечество твоемъ.
Уи. Аминен.

Рѣдѣйша, поговѣтелю крѣпкій вѣсѣмъ христіанъ.
скназъ,

Рѣдѣйша, прогонителю страшный полчищемъ
поганискима! Акад. ѿ, Уи. ѿ.

ПРЪ видитъ въ пустынникахъ людей бесполез-
ныхъ для гражданскихъ обществъ, полагая,
что онъ-то съ своею волею, онъ-то съ своимъ
умомъ, онъ-то съ своими шумными уставами
и есть единственный благодворитель обществъ.
Но міръ не понимаетъ значенія нравственныхъ
силъ для общества, не знаетъ ни силы молит-
вы, ни обширности зрѣнія духовнаго.—Такъ
говоритъ святитель Филаретъ Черниговскій. „Въ благо-
честивыхъ пустынножителяхъ, отрехшихся отъ міра“,

говорить Московскій святитель Филаретъ, „міръ не думаетъ видѣть дѣятельныхъ сыновъ отечества и мужей государственныхъ“,—онъ даже презираетъ, ненавидитъ ихъ. „Но справедливъ ли міръ, когда онъ ненавидитъ людей, которые, оставляя его на всю жизнь, въ то же время на всю жизнь обрекаютъ себя желать ему истиннаго добра въ непрестанныхъ молитвахъ,—и не только желать, но и самымъ дѣломъ доставлять то, чего желаютъ? Святые подвижники подвигами благочестія и чистыми молитвами отводятъ отъ него громы раздраженнаго неба и низводятъ на него могущественныя и дѣйственныя благословенія, а міръ отвергаетъ сихъ благодѣтелей! Еслибы міръ судилъ о нихъ хотя бы только по однѣмъ временнымъ выгодамъ, и тогда онъ отвергалъ бы въ нихъ свою собственную пользу; ибо если онъ считаетъ ихъ ни къ чему неполезными, то ясно, что онъ не знаетъ собственныхъ выгодъ“. ¹³⁵

Эти разсужденія двухъ соименныхъ святителей нашихъ прекрасно идутъ къ житію Преподобнаго Сергія: его жизнь еще разъ засвидѣтельствовала возвѣщенную Апостоломъ истину, что *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе и мущее живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). „Отказался Преподобный отъ высокой чести быть Ангеломъ Церкви Россійской“, говоритъ одинъ благочестивый писатель: „но могъ ли онъ, смиренный Сергій, отказать благоговѣйно имъ чтимому и горячо его любившему Архипастырю, Митрополиту Алексію,—духовно отказать въ послушаніи, проводши въ ономъ всю иноческую жизнь свою? Вѣдь онъ же говорилъ нѣкогда, что всякое слово изъ устъ сего Святителя онъ пріемлетъ яко изъ устъ Христовыхъ: какъ же согласить съ сими словами его отреченіе отъ сана Архіерейскаго?—Нѣтъ; Сергій и тутъ остался послушенъ своему духовному другу и отцу; только *на небесахъ* довершилъ онъ сей подвигъ послушанія, принявъ *горь* предложенное ему *долу*, и съ тѣхъ поръ не переставалъ радѣть о паствѣ, дивно являя свое Святительство... Время общественныхъ бѣдствій есть *его* время:

когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!“. ¹³⁶ Мысль глубокая и достойная пріятія. Но и при жизни своей развѣ Сергій не дѣйствовалъ для родной земли и для Церкви Божіей такъ, какъ въ древней Руси имѣли дерзновеніе и силу дѣйствовать только Святители? Никто, какъ Сергій, не принималъ столь живаго участія въ дѣлахъ Россіи непрестанными знаменіями своего покровительства послѣ своей смерти; но никто, какъ онъ же, и при жизни, и самъ лично, и чрезъ своихъ учениковъ,—никто такъ не содѣйствовалъ духовному возрожденію и обновленію всей Русской земли, а чрезъ то и освобожденію ея отъ подчиненія и рабства ея дикимъ азіатскимъ ордамъ. И теперь, вспоминая надъ его ракою все наше славное минувшее, невольно восклицаешь съ пригнопаемымъ великимъ святителемъ Филаретомъ: „братіе! вѣдь это все *здѣсь!*“..

Да, великій избранникъ Божій Сергій дарованъ Богомъ землѣ Русской именно въ такое тяжкое время, когда Татары заволокли почти всѣ предѣлы ея, когда междоусобія князей доходили до кровавыхъ побоищъ, когда эти усобицы, безправіе, татарскія насилія и грубость тогдашнихъ нравовъ грозили Русскому народу совершенной гибелью. Слишкомъ полтора ста лѣтъ томилась многострадавшая Русь подъ тяжелымъ игомъ татарскимъ. И вотъ наконецъ призрѣлъ Господь Богъ на мольбы Руси Православной,—приближался часъ освобожденія, въ которомъ Сергій явился истиннымъ печальникомъ родной земли. „Примѣромъ своей святой жизни, высотой своего духа, онъ поднялъ упавшій духъ роднаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ помощь Божію... Своею жизнію, самой возможностью такой жизни Преподобный Сергій далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло, помогъ ему заглянуть въ свой собственный внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того же огня, которымъ горѣлъ самъ онъ“. И вотъ, мы видимъ, что „народъ, сто лѣтъ при-

выкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашель въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись, какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды?.. Мы знаемъ одно, что Преподобный Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя Русскаго ополченія и этотъ молодой вождь былъ человѣкъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ преподобнаго Сергія“, ¹³⁷ подъ его благодатнымъ воспитаніемъ... Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ исторія.

Одинъ изъ гордыхъ хановъ татарскихъ Мамай поднялся на Русь со всѣми полчищами. Напрасно Великій Князь Димитрій Іоанновичъ пытался умиловитъ его дарами и покорностію: Мамай и слышать не хотѣлъ о пощадѣ. Какъ ни тяжело было Великому Князю, послѣ недавнихъ войнъ съ Литовцами и другими безпокойными сосѣдями, снова готовится къ войнѣ, а дѣлать было нечего: татарскія полчища надвигались, подобно грозовой тучѣ, къ предѣламъ тогдашней Россіи.

Готовясь выступить въ походъ, Великій Князь Димитрій Іоанновичъ счелъ первымъ долгомъ посѣтить обитель Живоначальныя Троицы, чтобы тамъ поклониться единому Богу, въ Троицѣ славимому, и принять напутственное благословеніе отъ Преподобнаго игумена Сергія. Онъ пригласилъ съ собою брата Владиміра Андреевича, всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ православныхъ Князей и воеводъ Русскихъ, съ отборной дружиной воинской, и послѣ Успеньева дня ¹³³ выѣхалъ изъ Москвы. На другой день они прибыли въ Троицкую обитель Воздавъ здѣсь свое смиренное поклоненіе Господу Силъ, Великій Князь сказалъ святому игумену: „ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушаетъ меня, да и не меня одного: а всѣхъ православныхъ: ордынскій князь Мамай двинулъ

всю орду безбожныхъ татаръ, и вотъ они идутъ на мою отчину, на Русскую землю, разоряють святаы церкви и губить хрістіанскій народъ... Помолись же, отче, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ этой бѣды!“

Святой старецъ успокоилъ Великаго Князя надеждою на Бога, и, такъ какъ тотъ спѣшилъ въ обратный путь, то просилъ его отслушать Божественную литургію, а по окончаніи оной пригласилъ его вмѣстѣ съ другими Князьями и воеводами вкусить хлѣба-соли монастырской. Великій Князь отказывался: гонцы одинъ за другимъ приносили ему извѣстія о приближеніи Мамаю къ предѣламъ Русскимъ.

Но любвеобильный старецъ умолялъ Дмитрія Іоанновича вкусить хлѣба у него въ трапезѣ: „обѣдь сей“, говорилъ онъ, „тебѣ, Великій Княже, будетъ на пользу“.

Дорогой гость согласился, и обрадованный старецъ въ духѣ предвѣдѣнія сказалъ ему: „Господь Богъ тебѣ помощникъ; еще не приспѣло время тебѣ самому носить вѣнецъ этой побѣды съ вѣчнымъ сномъ; но многимъ, безъ числа многимъ, сотрудникамъ твоимъ плетутся вѣнцы мученическіе съ вѣчной памятыю“.

Между тѣмъ Преподобный распорядился приготовить освященную воду, и, по окончаніи трапезы, окропилъ ею Великаго Князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ Князей, воеводъ и хрістолюбивыхъ воиновъ. Бесѣдуя съ Великимъ Княземъ, святой старецъ совѣтовалъ ему почтить дарами и честію злочестиваго Мамаю. „Тебѣ, господине Княже“, говорилъ онъ, „слѣдуетъ заботиться и крѣпко стоять за своихъ подданныхъ, и душу свою за нихъ положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Хріста, Который кровь Свою за насъ пролилъ. Но прежде, господине, пойди къ нимъ съ правдой и покорностью, какъ слѣдуетъ по твоему положенію покоряться ордынскому царю. Вѣдь и Василій Великій утолилъ дарами нечестиваго царя Іуліана, и Господь призрѣлъ на смиреніе Васиція, и низложилъ нечестиваго Іуліана. И Писаніе учитъ насъ, что если такіе враги хотятъ отъ насъ чести и славы,—

дадимъ имъ; если хотятъ злата и сребра, дадимъ и это; но за имя Христово, за вѣру Православную, намъ подобаетъ душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдай имъ честь, и злато, и сребро, и Богъ не попуститъ имъ одолѣть насъ: Онъ вознесетъ тебя, видя твое смиреніе и низложитъ ихъ непреклонную гордыню“.

— „Все это я уже сдѣлалъ“, отвѣчалъ ему Великій Князь: „но врагъ мой возносится еще болѣе“.

— „Если такъ“, сказалъ угодникъ Божій, „то его ожидаетъ конечная гибель, а тебя, Великій Княже, помощь, милость и слава отъ Господа. Уповаемъ на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставятъ тебя“.

И, осѣняя преклонившагося предъ нимъ Великаго Князя святымъ крестомъ, Богоносный Сергій воодушевленно произнесъ: „иди, господине, небоязненно! Господь поможетъ тебѣ на безбожныхъ враговъ!“ А затѣмъ, понизивъ голосъ, сказалъ тихо одному Великому Князю: „побѣдиши враги твоя“...

Съ сердечнымъ умиленіемъ внималъ Великій Князь пророческому слову святаго игумена: онъ прослезился отъ душевнаго волненія и сталъ просить себѣ у Преподобнаго особаго дара въ благословеніе своему воинству и какъ бы въ залогъ обѣщанной ему милости Божіей.

Въ то время въ обители Живоначальныя Троицы, въ числѣ братіи, подвизавшейся подъ руководствомъ Сергія противъ враговъ невидимыхъ, были два инока-боярина: *Александръ Пересвѣтъ*, бывший бояринъ Брянскій и *Андрей Ослябя*, ¹³⁹ бывший бояринъ Любецкій. Ихъ мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти: до принятія монашества оба они славились какъ доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные въ военномъ дѣлѣ. Вотъ этихъ-то иноковъ-богатырей и просилъ себѣ въ свои полки Великій Князь у Преподобнаго Сергія: онъ надѣялся, что эти люди, посвятившіе себя всецѣло Богу, своимъ мужествомъ могутъ служить примѣромъ для его воинства, и тѣмъ самымъ сослужать ему великую службу. И Преподобный Сергій не задумался

исполнить просьбу Великаго Князя, на вѣрѣ основанную: онъ тотчасъ же повелѣлъ Пересвѣту и Ослябѣ изготавляться на дѣло ратное. Съ радостію приняли доблестные иноки повелѣніе своего любимаго старца игумена, а онъ приказалъ имъ, въ замѣну латъ и шлемовъ, возложить на себя схимы, украшенныя изображеніемъ креста Христова: „вотъ вамъ, дѣти мои, оружіе нетлѣнное“, говорилъ при семъ Преподобный: „да будетъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ и щитовъ бранныхъ!“ Поручая ихъ Великому Князю, святой старецъ сказалъ ему: „вотъ тебѣ, возлюбленный Княже, мои оруженосцы, и послушники, а твои избранники!“—А имъ сказалъ: „міръ вамъ, возлюбленные мои о Христѣ братія! Мужайтесь, яко добліи воины Христовы! пріспѣло время вашей купли!“

Благословивъ крестомъ и окропивъ еще разъ освященною водою Великаго Князя, своихъ иноковъ витязей и всю дружину княжескую, Преподобный Сергій сказалъ великому Князю: „Господь Богъ да будетъ твой помощникъ и заступникъ: Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя!“

Тронутый до глубины души пророчественными рѣчами старца, Великій Князь отвѣчалъ ему: „Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлетъ мнѣ помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пресвятыя Богородицы“.

Есть преданіе, что въ это время Преподобный Сергій вручилъ Великому Князю икону Господа Вседержителя, которая и понынѣ хранится въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, близъ коего, на Старомъ Симоновѣ, погребены сподвижники Донскаго, Пересвѣтъ и Ослябя. Преданіе говоритъ, что сюда принесена была эта икона

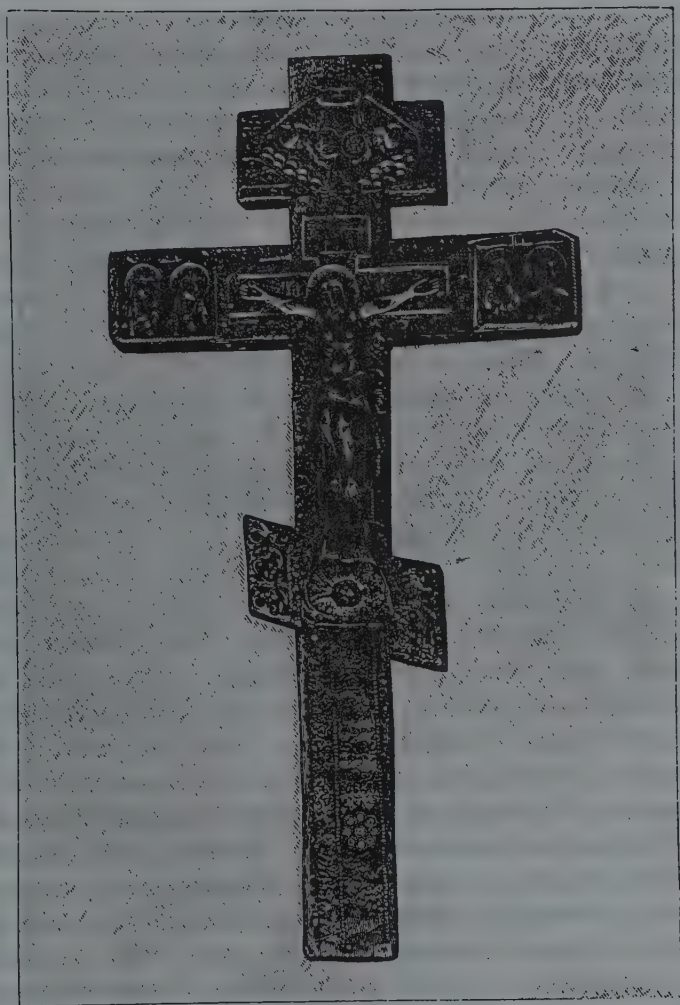
при гробѣ славнаго Пересвѣта, послѣ битвы Куликовской. Икона богато украшена золотомъ, жемчугомъ и дорогими камнями. Кромѣ Спасителя на ней изображены: святитель Николай Чудотворецъ и святой Кирилль Іерусалимскій, а на дверцахъ кіота—Богоматерь и Предтеча. Въ подтвержденіе этого преданія можно было бы указать на древній характеръ письма этой иконы, походный створчатый кіоть и богатыя украшенія, приложенныя. можетъ быть, въ послѣдствіи къ иконѣ, а также и на то, что въ обители Преподобнаго Сергія еще при его жизни занимались иконописаніемъ.¹⁴⁰ Но въ недавнее время, именно въ 1888 году, въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи въ числѣ прочихъ древнихъ вещей былъ пожертвованъ деревянный восьми-конечный крестъ, длиною около полуаршина, въ серебрянномъ вызолоченномъ окладѣ. На этомъ окладѣ ученые любители старины разобрали такую надпись: „Симъ крестомъ благословилъ Преподобный Игуменъ Сергій Князя Дмитрія на погана царя Мамая и река: симъ побѣждай врага. В лѣто 1380 августа 27 дня“. Если этотъ крестъ есть дѣйствительно благословеніе Преподобнаго Сергія Великому Князю Димитрію Іоанновичу, то упомянутый выше складень могъ быть просто походною иконою Великаго Князя, къ которой позднѣйшее преданіе приложило имя Преподобнаго Сергія только потому, что крестъ былъ уже утраченъ, а преданіе о вещественномъ знаменіи благословенія угодника Божія оставалось въ памяти потомства.¹⁴¹ Прилагаемъ здѣсь же изображеніе этого креста.

Преподобный Сергій проводилъ гостей своихъ до святыхъ воротъ обители, и преподавъ въ лицѣ ихъ миръ и благословеніе всему православному воинству, отпустилъ ихъ съ молитвенными благожеланіями.

По возвращеніи въ Москву Великій Князь разсказалъ Митрополиту Кипріану о своемъ путешествіи въ Троицкую обитель, о бесѣдѣ съ великимъ старцемъ и о его предсказаніи. Съ сердечнымъ участіемъ выслушалъ святитель

Поручая своих иноков - героев Великому Князю, святой старец сказал: „вот тебѣ, возлюбленный Княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!“ Стр. 169.

„Симъ Крестомъ благословилъ Преподобный игумень Сергій
Князя Димитрія на погана царя Мамаю“... Стр. 170.

его рассказъ и посовѣтоваль ему хранить эту тайну въ глубокомъ молчаніи, особенно же слова святаго старца: „побѣдиши супостаты твоя“,—до тѣхъ поръ, пока событіе оправдаетъ прозорливость угодника Божія, и Богъ благословить дѣло счастливымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ быстро пронеслась по лицу Русской Земли молва о томъ, что Великій Князь ходилъ къ Троицѣ и получилъ благословеніе и ободреніе на брань съ Мамаемъ отъ великаго старца, Радонежскаго пустынника; свѣтлый лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ Русскихъ людей, а тѣ, которые готовы были стать противу Великаго Князя Московскаго за одно съ Мамаемъ, поколебались... Таковъ былъ старый Рязанскій князь Олегъ: онъ уже готовился соединиться съ Мамаемъ, чтобы пожить на счетъ Московскаго Князя, со стороны коего не ожидалъ большаго сопротивленія такому сильному врагу, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Московскія силы уже переправились чрезъ Оку. Это извѣстіе такъ его опечалило, что онъ сталъ упрекать своихъ бояръ: „почему вы не предупредили меня объ этомъ? Какъ мы теперь будемъ сноситься съ нашимъ другомъ союзникомъ — Литовскимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ? Всѣ пути теперь заняты“... Бояре на это сказали ему: „мы боялись тебѣ говорить объ этомъ, хотя давно объ этомъ слышали, Говорятъ, что въ отчинѣ Московскаго Князя есть одинъ инокъ-подвижникъ, зовутъ его Сергіемъ; онъ имѣетъ отъ Бога даръ пророчества; говорятъ, что этотъ инокъ благословилъ Московскаго Князя итти противъ Мамаю“. Когда Олегъ услышалъ объ этомъ, то очень встревожился: „что же вы раньше ничего не сказали мнѣ объ этомъ? Тогда я пошелъ бы къ Мамаю на встрѣчу и сталъ бы умолять его не ходить на сей разъ на Москву, и не было бы бѣды никому тогда“... Такъ высоко ставили благословеніе Преподобнаго Сергія даже сами враги Московскаго Князя. Благословеніе такого святаго старца даже въ ихъ глазахъ считалось уже достаточнымъ ручательствомъ побѣды Великаго Князя Московскаго. И Олегъ

отложилъ всякую мысль итти на помощь татарамъ противъ Московскихъ полковъ. ¹⁴²

Скоро, подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича и его брата - сподвижника Князя Серпуховскаго Владиміра Андреевича, Русскія войска достигли Куликова поля (въ нынѣшней Тульской губерніи, въ Елифанскомъ уѣздѣ). 8 сентября 1380 года, съ ранняго утра они стали въ боевой порядокъ между рѣкъ Дона и Непрядвы, готовые встрѣтить безбожнаго врага.

Въ это самое время является передъ Великимъ Княземъ инокъ Нектарій, ¹⁴³ посланный съ другими братіями отъ Преподобнаго Сергія, нося миръ и благословеніе ему и всему Хрістолюбивому его воинству. Святой старецъ провидѣлъ духомъ нужду еще разъ укрѣпить мужество Великаго Князя передъ самою битвою, и прислалъ ему въ благословеніе Богородичную просфору и своеручную грамотку, конецъ которой сохранила для потомства одна изъ нашихъ лѣтописей. Грамотка эта, увѣщавая Великаго Князя сражаться мужественно за дѣло Божіе и пребывать въ несомнѣнномъ упованіи, что Богъ увѣнчаетъ ихъ

дѣло счастливымъ успѣхомъ, оканчивалась слѣдующимъ изреченіемъ: „чтобы ты, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Троица“. ¹⁴⁴

Великій Князь прочиталъ грамотку, вкусилъ отъ святой просфоры и, воздѣвъ руки, громко произнесъ молитву изъ чина Панагіи: „Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси насъ! Тоя молитвами Хрісте Боже, и за молитвы святыхъ Чудотворцевъ Петра и Алексія, и Преподобнаго игумена Сергія, помогай намъ на сопротивныя силы и спаси насъ!“

Быстро разнеслась по полкамъ вѣсть о посланцахъ Сергіевыхъ; въ лицѣ ихъ великій печальникъ Русской земли какъ бы самъ посѣтилъ и благословилъ Русское воинство, и это посѣщеніе, въ такую важную и рѣшительную для всѣхъ минуту, было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духомъ воодушевились мужествомъ, и каждый воинъ, ободренный надеждою на молитвы великаго старца, безстрашно шелъ на битву, готовый положить душу свою за святую вѣру Православную, за своего Князя любимого, за дорогое свое отечество.

Съ честію отпустилъ Великій Князь посланцевъ Сергіевыхъ и сталъ на высокомъ холмѣ. Предъ нимъ стояли стройные необозримые ряды войскъ; легкимъ вѣтромъ развѣвались безчисленныя знамена; на яркомъ осеннемъ солнцѣ блестѣли оружіе и доспѣхи; слышны были громкія восклицанія: „Боже, даруй побѣду Государю нашему!“.. При мысли, что многія тысячи этихъ храбрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій Іоанновичъ въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ золотому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, въ послѣдній разъ горячо молился за Хрістіанъ и Россію...

Потомъ онъ сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки, воодушевляя ихъ и называя воиновъ „вѣрными товарищами и милыми братьями“.

— „Готовы головы наши сложить за Христа и отечество, и за тебя, Великій Княже!“ — отвѣчали ему со всѣхъ сторонъ дружины храбрыхъ героевъ.

Вооружившись желѣзною палицею, Великій Князь выступилъ изъ полка впередъ, чтобы лично подать примѣръ другимъ и собственно особою начать бой. „Мнѣ должно“, говорилъ онъ, „общую съ вами пить чашу,—смерть ли или животь—едино съ вами вкушу!“.. Но усиленные просьбы всѣхъ Русскихъ Князей и воеводъ—не вдаваться безъ нужды въ опасность, и щадить свою дорогую жизнь для общей пользы, едва удержали его отъ такого великодушнаго порыва. На время онъ покорился ихъ желанію и оставилъ за собою только общее распоряженіе ходомъ битвы.

Наступилъ грозный часъ этой битвы, которая должна была рѣшить участь тогдашней Россіи. Солнце переходитъ шестую степень дня (12-й часъ—полдень); лишь небольшое пространство отдѣляетъ Русскіе передовые полки при которыхъ находился самъ Великій Князь, отъ несмѣтныхъ полчищъ татарскихъ; ужъ начались небольшія сшибки подъ начальствомъ какого-то Тулина... Въ самый полдень оба войска сошлись лицомъ къ лицу при устьѣхъ рѣки Непрядвы... Вдругъ съ татарской стороны выѣхалъ впередъ богатырь огромнаго роста, крѣпкаго сложенія, страшной наружности; звали его Челибей Тамиръ Мурза, а родомъ онъ былъ Печенегъ. Тщеславный своею силою, подобно древнему Голіаѳу, грозно потрясалъ онъ копьемъ и вызывалъ на единоборство кого-либо изъ Русскихъ витязей... Страшно было смотрѣть на этого великана, и Русскіе думали про себя: „ахъ, еслибы нашелся ктонибудь изъ нашихъ, который бы поразилъ его!“ И хотя было немало среди ихъ храбрыхъ воиновъ, но никто не рѣшался самъ добровольно вызваться на такой подвигъ.

Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. и вотъ изъ полка Владиміра Всеволодовича выступаетъ одинъ изъ Сергіевыхъ иноковъ — его усердный послуш-

никъ схимонахъ Александръ Пересвѣтъ... Пламенѣя ревностью по вѣрѣ Христовой и любовью къ дорогой родинѣ, онъ не стерпѣлъ поношенія отъ дерзкаго татарина всему воинству православному, — выѣхалъ впередъ и, обратившись къ Великому Князю и другимъ Князьямъ, сказалъ: „не смущайтесь этимъ нисколько: великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! Гордый татаринъ не мнитъ найти среди насъ равнаго себѣ витязя; но я желаю съ нимъ перевѣдаться, я выхожу противъ него во имя Господа Силъ! Готовъ воспринять вѣнецъ царства небеснаго!“

Вмѣсто брони и шлема Александръ облеченъ былъ, по завѣту своего старца игумена Сергія, въ схиму ангельскаго образа; на этой одеждѣ—на челѣ, на груди и назади было нашито знаменіе воина Христова—Господень Крестъ. Доблестный инокъ-воинъ, выходя на единоборство, окропилъ себя святою водою, заочно простился съ отцемъ своимъ духовнымъ—Сергіемъ, простился съ своимъ собратомъ Андреемъ Ослябою, съ Великимъ Княземъ, со всѣми вождами и воинствомъ православнымъ и громко воскликнулъ: „отцы и братія! простите меня грѣшнаго!“

— „Богъ тебя проститъ, благословитъ и молитвами Сергія да поможетъ тебѣ!“—было ему всеобщимъ отвѣтомъ.

Всѣ были тронуты до слезъ самоотверженіемъ инокъ; всѣ молили Бога, да поможетъ ему, какъ древле Давиду на Голіаѳа. А онъ, въ одномъ схимническомъ одѣяніи, безъ латъ и шлема, вооруженный тяжеловѣснымъ копьемъ, подобно молніи устремился, на своемъ быстромъ конѣ, противу страшнаго татарина... Раздались громкія восклицанія съ той и другой стороны; оба противника сближаются, ударяютъ другъ другъ тяжелыми копьями—столь крѣпко, столь громко и сильно, что, казалось, потряслось самое мѣсто ихъ битвы, и—оба богатыря пали мертвыми на землю!..

Тогда-то „закипѣла битва кровавая, заблестѣли мечи

острые, какъ молніи, — затрещали копы, полилась “повѣствуетъ Святитель Димитрій Ростовскій ¹⁴⁵ — „кровь богатырская подъ сѣдлами, покатались шлемы золоченые подъ ноги конскія, а за шлемами и головы богатырскія“ ...

Не выдержалъ и Великій Князь: онъ сошелъ съ коня великокняжескаго, отдалъ его своему любимому боярину (Михаилу Бренку), повелѣлъ ему вмѣсто себя быть подъ знаменемъ, а самъ досталъ бывший у него на персяхъ подъ одеждою крестъ съ частицами Животворящаго Древа, поцѣловалъ его и ринулся въ битву съ татарами, наравнѣ съ простыми воинами... ¹⁴⁶

И много доблестныхъ Русскихъ воиновъ полегло костями на полѣ томъ. Лѣтописи говорятъ, что изъ 150.000 воиновъ вернулось въ Москву не болѣе 40.000; многіе воеводы также сложили свои головы въ этомъ кровавомъ бою. Но вдвое болѣе побито татаръ, и битва окончилась совершеннымъ пораженіемъ полчищъ Мамаѣ и бѣгствомъ его самого съ поля, усѣяннаго на много верстъ трупами ордынскими.

Между тѣмъ какъ длилась грозная битва куликовская,

въ обители Живоначальныя Троицы, святой игумень Сергій собралъ всю свою братію и возносилъ Богу молитвы сердечныя за успѣхъ великаго дѣла. Тѣломъ стоялъ онъ на молитвѣ во храмѣ Пресвятыя Троицы, а духомъ былъ

на полѣ Куликовомъ: прозрѣвая очами вѣры все, что совершалось тамъ, онъ, какъ очевидецъ, повѣдалъ предстоявшей братіи о постепенныхъ успѣхахъ нашего воинства; отъ времени до времени онъ называлъ павшихъ героевъ по имени, самъ приносилъ за нихъ заупокойныя молитвы и повелѣвалъ тоже дѣлать братіи. Наконецъ онъ возвѣстилъ имъ совершенное пораженіе враговъ и прославилъ Бога, поборающаго русскому оружію.

Мы имѣемъ основаніе думать, что этимъ не ограничились заботы великаго печальника земли Русской въ тяжкую годину Мамаева нашествія объ умиротвореніи родной земли; Куликовская побѣда на столько обезсилила Русское войско, что ему необходимо было дать отдыхъ, а у Московскаго Князя, какъ мы уже видѣли, тогда было немало враговъ и кромѣ татаръ. На одной пергаменной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Лавры, писанной именно въ 1380 году, въ тревожные дни борьбы

съ Мамаемъ, осталась слѣдующая замѣчательная приписка:

„Е... нош-ї. мѣа септєбр. кз кѧ днѣ. кз пѧ на памѧ □ аѧла Кондрата по литѣрги почата бѣ пѣт тѣрт сї... Симоновскїи приѣздиѧ. ко тѣ днѣ келарѣ поѣхалѧ на Рѣзанѣ. ко тѣ д.. ма: ага чернца увѣщали. ко тѣ днѣ Исакій Андрєнковъ приѣхалѧ кз намѧ. ко тѣ днѣ кѣсть прїде яко Литѣа градѣтъ с ѧгараны... ко тѣ (днѣ) прїдоша дѣѣ телѣзѣ со мнозѣмъ скрипѣнемъ кз ѧ чѧ ноши.“ ¹⁴⁷

„Вчитываясь въ эту записъ, говорить одинъ изслѣдователь старины, невольно замѣчаешь въ ней набросокъ для памяти чего-то такого, что казалось автору обильнымъ послѣдствїями, невольно усматриваешь тѣсную связь между отрывочно намѣченными событіями дня“... Кто этотъ *Симоновскїй*? Должно думать, что никто иной, какъ Симоновскїй настоятель, будущїй святитель Ростовскїй, святой Ѳеодоръ, племянникъ и ученикъ преподобнаго Сергія. Какимъ образомъ прїѣздъ святаго Ѳеодора могъ вызвать отъѣздъ келаря въ Рязань?.. Все дѣло по записи представляется такъ: Святой Ѳеодоръ прїѣхалъ послѣ обѣдни, прямо направился къ Преподобному Сергію, о чемъ-то переговорилъ съ нимъ. Позвали келаря, дали ему какое-то порученїе. Келарь поспѣшно собрался и отправился въ Рязань; за нимъ или съ нимъ, кажется, обратно выѣхалъ святой Ѳеодоръ, какъ показываетъ слово: *приѣздиѧ* въ отличїе отъ слова *прїѣхалѧ*. Прїѣхалъ позже, уже подъ вечеръ Исакій Андрєйковъ и привезъ, по видимому, вѣсть о Литвѣ и Агарянахъ; къ ночи вѣсть эта распространилась въ неясной формѣ и заставила испугаться „многаго скрипѣнїя“ двухъ телѣгъ среди ночи. Стало быть, прїѣздъ Симоновскаго настоятеля былъ по важному и спѣшному дѣлу, съ порученїемъ отъ кого-то изъ Москвы. Отъ кого же? Великій князь въ то время стоялъ съ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ въ Коломнѣ; въ Москвѣ оставались — его супруга и митрополитъ Кипріанъ. Весьма вѣроятно, что святитель Кипріанъ, при извѣстїи о движенїи Литовцевъ, рѣшился предотвратить

столкновеніе Великаго Князя по крайней мѣрѣ съ Олегомъ Рязанскимъ; но, не надѣясь на собственный авторитетъ, какъ еще только-что вступившій на митрополию, обратился для этого къ содѣйствию великаго старца Божія, преподобнаго Сергія, чрезъ посредство своего друга—его племянника святаго Феодора. И вотъ, Преподобный Сергій тотчасъ же посылаетъ въ Рязань своего келаря. И не напрасно было это посольство: лѣтопись говоритъ о раскаяніи Олега, хотя и не на долго; еще сильнѣе убѣжденія троицкаго келаря подѣйствовали на Рязанскихъ бояръ, и Олегъ, готовый прежде „кому Господь Богъ поможетъ, къ тому“ и самъ „своинственная показати“, ¹⁴⁸ стало быть имѣвшій на готовѣ войско, теперь „отбѣжа отъ града своего Рязани и побѣже“ одинокій „къ Ягаилу князю Литовскому“, ¹⁴⁹ Возможно ли, чтобы Олегъ, имѣя близкую помощь отъ Литвы, испугался 40-тысячнаго остатка Московской рати, если и самъ Донской тщательно избѣгалъ всякаго повода къ столкновенію, если одна вѣсть — „Литва грядутъ“ заставляла тогда дрожать Москвичей? Очевидно, Олегъ боялся не Донскаго, а того впечатлѣнія, которое произвелъ келарь Сергіевъ въ Рязани. Такъ вотъ кому обязана Русь своимъ спасеніемъ и послѣ знаменитой Куликовской битвы, когда ея враги зорко слѣдили за ней, готовые воспользоваться ея ослабленіемъ отъ великаго боя съ Мамаемъ! И тутъ Преподобный Сергій явился заступникомъ Руси, и тутъ онъ предупредилъ страшное кровопролитіе, тѣмъ болѣе страшное, что это было бы пролитіе родной, братской, русской же крови...

Такъ можно заключать на основаніи вышеупомянутой краткой приписки на лаврской рукописи. ¹⁵⁰

Возвратясь въ Москву и распустивъ по домамъ воиновъ побѣдителей, Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, прозванный за эту побѣду *Донскимъ*, съ своимъ братомъ и сподвижникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, получившимъ прозваніе *Храбраго*, снова прибылъ въ обитель Живоначальныя Троицы, чтобы воздать благодареніе

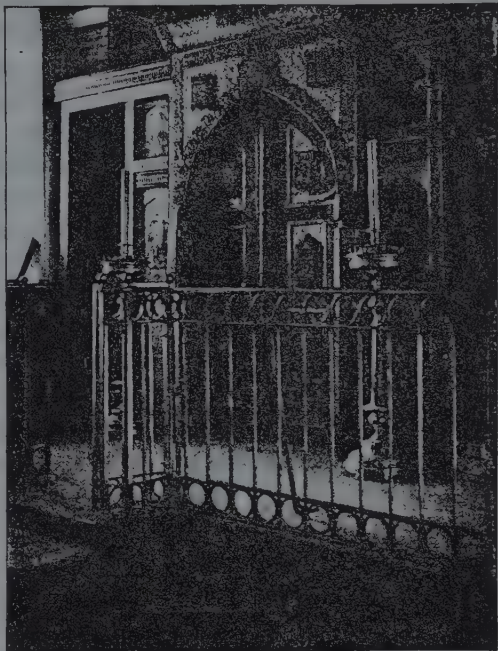
сильному во бранехъ Господу, лично повѣдать великому старцу о Богодарованной побѣдѣ и вмѣстѣ поблагодарить его за теплыя молитвы и за помощь, оказанную его ратниками, отъ ангельскаго лика данными. Радостно было это свиданіе благовѣрнаго Князя съ святымъ старцемъ! Преподобный встрѣтилъ его у святыхъ воротъ обители съ святыми иконами и святою водою, и осѣнивъ его крестомъ, поздравилъ съ побѣдою. Великій Князь повѣдалъ старцу о ходѣ битвы, рассказалъ и о геройской смерти доблестнаго его послушника, Александра Пересвѣта, примолвивъ: „еслибы, отче святой, твой послушникъ Пересвѣтъ не убилъ татарина-богатыря, сколь бы многіе испили отъ него чашу смертную! И безъ этого великое множество хрістіанскаго воинства избито татарами: помолись о нихъ, честный отче!“ ¹⁵¹

Въ бытность свою на этотъ разъ въ Троицкой обители, Великій Князь велѣлъ пѣть панихиды и служить заупокойныя литургіи по всѣмъ убіеннымъ на Куликовомъ полѣ. Это поминовеніе совершается и теперь ежегодно по всей Православной Россіи, подъ именемъ *Дмитріевской Субботы*, предъ 26-мъ числомъ октября (день Ангела В. Князя Димитрія Іоанновича), и, конечно, установлено не безъ совѣта съ Преподобнымъ Сергіемъ. Можетъ быть, потому-то нигдѣ оно не совершается такъ торжественно, какъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, причемъ поминаются по имени всѣ главные подвижники сего боя, и въ числѣ ихъ схимонахи Александръ Пересвѣтъ и Андрей Ослябя.

Въ это посѣщеніе Великій Князь надѣлилъ монастырь Сергіевъ щедрыми дарами, раздалъ много милостыни народу, который собрался со всѣхъ окрестныхъ селеній на встрѣчу ему; учредилъ для Преподобнаго Сергія и его братіи обильную трапезу, въ которой и самъ принималъ участіе со всѣми своими спутниками, и съ радостнымъ духомъ возвратился въ Москву. Впослѣдствіи онъ исполнилъ и обѣтъ свой: при пособіи Преподобнаго Сергія имъ былъ построенъ Стромынскій Успенскій монастырь, на рѣкѣ

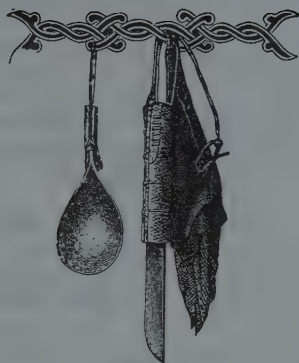
Дубенкѣ, гдѣ первымъ настоятелемъ былъ ученикъ Преподобнаго Сергія—Савва одноокій; не забыто было и мѣсто славной побѣды надъ Мамаемъ: на Куликовомъ полѣ тоже былъ построенъ монастырь въ честь Рождества Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Монастырщина. Въ церкви этого села и доселѣ хранятся, какъ драгоценная святыня, простыя деревянные царскія врата, очень небольшого размѣра, по преданію, пожертвованныя сюда Богоноснымъ Сергіемъ.¹⁵²

Не успѣла Русская земля оправиться отъ страшныхъ потерь въ Куликовскую битву, какъ явился новый врагъ, Тохтамышъ. Разбивъ Мамаю и овладѣвъ престоломъ въ Золотой Ордѣ, онъ потребовалъ себѣ покорности отъ Русскихъ Князей. Нѣкоторые приняли его пословъ; но въ Москву эти послы не рѣшились итти: татары не забыли еще Куликовского пораженія. Тогда Тохтамышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ и двинулся на Москву окольными путями, избѣгая встрѣчи съ Великимъ Княземъ, который поспѣшно собиралъ войско на Костромѣ, Переяславлѣ и другихъ городахъ. 23 августа 1382 года Тохтамышъ внезапно появился подъ Москвой. Защиты не было: Москва пала. Новооснованные монастыри: Чудовъ, Симоновъ, Андроніевъ и другіе — были разорены. Мо-

жайскъ, Звенигородъ, Руза, Боровскъ, Дмитровъ были опустошены... Преподобный Сергій на это время удалился изъ своей обители въ Тверь, ¹⁵³ куда выѣхалъ и Митрополитъ Кипріанъ. Но вражья рука не коснулась пустыни Сергіевой. Тохтамышъ такъ же скоро ушелъ, какъ и пришелъ: Великій Князь заходилъ ему съ тыла...

ГЛАВА XVI.

УМИРОТВОРИТЕЛЬ КНЯЗЕЙ.

Любовь В. Князя Дмитрія къ св. старцу.—Пр. Сергій благословляетъ новокрещеннаго „державца“ Терновскаго иконою.—Св. игумень на служеніи отечеству—Его путешествіе въ Ростовъ.—Закрытіе церквей въ Нижнемъ Новгородѣ.—Домогательство Тверскаго Князя.—Олегъ Рязанскій.—Сила слова Сергіева.—Усиленіе Москвы.—Кончина Донскаго и его духовное завѣщаніе.—Пр. Сергій—охранитель и сполучникъ самодержавія Русскихъ Государей (1358—1391).

Рѣдѣиша, пачѣмъ вѣстѣ вѣсти тѣмъ по-
вѣждати,
Рѣдѣиша, пачѣмъ стѣвующихъ пастѣнный бѣо-
угодни оуправляти. Ал. б., Ук. а.

ослѣ описанныхъ событій 1380 года обителѣ Сергіева стада еще болѣе близка сердцу Великаго Князя Дмитрія Іоанновича. Лишившись въ Святителѣ Алексіѣ отца и благодѣтеля, онъ всею душою расположился къ смиренному игумену Радонежскому. Въ немъ онъ нашелъ мудраго совѣтника и теплаго молитвенника; къ нему не разъ обращался за помощію въ дѣлахъ государственныхъ, его приглашалъ быть воспріемникомъ отъ купели святаго крещенія дѣтей своихъ: Юрія (родившагося 26 ноября 1374 г.) и Петра (род. 1385 г. іюня 29).¹⁵⁴ По смерти Митяя онъ избралъ себѣ въ духовники племянника и ученика Преподобнаго Сергія—игумена Θεодора Симоновскаго, который крестилъ и его сына Андрея (род. 1382 г.

авг. 14,—¹⁵⁵ вѣроятно Феодоръ въ семь случаѣ замѣнилъ Сергія, находившагося въ это время въ Твери). Примѣру Великаго Князя слѣдовали — Серпуховскій князь Владимиръ Андреевичъ (Преподобный крестилъ у него сына Іоанна въ 1381 г.) и нѣкоторые другіе удѣльные Князья и бояре, — „мысль“, по справедливому замѣчанію святителя Филарета, „достойная мужей, разумѣющихъ силу хрістіанскихъ установленій — избирать въ воспріемники испытаннаго духовнаго наставника и молитвенника“.

Въ 1384 году къ Великому Князю Димитрію изъ Пруссіи пріѣхалъ служить „державецъ“ Терновскій, Воейко Войтеговичъ, въ сопровожденіи 150 человекъ Сербовъ, Болгаръ и Прусаковъ. Воейко былъ родомъ изъ Болгаріи, изъ города Тернова; по смерти отца оставивъ городъ Терновъ своему брату Фріанду, онъ переселился сначала въ Пруссію, гдѣ было также имѣніе его отца, а оттуда прибылъ въ Россію. По своему вѣроисповѣданію онъ принадлежалъ къ Аполлинаріевой ереси; святитель Кипріанъ убѣдилъ его принять православную вѣру, и Великій Князь повелѣлъ дядѣ своему, князю Андрею Ивановичу, воспріять его отъ святой купели. Священнодѣйствіе крещенія и мвропомазанія совершалъ самъ святитель Кипріанъ съ прилучившимися тогда въ Москвѣ Преподобнымъ Сергіемъ, въ церкви Архангела Михаила, въ Чудовомъ монастырѣ, при чемъ Преподобный игумень Сергій благословилъ новокрещеннаго Прокопія Воейкова иконою Святителя Николая Чудотворца, а митрополитъ Кипріанъ—золотымъ крестомъ съ святыми мощами, украшеннымъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Преданіе это записано въ родословной книгѣ рода Воейковыхъ, а устное преданіе дополняетъ, что Преподобный Сергій выразилъ при этомъ свою волю, чтобы сія икона передаваема была изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, дотоулъ, пока родъ Воейковыхъ будетъ продолжаться по прямой линіи. а въ случаѣ прекращенія рода икона была бы возвращена въ обитель его, „если милостію Божіею сія обитель будетъ существовать до того времени“. Переходя

изъ рода въ родъ, благоговѣнно чтимая икона Святителя Николая, наконецъ дошла до послѣдняго въ родѣ Воейковыхъ, Сергія Ѳеодоровича Воейкова, который, будучи совершенно одинокимъ, почелъ долгомъ совѣсти исполнить завѣщаніе Преподобнаго Сергія и въ 1895 году возвратилъ благословеніе угодника Божія въ его родную обитель. Теперь эта святая икона находится въ южномъ притворѣ Троицкаго собора, гдѣ, по преданію, была келлія Преподобнаго Сергія, и предъ нею горитъ неугасимая лампада. Она покрыта золотою ризою и украшена жемчугомъ и драгоценными камнями.¹⁵⁸

Смутное, тревожное было то время. Читая лѣтописныя сказанія, то и дѣло встрѣчаешь извѣстія, что такой-то князь поѣхалъ въ Орду добывать себѣ титулъ великокняжескій, другой разорилъ или совсѣмъ отнялъ удѣлъ сосѣда, третій подговорилъ Литву или тѣхъ же татаръ итти ратью на Москву... Кровь лилась потоками въ этихъ ссорахъ и раздорахъ княжескихъ, и только мудрое, властное слово Святителей, да такихъ великихъ подвижниковъ, какъ Преподобный Сергій, удерживало князей, и то не всегда, отъ этихъ гибельныхъ усобицъ и кровопролитныхъ войнъ. Такъ, есть свѣдѣніе, что еще въ малолѣтство Донскаго героя, при жизни Великаго Князя Іоанна Іоанновича, въ 1358 году Преподобный Сергій путешествовалъ въ свой родной городъ Ростовъ, чтобы уговорить Ростовскаго Князя, Константина Васильевича, признать надъ собою власть Великаго Князя Московскаго.¹⁵⁷ Въ 1363 году мы видимъ святаго игумена опять путешествующимъ въ Ростовъ на „богомоліе къ Ростовскимъ чудотворцамъ“;¹⁵⁸ сопоставляя это путешествіе, съ одной стороны, съ тѣмъ, что ходитъ на богомоліе, хотя бы и по святымъ мѣстамъ, безъ особенной нужды и повода, кажется, не было въ правилахъ Преподобнаго Сергія,¹⁵⁹—съ другой—съ извѣстіемъ лѣтописцевъ, что Ростовскій Князь въ 1360 году выходилъ себѣ въ Ордѣ грамоту,¹⁶⁰ чтобы самовольно распоряжаться въ своемъ удѣлѣ, думаютъ, что Преподобный Сергій приходилъ въ Ростовъ не на богомоліе

Икона святителя Христова Николая Чудотворца, данная Преподобнымъ Сергіемъ, въ благословеніе державцу Терновскому Воейку Войтеховичу при его крещеніи Стр. 184.

только, но имѣлъ еще порученіе убѣдить стараго Ростовскаго Князя ничего не затѣвать ко вреду Великаго Князя Московскаго. ¹⁶¹ Дѣйствительно, мы видимъ, что Князь Константинъ обязался послѣ сего быть въ совершенной зависимости отъ Великаго Князя Московскаго. ¹⁶²

Прошелъ годъ, и пустынный - примиритель Князей снова долженъ былъ отправиться въ путь, на этотъ разъ уже въ Нижній Новгородъ. Дѣло было такъ: по смерти Великаго Князя Іоанна Іоанновича, въ 1359 году, Суздальскій Князь Димитрій Константиновичъ добылъ себѣ у хана великокняжескій ярлыкъ. Честолюбивый Князь вовсе не ожидалъ, чтобы малолѣтній Князь Московскій (Димитрію Іоанновичу было тогда всего 9 лѣтъ) рѣшился отбивать у него этотъ титулъ. Не видя возможности отстоять права Димитрія Іоанновича своимъ личнымъ вліяніемъ, мудрый воспитатель юнаго Князя, Святитель Алексій, благословилъ Димитрія Константиновича во Владимирскомъ соборѣ; но, во вниманіе къ пророчественному слову Святителя Петра относительно будущаго величія Москвы, и по любви къ роду Калиты, онъ не согласился перенести митрополичій престолъ изъ Москвы во Владимиръ. ¹⁶³ Вполнѣ сознавая всю опасность для только что начинавшей тогда слагаться единой державной власти Московскаго Князя, Святитель побудилъ молодаго Князя отправиться въ Орду, чтобы тамъ дорогими подарками возвратить себѣ у хана Великое Княженіе. Это путешествіе увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ, и Суздальскій Князь смирился. Но скоро ханъ Муратъ, утвердившій Димитрія Московскаго на Великомъ Княженіи, умеръ, и Суздальскій Князь пытался снова овладѣть великокняжескимъ титуломъ,—онъ занялъ было Владимиръ, но чрезъ недѣлю былъ изгнанъ оттуда Димитріемъ Московскимъ. Этотъ великодушный юноша-Князь позволилъ побѣжденному сопернику спокойно владѣть своимъ Суздальскимъ удѣломъ и черезъ то такъ расположилъ къ себѣ послѣдняго, что когда сынъ Суздальскаго Князя, Василій Димитріевичъ, привезъ отцу изъ Орды ярлыкъ на Великое

Княженіе, то благоразумный отецъ отказался отъ него добровольно, въ пользу Князя Московскаго. Спустя два года, въ 1366 году, Князь Суздальскій выдалъ за Московскаго Князя Димитрія свою дочь, благочестивую княжну Евдокію, и съ того времени сталъ навсегда вѣрнымъ союзникомъ Великаго Князя. Но братъ его, Борисъ Константиновичъ, не захотѣлъ признать власти Московскаго Князя и самовольно захватилъ у брата Нижній Новгородъ. Димитрій Суздальскій жаловался на него Московскому Князю. Не желая прибѣгать къ кровопролитію, Великій Князь просилъ Святителя Алексія послать Преподобнаго Сергія въ Нижній, чтобы вызвать Бориса въ Москву. Сергій исполнилъ послушаніе, но Борисъ не послушался его и въ Москву не пошелъ.¹⁶⁴ На увѣщанія Сергія онъ отвѣчалъ, что Князей судить только Богъ, что онъ знаетъ только хана, который утвердилъ за нимъ Нижній Новгородъ, и больше не желаетъ подчиняться никому. Приходилось смирять гордаго Князя болѣе строгими мѣрами. По данной отъ Митрополита власти, Преподобный Сергій затворилъ всѣ храмы въ Нижнемъ; Богослуженіе прекратилось. Борисъ вынужденъ былъ покориться, тѣмъ болѣе, что изъ Москвы, подъ начальствомъ его брата, Димитрія Суздальскаго, пришла сильная рать. И Борисъ вышелъ на встрѣчу брату съ повинною. Это было въ 1365 году.

Особенно много хлопоталъ изъ-за великокняжескаго ярлыка Тверской Князь Михаилъ Александровичъ. Онъ не разъ путешествовалъ въ Орду, не разъ нападалъ на предѣлы Московскіе; два раза онъ поднималъ противъ Великаго Князя Димитрія — Ольгерда Литовскаго, который былъ женатъ на родной сестрѣ Михаила; оба раза Ольгердъ подступалъ къ самой Москвѣ и опустошалъ ея окрестности. Чтобы положить конецъ проискамъ Тверскаго Князя, Великій Князь Московскій вынужденъ былъ опять путешествовать въ Орду (1371 г.), гдѣ получилъ новое подтвержденіе своего великокняжескаго достоинства. Въ это путешествіе провожалъ его до Оки Митрополитъ

Алексій. Думаютъ, что умиротворенію Тверскаго Князя съ Московскимъ содѣйствовалъ своимъ благодатнымъ словомъ игумень Радонежскій. ¹⁶⁵

Другой безпокойный сосѣдъ Московскаго Князя былъ Олегъ, Князь Рязанскій. Хитрый и вѣроломный, онъ не разъ нарушалъ договоры, входилъ въ сношенія то съ Ольгердомъ и Тверскимъ Княземъ, то съ Мамаемъ и Тохтамышемъ. Великій Князь не разъ посылалъ къ нему довѣренныхъ лицъ съ мирными предложеніями, но Олегъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Тогда Великій Князь призвалъ Преподобнаго Сергія и лично просилъ его принять на себя трудъ убѣдить упрямаго Князя Рязанскаго къ примиренію. Позднею осенью 1385 года, ¹⁶⁶ смиренный старецъ отправился, по своему обыкновенію пѣшкомъ, въ Рязань. Олегъ уже много слышалъ о Радонежскомъ игуменѣ: еще пять лѣтъ назадъ онъ не рѣшился присоединиться къ полчищамъ Мамаю только потому, что Московскій Князь получилъ отъ Преподобнаго Сергія благословеніе на битву съ Мамаемъ, и теперь радъ былъ видѣть святаго старца своимъ гостемъ и благословиться у него. Кроткія увѣщанія Богомудраго Сергія смягчили сердце суроваго Князя Рязанскаго, и онъ чистосердечно открылся Преподобному въ своихъ замыслахъ и „взялъ съ Великимъ Княземъ Димитріемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ“. ¹⁶⁷ Этотъ миръ въ послѣдствіи скрѣпленъ былъ семейнымъ союзомъ: сынъ Олега Ѳеодоръ взялъ за себя дочь Великаго Князя Софію Димитріевну. ¹⁶⁸

Такъ, при неусыпномъ попеченіи и отеческомъ руководствѣ Святителя Алексія, и благодаря дѣятельному участію игумена Радонежскаго, Преподобнаго отца нашего Сергія, постепенно возрастала власть Великаго Князя Московскаго, а подъ ея знаменемъ стала постепенно объединяться и Русская земля, обезсиленная раздорами удѣльныхъ Князей. Мало-по-малу эти Князья свыклись съ мыслию о необходимости подчиниться власти Московскаго Князя, а въ народѣ пробуждалось сознаніе нужды

сплотиться во едино, дабы общими силами сбросить съ себя ненавистное иго татарское. Богъ знаетъ, могъ ли бы достигнуть какого-нибудь успѣха въ этомъ великомъ дѣлѣ Великій Князь Московскій, предоставленный самому себѣ, безъ содѣйствія Церкви въ лицѣ такихъ святыхъ мужей, исполненныхъ Духа и силы, каковы были угодники Божіи—Митрополитъ Алексій и Богоносный Сергій игуменъ Радонежскій.

Преподобный Сергій присутствовалъ при кончинѣ и погребеніи угасшаго во цвѣтѣ лѣтъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича: онъ умеръ въ 1389 году, 19 мая. Въ его прекрасномъ по духу хрістіанскому завѣщаніи нельзя не ощущать вѣянія духа Сергіева. „Вы, дѣти мои“, говорилъ благочестивый Князь, „живите за одно, а матери своей слушайтесь во всемъ... Кому что дастъ она, то тому и есть; дѣти мои изъ воли ея не выйдутъ... Который сынъ не станетъ слушаться матери своей, на томъ не будетъ моего благословенія... Вотъ я отхожу къ Богу, и васъ поручаю Богу и матери вашей: подъ страхомъ ея будьте всегда... Бойтесь Бога; бояръ своихъ любите, будьте привѣтливы ко всѣмъ своимъ слугамъ. А вы, бояре, знаете мой обычай и нравъ,—я родился у васъ на глазахъ, при васъ я возросъ, съ вами ходилъ на враговъ, съ вами свою отчину защищалъ... Я любилъ васъ и дѣтей вашихъ, съ вами дѣлилъ и радость и горе... Вспомните, что говорили вы мнѣ всегда: на службѣ тебѣ и дѣтямъ твоимъ мы должны сложить и свои головы... Будьте же вѣрны слову своему, послужите Княгинѣ моей и чадамъ моимъ, повеселитесь съ ними въ ихъ радости, не оставьте ихъ и во время скорби“... Такъ говорилъ умирающій Донской герой; а въ своей духовной грамотѣ онъ навсегда заповѣдалъ своимъ дѣтямъ и потомству своему, чтобы послѣ отца наслѣдовалъ великокняжескій престолъ старшій сынъ его, помимо другихъ лицъ, старшихъ въ родѣ, и такимъ образомъ установилъ новый порядокъ престолонаслѣдія, не допускавшій никакихъ споровъ и претензій со стороны братьевъ усопшаго Вели-

каго Князя. И вотъ, охраненіе этого, столь важнаго постановленія, которому не только Москва, но и вся Россія навѣки обязана укрѣпленіемъ единой самодержавной власти, было ввѣрено Промысломъ Божиимъ не иному кому, какъ великому печальнику земли Русской Преподобному Сергію!.. Его драгоцѣнная для насъ подпись украшаетъ и скрѣпляетъ это великое по своему значенію государственное законоположеніе, которому въ 1889 году, мая 19-го, исполнилось ровно пятьсотъ лѣтъ...¹⁶⁹ „Какъ не признать, замѣчаетъ одинъ внимательный къ путямъ Промысла Божія изслѣдователь, какъ не признать въ этомъ особаго благоволенія Божія къ Самодержавію и ко всѣмъ, вѣрнымъ оному, сынамъ Россіи! Русскій народъ такъ и понималъ это, и доселѣ въ лицѣ Преподобнаго Сергія чтитъ особенно великаго и сильнаго молитвенника за своего Самодержавнаго Царя, Его Августѣйшую Супругу и старшую Богорасленную вѣтвь, именуемую, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ“.¹⁷⁰

ГЛАВА XVII.

БЛАГОДАТНЫЙ СТАРЕЦЪ.

Два вида духовнаго креста.—Лучи благодати.—Душа послѣ побѣды надъ страстями.—
Заочное привѣтствіе святыхъ.—Обличенный въ лакомствъ слуга.—Благодатный пламень
сты руки старца.—Небесный сослужитель.—Причащеніе небеснымъ огнемъ.—Небесная
Гостя.—Ея дивное обѣтованіе.—Трепещущій ученикъ.—Радость святыхъ.—Сомнѣваю-
щійся грекъ.—Его вразумленіе.—Наказанный обидчикъ.—Святолюбивый образъ св
старца.—Наши духовные предки и—мы.

Радѣйша, дѣла вѣдѣти о святѣхъ.

Икоиз Анніи.

Радѣйша, свѣтъ имѣти чистотѣ и непорочно
жилище. Яко, а, ѿ, б.

ВЯТЫЕ Отцы строго различаютъ въ духовной
жизни двѣ степени, два состоянія: крестъ
дѣятельный и крестъ созерцательный. Первое
состояніе есть страдный, многоскорбный, узкій
путь креста, время подвига, усилій и борьбы
съ самимъ собою—съ ветхимъ человѣкомъ,
и съ врагами спасенія—міромъ и діаволомъ.

Второе состояніе есть упокоеніе сердца въ Богѣ, глубокій
миръ души, Христовою благодатію побѣдившей страсти,
очищенной, просвѣтленной, и въ таинственномъ общеніи
съ Богомъ обрѣтшей еще здѣсь, на землѣ, залогъ бла-
женства небеснаго. Первый путь есть общій, для всѣхъ

спасаемыхъ неизбѣжный; — второй — удѣлъ только особыхъ избранниковъ благодати, о которомъ святые Отцы не позволяютъ и мечтать тому, кто не очистилъ сердца отъ страстей. Намъ, страстнымъ, никогда не постигнуть своимъ, воистинну слѣпотствующимъ умомъ дивной тайны облагодатствованнаго состоянія души, обновленной, освященной, возстановленной въ своей первобытной Богоподобной красотѣ и совершенствѣ. Это міръ — для насъ грѣшныхъ сокровенный, міръ, въ которомъ дѣйствуютъ свои законы, не подходящіе подъ нашу земную мѣрку, подъ мѣрку нашего ограниченнаго разумѣнія, и мы можемъ наблюдать только внѣшнія проявленія этого небеснаго еще на землѣ, одухотвореннаго еще во плоти состоянія святыхъ Божіихъ избранниковъ; мы можемъ благоговѣйно созерцать только тѣ слабые лучи ихъ свѣтлой, Богоподобной чистоты, которые противу ихъ воли какъ бы прорываются наружу въ ихъ необычныхъ поступкахъ, словахъ и движеніяхъ. Ударяя въ наше страстное сердце теплотою благодатною, они поражаютъ и смиряютъ нашъ умъ необычайнымъ для него сіяніемъ иного, высшаго порядка вещей, и влекутъ наши души къ этимъ дивнымъ избранникамъ благодати...

И Преподобный отецъ нашъ Сергій прошелъ общимъ путемъ скорбей и подвига крестнаго прежде, чѣмъ явился тѣмъ дивнымъ благодатнымъ мужемъ, какимъ мы видимъ его во второй половинѣ, и особенно въ послѣдніе годы его жизни. Мы видѣли его въ подвигѣ и борьбѣ, въ борьбѣ неустанной, для міра непонятной, но для Хрїстова послушника — неизбѣжной. Побѣда наконецъ одержана. Стихли страсти. Убито себялюбіе, поверженъ въ прахъ идолъ плотоугодія, не смѣетъ подступиться міръ съ своими соблазнами. „Рубище прикрывало его святое тѣло“, говоритъ митрополитъ Платонъ, „тѣсная хижина была собесѣдницею въ его Богомыслии, и простой жезлъ подкрѣплялъ подвигами добродѣтели ослабленную плоть. Но его духъ былъ преисполненъ обиліемъ благодати, его сердце вкушало тѣ сладости, коихъ вкусъ есть вкусъ

манны животныя и нетлѣнныя“. ¹⁷¹ Въ смиренномъ сердцѣ подвижника тихо сіялъ неизреченный свѣтъ благодати Божіей, согрѣвая все его духовное существо. Ему приизобильно сообщены всѣ дары Божіи: и даръ чудотвореній, и даръ пророчества, и даръ утѣшенія и назиданія, совѣта и разума духовнаго. Для его духовнаго взора какъ бы не существуетъ—ни преградъ вещественныхъ, ни разстояній, ни самаго времени: онъ видитъ далече отстоящее яко близъ сущее, зритъ будущее какъ бы настоящее... Мы уже говорили о томъ, какъ прозорливый старецъ предсказалъ несбыточность мечтаній гордаго Митяя, какъ онъ успокоилъ Великаго Князя обѣтованіемъ побѣды надъ Мамаемъ, какъ въ самый часъ битвы созерцалъ онъ духовными очами то, что совершалось на полѣ сраженія. Вотъ еще случаи этой дивной прозорливости старца, записанные его преподобнымъ ученикомъ.

Въ 1390 году просвѣтитель Пермїи святой Епископъ Стефанъ путешествовалъ въ Москву. Путь его лежалъ мимо славной обители Сергіевой, всего въ десяти верстахъ отъ нея, и святому Стефану очень захотѣлось видѣться съ святымъ ея игуменомъ. Но обстоятельства требовали спѣшить въ столицу, и онъ рѣшилъ посѣтить Преподобнаго на обратномъ пути. И вотъ, поравнявшись съ обителью, святой Епископъ прочиталъ *Достойно есть яко воистинну*... и издали поклонился въ ту сторону, гдѣ стояла обитель Сергіева, проговоривъ: „миръ тебѣ, духовный братъ мой!“..

Справедливо говорятъ, что „сердце сердцу вѣсть подаеть“. Такъ бываетъ иногда даже съ нами грѣшными; а сердца святыхъ Божіихъ еще болѣе связаны союзомъ любви, и потому еще скорѣе отзываются на привѣтъ любви.

Преподобный Сергій сидѣлъ за трапезою съ братіей: вдругъ онъ встаетъ изъ-за стола и, послѣ краткой молитвы, дѣлаетъ поклонъ къ западу, тихо промолвивъ: „радуйся и ты, пастырь Хрїстова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!“..

Братія была очень удивлена такимъ необычайнымъ поступкомъ своего игумена; болѣе опытные старцы поняли, что онъ имѣлъ какое-нибудь видѣніе и по окончаніи трапезы спросили его о случившемся. Преподобный не скрылъ отъ нихъ своего духовнаго видѣнія: „въ этотъ самый часъ“, сказалъ онъ, „Епископъ Стефанъ, на пути въ Москву, остановился противу нашего монастыря и поклонился Святой Троицѣ, и насъ смиренныхъ благословилъ“.

Преподобный Сергій назвалъ даже мѣсто, гдѣ это произошло, и нѣкоторые изъ братіи тотчасъ поспѣшили туда, и еще застали тамъ людей, сопровождавшихъ Святителя Стефана. Троицкіе иноки спросили ихъ: какъ было дѣло? и услышавъ ихъ разсказъ, прославили Бога, прославляющаго ихъ святаго старца даромъ прозорливости.

Памятникомъ сего необычайнаго взаимнаго привѣт-

ствія святыхъ друзей служить и понынѣ каменная часовня на 11-й верстѣ Московской дороги, съ большимъ деревяннымъ крестомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался Святитель Стефанъ Пермскій. Изображеніе этой часовни читатели могутъ видѣть въ заставкѣ сей главы.¹⁷²

А въ обители Преподобнаго Сергія и доселѣ свято соблюдается, въ воспоминаніе этого заочнаго свиданія святыхъ, такой обычай: во время трапезованія, предъ послѣднимъ блюдомъ, ударяютъ въ колокольчикъ, братія встаютъ, и чередной іеромонахъ произноситъ: „молитвами Святителя Стефана и Преподобнаго Сергія, Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!“—послѣ чего всѣ садятся оканчивать трапезу.

Вотъ другой случай прозорливости старца. Серпуховской Князь Владиміръ Андреевичъ, сынъ Князя Андрея Радонежскаго, въ отчинѣ котораго находилась обитель Сергіева, часто самъ посѣщалъ Преподобнаго Сергія, а иногда посылалъ ему въ подарокъ что нибудь изъ житейскихъ потребностей. Разъ онъ послалъ своего слугу съ съѣстными припасами на утѣшеніе братіи. Дорогою слуга соблазнился и украдкою что-то съѣлъ изъ посланныхъ Княземъ гостинцевъ. Вотъ онъ является къ святому игумену, но прозорливый старецъ не принимаетъ отъ него подарковъ Князя. Слуга упрасиваетъ, боясь гнѣва княжескаго; тогда Преподобный говоритъ ему: „зачѣмъ ты, братъ мой, послушался врага? Зачѣмъ отвѣдалъ брашенъ, которыхъ тебѣ, безъ благословенія, не подобало ѣсть?“ Обличенный слуга упалъ въ ноги святому старцу и со слезами сталъ просить у него прошенія, сознавая вину свою.—Тогда только Преподобный Сергій принялъ отъ него гостинцы, простилъ его и отпустилъ съ миромъ, поручивъ передать благовѣрному Князю благодарность за его любовь и благословеніе отъ обители Пресвятыя Троицы.

Но не въ прозорливости только давала себя видѣть благодать Божія, обитавшая въ святой душѣ Радонежскаго игумена. Для тѣхъ, чьи очи духовныя были чище,

кто самъ шелъ по стопамъ святаго старца въ подвигахъ духовныхъ,—для присныхъ учениковъ Богоноснаго Сергія было дано видѣть высокое благодатное состояніе его души въ чувственныхъ образахъ, и особенно въ тѣхъ священныя минуты, когда святая душа старца какъ бы отрѣшалась отъ всего видимаго міра, и, вся пламенѣющая любовію ко Господу, уносилась къ Нему всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ. Это были святѣйшія минуты совершенія имъ Божественной Литургіи.

Такъ, когда одинъ изъ любимыхъ учениковъ его, Преподобный Исаакій, любитель безмолвія, просилъ святаго старца благословить его на подвигъ совершеннаго молчанія, то онъ сказалъ ему: „если желаешь, чадо, безмолвствовать, то завтра, когда совершимъ Божественную Литургію, стань у сѣверныхъ дверей, и тамъ я благословлю тебя“. — Старецъ желалъ благословить ученика именно послѣ Литургіи, послѣ пріобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ, когда самъ ощущалъ въ себѣ особенное дѣйствіе благодати Божіей, — желалъ такъ потому, что самый подвигъ молчанія столь высокъ и столь многотруденъ со стороны искушеній вражескихъ, что нужно было оградить ученика отъ этихъ искушеній особою молитвою.

На другой день, по слову игумена, Исаакій встрѣтилъ его въ назначенномъ мѣстѣ; Преподобный Сергій осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: „Господь да исполнитъ желаніе твое!“

И вотъ, въ самую минуту благословенія Исаакій видитъ, что чудный пламень исходитъ отъ руки благодатнаго старца и объемлетъ его, Исаакія...

И съ той минуты, огражденный молитвами старца, ученикъ вступилъ въ избранный имъ подвигъ; и если иногда молчальникъ хотѣлъ бы тихо произнести какое-либо слово, и тогда возбраняла ему это молитва Сергіева; и молча пребылъ Исаакій до конца дней своихъ, по слову Божественнаго Писанія: *яко глухъ не слышай, и яко немъ не отверзаяя устъ своихъ* (Пс. 37, 14).

Въ другое время Преподобный Сергій совершалъ Божественную Литургію вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефаномъ и племянникомъ Теодоромъ, уже посвященнымъ тогда въ санъ пресвитерскій. Молчальникъ Исаакій стоялъ въ церкви. Вдругъ онъ видитъ въ алтарѣ четвертаго, чуднаго образомъ мужа, сослужащаго симъ тремъ и сіяющаго необычайнымъ свѣтомъ, въ блистающихъ ризахъ... Въ маломъ входѣ съ Евангеліемъ чудный мужъ шелъ вслѣдъ за Сергіемъ, и лицо его сіяло какъ солнце, такъ что Исаакій не могъ даже взирать на него... Это чудное видѣніе разрѣшило ему уста, и онъ обратился къ стоявшему подлѣ него благоговѣйному старцу Макарію съ вопросомъ: „что это за чудное видѣніе, отче? Кто этотъ дивный мужъ?“

Макарій и самъ былъ пораженъ чудомъ и отвѣчалъ: „не знаю, чадо, но и меня объемлетъ страхъ... Развѣ не пришелъ ли какой священнослужитель съ Княземъ Владиміромъ?“

А Князь Владиміръ Андреевичъ гостилъ тогда въ обители, и тутъ же, въ церкви, стоялъ его бояринъ. Иноки спросили его: нѣтъ ли священнослужителя съ Княземъ? — Бояринъ сказалъ, что нѣтъ. Тогда блаженные ученики Сергіевы уразумѣли, что съ ихъ аввою служить Ангелъ Божій, ибо „Ангелы любятъ себѣ подобныхъ“ ¹⁷³

Литургія окончилась и чудный оный мужъ сталъ невидимъ. Оба ученика, удостоенные видѣнія, уловивъ удобную минуту, наединѣ спросили Преподобнаго о его таинственномъ сослужителѣ. Смиранный старецъ сначала уклонялся отъ объясненій: „что чудное видѣли вы, дѣти мои?“—говорилъ онъ,—„служилъ братъ мой съ сыномъ своимъ и съ ними я, недостойный, а еще никого съ нами не было“.—Но ученики не переставали упрашивать его: „Господа ради не скрой отъ насъ, честный отче, — вѣдь мы своими очами видѣли четвертаго, точно Ангела Божія, служившаго съ тобою“.—Тогда Преподобный сказалъ имъ: „дѣти мои любезныя! Если ужъ Самъ Господь Богъ

открылъ вамъ эту тайну, то могу ли я скрыть ее отъ васъ? Тотъ, кого видѣли вы, дѣйствительно — Ангелъ Господень: и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную Литургію, мнѣ, недостойному, бываетъ такое посѣщеніе. Но вы строго храните это въ тайнѣ, пока я живъ“.

А вотъ и еще неложный свидѣтель благодатнаго видѣнія—это блаженный Симонъ экклесіархъ, мужъ испытанной добродѣтели, о которомъ съ похвалою отзывался самъ Преподобный Сергій. Однажды, когда святой игуменъ совершалъ Божественную Литургію, онъ видѣлъ, какъ небесный огонь сошелъ на Святыя Тайны въ минуту ихъ освященія, какъ этотъ огонь ходилъ по святому престолу озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодѣйствующаго Сергія. А когда Преподобный хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ, Божественный огонь свился „какъ бы нѣкая чудная пелена“ и вошелъ внутрь святаго потира. Такимъ образомъ угодникъ Божій причастился сего огня „неопально, какъ древле купина неопально горѣвшая“...

Ужаснулся Симонъ отъ такого видѣнія, и въ трепетѣ безмолвствовалъ; но не укрылось отъ Преподобнаго, что ученикъ его сподобился видѣнія. Причастившись Святыхъ Христовыхъ Таинъ, онъ отошелъ отъ святаго престола и спросилъ Симона: „чего такъ устранился духъ твой, чадо мое?“

— „Я видѣлъ благодать Святаго Духа, дѣйствующую съ тобою, отче“, отвѣчалъ тотъ.

— „Смотри же, никому не говори о томъ, что ты видѣлъ, пока Господь не позоветъ меня изъ этой жизни“ заповѣдалъ ему смиренный авва.

Долго было бы повѣствовать, замѣчаетъ писатель житія Сергіева, о многихъ другихъ знаменіяхъ, въ которыхъ, по разнообразной потребности утѣшенія и назиданія, разнообразно являлась пребывавшая съ блаженнымъ Сергіемъ благодать Духа Господня; но не должно умол-

И угодникъ Божій причастился огня неопально, какъ древле
кушина, неопально горѣвшая... Стр 198.

чать еще объ одномъ чудесномъ видѣніи, которое не только самого Сергія исполнило утѣшеніемъ, но и всѣхъ пребывающихъ въ его Лаврѣ не престааетъ исполнять сердечною радостію, надеждою и благодарностію къ Господу Богу. „Сама Царица Небесная, сопровождаемая ближними Царя царствующихъ, нисходила въ его святое уединеніе, чтобы утвердить въ его пустынь благословеніе неба, которое, въ послѣдствіи времени, враждебныя силы міра, при всемъ видимомъ ихъ могуществѣ, тщетно покушались разрушить“. ¹⁷⁴ Вотъ что повѣдаетъ объ этомъ посѣщеніи Небесной Гостьи преподобный Епифаній.

Однажды, въ глубокую ночь, Преподобный Сергій совершалъ свое келейное правило и передъ иконою Богоматери пѣлъ Акаѣистъ,—что онъ дѣлалъ, по своему обычаю, ежедневно. ¹⁷⁵ Часто взиравъ онъ на святую икону и усердно молилъ Матерь Божию о своей обители. „Пречистая Мати Хріста моего“, — взывалъ святой старецъ, — „ходатаица и заступница и крѣпкая помощница роду человѣческому! Буди и намъ недостойнымъ ходатаицей,—присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрѣтъ Онъ милостиво на святое мѣсто сіе, посвященное въ похвалу и честь Его святаго имени на вѣки! Тебя, Матерь сладчайшаго моего Хріста Іисуса, призываемъ на помощь рабы Твои, ибо Ты имѣешь великое дерзновеніе у Сына Твоего и Бога! Будь же всѣмъ спасительное упокоеніе и пристанище!“

Такъ молился Преподобный; его чистое сердце горѣло благодатнымъ пламенемъ, его смиренный умъ весь погруженъ былъ въ молитву, и онъ, какъ дитя, въ простотѣ души, бесѣдовалъ съ Пречистой Матерію всѣхъ, возлюбившихъ чистымъ сердцемъ Ея Божественнаго Сына.

Окончивъ молитву, онъ сѣлъ для отдохновенія; но вдругъ его святая душа ощутила приближеніе небеснаго явленія, и онъ сказалъ своему келейному ученику, Преподобному Михею: „бодрствуй, чадо; мы будемъ въ сей

часть имѣть чудесное посѣщеніе“. Едва сказалъ онъ это, какъ послышался голосъ: „се, Пречистая грядетъ!..“

Тогда старецъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни; здѣсь осіялъ его свѣтъ паче солнечнаго, и онъ узрѣлъ Преподобную Дѣву, сопровождаемую Апостолами Петромъ первоверховнымъ и Іоанномъ дѣвственникомъ—Богословомъ... Не въ силахъ будучи выне-

сти этого чуднаго сіянія и неизреченной славы Матери Свѣта, Преподобный Сергій палъ ницъ; но благая Матерь прикоснулась къ нему рукою и ободрила его словами благодати: „не бойся, избранниче Мой“, изрекла Она: „Я пришла посѣтить тебя; услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ; не скорби больше и объ обители твоей: отнынѣ она будетъ имѣть изобиліе во всемъ, и не только при жизни твоей, но и по отшествіи твоёмъ къ Богу Я не отступна буду отъ мѣста сего, и всегда буду покрывать его...“ Сказала такъ и—стала невидима...

Вострепеталъ старецъ отъ страха и радости; нѣсколько минутъ онъ былъ какъ бы въ восторженномъ состояніи, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ ученика своего Михея лежащимъ на полу, какъ бы умершимъ: великій наставникъ могъ видѣть Царицу Небесную, и слышалъ голосъ Ея; а ученикъ, пораженный ужасомъ, не въ состояніи былъ видѣть все, и видѣлъ только свѣтъ небесный... ¹⁷⁶

— „Встань, чадо мое,“ кротко сказалъ старецъ.

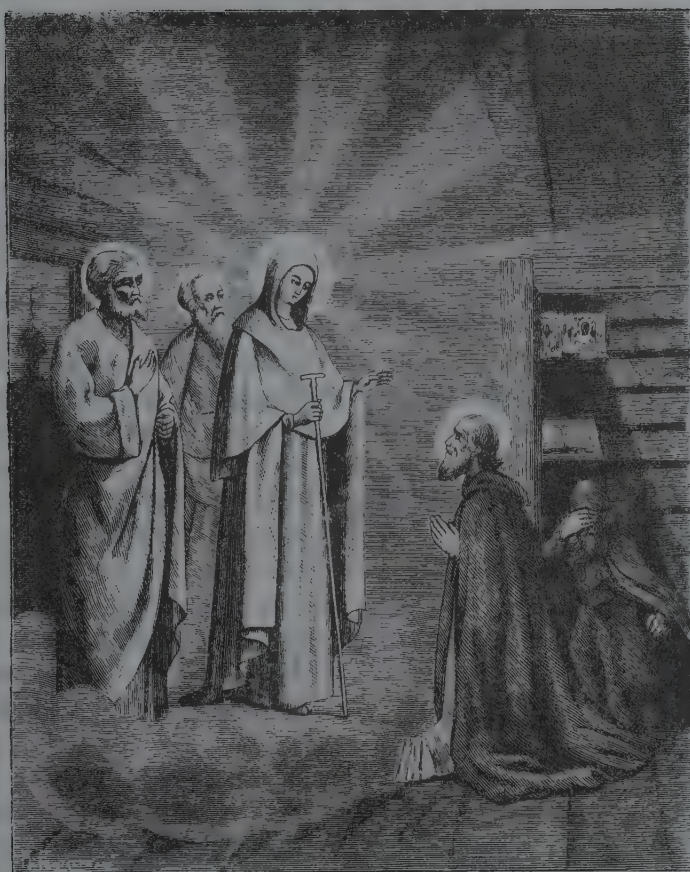
Михей пришелъ въ чувство, поднялся, но тутъ же упалъ къ ногамъ Преподобнаго Сергія. „Скажи, отче, Господа ради,“ говорилъ онъ: „что это за чудное видѣніе? Душа моя едва не раздѣлилась отъ тѣла...“

Но Сергій и Самъ еще не могъ говорить отъ волненія

душевнаго, только лицо его цвѣло небесною радостію. „Подожди, чадо,“ сказалъ онъ ученику: „и моя душа трепещетъ отъ этого видѣнія.“

Когда наконецъ старецъ нѣсколько успокоился, то послалъ Михея пригласить двоихъ благоговѣйнѣйшихъ мужей изъ братіи—Исаакія молчальника и Симона еkkлeciарха. Тѣ поспѣшили на зовъ своего старца-игумена, и онъ разсказалъ имъ все, что сейчасъ было у него въ келліи. И всѣ вмѣстѣ совершили они молебное пѣніе Богоматери, а Преподобный Сергій всю ночь провелъ безъ сна, внимая уму Божественному видѣнію, которое было вѣнцомъ его подвиговъ еще здѣсь, на землѣ. „Не гаданіемъ, не въ сонномъ видѣніи, а на яву видѣлъ онъ Матерь Божию, какъ видѣлъ Ее нѣкогда Преподобный Аѳанасій Аѳонскій,“ замѣчаетъ при семъ лѣтописецъ.¹⁷⁷

По древнему преданію, записанному въ Никоновой лѣтописи,¹⁷⁸ это небесное посѣщеніе было въ постъ Рождества Хрiстова, въ ночь съ пятницы на субботу и, какъ думаютъ, въ 1384 году;¹⁷⁹ по другому предположенію это событіе относятъ къ Рождественскому посту 1379 года, указывая на то, что въ наступавшихъ, лѣтомъ 1380 года, трудныхъ обстоятельствахъ (нашествіе Мамаѣ), самъ великій заступникъ земли Русской, Преподобный Сергій, имѣлъ духовную нужду въ особенномъ подкрѣпленіи, и обращаютъ вниманіе на то, что Преподобный послалъ на поле Куликово именно *Богородичную* просфору.¹⁸⁰ Въ благодарное воспоминаніе сего чуднаго посѣщенія въ обители Преподобнаго Сергія установлено каждую пятницу, съ вечера, совершать всенощное бдѣніе, съ Акаѣистомъ Богоматери, въ югозападномъ притворѣ Троицкаго собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла келлія Преподобнаго Сергія, и гдѣ красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествіе Небесной Гостыи. А каждую субботу, послѣ ранней Литургіи въ церкви Преподобнаго Никона, въ томъ же притворѣ совершается молебное пѣніе во славу Богоматери, при чемъ

Благодатная Матерь ободрила старца словами благодати: „не бойся, избравниче Мой“, изрекла Она: „Я пришла посѣтить тебя“... Стр. 200.

поется нарочито составленный, по образу пасхального, канонъ въ воспоминаніе сего посѣщенія (попеременно съ двумя другими канонами).

Разсказавъ о семъ таинственномъ событіи, блаженный Епифаній сообщаетъ два чудесныхъ случая, которые показываютъ, что та же всемогущая сила Божія, которая обильно дѣйствовала чрезъ святаго старца въ утѣшеніе скорбящихъ, во исцѣленіе болящихъ, — она же, когда то было потребно, вразумляла невѣрующихъ, наказывала непокоряющихся слову благодати, исходившему изъ устъ Богоноснаго Сергія.—Вотъ эти случаи.

Прибыль изъ Царьграда въ Москву, вѣроятно, за сборомъ милостыни,—что часто бывало тогда, — одинъ епископъ, и пожелалъ видѣть святаго старца въ его пустынной обители. Нужно думать, что сюда влекло его только любопытство, потому что въ душѣ онъ не вѣрилъ разсказамъ о дивныхъ подвигахъ Преподобнаго и о чудесныхъ знаменіяхъ, чрезъ него бывающихъ. Можетъ быть, тутъ замѣшано было безъотчетное чувство превозношенія грека предъ русскимъ: его ослѣпленному самолюбію не хотѣлось вѣрить разсказамъ о такихъ подвигахъ, которые русскаго инока ставили въ рядъ древнихъ великихъ подвижниковъ Греческой Церкви; по крайней мѣрѣ, вотъ какъ онъ разсуждалъ, по словамъ Епифанія: „можетъ ли быть, чтобы въ сихъ дальнихъ и недавно обращенныхъ къ свѣту Христову странахъ возсіялъ такой свѣтильникъ, которому подивились бы и наши древніе отцы?“—Грекъ, по видимому, не зналъ или не хотѣлъ знать о подвигахъ русскихъ Кіево-печерскихъ Преподобныхъ отцевъ; какъ бы то ни было, однакоже его невѣріе не было такъ упорно, чтобы совсѣмъ не могло подчиниться смиряющей десницѣ Божіей. Послѣдствія показали, что заблужденія его ума еще не совсѣмъ омрачили сердце, способное къ смирению.

Епископъ уже подходилъ къ обители, какъ вдругъ

имъ овладѣлъ непонятный страхъ; а когда онъ вошелъ въ ограду монастырскую, и впервые взглянулъ на святаго старца, то внезапно пораженъ былъ слѣпотою, такъ что Преподобный игумень, встрѣтивъ его, долженъ былъ взять его за руку и вести такимъ образомъ въ свою келлію. Это наказаніе, или лучше сказать — прикосновеніе вразумляющей десницы Божіей, такъ подѣйствовало на епископа, что онъ со слезами исповѣдалъ предъ старцемъ свое невѣріе, и,

сознавая свою вину, просилъ исцѣленія. Смиренный Сергій съ молитвою прикоснулся къ его зѣницамъ, и тотчасъ же отъ очей его отпали какъ бы чешуи, и онъ прозрѣлъ.

Тогда сказалъ старецъ смиревшемуся епископу съ кроткимъ упрекомъ: „вамъ, премудрымъ учителямъ, подобаетъ учить насъ—не высокая мудрствовать, и не превозноситься надъ смиренными; а вы пришли искушать неразуміе наше... Какую же вы получите пользу отъ насъ простыхъ невѣждъ? Но праведный Господь зритъ сердца человѣческія“...

И епископъ, прежде колебавшійся сомнѣніемъ, съ того времени сталъ всѣхъ открыто увѣрять, что нашелъ въ Преподобномъ Сергіѣ истиннаго человѣка Божія, и что Господь сподобилъ его видѣть земнаго ангела и небеснаго человѣка. Съ подобающей его сану честію проводилъ его Сергій изъ своей обители, и онъ возвратился въ свое мѣсто, прославляя Бога и Его угодника.

Такъ наказано было горделивое самомнѣніе; а вотъ какое наказаніе понесла жадность человѣческая.

Одинъ скупой человѣкъ, жившій близъ обители, отнялъ у своего сосѣда — круглаго сироты откормленную имъ свинку, не уплативъ за нее денегъ. Обиженный прибѣгнулъ къ посредничеству святаго старца, на котораго всѣ

смотрѣли какъ на миротворца и судію помысленій чловѣческихъ. Милостивая душа—угодникъ Божій сжалился надъ бѣднякомъ и пригласилъ къ себѣ обидчика.

— „Сынъ мой“,—сказалъ ему кротко старецъ: „вѣришь ли ты, что есть Богъ? Знай же, что Онъ — Судія праведнымъ и грѣшнымъ, Отецъ сиротамъ и вдовицамъ; Онъ всегда готовъ на отмщеніе неправды людской и страшно впасть въ Его руки... Какъ же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближняго и творить всякое зло? Ужели мы еще недовольны тѣмъ, что даетъ Онъ намъ по благости Своей, когда засматриваемся на чужое добро? Или ни во что ставимъ Его долготерпѣніе? Развѣ не видимъ мы, какъ у насъ на виду — творящіе неправду становятся нищими, ихъ дома пустѣютъ и память о нихъ исчезаетъ навсегда?.. А въ будущей жизни ихъ ждетъ вѣчное мученіе! Отдай же, сынъ мой, отдай сиротѣ то, что ему слѣдуетъ, и впредь такъ не дѣлай!“

Долго увѣщевалъ Преподобный жестокосердаго скупца; и тотъ какъ будто устыдился своего поступка и даже обѣщался уплатить обиженному, что стоитъ свинка; но возвратясь домой, легкомысленный пожалѣлъ денегъ и не сдержалъ своего слова.—Дѣло было зимою. Вотъ онъ входитъ въ клѣтъ, гдѣ хранилась зарѣзанная имъ свинка, и съ изумленіемъ видитъ, что все мясо, не смотря на морозъ, уже изѣдено червями... На него напалъ такой страхъ, что онъ и послѣ долго боялся показаться на глаза святому игумену. Между тѣмъ онъ тогда же уплатилъ бѣдняку цѣну свинки, а испорченное мясо выбросилъ собакамъ, но и тѣ не польстились на его лихоимную добычу.

Такъ восходилъ отъ силы въ силу, преуспѣвая въ духовномъ просвѣтленіи и приближаясь къ Богу, благодатный старецъ. Сбылось надъ нимъ таинственное слово таинственнаго инока—Ангела, просвѣтившаго въ дѣтствѣ его умъ къ уразумѣнію слова Божія: онъ сталъ воистину обителію Пресвятыя Троицы! Сбылось дивное обѣтованіе

Господа: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его* (Іоан. 14, 23), *и Азъ возлюблю его* (21), *и къ нему придемъ и обитель у него сотворимъ* (23)... Справедливо замѣчаетъ его ученикъ и писатель житія его, что Сергій былъ „яко единъ отъ древнихъ великихъ отцевъ“. За свою крѣпкую вѣру онъ удостоился лицезрѣть камня вѣры—Петра; за свою дѣвственную чистоту—дѣвственника и друга Хрїстова Іоанна, а за свое величайшее смиреніе—смиреннѣйшую изъ земнородныхъ Владычицу міра, Пресвятую Богородицу... Съ ранняго дѣтства и до глубокой старости во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы видимъ прежде всего два прекрасныя свойства его святой души: глубокое смиреніе и дѣтскую простоту. Эти двѣ добродѣтели составляютъ основныя черты его нравственнаго облика; онѣ, такъ сказать, окрашиваютъ въ свой цвѣтъ всѣ прочія его добродѣтели: его благодное ко всѣмъ отношеніе, его голубиное незлобіе, всѣ его великіе подвиги. Въ соединеніи съ духовнымъ разсужденіемъ онѣ образуютъ въ немъ тотъ цѣльный нравственный характеръ, красота котораго невольно влечетъ къ себѣ челоуѣческое сердце. Когда ближе всматриваешься въ святолѣпный образъ сего старца Божія, какимъ изображаетъ его жизнеописатель, то сердце переполняется какимъ-то неземнымъ чувствомъ красоты и душа рвется упасть къ стопамъ угодника Божія! Это чувствовали добрымъ сердцемъ еще его современники: „еще въ жизни сей“, говоритъ святитель Платонъ, „за святость житія своего онъ былъ почти отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ, и уважаемъ болѣе, чѣмъ сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояніе. А вѣдь въ этой жизни какъ часто добродѣтель бываетъ закрыта, какъ часто бросаютъ на нее тѣнь и даже преслѣдуютъ!.. Если же его добродѣтель еще въ сей жизни сіяла такъ свѣтло, что ни развращеніе міра, ни страсти злыхъ, ни слѣпота гордыхъ не могли помрачить ее: то какова же ея свѣтлость тамъ, гдѣ нѣтъ ни страстей, ни мрака, гдѣ всѣ праведники сіяютъ яко солнце въ царствіи небесномъ?“ (Мѡ. 13, 43). ¹⁸¹

И льется этотъ тихій свѣтъ съ высоты небесной на насъ, грѣшныхъ обитателей ихъ земной родины; и пробуждается въ душѣ чувство горькаго упрека нашей немощи: вотъ, думается, каковы были наши *духовные предки* — истинные послѣдователи Христова ученія! А мы что?.. Господи, какая пропасть отдѣляетъ насъ — плотяныхъ отъ нихъ — одухотворенныхъ, насъ — оземленившихся рабовъ грѣха отъ нихъ — святыхъ, чистыхъ, свободныхъ гражданъ горняго Іерусалима! И ктожь тому виною, братіе-читатели мои?.. Кто кромѣ насъ же самихъ?.. Вѣдь святые Божіи такіе жь люди были, что и мы, тою же плотью были облечены, тѣ же немощи имѣли, тѣ же скорби несли; значить, и намъ никто не помѣшалъ бы такими же стать, какими они были, еслибъ только *сами мы* того пожелали, — да пожелали всѣмъ сердцемъ, всюо душой, всѣмъ помышленіемъ своимъ!..

Будемъ же чаще всматриваться въ дивные образы ихъ, — о, не даромъ вѣдъ сказано въ Писаніи: *съ преподобнымъ и самъ преподобенъ будеши* — съ благодатнымъ и самъ облагоухаешься ароматомъ благодати, исходящимъ отъ одѣянія души его!..

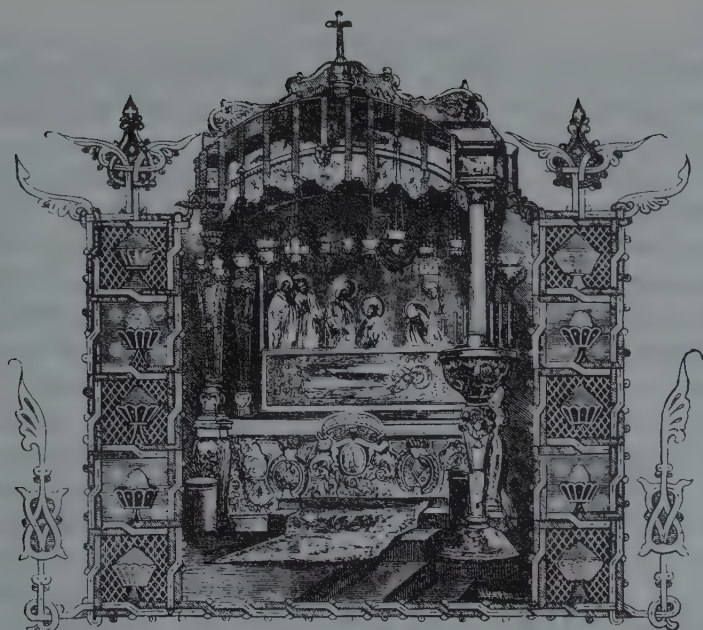
Исх. 17. 18. 19. 20.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЧАЩЕНИЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

ГЛАВА XVIII.

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА.

У тихой пристани.—Откровение о кончинѣ.—Передача управленія пр. Никону.—Послѣдніе завѣты старца.—Предсмертное причищеніе.—Влаженная кончина.—Благоуханіе.—Вопросъ о мѣстѣ погребенія.—Рѣшеніе Святителя Кипріяна.—Глубокая скорбь осиротѣвшихъ иноковъ.—Утѣшеніе имъ изъ загробнаго міра.—Молитвенное обращеніе къ Преподобному. (1391).

Рѣдѣша, возше́дши на гору́ вы́соку добродѣ-
телей Бж́ествѣнныхъ,
Рѣдѣша, ꙗко́ въ то́мъ вѣдо́бъ возше́хъ еси на
гору́ не́беснѣю... А́к. 2, 11к. 21.

АКЪ корабль, обремененный множествомъ со-
кровищъ, тихо приближается къ доброму
пристанищу, такъ Богоносный Сергій при-
ближался къ исходу изъ сей временной
жизни. Видъ смерти не страшилъ его, потому что онъ
готовился къ ней подвигами всей своей жизни. Ему было
уже за 70 лѣтъ; непрестанные труды изнурили его
старческія силы, но онъ никогда не опускалъ ни одной

службы Божіей и „чѣмъ больше состарѣвался возрастомъ, тѣмъ больше обновлялся усердіемъ“, подавая собою юнымъ поучительный примѣръ.

За полгода до кончины великій подвижникъ удостоился откровенія о времени своего отшествія къ Богу. Онъ созвалъ къ себѣ братію и въ присутствіи всѣхъ передалъ управленіе обители присному ученику своему Преподобному Нікону, а самъ началъ безмолвствовать. Наступилъ сентябрь 1391 года и Преподобный старецъ

тяжко заболѣлъ...

Еще разъ собралъ онъ вокругъ своего смертнаго ложа всѣхъ учениковъ своихъ и еще разъ простеръ къ нимъ свое послѣднее отеческое поученіе...

Сколько простоты и силы въ этомъ пред-

смертномъ поученіи умирающаго отца иноковъ! Сколько любви къ тѣмъ, которыхъ оставляетъ! Онъ желаетъ и заповѣдуетъ, чтобы его духовныя дѣти шли тѣмъ же путемъ къ царству небесному, какимъ шествовалъ онъ самъ въ продолженіи всей своей жизни. Прежде всего онъ учитъ ихъ пребывать въ Православіи. „Высокая черта духа Апостольскаго въ преподающемъ завѣщаніе!“ замѣчаетъ одинъ учитель церковный. „Основаніемъ всякаго добраго дѣла, всякаго добраго намѣренія, по ученію слова Божія, должна быть вѣра: безъ вѣры угодить Богу невозможно. Но вѣра должна быть Православная, основанная на ученіи Апостоловъ и святыхъ Отцевъ, чуждая высокоумствованія, которое часто ведетъ къ маловѣрію и невѣрію и сбиваетъ съ пути спасенія. Далѣе Преподобный завѣщаетъ братіи хранить единомысліе, блюсти чистоту душевную и тѣлесную, и любовь нелицемѣрную совѣтуетъ удаляться отъ злыхъ похотей, предписываетъ

умѣренность въ пищу и питіи, смиреніе, страннолюбіе ¹⁸² („страннолюбія не забывайте!“ — эти слова Апостола, кажется особенно любилъ повторять угодникъ Божій, и мы читаемъ ихъ на многихъ древнихъ иконахъ его въ развернутой хартіи начертанныя) и всецѣлое исканіе горняго, небеснаго, съ презрѣніемъ суеты житейской. Вотъ достолюбезный вѣнечъ добродѣтелей, которыми украшалъ себя самъ Сергій и которыя онъ, какъ безцѣнное сокровище, завѣщавалъ своимъ возлюбленнымъ ученикамъ! Въ своей послѣдней прощальной бесѣдѣ умирающій старецъ со всею силою отеческой любви заботился напечатлѣть въ дѣтски преданныхъ ему сердцахъ спасительныя правила иноческой жизни; онъ многое напомнилъ имъ изъ того, что говорилъ прежде, и наконецъ заповѣдалъ не погребать его въ церкви, а положить на общемъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ прочими усопшими отцами и братьями... ¹⁸³

Безмолвно стояли съ поникшими главами скорбящія чада Сергіевы, и съ болью сердечной внимали послѣднимъ наставленіямъ любимаго старца. О, какъ тяжело было имъ разставаться съ своимъ отцемъ, подъ молитвеннымъ кровомъ котораго имъ такъ тепло и уютно жилось! Кто безъ него утѣшитъ ихъ въ монашеской скорби — такъ, какъ онъ умѣлъ утѣшать? Кто понесетъ ихъ немощи такъ, какъ носилъ любвеобильный ихъ авва? Кто съ такою горячею любовью будетъ пещись о спасеніи душъ ихъ? Нѣжнѣе матери былъ для нихъ Сергій, и ктожь въ состояніи его замѣнить?...

Особенно грустно было имъ слышать послѣднюю волю своего смиреннаго игумена относительно мѣста его послѣдняго покоя. Одинъ видъ могилы его въ храмѣ Божіемъ, среди собора молящихся братьевъ, могъ бы служить для нихъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ; „нѣтъ, онъ не покинулъ насъ, — духомъ онъ съ нами: вотъ и залогъ его незримаго присутствія между насъ, вотъ тутъ покоится его многотрудное тѣло“... Такъ могли бы утѣшать себя осиротѣвшія дѣти. Но старецъ не желалъ быть

погребеннымъ въ храмѣ, и ученики лишались сего утѣшенія... Не хотѣли они огорчать его смиренія своимъ противорѣчіемъ, а можетъ быть и боялись, чтобы это противорѣчіе не побудило старца сдѣлать болѣе строгое (напримѣръ—съ заклітіемъ, какъ дѣлали нѣкоторые подвижники) распоряженіе относительно мѣста его погребенія, и вотъ, всякое слово замирало невольно на ихъ дрожащихъ устахъ...

А старецъ, между тѣмъ, съ любовью смотрѣлъ на нихъ; онъ видѣлъ ихъ горе сердечное, и тихимъ, изнемогающимъ голосомъ утѣшалъ ихъ: „не скорбите, чада мои! Я отхожу къ Богу, меня призывающему и васъ поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будетъ вамъ прибѣжищемъ и стѣною отъ стрѣлъ вражійхъ!..“

Передъ самымъ исходомъ души своей старецъ пожелалъ въ послѣдній разъ приобщиться пречистаго Тѣла и Крови Христовой Руки учениковъ поддерживали его ослабѣвшіе члены; съ помощью ихъ онъ приподнялся съ своей убогой постели, чтобы встрѣтить грядущаго во святыхъ Тайнахъ Господа; съ глубокимъ благоговѣніемъ вкусилъ онъ отъ Чаши Христовой и въ изнеможеніи опустился на смертное ложе...

Весь исполненный благодатнаго утѣшенія онъ возвелъ горѣ свои слезящія отъ радости очи и еще разъ, при помощи учениковъ, простеръ къ Богу свои преподобныя руки... „Въ руцѣ Твои предаю духъ мой, Господи!“ — тихо произнесъ

свѣтлой старецъ ¹⁸⁴ и, въ дыханіи сей молитвы, отошелъ чистою своею душою ко Господу, Котораго отъ юности возлюбилъ...

Это было 25 сентября 1391 года. ¹⁸⁵

Лишь только Преподобный Сергій испустилъ послѣднй вздохъ, несказанное благоуханіе разлилось по его келліи... Лицо усопшаго праведника сіяло небеснымъ блаженствомъ, и смерть не посмѣла наложить свою мрачную печать на святолѣпный ликъ новопреставленнаго старца Божія...

Немедленно старѣйшіе изъ братіи отправились въ Москву со скорбною вѣстью къ Митрополиту Кипріану. Они сообщили ему какъ завѣщаніе старца о мѣстѣ погребенія, такъ и усердное желаніе всей братіи положить его въ

церкви Пресвятыя Троицы, имъ самимъ созданной, и просили его архипастырскаго о томъ распоряженія. И Святитель не затруднился благословить ихъ на погребеніе смиреннаго игумена въ церкви, хотя самъ онъ не желалъ того. И вотъ, съ горькими слезами и рыданіями, которыя заглушали псалмопѣнія, братія понесли честное и многотрудное тѣло своего великаго отца и наставника въ храмъ Живоначальныя Троицы... Вѣсть о его преставленіи привлекла въ обитель множество народа не только изъ окрестныхъ селеній, но и изъ ближайшихъ городовъ; каждому хотѣлось приблизиться и прикоснуться если не къ самому тѣлу Богоноснаго старца, то, по крайней

мѣръ, ко гробу его, или же взять себѣ на память и на благословеніе что-нибудь изъ его одежды и келейныхъ вещей. Тутъ были и Князья и бояре, и почтенные старцы-игумены и честные іереи столицы, и множество иноковъ, кто со свѣчами, кто съ кадилами и святыми иконами, провожая святыя останки блаженнаго старца къ мѣсту послѣдняго ихъ упокоенія. И похоронили его у праваго клироса въ церкви Пресвятыя Троицы.

Трогательными чертами изображаетъ скорбь осиротѣвшихъ учениковъ Сергіевыхъ блаженный писатель житія его, самъ свидѣтель и участникъ этой скорби. „Всѣ съ-товали“, говоритъ онъ, „всѣ плакали, въздыхали, ходили съ поникшей головой... Встрѣчаясь другъ съ другомъ, братія обливалась слезами и въ умиленіи скорбящаго сердца изливали другъ передъ другомъ свои печальныя чувства. „Прости, отче, благослови, возлюбленный о Господѣ брате!“—такъ говорили они: „вотъ, добрый и блаженный старецъ нашъ покинулъ насъ—ко Господу отошелъ, сиротами оставилъ насъ... Онъ ушелъ туда, гдѣ ждетъ его великая награда и воздаяніе за всѣ его труды и подвиги,—ушелъ съ миромъ ко Господу, Котораго возлюбилъ!.. Онъ уснулъ сномъ вѣчнымъ и почилъ отъ трудовъ своихъ, а мы осиротѣли, мы вотъ оплакиваемъ его,—нѣтъ его больше съ нами, остались мы какъ овцы безъ пастыря, какъ корабль безъ кормчаго, садъ безъ сторожа, больной безъ врача!.. О, горе намъ бѣднымъ, сиротамъ безутѣшнымъ!“

И въ горести души своей часто приходили они на могилу старца, и здѣсь, въ слезной молитвѣ, припадали къ его мощамъ святымъ, и бесѣдовали съ нимъ какъ бы съ живымъ, повѣряя ему скорбь свою... „О, Святе Божій, угодниче Спасовъ, избранниче Христовъ!“—говорили они: „о, священная главо, преблаженный авво Сергіе великій! Не забуди насъ убогихъ рабовъ твоихъ, — не забуди насъ сиротъ своихъ; поминай насъ всегда во святыхъ твоихъ и благопріятныхъ молитвахъ ко Господу,—поминай стадо, тобою собранное, — молись за насъ, отче

священный, за дѣтей твоихъ: ты имѣешь дерзновение у Царя Небеснаго,—не премолчи же, вопія за насъ ко Господу! Тебѣ дана благодать за насъ молитися... Мы не считаемъ тебя умершимъ,—нѣтъ: хотя тѣломъ ты и представился отъ насъ, но духъ твой съ нами;—не отступай же отъ насъ, пастырь нашъ добрый!“.. ¹⁸⁷

Такъ оплакивали святые ученики святаго старца; такъ крѣпко вѣровали они въ его благодатное сопребываніе духомъ—съ ними. И по вѣрѣ ихъ угодникъ Божій не оставлялъ ихъ безъ утѣшенія: такъ однажды благочестивый инокъ Игнатій видѣлъ на яву, во время всеобщаго бдѣнія, что Преподобный Сергій стоитъ на своемъ мѣстѣ игуменскомъ и поетъ вмѣстѣ съ братіей. Это видѣніе было какъ бы отвѣтомъ любвеобильнаго старца своимъ приснымъ ученикамъ изъ загробнаго міра, отвѣтомъ на ихъ сердечный молитвенный плачъ надъ гробомъ его... И по нынѣ слышится этотъ трогательный плачъ у гроба Сергіева—каждый разъ послѣ молебнаго пѣнія.

И много говорить этотъ плачъ душѣ богомольца, и каждый внимательный читатель житія Сергіева не можетъ не согласиться съ блаженнымъ Елифаніемъ, который говоритъ: „покажите мнѣ жизнеописанія древле-прославленныхъ угодниковъ Божіихъ, и мы увидимъ, что во истинну ничѣмъ не уступалъ Сергій Божественнымъ мужамъ, въ древности просіявшимъ; ибо и самъ онъ былъ великимъ подвижникомъ на пути къ царствію небесному, и пустыню населилъ добродѣтельными иноками. Похваляемъ его не потому, какъ будто онъ требуетъ отъ насъ похвалъ; нѣтъ, мы только просимъ, чтобы помолился за насъ сей истинный подражатель Христовъ!“

Заключимъ наше сказаніе о житіи и подвигахъ Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія словами святителя Платона, обращенными къ самому угоднику Божію:

„Святый мужъ, нынѣ и присно нами прославляемый! Скончався вмалѣ, ты исполнилъ лѣта долга (Прем. С. 4, 13). Се уже около 400 (теперь уже 500) лѣтъ Церковь

празднуешь память твою: но пройдутъ и тысячи лѣтъ, а имя твое останется незабвенно. Да хотябъ люди и дошли до такого развращенія, что имя твое предали бы забвенію; но оно у Бога вѣчно, въ блаженной вѣчности записано въ книгахъ животныхъ и изъ оныхъ никогда не будетъ изглажено... Хотябъ чудесныя силы, отъ тебя текущія, по судьбамъ Божиимъ, и изсякли, но истина Евангельская пребываетъ во вѣки, а она говоритъ: *не радуйтесь, яко бѣси вамъ повинуются, радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ!*" (Лук. 10, 20)...¹⁸⁸

ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЦЫ:

Симонъ.	Наумъ.	Варсоломей.	Іаковъ.	Онисимъ.	Василій.	Іаковъ.	Макарій.
Ксенофонтъ.							
Авраамій.	Стефанъ.	Меоодій.	Кириллъ.	Аѳанасій.	Григорій.	Никита.	Сергій.
Галецкій.	Махрищскій.	Пѣшиноскій.	Вѣлозерскій.	Серпуховскій.	Ливнецскій.	Серпуховскій.	Нуромскій.
Евѣимій.	Андроникъ.	Дамитрій.	Стефанъ.	Максимъ.	Герасимъ.	Савва.	Павель.
Суздальскій.	Московскій.	Прилуцкій.	Пермскій.	Грехъ.	Можайскій.	Сторожевскій.	Комельскій.
Беоdorf Ростовскій.	Мигей.	СЕРГІЙ.	НИКОНЪ.	Донскій.		Серапионъ.	

ИКОНА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ СЪ УЧЕНИКАМИ ВЪ СЪВЕРНОМЪ ПРИТВОРѢ ТРОИЦКАГО СОБОРА.

Къ стр. 215.

ГЛАВА XIX.

УЧЕНИКИ СЕРГІЕВЫ ВЪ РОДНОЙ ОБИТЕЛИ.

Первые сподвижники.—Архимандритъ —Келейникъ.—Молчальникъ. — Келарь — Эккле-
стархъ — Воины-иноки —Добрый рачитель послушанія.—Духовный плодъ сего подвига.—
Никонъ-игумень —Нашествіе Эдигей.—Открытіе св. мощей Преподобнаго Сергія.—Троиц-
кій соборъ.—Кончина пр. Никона (1391—1428).

Рѣдѣе, иноки изъ наставниче предвѣный.
Як. а, Як. з.

Рѣдѣе, предводителя добрый въ путь спа-
сѣнтія тѣмъшмы... Як. б, Як. и.

Ъ пророческомъ видѣніи Преподобному Сер-
гію показаны были прекрасныя птицы, во
множествѣ летавшія въ стѣнахъ его обители
и вокругъ ея. Подъ руководствомъ великаго
наставника, дѣйствительно, образовались дивныя ученики.
Одни изъ нихъ до гроба подвизались въ родной обители,
другіе, по внутреннему влеченію благодати Божіей или
за послушаніе къ своему великому аввѣ, вышли изъ нея,
чтобы основать новыя обители въ разныхъ мѣстахъ. Ска-
жемъ кратко сначала о первыхъ.

Первыми сподвижниками Преподобнаго Сергія въ его
тяжелой отшельнической жизни, какъ извѣстно изъ пред-
шествующаго разсказа, были:

1. *Василій Сухой.*
2. *Онисимъ.*

3. *Елисей*, сынъ Онисима.

4. *Іаковъ*, прозваніемъ—*Якута*.¹⁸⁹

Позднѣ пришли подъ его благодатный кровъ:

5. Архимандритъ *Симонъ*, промѣнявшій власть на званіе послушника Сергіева, и за то удостоившійся быть участникомъ видѣнія Преподобнаго о судьбѣ его учениковъ.

6 *Михей*. Это былъ любимый келейникъ Преподобнаго Сергія, „возливавшій“, по выраженію Епифанія, „воду на руцѣ его“. Подъ руководствомъ великаго старца онъ возшелъ на высокій степень духовнаго совершенства, какъ сіе особенно видно изъ того, что онъ одинъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Сергіевыхъ удостоился видѣть Матерь Божію, посѣтившую своего избранника. Кроткій ученикъ кроткаго старца преставился еще при жизни своего аввы, въ 1385 году, мая 6. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ небольшой церкви, устроенной въ честь явленія Богоматери Преподобному Сергію, свидѣтелемъ коего (видѣнія) удостоился быть Преподобный Михей.¹⁹⁰

7. *Исаакій Молчальникъ*. Преподобный Сергій желалъ поставить его строителемъ новооснованной обители на Киржачѣ, но любитель безмолвія упросилъ старца благословить его на подвигъ молчанія. По отзыву лѣтописца, Преподобный Исаакій отличался незлобіемъ, необыкновенною кротостію и послушаніемъ, любилъ читать Священное Писаніе, и, смиряя тѣло своимъ строгимъ постомъ, стяжалъ благодатный даръ слезъ.¹⁹¹ Онъ удостоился видѣть Ангела, сослужившаго Преподобному Сергію, скончался зимою 1388 года, за три года до кончины своего блаженнаго наставника, и погребенъ близъ Троицкаго Собора къ востоку.

8. *Макарій*, соучастникъ Исаакія въ видѣніи Ангела.

9. Келарь *Ілія*, „старецъ добрый и послушный“;¹⁹² скончался 1384 года, на Троицкой недѣлѣ.

10. Экклесіархъ *Симонъ*, видѣвшій благодатный огонь, коимъ причащался Преподобный Сергій. О немъ съ похвалою отзывался самъ Преподобный.

11. *Игнатій*, вскорѣ послѣ смерти Преподобнаго Сергія удостоившійся видѣть его стоящимъ въ церкви на своемъ мѣстѣ и поющимъ съ братіей.

12 и 13. *Варволомей* и *Наумъ*, извѣстные по явленію Преподобнаго Сергія во время осады Лавры.¹⁹³

14. *Александръ Пересвѣтъ* и

15. *Андрей Ослябя*, названные въ древнихъ рукописныхъ святцахъ преподобномучениками.¹⁹⁴

16. *Іоанникій*, не упоминаемый въ житіи, но изображенный на древней иконѣ вмѣстѣ съ другими учениками Преподобнаго Сергія.

17. *Елифаній Премудрый*, также изображенъ купно съ своимъ наставникомъ и прочими его учениками на иконѣ Троицкаго Собора. Елифаній въ послѣдствіи былъ духовникомъ въ обители Сергіевой и оставилъ намъ описаніе житія своего великаго старца. Это былъ человѣкъ образованный для своего времени, много путешествовавшій по святымъ мѣстамъ и написавшій, кромѣ житія Преподобнаго Сергія, похвальное ему слово, житіе и похвальное слово въ честь Святителя Стефана Пермскаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ, въ молодости своей, въ Ростовѣ, въ монастырѣ Григорія Богослова, именуемомъ „Затворъ“¹⁹⁵

18. *Никонъ*, подобно Михею удостоившійся сожитія въ одной келліи съ святымъ старцемъ и бывшій потомъ его преемникомъ по игуменству. Древній жизнеописатель, говоря о его строгоподвижнической жизни, выражается, что его имя „яко священіе нѣкое обношашеся“ еще во время его земной жизни. Имя сего ученика Сергіева такъ тѣсно связано съ исторіей обители Сергіевой въ первое время по кончинѣ ея основателя, что о немъ слѣдуетъ сказать подробнѣе, чѣмъ о прочихъ ученикахъ великаго старца. Никонъ былъ продолжателемъ дѣла Сергіева въ его обители, и, какъ видно изъ житія его, отошедшій ко Господу наставникъ не переставалъ и по кончинѣ своей благодатно руководить своего достойнаго ученика.

Родиною Преподобнаго Нікона (род. 1355 г.) былъ

городъ Юрьевъ Польскій, не въ дальнемъ разстояніи отъ обители Сергіевой. Въ ранней молодости слышалъ онъ о равноангельной жизни святаго старца и пожелалъ видѣть его и послѣдовать по его стопамъ. И вотъ приходитъ онъ въ обитель Пресвятыя Троицы и проситъ Сергія принять его въ число своихъ учениковъ. Но случилось то, чего, конечно, не ожидалъ проситель: Сергій не принялъ въ Лавру своего будущаго преемника. „Дѣла святыхъ“, замѣчаетъ по сему случаю святитель Филаретъ, „и въ маломъ велики, и въ видѣ недоразумѣній премудры. Точно такъ же нѣкогда поступилъ Евѣимій Великій съ Саввою Освященнымъ, когда сей пришелъ въ его Лавру въ юномъ возрастѣ, и отослалъ его въ подчиненный монастырь къ Преподобному Θεоктисту. Несообразнымъ находилъ онъ причислить къ собору старѣйшихъ иноковъ юношу, который требовалъ иногда отдѣльнаго руководства. Такъ, вѣроятно, разсуждалъ и Преподобный Сергій о юномъ Никонѣ. А, можетъ быть, провидя его особенныя достоинства, старецъ пожелалъ поставить его въ неожиданный подвигъ послушанія и смиренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кому суждено—младшему начальствовать надъ старѣйшими подвижниками Лавры, явился къ нимъ, по крайней мѣрѣ, не юношею, а уже пресвитеромъ. Какъ бы то ни было, авва послалъ юношу къ ученику своему Аѳанасію, въ Высоцкій монастырь, что въ городѣ Серпуховѣ.

Не легко было юному Никону понести это испытаніе его послушанія. Святость и мудрость Сергія онъ зналъ; въ Сергіѣ онъ надѣялся найти себѣ совершеннаго руководителя. Аѳанасія, по всей вѣроятности, Никонъ не зналъ и не могъ имѣть къ нему такой вѣры, какую имѣлъ къ Сергію. Кто въ подобныхъ обстоятельствахъ не поколебался бы? Но Никонъ не прекословилъ. Онъ согласился быть въ удаленіи отъ Сергія, чтобы исполнить подвигъ, послушанія Сергію, согласился быть ученикомъ ученика, чтобы достигнуть большаго смиренія. За то впослѣдствіи никто не пользовался такою близостью къ Сергію, какъ

онъ, изъ послушанія удалившійся отъ него! „Таковъ жребій непрекословнаго послушника!“ замѣчаетъ святитель Московскій Филаретъ.¹⁹⁸

И Аѳанасій не безъ испытанія принялъ Никона. Онъ устрашалъ его трудностями монашескаго житія; но, видя его твердую рѣшимость на все, наконецъ принялъ и облекъ въ ангельскій образъ. Никонъ отдалъ себя руководству Аѳанасія, какъ бы самого Сергія, и за то скоро почетенъ былъ саномъ священства. Аѳанасій любилъ Никона, какъ сына, но душа Никона стремилась въ пустыню великаго Сергія. Года черезъ два послѣ прибытія къ Аѳанасію, Никонъ сталъ просить своего наставника отпустить его къ Сергію, и Аѳанасій охотно согласился. Старецъ съ радостію встрѣтилъ Никона и уже навсегда оставилъ въ своей обители. Здѣсь онъ сначала проходилъ келарское послушаніе, а потомъ старецъ взялъ его въ свою келлію. Въ этой убогой келліи Никонъ нашелъ для себя и высшее училище духовнаго любомудрія въ бесѣдахъ Богомудраго Сергія, и новое поощреніе къ подвигамъ въ близкомъ примѣрѣ святаго старца, и огражденіе отъ искушеній въ его прозорливомъ руководствѣ, и подкрѣпленіе противъ немощей въ его сильной молитвѣ, и райское утѣшеніе въ общеніи сей молитвы. Любящее сердце Сергія было для Никона отверстою дверію, откуда исходилъ къ нему благодатный свѣтъ и миръ; вѣрное сердце Никона было также отверстою дверью для открытія Сергію помысловъ и душевныхъ движеній, дабы никакое сомнѣніе или смущеніе не уменьшило чистоты совѣсти. Такъ почилъ на Никонѣ духъ Сергія, и Сергій въ послѣдніе годы сложилъ на Никона часть своихъ заботъ о братіи, а потомъ, за шесть мѣсяцевъ до кончины, и совсѣмъ передалъ Никону начальство надъ своею Лаврою.

Кто могъ наполнить безмѣрную пустоту, оставленную въ Лаврѣ кончиною Преподобнаго Сергія?—вопрошаетъ святитель Филаретъ, и отвѣчаетъ: по крайней мѣрѣ, никто лучше Преподобнаго Никона не могъ уменьшить чувства сего лишенія. Между прочимъ онъ положилъ себѣ за

непремѣнное правило: вопервыхъ—въ точности и съ любовью выполнять все то, что учредилъ и заповѣдалъ святой основатель обители, и вовторыхъ—былъ первымъ на общихъ братскихъ трудахъ. Онъ часто предлагалъ братіи поученія въ церкви и его слово дышало отеческою любовью и духовною мудростію. Кротостію въ обращеніи, заботливымъ управленіемъ и отеческими совѣтами онъ не только пріобрѣлъ любовь и уваженіе всей братіи, но и далеко за ограду обители распространилось о немъ благоговѣйное мнѣніе и слава. Но эта слава очень тяготила его и устрашала. Отъ своего великаго наставника Сергія онъ научился только по неволѣ, ради блага другихъ, начальствовать; а по влеченію собственной души уединяться и безмолвствовать. И вотъ, отъ молвы дѣлъ начальническихъ онъ удалился въ особую келлію, а какъ братія много скорбѣла о томъ, то онъ предоставилъ имъ избрать другаго игумена. Избранъ былъ Савва, бывшій дотолѣ братскимъ духовникомъ, но черезъ 6 лѣтъ и тотъ оставилъ начальствованіе въ обители Сергіевой, и по просьбѣ Звенигородскаго Князя Юрія Димитріевича удалился въ его удѣлъ, чтобы тамъ основать новую обитель на „Сторожѣ“. Тогда братія слезными моленіями убѣдили Преподобнаго Нікона снова принять на себя труды управленія, и Преподобный, изъ любви къ братіи, уступилъ ихъ желанію, но съ условіемъ, чтобы ему не препятствовали извѣстную часть дня посвящать Богомыслию и слезной молитвѣ.

Великій Сергій шелъ путемъ жесткимъ, путемъ крайнихъ лишеній по своей доброй волѣ. Ученикамъ его пришлось итти путемъ нуждъ и лишеній по неволѣ. Въ ноябрѣ 1408 года къ Москвѣ подступилъ свирѣпый Едигей. Преподобный Ніконъ молилъ Господа о защитѣ обители и призывалъ на помощь своего наставника, дабы не погибли плоды трудовъ его пустынныхъ. Разъ, послѣ долгой ночной молитвы, сѣлъ онъ для отдыха и задремалъ. Вдругъ явились ему Святители Петръ и Алексій, и съ ними Преподобный Сергій. „Такъ угодно судьбамъ

Божіимъ“, сказалъ Сергій, „чтобы нашествіе иноплеменныхъ коснулось сего мѣста. Но ты, чадо, не скорби, не смущайся: искушеніе будетъ не продолжительно и обитель не запустѣетъ, а распространится еще болѣе“. Преподавъ миръ, святые стали невидимы. Преподобный Никонъ пришелъ въ себя, поспѣшилъ къ дверямъ келліи и нашель ихъ запертыми. Онъ отперъ и вышелъ, и увидѣлъ святыхъ, идущихъ отъ его келліи къ церкви, чѣмъ и удостовѣрился, что это былъ не простой сонъ, а истинное видѣніе.

Предсказаніе исполнилось. Обитель сожжена. Предупрежденные небеснымъ извѣстіемъ, Преподобный Никонъ и братія временно удалились изъ нея и сберегли отъ расхищенія нѣкоторыя святыни, книги и келейныя вещи Преподобнаго Сергія. 20 декабря, въ день памяти Святителя Петра, Едигей отступилъ отъ Москвы и скрылся въ степяхъ. Никонъ и братія возвратились на пепелище обители, которая черезъ три года была обстроена вся заново, кромѣ церкви. Мѣсто гдѣ погребенъ былъ Преподобный Сергій, и гдѣ нынѣ стоитъ Троицкій Соборъ, Преподобный Никонъ сберегалъ для будущаго каменнаго храма,¹⁹⁷ почему деревянный храмъ и былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Сошествія Св. Духа. Этотъ храмъ былъ освященъ въ 1412 году, 25 сентября, въ день памяти Преподобнаго Сергія.¹⁹⁸ И достойные видѣли, какъ Святитель Алексій съ Преподобнымъ Сергіемъ приходилъ освящать новыя зданія обители.¹⁹⁹

Преподобный Никонъ пользовался любовію и уваженіемъ Князей: въ 1401 году онъ крестилъ сына Димитрія у Князя Кашинскаго Василія Михайловича; въ 1410 году, по просьбѣ Серпуховскаго Князя Владиміра Андреевича, онъ свидѣтельствовалъ его духовное завѣщаніе; Великій Князь Василій Димитріевичъ далъ на его имя нѣсколько жалованныхъ грамотъ обители, которая при Никонѣ приобрѣла нѣсколько земель частію вкладами, частію покупкою. Но всего болѣе заботился Преподобный объ устроеніи душевнаго спасенія себѣ и другимъ. Подъ его руко-

Рака надъ мощами Преподобнаго Никона. Стр. 222.

водствомъ братія усердно занималась списываніемъ Бого-служебныхъ и отеческихъ книгъ.

Сладостнѣйшею наградою Никону за его труды для обители было открытіе святыхъ мощей великаго учителя Преподобнаго Сергія. Это совершилось при копаніи рововъ для каменнаго храма Пресвятыя Троицы. Не за-долго предъ тѣмъ Преподобный Сергій самъ повелѣлъ въ видѣніи одному благочестивому мужу, жившему близъ обители, возвѣстить игумену и братіи: „вскую мя оста-viste толико время во гробѣ, землю покровена, водѣ

утѣсняющей тѣло мое?“²⁰⁰ — И вотъ, 5 іюля 1422 года, въ присутствіи крестнаго сына Сергіева — Князя Звенигородскаго Юрія Димитріевича, Преподобный Никонъ изнесъ изъ земли не-тлѣнныя мощи отца своего и временно по-ставилъ ихъ въ дере-вянномъ храмѣ. Съ благоговѣйною любо-вію и усердными мо-литвами созидался и украшался каменный храмъ, какъ мѣсто по-

коя для мощей великаго Сергія, которыя и были перенесены въ него по освященіи храма. Надъ украшеніемъ сего святилища потрудились Преподобные иконописцы Даниилъ и Андрей Рублевъ, вызванные для сего изъ обители Преподобнаго Андроника. И до нынѣ стоитъ этотъ храмъ Никонова строенія, не потрясаемый вѣками, освящая и нынѣ молящихся въ немъ. И до сихъ поръ красуется въ немъ чудотворный образъ Пресвятыя Троицы, написанный Преподобнымъ Андреемъ.

Преподобный Никонъ скончался на 73 году своей жизни. Почувствовавъ приближеніе кончины, онъ призвалъ братію и далъ ей послѣднія наставленія, въ которыхъ какъ бы слышалось завѣщаніе великаго Сергія. Никонъ завѣщалъ братіи строго соблюдать чинъ молитвы дневной и ночной, не часто выходить изъ обители, быть мужественными въ искушеніяхъ, повиноваться начальствующимъ, любить трудъ и безмолвіе и ни одного бѣднаго пришельца не отпускать съ пустыми руками.

Наконецъ, приобщившись святыхъ Христовыхъ Таинъ, уже въ крайнемъ изнеможеніи, умирающій старецъ благословилъ cadaго и сказалъ: „отнесите же меня въ свѣтлую храмину, уготованную мнѣ молитвами отца моего,— не хочу болѣе здѣсь оставаться!“ Видно въ откровеніи ему былъ показанъ блаженный покой, ему уготованный, хотя смиренный подвижникъ никому о томъ ясно не говорилъ. „Изыди, душа моя“, тихо промолвилъ онъ наконецъ,— „идѣже ти уготовано пребывалище; поиди радуящися, Христосъ зоветъ тя!“ И оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мирно почилъ о Господѣ 17 ноября 1428 года.²⁰¹

Его святое тѣло положено близъ мощей Преподобнаго Сергія, и Богу дивному во святыхъ Своихъ, угодно было чтобы это служило не только памятникомъ ихъ взаимной близости въ жизни временной, но и знаменіемъ ихъ взаимнаго общенія въ жизни вѣчной, ибо любовь святыхъ, какъ любовь Божественная, не подлежитъ закону времени. Неоднократно Сергій и Никонъ оба вмѣстѣ являлись и вмѣстѣ чудодѣйствовали...

ГЛАВА XX.

УЧЕНИКИ И СОВЕСЬДНИКИ СЕРГІЕВЫ ВЪ СВОИХЪ ОВИТЕЛЯХЪ.

Въ Костромскихъ предѣлахъ — На Обнорѣ и Нурмѣ. — Въ Москвѣ и на Пѣшношѣ. — На Вѣломѣ озерѣ. — Въ Серпуховѣ — На Дубнѣ. — Въ предѣлахъ Вологодскихъ и Тверскихъ. — Въ предѣлахъ Калужскихъ и Звенигородскихъ. — Опять въ Костромскихъ. — Сovesьдники: въ Вологдѣ, на Махрѣ, въ предѣлахъ Ростовскихъ, Суздальскихъ и Пермскихъ. — Отделенные отголоски преданій и неясные слѣды. — Звѣзды полуночныхъ странъ (1345—XV ст.).

Радѣйша, свѣтѣльниче многозвѣтный, коз-
ведѣй ко Хрѣсту монашескъ множество.

Ікося Минин.

Радѣйша, прохожденіемъ своимъ въ пѣсты,
нахъ многѣхъ свѣтанъ насладивый!

Як. б. а.

ЧЕНИКАМИ и духовными друзьями Преподобнаго Сергія основано до 40 монастырей; изъ нихъ, въ свою очередь, вышли основатели еще до 50-ти монастырей, такъ что духовное потомство великаго Радонежскаго подвижника распространилось по всей сѣверо-восточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонекъ духовной жизни и разливая свѣтъ просвѣщенія хрістіанскаго. Въ настоящемъ очеркѣ мы не можемъ

представить полной картины распространения монашества изъ обители Сергіевой ²⁰² и ограничимся здѣсь краткими свѣдѣніями объ ученикахъ и собесѣдникахъ Преподобнаго Сергія, основавшихъ свои обители и имѣвшихъ къ нему *личныя* отношенія.

1. Однимъ изъ первыхъ учениковъ и постриженцевъ Преподобнаго Сергія былъ Преподобный *Авраамій Галицкій*, называемый въ нашихъ мѣсяцесловахъ также *Городецкимъ и Чухломскимъ*. ²⁰³ Судя потому, что онъ, по свидѣтельству рукописнаго житія, скончался 20 іюля 1375 года въ *глубокой старости*, надо полагать, что онъ былъ лѣтами много старше Преподобнаго Сергія, которому въ это время было только 56 лѣтъ. Въ обители Радонежской Авраамій трудился въ хлѣбнѣ и поварнѣ, носилъ дрова и воду для братіи, а потомъ былъ удостоенъ сана пресвитерскаго. Желая высшаго подвига, онъ испросилъ у великаго старца благословеніе и удалился въ дикую тогда страну Галицкую. Здѣсь на одной горѣ, близъ Галицкаго озера, онъ обрѣлъ чудотворную икону Богоматери *Умиленіе сердець* и поставилъ себѣ часовню и келью. Когда его убѣжище стало извѣстно Галицкому Князю Димитрію Ѳеодоровичу, онъ принесъ, по просьбѣ сего Князя, обрѣтенную имъ святыню въ Галичъ, куда прибылъ по озеру въ рыбацкой лодкѣ. Народное преданіе говоритъ, что тамъ, гдѣ плылъ Преподобный, еще и теперь видна струя, отличающаяся отъ прочихъ и называемая Аврааміевою. ²⁰⁴ — Въ Галичѣ отъ святой иконы было много чудесъ, почему усердный Князь далъ средства Преподобному построить на мѣстѣ явленія сей иконы монастырь въ честь *Успенія Пресвятыя Богородицы*, ²⁰⁵ а самого Авраамія убѣдилъ быть игуменомъ сей обители. Много потрудился здѣсь святой игуменъ надъ обращеніемъ дикаго племени Чудскаго къ Христовой вѣрѣ, и Матерь Божія видимо помогала ему въ томъ обильными чудесами отъ святой Своей иконы. Когда обитель стала очень многолюдна, Преподобный удалился верстъ за 70; ученики нашли его и здѣсь, и скоро основана была дру-

гая обитель—*Положенія пояса Богоматери* (нынѣ село Озерки). Затѣмъ Авраамій удалился на рѣку Вига и основалъ тамъ монастырь во имя *Собора Богоматери*. Наконецъ онъ ушелъ и отсюда, и въ 20 верстахъ отъ Вигской обители построилъ четвертую обитель въ честь *Покрова Пресвятыя Богородицы*, гдѣ и почилъ о Господѣ. Такъ переносимъ былъ сей свѣтильникъ смиренія съ одного мѣста на другое и вездѣ возжигалъ свѣточіи духовной жизни.²⁰⁶

2. Преподобный *Павелъ Обнорскій* или *Комельскій*, родомъ Москвитинъ, постриженецъ одного изъ приволжскихъ монастырей, былъ также однимъ изъ первыхъ учениковъ Преподобнаго Сергія. Подобно Авраамію онъ проходилъ въ обители великаго старца послушанія и въ кухнѣ, и въ трапезѣ,—былъ и въ келейномъ послушаніи у самого игумена Сергія.²⁰⁷ Такъ трудился онъ нѣсколько лѣтъ. Потомъ испросилъ у старца благословеніе жить въ уединеніи въ окрестныхъ лѣсахъ. Черезъ 15 лѣтъ такой жизни, когда его стали посѣщать братія, онъ снова просилъ у Преподобнаго Сергія благословенія итти въ пустыню уже болѣе отдаленную. Святый старецъ далъ ревностному ученику—любителю безмолвія мѣднныи крестъ на благословеніе и Павелъ, послѣ долгихъ странствій по пустыннымъ мѣстамъ, остановился наконецъ въ Комельскомъ лѣсу. Надъ рѣчкою Грязовицею Павелъ избралъ себѣ дупло старой липы вмѣсто келліи и 3 года подвизался тутъ, никому невѣдомый. Потомъ онъ перешелъ на рѣку Нурму и здѣсь поставилъ келлію немного просторнѣе оставленнаго дупла. Преподобный Сергій Нуромскій, также ученикъ Сергія Радонежскаго, однажды пришелъ къ нему и увидѣлъ вотъ что: стаи птицъ вились около Павла, иные изъ нихъ сидѣли на головѣ и на плечахъ его, и онъ кормилъ ихъ изъ рукъ; тутъ же стоялъ медвѣдь, ожидая себѣ пищи отъ пустынника; лисицы и зайцы бѣгали кругомъ ожидая того же... Вотъ жизнь невиннаго перваго человѣка! Когда стали и сюда приходить къ нему любители безмолвія и просили

позволенія жить съ нимъ, то онъ сначала не соглашался, а потомъ, вспомнивъ совѣты наставника своего Преподобнаго Сергія Радонежскаго, испросилъ у Митрополита Фотія благословеніе на устройство общежительнаго монастыря во имя *Живоначальныя Троицы*. По глубокому смиренію онъ не принялъ священнаго сана. Сто двѣнадцатилѣтнимъ старцемъ, лежа на смертномъ одрѣ, 6 января 1429 года, онъ со слезами повѣдалъ братіи о сожженіи въ тотъ день Костромы татарами, а 10 января отошелъ ко Господу. Въ его обители и понынѣ хранится крестъ, данный ему Преподобнымъ Сергіемъ на благословеніе. ²⁰⁸

3. Въ 4 верстахъ отъ пустыннаго жилища Преподобнаго Павла подвизался его другъ и духовный отецъ Преподобный *Сергій Нуромскій*. Онъ былъ родомъ грекъ, пришелъ въ Радонежскую пустыню къ Преподобному Сергію съ Аѳонской горы и долго жилъ подъ руководствомъ великаго отца иноковъ. По его благословенію, онъ основалъ на рѣкѣ Нурмѣ монастырь *Преображенія Господня*. Сергій и Павелъ часто посѣщали другъ друга, причемъ Павелъ, изъ уваженія къ Сергію, провожалъ его обыкновенно на двѣ трети разстоянія отъ своей обители. Мѣсто, гдѣ разставались святыя друзья, ознаменовано часовнею. Преподобный Сергій скончался 7 октября 1412 года.

4. Въ 20 верстахъ отъ обители Преподобнаго Павла была обитель Воскресенія Хрістова, основанная еще раньше Павловой ученикомъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго—*Сильвестромъ Обнорскимъ*. Долго подвизался здѣсь на берегу Обноры, въ глухомъ лѣсу этотъ угодникъ Божій, пока не нашелъ его одинъ заблудившійся поселянинъ. Послѣ того около его пустынной келліи стали селиться ревнители духовнаго подвига и основалась обитель. Святитель Алексій благословилъ построить храмъ во имя *Воскресенія Хрістова*. Преподобный Сильвестръ часто удалялся въ глухое мѣсто дремучаго лѣса, которое и теперь называется *заповѣдною рощею*. Оттуда по временамъ выходилъ онъ для бесѣды съ посѣтителеми

на то мѣсто, гдѣ теперь часовня. Скончался онъ въ 1379 году, апрѣля 25 дня.

5 и 6. Преподобные *Андроникъ и Савва*. Преподобный Андроникъ, „тихий, кроткій, смиренный“, по отзыву лѣтописца, ²⁰⁹ былъ родомъ изъ той же Ростовской области, изъ которой происходилъ его великій авва. Святой наставникъ очень любилъ своего святаго ученика за его добродѣтели и безотвѣтное послушаніе, и особенно молилъ о немъ Бога, чтобы покрылъ эту невинную душу отъ вражескихъ козней и помогъ ему довершить свое теченіе до конца. Андроникъ давно питалъ въ душѣ желаніе основать свою общежительную обитель, и не таилъ сего желанія отъ старца. Мы видѣли выше, какъ это святое желаніе исполнилось, когда Святитель Алексій испросилъ у Преподобнаго Сергія сего ученика для устроенія обители *Всемилоствигаго Спаса*. Мѣсто было избрано въ 7 верстахъ отъ Кремля, на рѣчкѣ Яузѣ, и самъ Преподобный Сергій приходилъ благословить это мѣсто. Въ 1361 году обитель была окончена строеніемъ. Великій старецъ не разъ приходилъ сюда къ любимому своему ученику и подкрѣплялъ его въ подвигѣ своими бесѣдами. Однажды великій подвижникъ зашелъ сюда поклониться образу Спаса (который былъ принесенъ Святителемъ Алексіемъ изъ Царьграда) передъ отправленіемъ въ дальній путь, въ Нижній Новгородъ (въ 1365 г.), и при прощаніи долго бесѣдовалъ съ Андроникомъ. Впослѣдствіи на мѣстѣ ихъ разлуки поставлена часовня: это на пути во Владимірѣ. Подъ руководствомъ Преподобнаго Андроника воспитались: его спостникъ и преемникъ по игуменству—Преподобный *Савва* и знаменитые иконописцы: *Андрей Рублевъ* и *Даніилъ*, которые расписывали придворный Благовѣщенскій соборъ и соборные храмы: во Владимірѣ и Сергіевой Лаврѣ. И понынѣ стоитъ на правой сторонѣ царскихъ вратъ Троицкаго Собора чудотворная икона Пресвятыя Троицы, написанная преподобнымъ Андреемъ. Читатели сей книги могутъ видѣть ея изображеніе въ заставкѣ IV-й главы.

7. Въ одно время съ Андрониковымъ монастыремъ (въ 1361 г.) возникла обитель *Пышношская*, основанная пустыннлюбивымъ *Меоодіемъ*.²¹⁰ Въ молодыхъ лѣтахъ пришелъ онъ къ Преподобному Сергію, и жилъ нѣсколько лѣтъ подъ его руководствомъ. Потомъ, по благословенію старца, онъ уединился въ глушь дубоваго лѣса за рѣкою *Яхромою* и на небольшомъ возвышеніи среди болота поставилъ себѣ келью. Когда около него стали собираться братія, Преподобный Сергій, посѣтивъ его, посовѣтовалъ ему построить обитель и храмъ на другомъ, болѣе сухомъ мѣстѣ и благословилъ то самое, гдѣ теперь стоитъ эта обитель. Преподобный Меоодій самъ трудился при ея построеніи, *пѣшиъ*нося деревья черезъ рѣку. Оттого обитель получила наименованіе *Пышношской*, а рѣчку прозвали *Пышношей*. По временамъ Преподобный Меоодій для безмолвія уединялся за 2 версты отъ обители, и сюда приходилъ къ нему для духовной бесѣды Преподобный Сергій. Отсюда эта мѣстность названа *Бесѣдою*, и здѣсь стоитъ часовня. „Совещаникъ и спостникъ“ Преподобнаго Сергія Меоодій преставился спустя 8 мѣсяцевъ послѣ кончины своего великаго старца, 14 іюня 1392 года. Въ его обители честно хранится деревянный потиръ, въ коемъ онъ священнодѣйствовалъ, и ковчежецъ съ частию мошей Преподобнаго Сергія.²¹¹

8. Преподобный *Ѳеодоръ*, въ мѣрѣ Іоаннъ, родной племянникъ Преподобнаго Сергія, въ юности постриженный имъ, былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ и любимыхъ его учениковъ.²¹² Удостоенный сана священства, онъ возымѣлъ желаніе основать свой общежительный монастырь и открылъ свою мысль Богомудрому дядѣ—наставнику. Преподобный Сергій благословилъ его на это дѣло и даже самъ пришелъ осмотрѣть избранное имъ на высокомъ берегу Москвы рѣки мѣсто для обители. Это было около 1370 года. Слава о святой жизни Ѳеодора скоро собрала около него много братіи. Великій Князь избралъ себѣ Ѳеодора въ духовники и посылалъ съ порученіями по дѣламъ церковнымъ къ Вселенскому Патріарху; Митро-

полить Алексій относился къ нему съ отеческою любовію, и Кипріанъ писалъ ему посланія вмѣстѣ съ Преподобнымъ Сергіемъ. Высокое положеніе, въ какое былъ поставленъ Ѳеодоръ, тревожило его святаго дядю, который „болѣзновалъ о чести и славѣ его“ и молился, „во еже совершити ему теченіе безъ преткновенія“. Великій отецъ иноковъ почиталъ обитель Симоновскую—родственною о Христѣ своей Радонежской обители, и когда потребность и польза вызывали его въ Москву, онъ приходилъ прямо въ Симоновъ монастырь, гдѣ для него устроена была даже особая келья. Любитель смиренія и труда, онъ и здѣсь вмѣстѣ съ братіею воздѣлывалъ собственными руками землю для огородовъ, насаждалъ деревья, копалъ пруды и кладязи. И теперь еще видны здѣсь плоды его труженической жизни: не далеко отъ монастыря, на ровномъ возвышенномъ песчаномъ мѣстѣ находится обширный (въ окружности до 150 сажень) и глубокій (на срединѣ до 6 аршинъ) прудъ, обнесенный валомъ и обсаженный березами. Общее преданіе Москвы увѣряетъ, что этотъ прудъ ископанъ руками первыхъ святыхъ подвижниковъ на Симоновѣ, и что въ сихъ трудахъ принималъ живое участіе Преподобный Сергій. Оттого и зовутъ этотъ прудъ *Сергіевымъ*. И московскіе сторожилы говорятъ, что многіе страждущіе, не смотря на время года, погружаясь въ водѣ сего пруда съ вѣрою и молитвою объ исцѣленіи, получали просимое. Съ древнихъ лѣтъ въ день Преполовленія Пятидесятницы сюда бываетъ крестный ходъ для освященія воды.²¹³

Преподобный Ѳеодоръ впослѣдствіи былъ Архіепископомъ въ Ростовѣ, гдѣ, не смотря на кратковременное управленіе паствою, оставилъ по себѣ вѣковѣчный памятникъ основаніемъ *Богородице-рождественскаго* женскаго монастыря. Онъ скончался 28 ноября 1394 года.

9 и 10. Изъ Симоновской обители вышли два подвижника *Вълозерскіе*, *Кириллъ* и *Ѳерапонтъ*, которые оба пользовались наставленіями Преподобнаго Сергія. Перваго изъ нихъ привелъ сюда другъ Сергіевъ, Преподобный

Стефанъ Махрищскій. Когда Преподобный Сергій приходилъ въ Симоновъ, онъ прежде всѣхъ посѣщалъ Кирилла въ хлѣбнѣ. Прозорливый старецъ видѣлъ, что будетъ Кириллъ впослѣдствіи, и съ любовію бесѣдовалъ съ нимъ о спасеніи души. Послѣ Ѳеодора Кириллъ нѣкоторое время былъ настоятелемъ Симоновской обители, но потомъ, по любви къ безмолвію, удалился въ свою уединенную келлію на Старомъ Симоновѣ, а оттуда. вмѣстѣ съ другомъ своимъ Ѳерапонтомъ, ушелъ въ предѣлы Бѣлозерскіе. Тамъ Кириллъ положилъ основаніе общежительной обители *Успенія Пресвятыя Богородицы* (въ 1397 г.), а Ѳерапонтъ основалъ тоже общежительный монастырь *Рождества Богородицы* (1398 г.). Въ 1408 году Преподобный Ѳерапонтъ, по желанію Можайскаго Князя Андрея Димитріевича, перешелъ въ Можайскъ и здѣсь. въ верстѣ отъ города, основалъ *Лужецкій монастырь*, въ которомъ и почилъ въ 1426 году, 27 мая. А Преподобный Кириллъ скончался въ 1427 году, 9 іюля.

11. Около 1373 года Князь Владиміръ Андреевичъ, основатель Серпухова, пожелалъ устроить въ этомъ городѣ иноческую обитель, какъ лучшее училище благочестія. Онъ пригласилъ къ себѣ Преподобнаго Сергія и просилъ его совѣта. Святой старецъ благословилъ доброе намѣреніе Князя и вмѣстѣ съ нимъ, осмотрѣлъ мѣсто будущей обители. Мѣсто это называлось *Высокимъ*, потому что находилось на возвышенномъ берегу Нары, близъ Оки, въ лѣсу, въ верстѣ отъ города. 2 декабря 1373 года Преподобный Сергій заложилъ храмъ обители въ честь *Зачатія Богоматери* Праведною Анною. Князь просилъ старца оставить строителемъ новой обители пришедшаго съ нимъ ученика, Преподобнаго *Аѳанасія*. Аѳанасій, въ мірѣ Андрей, еще въ юности пришелъ къ угоднику Божию въ его Радонежскую пустыню и старецъ очень любилъ его за его безотвѣтное послушаніе и смиреніе. Преподобному Сергію жаль было отпустить отъ себя Аѳанасія, а блаженному Аѳанасію не хотѣлось разстаться съ Богомудрымъ Сергіемъ; но—„такъ угодно Господу“. сказалъ

старецъ, и Аѳанасій повиновался. При содѣйствіи благочестиваго Князя обитель скоро окончена была строеніемъ, и къ Аѳанасію собралось много братіи. Преподобный Сергій не разъ посѣщалъ своего ученика въ Серпуховѣ,²¹⁴ и прислалъ сюда своего будущаго преемника — Преподобнаго Нікона, который и былъ здѣсь первымъ инокомъ, а потомъ и пресвитеромъ. Князь построилъ въ обители каменный храмъ и Митрополитъ Кипріанъ самъ освятилъ его. Съ этого времени между Святителемъ и Высоцкимъ игуменомъ установилась самая тѣсная духовная дружба: Кипріанъ не разъ писалъ Аѳанасію самыя дружескія посланія, а искренно преданный ему игумень раздѣлялъ скорби Святителя, сопутствуя ему въ Кіевъ и Царьградъ. Въ 1387 году Преподобный Аѳанасій купилъ себѣ въ Константинопольскомъ Предтечевскомъ монастырѣ келью и остался тамъ съ нѣсколькими учениками своими навсегда. Онъ много потрудился надъ переводомъ и списываніемъ святоотеческихъ твореній (извѣстенъ написанный имъ уставъ „Око Церковное“), присылалъ изъ Царьграда въ свою обитель иконы и скончался тамъ около 1401 года.—Въ Высоцкомъ монастырѣ его преемникомъ по игуменству былъ соименный ему ученикъ *Аѳанасій*, прославившійся по кончинѣ чудотвореніями.²¹⁵ Изъ другихъ его учениковъ извѣстенъ преподобный *Никита*. Въ этой обители сохранились крашенинныя ризы Преподобнаго Сергія.²¹⁶

12. Годъ спустя послѣ основанія Серпуховской обители, Преподобный Сергій положилъ начало уже извѣстной читателямъ обители на Киржачѣ. Здѣсь первымъ игуменомъ былъ его ученикъ Преподобный *Романъ*, скончавшійся 1392 года, іюля 29 дня.

13 и 14. Въ 1378 году былъ основанъ Стромьинскій монастырь Успенія Богоматери на рѣкѣ Дубенкѣ; первымъ его игуменомъ или строителемъ былъ Преподобный *Леонтій*, ученикъ Преподобнаго Сергія.²¹⁷ Спустя три года, въ 1381 году послѣ славной побѣды Куликовской, Великій Князь Димитрій Іоанновичъ основалъ другой Дубенскій Успенскій монастырь, что „на острову“, гдѣ игуменство-

валь Преподобный Савва, также ученикъ Преподобнаго Сергія, изображенный въ Успенскомъ Соборѣ Троицкой Лавры съ закрытымъ правымъ глазомъ. Въ благословеніе сей обители великій старецъ далъ, какъ гласить преданіе, икону Пресвятыя Богородицы Кипрскую, которая и понынѣ читается въ приходской церкви села Стромыни. ²¹⁸

15. Преподобный *Аѳанасій* пустынный, „зовомый *железный посохъ*“, ²¹⁹ подвизался на мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ основанъ Череповецкій Воскресенскій монастырь, и гдѣ теперь Воскресенскій соборъ въ Череповцѣ.

16. Преподобный *Ксенофонтъ Тутанскій* основалъ Тутанскій Вознесенскій монастырь на берегу рѣки Тьмы, въ 30 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ село Тутань. Память его мѣстно читается 26 января. ²²⁰

17. Преподобный *Ѳерапонтъ Боровенскій*, основатель Успенскаго Боровенскаго монастыря, въ 10 верстахъ отъ города Мосальска (Калужской губерніи). По преданію, Преподобный Сергій благословилъ Ѳерапонта иконою Успенія Богоматери; Ѳерапонтъ пришелъ съ нею въ окрестности нынѣшняго погоста Боровенска; утружденный отъ пути, онъ легъ подъ тѣнію одного изъ вѣковыхъ деревьевъ, поставивъ на немъ образъ. Но проснувшись не нашелъ его на своемъ мѣстѣ; долго искалъ онъ икону и, наконецъ нашелъ въ лѣсной чащѣ, на одной соснѣ. До трехъ разъ повторялось чудесное исчезновеніе иконы и обрѣтеніе ея въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Преподобный принялъ это событіе за указаніе, что Пресвятая Богородица благоволила избрать сіе мѣсто для обители, и поселился тутъ. Скоро собрались около него любители отшельничества и обитель основалась. Годъ кончины Преподобнаго Ѳерапонта неизвѣстенъ. Святая икона Успенія Богоматери и понынѣ стоитъ въ церкви Боровенскаго погоста. ²²¹

-18. Преподобный *Савва Сторожевскій*, по кончинѣ Преподобнаго Сергія и по удаленіи Преподобнаго Нікона на безмолвіе, шесть лѣтъ управлялъ Лаврою Преподобнаго Сергія. Памятникомъ его попеченій объ обители Преподобнаго Сергія служить источникъ, изведенный его

молитвами и понынѣ называемый *Саввинымъ* (близъ церкви Воскресенія Христова въ Кокуевѣ). По желанію Звенигородскаго Князя Юрія Димитріевича, въ 1398 году Савва основалъ близъ Звенигорода на горѣ Сторожѣ монастырь во имя *Рождества Богородицы*, въ которомъ и почилъ 3 декабря 1406 года.

19. Преподобный *Іаковъ Желѣзноборскій* или *Галицкій*, родомъ изъ Галицкихъ дворянъ Амосовыхъ, почти до самой кончины Преподобнаго Сергія жилъ въ его обители, а потомъ поселился въ глухомъ лѣсу у желѣзныхъ рудниковъ, въ 30 верстахъ отъ Галича. Въ 1415 году случилось ему быть въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ снѣ пребываніе въ Предтеченскомъ, подъ Боромъ, монастырѣ. Въ то время Великая Княгиня Софья Витовтовна, супруга Великаго Князя Василя Димитріевича, страдала родами; Великій Князь послалъ просить молитвъ у подвижника Іакова и Преподобный предсказалъ посланнымъ, что супруга Великаго Князя родить ему наслѣдника престола. Софія родила сына и благодарный Великій Князь далъ Іакову средства построить монастырь во имя *Предтечи* на мѣстѣ его подвиговъ. Іаковъ скончался 1422 года, 11 апрѣля.

20. Преподобный *Григорій Голутвинскій*—первый игуменъ Голутвинскаго монастыря въ Коломнѣ. Въ этой обители, основанной около 1385 года въ честь Богоявленія Господня, хранится посохъ Преподобнаго Сергія, съ которымъ онъ, по преданію, встрѣчалъ послѣ побѣды Димитрія Донскаго.²²² — Къ ученикамъ Преподобнаго Сергія причисляютъ:

21. Преподобнаго *Пахомія* Нерехтскаго, основателя *Троицкаго Сытанова* монастыря, близъ Нерехты, Костромской губ.—Скончался въ 1384 году 23 марта.

22. Преподобнаго *Никиту* Костромскаго, основателя Богоявленскаго монастыря въ городѣ Костромѣ, и

23. Преподобнаго *Никифора Боровскаго*, изображеннаго на иконѣ Троицкаго Собора.²²³

Современные Преподобному Сергію подвижники благочестія высоко цѣнили его духовную опытность и дорожили его мудрыми совѣтами и наставленіями. Отсюда — цѣлый сонмъ его святыхъ друзей и „совесѣдниковъ“. И какъ сладостно звучить для сердца это умиленное наименование!—Всѣ они болѣе или менѣе отъ него заимствовали свое иноческое образованіе, потому что „не въ мѣру излилась благодать Божія на сего избранника, и онъ, смиренно стараясь быть ниже другихъ, невольно превозмогалъ ихъ обиліемъ своихъ духовныхъ дарованій, которыя такъ высоко и, можно сказать, одиноко поставили его надъ ликами иночествующихъ своего вѣка и послѣдующихъ“. ²²⁴ Поименуемъ здѣсь болѣе извѣстныхъ изъ нихъ:

1. Преподобный *Димитрій Прилуцкій*, основатель обители Прилуцкой, близъ самой Вологды. Въ первый разъ онъ познакомился съ Преподобнымъ Сергіемъ вѣроятно, въ 1354 году, когда Преподобный Сергій приходилъ въ Переяславль просить игумена для своей обители и, сколько ни отказывался, былъ самъ посвященъ въ санъ игумена Епископомъ Аѳанасіемъ. Преподобный Димитрій въ то время подвизался въ основанномъ имъ *Никольскомъ* монастырѣ на берегу Переяславскаго озера. Весьма вѣроятно, что онъ упросилъ Преподобнаго Сергія и остановиться въ его обители. ²²⁵ Съ того времени онъ часто ходилъ къ Преподобному Сергію. Изъ Переяславля, въ 1371 г., онъ удалился въ Вологодскіе предѣлы и тамъ основалъ—первую въ той области—общежительную обитель во имя *Спасителя*. Почилъ 11 февраля 1392 года.

2. Преподобный *Стефанъ Махрищскій*. О немъ уже говорено было выше (гл. XIII). Подобное тому, что потерпѣлъ Преподобный Сергій въ своей обители, случилось и съ его святымъ другомъ: противъ него вооружились сосѣдніе жители, братья Юрковскіе, и грозили его убить. Давая мѣсто гнѣву, кроткій Стефанъ тайно ушелъ въ Вологодскіе лѣса, и здѣсь, на рѣкѣ *Авнѣжѣ*, основалъ пустынную обитель *Пресвятыя Троицы*. Вызванный Вели-

кимъ Княземъ Московскимъ опять на Махру, онъ оставилъ тамъ двухъ учениковъ: *Григорія* и *Кассіана*. Преставился 15 іюля 1406 года.

3 и 4. Преподобные *Павелъ* и *Феодоръ Ростовскіе*. Когда Преподобный Сергій (въ 1363 году) былъ на своей родинѣ въ Великомъ Ростовѣ, сіи подвижники просили его избрать имъ мѣсто для обители и благословить начало ихъ святаго дѣла. Углубившись въ непроходимыя тогда лѣсныя дебри, окружавшія Ростовъ, Преподобный Сергій избралъ мѣсто на берегу рѣки Устья и сказалъ пустыникамъ: „призритъ Богъ и Пресвятая Богородица на мѣсто сіе“. Тутъ и былъ основанъ *Борисоглѣбскій* монастырь. Феодоръ основалъ еще *Никольскій* монастырь на рѣкѣ *Ковжѣ*, впадающей въ Бѣлое озеро. Онъ скончался 22 октября 1419 г. Вскорѣ послѣ него преставился и Павелъ. ²²⁶

Преподобный *Діонисій Архіепископъ Суздальскій*, постриженецъ Кіевскій, основатель Печерскаго Вознесенскаго монастыря на берегу Волги, въ 5 верстахъ отъ Нижняго Новгорода. Скончался 15 октября 1384 года, въ Кіевѣ. ²²⁷

Преподобный *Евѣимій*, ученикъ Діонисія, во время своего пребыванія въ Суздалѣ неоднократно приходившій къ Преподобному Сергію для духовнаго собесѣдованія съ нимъ. Онъ основалъ двѣ обители: *Васильевскую*, въ 5 верстахъ отъ Гороховца и извѣстный *Спасо-Евѣиміевъ* монастырь въ Суздалѣ. Почилъ 1 апрѣля 1405 года.

Святитель *Стефанъ Пермскій* основалъ 3 обители: на устьяхъ *Выми*, *Вычегды* и *Сысоли*.

8. Святитель *Михаилъ Смоленскій*, ученикъ Преподобнаго Феодора Симоновскаго или Ростовскаго чудотворца.

Блаженный Епифаній, упомянувъ объ основаніи Преподобнымъ Сергіемъ нѣкоторыхъ монастырей, замѣчаетъ: „не толико же святой Сергій монастырей постави, елико здѣ написахомъ, но многи монастыри воздвиже на славу Божию и Пречислыя Богородицы, и своя ученики постави

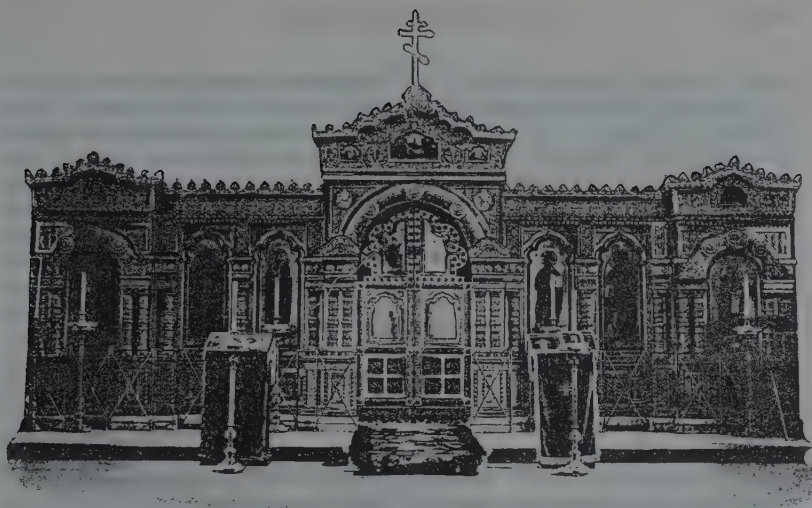
въ тѣхъ монастырехъ начальствовать“. Изъ вышеприведеннаго списка учениковъ и собесѣдниковъ Преподобнаго Сергія видно, что, дѣйствительно, Епифаній о многихъ изъ нихъ не упоминаетъ вовсе. Но и нашъ списокъ, конечно, далеко не полонъ. Такъ извѣстно, напримѣръ, что на обратномъ пути изъ Нижняго Новгорода въ 1365 году Преподобный Сергій положилъ основаніе *Георгіевской* пустыни въ Гороховецкомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Клязьмы.²²⁸ Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой пустыни первыми подвижниками были ученики или собесѣдники великаго отца иноковъ, но кто именно — свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно также, что еще Великій Князь Димитрій Іоанновичъ Донской пожаловалъ Преподобному Сергію въ самомъ Кремлѣ, близъ своего дворца, мѣсто для келіи и церкви, на случай пребыванія его въ Москвѣ, и что впослѣдствіи тутъ существовалъ *Богоявленскій* монастырь;²²⁹ но кто былъ строителемъ сего монастыря — неизвѣстно. Въ Рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ сохранилось преданіе объ основаніи его Преподобнымъ Сергіемъ въ то время, когда онъ приходилъ въ Рязань для примиренія Князя Олега съ Московскимъ Великимъ Княземъ, но никакихъ подробностей объ его построеніи не сохранилось.²³⁰ О многихъ обителяхъ, вѣроятно, до насъ не дошло и преданій. Есть, напримѣръ, села, въ которыхъ находятъ могильныя плиты съ именами погребенныхъ подъ ними иноковъ, хотя никакихъ воспоминаній историческихъ, никакихъ даже преданій о существованіи въ этихъ мѣстахъ монастырей нѣтъ.²³¹ Но уже однѣ эти надгробныя плиты свидѣлствуютъ, что тутъ были „монастырьки“, которые, конечно, имѣли свое благотворное дѣйствіе на окрестныхъ жителей и служили проводниками духа православнаго подвижничества въ народную среду, и это дѣйствіе, какъ бы оно ни было ограничено въ смыслѣ пространства, было важно уже потому, что сказывалось постоянно, становилось повседневнымъ... А если мы примемъ во вниманіе вышеприведенный списокъ учениковъ и собесѣдниковъ Сергіевыхъ, то съ большою

вѣроятностію можемъ предположить, что и число духовныхъ питомцевъ Преподобнаго Сергія, и число обителей, основанныхъ ими и ихъ учениками, было несравненно болѣе, чѣмъ сколько намъ извѣстно на основаніи свидѣтельствъ историческаго преданія.

Древнему избраннику Божію, великому отцу вѣрующихъ было нѣкогда сказано: *воззри на небо и изочи звѣзды, аще возможеши исчисти я... тако будетъ сѣмя твое!* (Быт. 15, 5). И Преподобному Сергію, великому отцу иноковъ, было показано въ видѣніи множество птицъ и сказано: „посмотри кругомъ!.. такъ умножится стадо учениковъ твоихъ!“ И сбылось это обѣтованіе небесное. Точно птички райскія разлетѣлись птенцы Сергіевы изъ родного гнѣзда Радонежскаго по всему востоку и сѣверу Русской земли и прославили Господа своею дивною жизнію,—будто звѣзды по небу полуночному разсыпались они по лицу родной земли и ярко горятъ по всему необъятному пространству ея предѣловъ сѣверныхъ. И пока не заслонятъ собою этого дивнаго сіянія суетныя облака мудрованій человѣческихъ, пока будетъ вѣять на Руси духъ истиннаго подвижничества, дотолѣ не будутъ страшны ей никакія напасти, ибо *сѣмя свято—стояніе ея!..*

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ своемъ предисловіи мы сказали, что наша книга не есть ученое изслѣдованіе; поэтому мы и не стали пестрить ея страницы разными ссылками и примѣчаніями. Но такъ какъ подобныя ссылки и примѣчанія могутъ имѣть свою цѣну въ глазахъ тѣхъ читателей, которые пожелали бы знать, какими источниками мы пользовались для своего разсказа, и какими соображеніями руководились въ томъ или другомъ случаѣ, а можетъ быть эти примѣчанія будутъ не бесполезны и для будущаго ученаго изслѣдователя,—то мы сочли не лишнимъ собрать ихъ здѣсь, въ концѣ нашей книги.

Не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь списокъ историческихъ сочиненій, какія были у насъ подъ руками при составленіи этой книги; большая часть ихъ будетъ указана ниже въ примѣчаніяхъ, въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ только, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы приводили выдержки изъ сочиненій митрополитовъ Платона и Филарета, и преосвященнаго Филарета архіепископа Черниговскаго, не дѣлая точныхъ указавій на самыя сочиненія въ особыхъ примѣчаніяхъ, тамъ разумѣются составленныя этими святителями отдѣльныя Житія Преподобнаго Сергія.

1. Недавно, уже въ 1903 году, вышелъ такой переводъ, или вѣрнѣе — полный пересказъ Епифаніева Житія. Изданъ въ Сергіевой Лаврѣ.

2. Поученіе Никанора, архіеп. Херсонскаго. Странникъ, 1883 г. сент., стр. 30.

3. Проф. В. О. Ключевскій. „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа“. Тр. Цвѣтокъ № 9.

4. Поученіе Никанора, архіепископа Херсонскаго. Уф. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 19, стр. 646.

5. „Лѣствица“, сл. 26, гл. 211.
6. Слово м. Платона на день Преп. Сергія, т. V, стр. 26.
7. Письма м. Филарета къ архіеп. Филарету Черниг., Приб. къ Твор. Св. Отг. 1884 г. т. I, 341.
8. Эпиграфы въ каждой главѣ подобраны изъ двухъ Акаѣистовъ Пр. Сергію. Первый изъ нихъ составленъ въ 1650 году княземъ Стумеомъ Шаховскимъ,—см. Рукоп. о новоявл. чудесахъ Пр. Сергія, чудо 33,—въ благодарность угоднику Божію, какъ избранному воеводѣ Русской земли, когда еще у всѣхъ была въ памяти знаменитая осада Лавры. Митрополитъ Филаретъ говорилъ А. Н. Муравьеву, что этотъ Акаѣистъ „послужилъ основаніемъ другихъ Акаѣистовъ въ честь св. угодниковъ, ибо и у насъ прежде, какъ въ церкви Греческой, существовало только два Акаѣиста: Господу Іисусу и Богоматери. Но поелику Акаѣистъ въ честь Богоматери составленъ былъ въ благодарность за избавленіе Царьграда отъ нашествія враговъ, то и Пр. Сергію, какъ избранному воеводѣ, освободившему Лавру свою отъ долгой осады, долгомъ почли составить такую же побѣдную службу“. Пут. къ Св. М. Русс. ч. I, стр. 235. Собр. мн. и отг. м. Филарета, т. V, ч. I, 1887 г., стр. 246.—Второй Акаѣистъ составленъ въ прошломъ столѣтіи и приписывается митрополиту Платону,—Ист. Слов. Дух. Пис. изд. 2, т. 2, стр. 187,—но не позже 1761 г.—Рук. Доп. Описи Библ. Лавры, № 143.—Описаніе Слав. Рук. Библиотеки Св. Тр. Серг. Лавры, т. 3, стр. 174, подъ № 764.
9. Варницкимъ монастырь названъ по находившимся близъ него и, можетъ быть, принадлежавшимъ ему солянымъ варницамъ. Время основанія его съ точностію неизвѣстно. Изъ жалованной грамоты Царя Михаила Феодоровича 1624 года видно, что монастырь сей существовалъ еще при Царѣ Іоаннѣ Грозномъ и при отцѣ его Василии Ивановичѣ. По мѣстному преданію, онъ построенъ вскорѣ послѣ открытія св. мощей Пр. Сергія въ 1422 году. При-

учрежденіи штатовъ въ 1764 году монастырь сей не былъ обращенъ въ приходскую церковь единственно по уваженію къ мѣсту рожденія Пр. Сергія. Соборная церковь его построена въ 1770 году на собственное иждивеніе Ростовскаго епископа Аеанасія. Въ ней главный престолъ во имя Живоначальныя Троицы, а придѣльные—одинъ во имя Преподобнаго Сергія и Никона, а другой—Святителей Аеанасія (тезоименитаго самому строителю) и Кирилла (тезоименитаго родителю Пр. Сергія).

10. Исторія не сохранила намъ фамиліаго прозванія родителей Сергіевыхъ; но старшаго брата Пр. Сергія—Стефана считаетъ своимъ родоначальникомъ родъ *Иванчиныхъ*. Жизнеоп. Угодн. В., живш. въ предѣлахъ нын. Ярослав. Епархіи гр. М. В. Толстаго. Ярослав., 1885, стр. 10.

11. Константинъ Борисовичъ преествовалъ брату своему Дмитрію по его кончинѣ въ 1294 году.—Святѣи и Древности Ростова Великаго, гр. М. В. Толстаго, изд. 3, стр. 21.

12. „Дневи сущи недѣли“. Епифаній.

13. Такъ опредѣляютъ, приблизительно, годъ рожденія Пр. Сергія: митрополитъ Макарій въ своей „Исторіи Русской Церкви“, т. IV, стр. 352,—профессоръ В. О. Ключевскій въ изслѣдованіи о „Древне-русск. житіяхъ Святыхъ“ стр. 102—108,—Д. И. Иловайскій въ „Исторіи Россіи“, т. II, стр. 101,—о. архим. Леонидъ въ своемъ предисловіи къ древнѣйшему тексту житія Пр. Сергія, написаннаго Епифаніемъ и др.—Но архіепископъ Филаретъ Черниговскій, въ книгѣ „Русскіе Святые“,—изд. 3-е, сентябрь, стр. 126,—полагаетъ годъ рожденія Преп. Сергія 1313 г.; м. Филаретъ Московскій, въ отдѣльномъ житіи, и П. С. Казанскій въ неоконченномъ и потому неизданномъ „Житіи Пр. Сергія Радонежскаго“, полагаютъ 1314 годъ.—Причина такого разногласія въ томъ, что самъ Епифаній не указываетъ съ точностію года, а говоритъ неопредѣленно: „въ княженіе великое Тверское, при Великомъ Князѣ Дмитріѣ Михаиломъ При-

полить вся Русіа, егда рать Ахмулова бысть". Тверской Князь Димитрій Михайловичъ сдѣлался Великимъ Княземъ осенью 1322 года,—П. Собр. Лѣт. III, 72; V, 216; VII, 198; XV, 414; въ томъ же году, лѣтомъ, приходилъ посолъ Ордынскій Ахмыль, причинившій много зла низовымъ городамъ. Св. Петръ былъ Митрополитомъ съ 1308 по 1326 годъ. Эти указанія, очевидно, ближе подходятъ къ принятому нами 1319 году, чѣмъ къ 1313 или 1314 г. Всего бы легче опредѣлить годъ рожденія простымъ арифметическимъ вычитаніемъ числа лѣтъ жизни Преподобнаго изъ того года, въ которомъ онъ скончался. Митрополитъ Филаретъ и профессоръ П. С. Казанскій такъ и дѣлають, принимая за годъ кончины 1392 вмѣсто 1391, — равно и преосвященный Филаретъ Черниговскій, хотя сей послѣдній и полагаетъ годъ кончины—1391. Всѣ они полагають число лѣтъ жизни Преподобнаго 78. „Опредѣленное показаніе годовъ жизни Сергія“, говоритъ Казанскій, „гораздо вѣрнѣе неопредѣленнаго указанія на время его рожденія. Старецъ Сергій, въ послѣдніе годы своей жизни, конечно, не разъ говорилъ своимъ ученикамъ о томъ, сколько ему лѣтъ. Особенно понятно это указаніе при сдачѣ имъ должности игумена, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, пр. Нікону. Ссылаясь, безъ сомнѣнія, на свою старость, онъ передавалъ управленіе своему ученику. Епифаній жилъ при Пр. Сергіи въ послѣдніе годы его жизни и много разъ самъ могъ слышать отъ него, сколько ему лѣтъ. О дѣтскихъ годахъ жизни Пр. Сергія Епифаній, его жизнеописатель, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. Онъ не называлъ даже „веси“, въ которой жили родители Пр. Сергія. Епифаній слышалъ отъ старцевъ отъ брата Преподобнаго Сергія—Стефана, или отъ самого Преподобнаго, что родился онъ тогда, когда Великимъ Княземъ былъ Тверской Князь "... Въ годъ смерти Сергія“, замѣчаетъ г. Ключевскій, „едва ли были въ монастырѣ люди, помнившіе его рожденіе

(замѣтимъ: кромѣ Стефана брата его; но онъ самъ былъ въ то время дѣтцемъ), тѣмъ менѣе можно предположить ихъ чрезъ 26 лѣтъ, когда писалось житіе“. И такъ, если Пр. Сергій жилъ 78 лѣтъ, то, конечно, родился онъ въ 1313 году. Но этотъ годъ слишкомъ удаленъ бы отъ тѣхъ историческихъ событій, какія указываетъ Епифаній, какъ близкія ко времени рожденія Преподобнаго Сергія. „По всѣмъ историческимъ даннымъ“, говоритъ м. Макарій, „полагаемъ время рожденія Пр. Сергія между 1318—1322“. Остается предположить одно изъ двухъ: что Преподобный Сергій скончался не въ 1391 г., а въ 1397, какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ его житія, или же, что онъ жилъ 72 г., а не 78 лѣтъ. Но первое предположеніе противорѣчило бы году основанія Саввина монастыря,—см. Ист. Опис. Саввина Строж. мон. прим. 12—слич. и ниже, пр. 184 — остается признать послѣднее. И дѣйствительно: прежде всего достойно замѣчанія, что самъ Епифаній не воспользовался такимъ простымъ способомъ опредѣленія года рожденія, какъ вычитаніе числа лѣтъ жизни изъ года кончины. И это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что „Епифаній“, по справедливому замѣчанію П. С. Казанскаго, „видимо самъ отыскивалъ хронологическія указанія, но не совсѣмъ удачно. Такъ онъ говоритъ, что Пр. Сергій родился при Патріархѣ Каллиствѣ. Но Патріархъ Каллиствъ былъ уже въ 1350—1362“. Чего бы лучше, вмѣсто такихъ неопредѣленныхъ соображеній, сдѣлать простое вычитаніе и указать годъ? Но онъ этого не дѣлаетъ... А это само собою наводитъ на мысль, что въ первоначальномъ текстѣ житія Епифаніева, кажется, вовсе не было означено числа лѣтъ жизни Пр. Сергія, и что это сдѣлано рукою позднѣйшаго переписчика, можетъ быть Пахомія, — сначала на полѣ, а потомъ внесено и въ текстъ. Такъ полагають В. О. Ключевскій и архим. Леонидъ, указывая въ самомъ граматическомъ построеніи рѣчи древнѣйшихъ списковъ

житія въ этомъ мѣстѣ признаки позднѣйшей вставки. О. Леонидъ въ подтвержденіе своего опредѣленія года рожденія Пр. Сергія—1319—приводитъ мѣсто изъ похвального слова Епифанія Пр. Сергію (по всѣмъ признакамъ написаннаго много раньше житія), гдѣ ояъ, дѣлая краткій очеркъ жизни Преподобнаго, беретъ круглыя числа и говоритъ, что ояъ подвизался въ монашествѣ 50 лѣтъ, а умеръ 70 лѣтъ. Такъ въ списокѣ слова по Четъ-Минеемъ М. Макарія. Если положимъ, что Пр. Сергій родился въ 1319 г., а постриженъ, какъ извѣстно изъ того же житія, на 23 г., то, дѣйствительно, число лѣтъ его чернечества будетъ безъ 13 дней 50 лѣтъ, а число лѣтъ жизни—72. Ясно, что для круглаго числа удобнѣе взять 70 вмѣсто 72-хъ, чѣмъ вмѣсто 78; въ послѣднемъ случаѣ ближе бы было взять цифру 80. См. Житіе Пр. Сергія въ Пам. Др. Писъм, 1885 г., стр. VII—VIII. — Что же касается цифры 78, имѣющей въ многихъ спискахъ житія, то она легко могла образоваться изъ 72, особенно если принять во вниманіе славянское старинное начертаніе буквы в—въ видѣ квадрата: ѿ ѿ ѿ. Одинъ изъ первыхъ переписчиковъ легко могъ опустить ѿ и принять союзъ и за 8. Мы остановились довольно подробно на опредѣленіи года рожденія Пр. Сергія потому, что безъ такого опредѣленія нельзя установить хронологію важнѣйшихъ событій въ жизни угодника Божія и связать ихъ съ другими событіями времени.—Подтвержденіе нашихъ соображеній находится въ одной изъ рукописей XVII в., именно въ святцахъ, гдѣ прямо сказано, что Пр. Сергій жилъ 72 года. Оп. Рук. гр. Уварова № 685.

14. По древнему обычаю крещеніе младенцевъ совершалось въ 40-й день по его рожденію, причемъ нарекали ему имя того святого, коего память праздновалась въ день его крещенія. Преподобному Сергію при крещеніи дано имя Вареоломей; память Апостола Варееоломея празднуется 11 іюня, слѣд. угодникъ Божій родился—за 40 дней—

3 мая. Такъ опредѣляетъ день рожденія Пр. Сергія П. С. Казанскій.

15. Мысль м. Платона, см. житіе, имѣе соств. и Акакіевъ. Въ „Опытѣ Библейскаго Словаря соств. именъ“ пр. Солярскаго, слово Вареоломей переведено просто: сынъ Оломея.

16. Лѣтоп. Св. Димитрія М. Рост. ч. II, стр. 104—105, по изд. 1817 г.

17. Слова и рѣчи м. Филарета, томъ III, стр. 350.

18. На Матеея бесѣда 28.

19. У Строева, „Списки Іерарховъ“: Прохоръ епископъ Ростовскій съ 1311 по 1328 + 7 сент., Антоній съ 1328 по 1336 г. См. также рукопись П. С. Казанскаго.

20. У Пахомія по списку Четинхъ-Миней М. Макарія. Мы пользовались изданіемъ Археографической Коммиссія.

21. Въ лицевомъ житіи Пр. Сергія, XVI вѣка, хранящемся въ Лаврской ризницѣ, старецъ-инокъ изображенъ девять разъ и вездѣ—въ видѣ молодого и безбрадаго инокъ, съ крылами и съ надписью: Ангелъ-Господень. „Книжное же ученіе“, говоритъ келарь Симонъ Азаринъ, „отъ Ангела Божія пріемъ, а не отъ челоуѣкъ“,—см. предисл. къ новоявл. чуд. Пр. Сергія. См. рисунки въ текстѣ.

22. Ник. лѣт. IV, 206—207.

23. Сѣдаленъ на утр. по полвелеи, въ Службѣ Пр. Сергію.

24. Ист. Госуд. Росс. т. IV, стр. 248.

25. Тамъ же, V, 368, и IV, прим. 319.

26. Тамъ же, IV, 233, прим. 303. Новгород. Л. 603.

27. Ник. Лѣт. IV, 204.

28. Преосв. Филаретъ Черниговскій полагаетъ, что „Туралыково нападеніе на Ростовъ не могло быть между причинами удаленія родителей Сергіевыхъ изъ Ростова; если оно могло имѣть вліяніе на ихъ судьбу“, говоритъ ояъ, „то развѣ тѣмъ, что касалось недвижимаго имѣнія ихъ, которое, быть можетъ, оставалось въ Ростовской области по водвореніи ихъ въ Радонежъ“.—Русск. Св., сент. стр. 130, прим. 234.—Но приводимое имъ сопоставленіе годовъ рѣшительно ничего не доказываетъ: будь

это нашествіе въ 1337 г., а не въ 1327, тогда его соображенія имѣли бы свою силу. Къ тому же преосвященный авторъ противорѣчитъ самъ себѣ: въ примѣчаніи онъ предполагаетъ переселеніе родителей Пр. Сергія совершившимся ранѣе Туралыкова нашествія, то есть, ранѣе 1327 г., а самъ, на той же страницѣ, въ текстѣ, говорить, что это переселеніе не могло быть ранѣе 1330 г. Вообще 234-е примѣчаніе есть ошибка памяти: принять 1327 годъ за 1337, и потому должно бы быть совсѣмъ исключено.

29. Предположеніе м. Платона.

30. Собр. Госуд. гр. т. I, стр. 30—36.

31. Отецъ славнаго Князя Серпуховскаго Владиміра Андреевича Храбраго, Кн. Андрей Іоанновичъ, родился въ 1326 г.

32. По списку Вел. Четь-Минеи — Андрея.

33. По другимъ ошибочно — Вищева.

34. Такъ по списку Вел. Четь-Мин; у преосв. Филарета Черниговскаго Іоаннъ Θεοδοоровичъ, по печ. Сурожск. издан. 1786 г.: Иванъ и Θεοδοръ Тормасовъ зять его.

35. „Онисимъ, вельможа бывшій въ Ростовѣ“. — Ник. Л. IV, 205.

36. Епифаній не называетъ монастырей, въ которые поступили родители Вареолема. Но такъ какъ они оба погребены въ Хотьковѣ, и такъ какъ здѣсь же мы видимъ и Стефана, брата Вареолеомеева, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этой обители и провели они остатокъ дней своихъ. Въ древности были такіе общіе монастыри съ отдѣленіями для старцевъ и старицъ, пока сей обычай не былъ запрещенъ соборнымъ опредѣленіемъ 1504 года. См. „Покровскій Хотьковъ мон.“ С. Смирнова. — Память Кирилла и Маріи совершается въ Хотьковѣ монастырѣ 28 сентября.

37. Что Стефанъ овдовѣлъ и поступилъ въ Хотьковъ еще при жизни родителей, это видно изъ разсказа Епифанія о томъ, что Вареолемай, по исполненіи положеннаго уставомъ 40-дневнаго поминовенія Кирилла и Маріи, не медля болѣе, идетъ въ Хотьковъ къ брату Стефану, который былъ тогда уже монахомъ.

38. Тамъ же въ послѣдствіи былъ погребенъ и младшій братъ Пр. Сергія, Петръ, съ супругою Екатериною. — Церковно-Истор. Мѣсяц. Серг. Лавры. 1850 г. стр. 41.

39. Соч. м. Платона, т. XVI, стр. 293—294.

40. Слова и Рѣчи м. Филарета, 1874 г. т. II, стр. 121—122.

41. Тамъ же, стр. 282.

42. Лѣствица сл. 1, гл. 13.

43. „Глаголетъ же древній, видяху на томъ мѣстѣ прежде свѣтъ, а иніи огонь, а иніи благоуханіе слышаху“. 2 Соф. Лѣт. въ П. С. Л. т. VI, стр. 120.

44. Въ описаніи явленія Пр. Сергія іерею Сумову въ 1439 году, Преподобный самъ говоритъ о себѣ: „азъ есмь Сергіе Маковский“. Полное О. Лавры, стр. 3, пр. 1. Въ Лѣтописцѣ, помѣщенномъ въ Русскомъ Временникѣ, I, 326: „престависъ Преподобный Игуменъ Сергіе Радонежскій Маковский, тихій и кроткій“.

45. П. С. Казанскій въ упомянутомъ выше рукоп. житіи.

46. Жизнеописатели Пр. Сергія, принимающіе за годъ его рожденія 1314, полагаютъ, что онъ удалился въ пустыню въ 1336 г., а постриженъ въ 1337. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они указываютъ на то, что Стефанъ, братъ его, „поживъ съ нимъ годъ или два (замѣтимъ здѣсь же, что Епифаній не говоритъ о годахъ, а выражается неопредѣленно: немного — можетъ быть, три-четыре мѣсяца только), удалился въ Богоявленскій монастырь и здѣсь нѣкоторое время жилъ съ Алексіемъ, въ послѣдствіи Митрополитомъ, и пѣвалъ съ нимъ на клиросѣ. Но Алексій за 12 лѣтъ до посвященія своего въ Епископа (зѣ 1352 г.), оставилъ Богоявленскій монастырь. Стефанъ долженъ былъ немало прожить тутъ, чтобы доброю жизнію обратить на себя вниманіе Князя, чтобы по его указанію М. Θεογностъ рукоположилъ его во пресвитера и потомъ игумена монастыря, а Князь избралъ его себѣ въ духовника“. Такъ разсуждалъ П. С. Казанскій. Преосв. Филаретъ Черниговскій,

приведа слова Епифанія замѣчаетъ: „ясно, что Епифаній, говоря объ освященіи храма при Кн. Сумеонѣ, говоритъ гадательно“. Р. Св., сент. стр. 132, прим. 237. Съ этимъ соглашается и А. В. Горскій, въ Полн. Опис. Лавры, ч. I, стр. 2.—Въ оправданіе принятой нами хронологіи замѣтимъ, что 1) для того, чтобы Стефанъ имѣлъ право рассказывать Епифанію въ своихъ воспоминаніяхъ о близкихъ своихъ отношеніяхъ къ св. Алексію еще во время чернечества послѣдняго, довольно было, если Стефанъ жилъ при Алексіѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ нѣсколько мѣсяцевъ, а не лѣтъ, особенно если принять во вниманіе, что св. Алексій и по переходѣ во дворъ Митрополита, вѣроятно, часто навѣщаль свою любимую обитель Богоявленія и по старой памяти иногда становился на клиросъ и пѣвалъ вмѣстѣ съ Стефаномъ. 2) Епифаній объ освященіи церкви выражается такъ: „священа бысть церковь... при В. Кн. Сумеонѣ Иоанновичѣ, мнѣ юubo еже реши, въ н а ч а л о к н я ж е н і я е г о“. Тутъ онъ, дѣйствительно, говоритъ гадательно, но очевидно колеблется въ указаніи года, а не имени В. Князя. 3) Епифаній вовсе не говоритъ, будто Стефанъ подвигался до степени священства и игуменства въ бытность въ Богоявленской обители еще св. Алексія: у него эти обстоятельства, имѣвшіи мѣсто гораздо позднѣе, рассказаны тутъ только кстати и къ слову. 4) Рассказъ Епифанія о постриженіи юнаго сына Стефанова гораздо болѣе говоритъ въ пользу нашей хронологіи, которая даетъ возможность отодвинуть это событіе къ 1349—1352 годамъ.—Принимая за годъ рожденія Пр. Сергія 1319, мы располагаемъ событіе такъ: 1330 г. переселеніе его родителей въ Радонежъ; 1339 г. (приблизительно—сентябрь, когда празднуется ихъ память) ихъ кончина. Въ концѣ ноября того же года (черезъ 40 дней по кончинѣ послѣдняго изъ нихъ)—удаленіе Вареоломея въ пустыню, 20-ти лѣтнимъ юношею. Епифаній рассказываетъ, что отшельники сначала устроили шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей, вѣроятно, потому, что дѣло было

глубокою осенью, и необходимо было имѣть хоть какой-нибудь пріютъ отъ осенней непогоды; потомъ они стрѣяли келью, необходимую для зимняго пребыванія, и наконецъ уже приступаютъ къ постройкѣ церкви—вѣроятно уже зимую. Церковь освящается въ 1340 году, раннею весною. Стефанъ, проведя суровую зиму въ лѣсной глуши, весною покидаетъ Вареоломея. Теперь предположите, что св. Алексій взятъ во дворъ Митрополита осенью, и станетъ понятно, что Стефанъ имѣлъ довольно времени съ нимъ подружиться. А рекомендовать Стефана Князю и Митрополиту Θεογνώсту св. Алексій, конечно, могъ и послѣ, не прерывая своихъ добрыхъ отношеній къ нему и по переселеніи на новое мѣсто.—На окладѣ гробницы Кирилла и Маріи въ Хотьковѣ монастырѣ поставленъ годъ ихъ кончины 7845—1337, но ни мѣсяца, ни числа кончины того и другаго не означено. Окладъ устроенъ въ 1827 г. и указаніе на годъ сдѣлано вѣроятно по примѣненію къ хронологіи, принятой въ житіи Пр. Сергія, сост. м. Филаретомъ.

47. Филаретъ Черн. Р. Св. февр. 12.

48. Ник. Лѣт. IV, 57—59. 209—210.

49. Лѣствица, сл. 26, гл. 2 и дал.

50. Тамъ же, сл. 4, гл. 105.

51. Тамъ же, сл. 26, гл. 1.

52. Что Митрофанъ не случайно пришелъ къ Вареоломею, а былъ призванъ имъ, это показываетъ, что Вареоломей и прежде зналъ его; а наше предположеніе относительно совершенія Митрофаномъ литургіи для отшельника въ его церкви основывается на томъ, что въ подвижнической жизни возможно-частое причащеніе Св. Христовыхъ Таинъ есть одно изъ самыхъ необходимыхъ условий успѣшности подвига, и если у Вареоломея была своя церковь, то, конечно, не для совершенія только правила (для сей цѣли довольно имѣть часовенку и даже просто совершать его въ келліи), а служить литургію самъ онъ не могъ. Вторая Соф. Лѣт. П. С. Л., VI, 120, прямо говоритъ, что Пр. Сергій еще до своего постриженія „часто призывая

священника и веляше творити литургію. Не былъ ли Митрофанъ „сельскимъ игуменомъ“, т. е. настоятелемъ одного изъ тѣхъ маленькихъ монастырьковъ, которыхъ въ старину было множество? Иногда все братство такихъ „монастырьковъ“ состояло изъ одного игумена, который и совершалъ для окрестныхъ поселявъ требы, какъ приходскій священникъ.

53. Сначала въ разсказѣ о постриженіи, Епифаній говоритъ только объ одномъ Митрофанѣ; но нѣсколько ниже говоритъ о бывшихъ при этомъ свидѣтеляхъ чудеснаго благоуханія, называя ихъ „воистину неложными“, и давая тѣмъ понять, что это не были міряне, случайно пришедшіе, или „родственники и Радонежскіе знакомые“, какъ думаетъ Е. Голубинскій.

54. Соч. м. Платона, IV, 112—113.

55. Откуда Епифаній заимствовалъ разсказы объ искушеніяхъ пустынныхъ, какія претерпѣлъ Пр. Сергія? Конечно, изъ разсказовъ самого старца, потому что онъ „единъ единствовалъ съ Богомъ“, и никто не былъ свидѣтелемъ его подвиговъ. Впрочемъ, Епифаній не разъ и прямо говоритъ, что о томъ или другомъ случаѣ повѣдалъ самъ Преподобный Сергій.

56. Соч. м. Платона, IV, 117—118.

57. Рукопись П. С. Казанскаго.

58. Соч. м. Платона, XIX, 256.

59. Лѣтвица, сл. 21.

60. Руководство къ дух. жизни, отв. 56.

61. Замѣтимъ кстати, что медвѣди и теперь изрѣдка попадаютъ въ окрестныя лѣса, хотя эти лѣса уже нисколько не напоминаютъ собою дремучихъ лѣсовъ временъ Сергіевыхъ; такъ зимою 1883 года, верстахъ въ 15 — 20 отъ Лавры, въ Александровскомъ уѣздѣ убита большая медвѣдица. Въ 1892 году, въ самые дни торжествъ въ память 500 лѣтъ блаженной кончины угодника Божія, къ оградѣ Геосиманскаго скита подходила медвѣдица съ двумя дѣтенышами: какъ будто и звѣри лѣсные, коихъ миловалъ угодникъ Божій, хотѣли почитать его память посѣщеніемъ мѣсть, гдѣ

освященныхъ его подвигами!.. Позднею осенью того же года медвѣдица была убита.

62. Ник. Лѣт. IV, 213.

63. Епифаній говоритъ приблизительно: „пребывшу ему въ пустыни единому единствовавшу или двѣ лѣтъ или болѣ или меньше, Богъ вѣсть“. Тоже въ Русск. Времен. I, 274.

64. Лѣт. Ник. IV, 214.

65. Тамъ же, стр. 215.

66. Костомаровъ въ своей „Рус. Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, кн. I, стр. 199, напрасно думаетъ, что болѣе 12 братій не допускалось по скудости средствъ монастыря; онъ забываетъ, что обитель въ то время не была еще общежительною, и каждый подвижникъ самъ заботился о житейскихъ своихъ потребностяхъ, — значить, сколько бы ихъ ни было, отъ этого монастырь не сталъ бы бѣднѣе. Нѣтъ, современники Пр. Сергія, его ученики, смотрѣли на это иначе: число 12 имъ казалось знаменательнымъ, хотя никто не препятствовалъ его измѣненію: дѣло с а м о с о б о ю такъ слагалось.

67. Съ береговъ Дубны: такъ въ списокъ Великихъ Четь-Миней, въ иллюстрированномъ списокъ Лаврской ризницы и др.—Въ нѣкоторыхъ—С ѣ в е р н о й Д в и н ы, — у преосв. Филарета Черн. стр. 149 — очевидная ошибка писца: Двина находится въ 1000 верстомъ разстояніи отъ Лавры, куда вѣсть о подвигахъ Пр. Сергія едва ли могла проникнуть, тѣмъ болѣе, что плаваніе по Двинѣ находилось тогда въ рукахъ Новгорода, а не Москвы.

68. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Елисей называется отцемъ Онисима, въ другихъ наоборотъ. Принимаемъ послѣднее чтеніе потому, что Онисимъ упоминается раньше въ числѣ переселенцевъ изъ Ростова въ Радонежъ.

69. О семъ Епифаній говоритъ въ похвальномъ словѣ Преподобному Сергію.

70. Такъ думаемъ потому, что Пр. Геодоръ, ученикъ и племянникъ Пр. Сергія, съ ранней молодости воспитанный въ оби-

тели своего святаго дяди, и остававшійся здѣсь до 1370 г., былъ хорошій иконописецъ,— см. ниже, прим. 71,—и ему негдѣ было обучиться сему художеству, какъ только здѣсь же, въ обители Сергіевой. Можетъ быть, отсюда это художество перешло и въ Андрониковъ монастырь, гдѣ жили славные иконописцы Андрей Рублевъ и Даніилъ.

71. Говоря о возрастѣ, въ какомъ постриженъ Іоаннъ, Епифаній выражается нерѣшительно: „нѣцїи же рѣша десяти лѣтъ постриженъ бысть, нїи же двю на десятѣ“. Вѣроятно, старцы, современники событію, рассказывая Епифанію, и сами не могли точно опредѣлить возрастъ Іоанна во время его постриженія: у всѣхъ остался въ памяти необыкновенный случай, что Іоаннъ постриженъ такимъ молодымъ, что его можно было тогда назвать еще мальчикомъ. И такъ, если предположить, что Пр. Сергій лично постригалъ его, уже будучи игуменомъ, то Теодору было въ то время никакъ не менѣе 15 лѣтъ. Замѣтимъ, что 15-лѣтняго юношу трудно смѣшать съ 10—12-лѣтнимъ отрокомъ, а если обратимъ вниманіе на то, что Теодоръ отличался высокимъ ростомъ и красотою, — Фил. Черн., Русскіе Св. ноябр. стр. 476,—то въ 15 лѣтъ, вѣроятно, онъ скорѣе показался бы 20-лѣтнимъ юношею, чѣмъ 10—12-лѣтнимъ мальчикомъ. Вотъ почему мы склоняемся къ мысли, что Іоаннъ былъ приведенъ отцомъ своимъ къ Пр. Сергію еще до возведенія послѣдняго въ санъ игумена, между 1349—1352 г.—П. С. Казанскій держится того же мнѣнія. „Допустить“, говорятъ онъ, „что Іоаннъ былъ приведенъ къ Сергію въ 1354 г. 10 или 12 лѣтъ, [не говоря о томъ, что его отецъ въ 1340 г. былъ уже инокомъ], не позволяетъ дальнѣйшая исторія этого племянника Сергіева. Въ 1378 году Митрополитъ Кипріанъ обращается къ нему, какъ къ одному изъ самыхъ почетныхъ игуменовъ вмѣстѣ съ Сергіемъ. Теодоръ еще ранѣе 1374 г. былъ уже игуменомъ и пріобрѣлъ такое уваженіе, что В. Князь Димитрій Іоанновичъ избралъ его

своимъ духовникомъ. Въ пустынь Сергія онъ былъ немало пресвитеромъ, до какого сана иноки достигали только въ арѣломъ возрастѣ. И Пр. Сергій не отпустилъ бы основывать новый монастырь инока, не имѣвшаго 30 лѣтъ“. Рукоп. Жит. Пр. Сергія.

72. Въ Ростовѣ, въ основанной имъ обители Рождества Пр. Богородицы, есть записанная имъ икона Богоматери, по особенному видѣнію, которое вызвало его и на основаніе обители. Фил. Черн., ноябр. стр. 478.—Но приписываемый ему въ Клици. Подл. (Древности Гос. Росс. 1, стр. XXVIII) Деисисъ, судя по письму, едва ли можно относить къ его времени.

73. Душ. Чт. 1890 г., ноябрь, стр. 323 и д.

74. Профессоръ Е. Голубинскій полагаетъ,—см. его прим. 21,—что Преподобный Сергій былъ поставленъ въ игумена въ 1340—1341 году, въ то время, когда митрополитъ Теононость предпринималъ поѣздки въ Новгородъ и въ Орду. Но блаженный Епифаній положительно говорить, что это было не при Теононостѣ, а при Алексіи, и именно во время путешествія Алексія въ Константинополь. Ужели Епифаній даже этого не зналъ: когда преподобный сталъ игуменомъ? Ужели онъ могъ такъ перепутать имена — съ одной стороны Теононоста и Алексія, съ другой—Константинополь и Новгородъ съ Ордой?.. Дѣлать такія предположенія относительно близкаго ученика Сергіева намъ представляется по меньшей мѣрѣ оскорбительно.. Вѣдь нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Епифаній слышалъ рассказъ объ этомъ важномъ событіи отъ самого угодника Божія. И ради чего такія предположенія, когда такъ легко улаживается хронологія житія Преподобнаго болѣе простымъ предположеніемъ, что пустыnnики, живя единственно для Бога и спасенія души, обходились безъ officialнаго, такъ сказать, открытія монастыря, пока „черная смерть“ не заставила ихъ такъ настоячиво искать—игумена-священнослужителя...?

75. Монастырь Борисоглѣбскій находился тамъ, гдѣ теперь городское кладбище. Онъ упоминается въ лѣтописяхъ

подъ 1155 годомъ.—Фил. Черн. май, прим. 377.— Это былъ домовый монастырь митрополитовъ и патріарховъ.—Строевъ, Списки іерарх. 712.—Здѣсь же постриженъ и принялъ посвященіе и другъ Преподобнаго Сергія, св. Димитрій Прилудскій, основатель Никольскаго Переяславскаго монастыря, что на Волотѣ. Моск. Вѣд. 1892, № 250.

76. Стихира на „Господи воззвахъ“, въ службѣ Пр. Сергію.

77. Рукоп. Новг. Соф. Библ. № 1157—1072.

78. П. С. Казанскій замѣчаетъ: „хотя самъ Пр. Теодоръ Студитъ не желалъ, чтобы было раздѣленіе постриженія на великое и малое, но въ томъ изложеніи устава Студійскаго, которое сдѣлано Патріархомъ Алексіемъ и перешло въ Кіево-Печерскій монастырь, повелѣвалъ сначала ходить въ своей одеждѣ и искушалъ во всѣхъ службахъ, потомъ облакалъ въ монашескую одежду; послѣ сего постригалъ, облакалъ въ мантию, и когда по жизни своей окажется искушеннымъ инокомъ, удостоивалъ великой схимы. Такъ постригалъ и Пр. Сергія“.

79. Ник. Лѣт. IV, 223.

80. Проф. В. О. Ключевскій. Троицкій Цвѣтокъ № 9.

81. „Просвѣтитель“ Пр. Іосифа Волокол. — Ист. Монаш. со вр. Пр. Сергія, Кудрявцева, 33.

82. Акты, изд. Арх. Экспедиціей, т. I, стр. 16.

83. „Дух. Грамота“, гл. 15. Великія Четь-Минеи М. Макарія.

84. Служба Пр. Сергія, стихиры на „Господи воззвахъ.“

85. Соф. 2-я Лѣт. въ Полн. Собран. Лѣт. т. IV, стр. 121.

86. Гдѣ теперь тотъ источникъ, который изведенъ молитвами Пр. Сергія?— Авраамій Палицынъ, а за нимъ А. Н. Муравьевъ и др. утверждаютъ, что это такъ называемый, Пятницкій кладязь, надъ коимъ теперь есть и часовня. „Но въ одномъ, и притомъ древнѣйшемъ изъ списковъ житія Пр. Сергія, — говорить А. В. Горскій въ полномъ Опис. Лавры, стр. 6,—источникъ сей названъ рѣкою. Тамъ сказано: „бѣше паца и дубравы, и

идѣже нынѣ честный монастырь есть. Тогда убо рѣка течаше, яже есть и до нынѣ, иже отъ Клементьева не вельми близъ монастыря течеть (разумѣется ручей, который теперь пересыхаетъ, и который заканчивается Келарскимъ прудомъ). Другая же рѣка, яже нынѣ подъ монастыремъ течеть (конечно— Кончура, или по древнему произношенію—Консера), на томъ же мѣстѣ отъ искони рѣка не бѣше. Тѣмже и трудъ пріимаху братія, отдалека воду приносяще на потребу монастырскую.“ И далѣе: „обрѣтъ св. Сергіе въ единомъ рову воду отъ наводненія, надъ нимъ же ставъ молитву творяше, и воду освящя, и преклонъ колѣна начать молитву сице: „Боже, Отче Господа Іисуса Христа, даждь намъ воду на мѣстѣ семъ.“ И сія рекшу святому, абѣ внезапно вода явися велія, яже и до нынѣ вами зрима есть, отнеяже и почерпаемъ воду на всякую потребу, благодаряще Бога, даровавшаго намъ таковую благодать.—Прозвашеся же рѣка тая „Сергіева рѣка“ даже до десяти или двадцати лѣтъ.“—Преопр. Филаретъ Черниговскій говоритъ, что чудотворный источникъ однимъ изъ древнѣйшихъ списковъ житія указывается на сѣверной сторонѣ обители. Что чудотворный источникъ Сергіевъ существовалъ при Пахоміѣ, которому принадлежите вышеприведенная выписка изъ житія, видно и изъ 2-го канона Пр. Сергію, имъ составленнаго: пѣснь 1, троп. 2.—Мы склонны думать, что источникъ, о которомъ идетъ рѣчь, и есть именно ручей, называемый теперь Кончура; ибо: 1) Пятницкій кладязь всеже отстоитъ отъ обители не такъ близко, какъ Кончура; 2) это ископаный колодезь и довольно глубокий, а въ житіи ясно говорится о простой лужѣ отъ дождя, изъ которой образовался источникъ; 3) въ вышеприведенной выдержкѣ идетъ рѣчь о текущей водѣ, а не о колодезѣ; 4) источникъ Сергіевъ находился на сѣверной сторонѣ обители, а Пятницкій кладязь—на юго-восточной; Кончура же, дѣйствительно, протекаетъ съ сѣвера, вдоль западной Лаврской стѣны—на югъ; 5)

еслибы сей ручей существовать въ то время, когда обитель только что основывалась, то непонятны были бы жалобы братіи на недостатокъ воды, которая протекала тутъ же, подъ горою; а если принять во вниманіе, что въ то время всѣ окрестности были покрыты дремучими непроходимыми лѣсами, то нужно полагать, что ручей этотъ былъ значительнѣе, чѣмъ теперь: онъ и теперь никогда не пересыхаетъ, хотя по его берегамъ вовсе нѣтъ кустарниковъ до самого сада монастырскаго; а въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія онъ былъ такъ обиленъ водою, что покойный намѣстникъ Лавры А. Антоній съ А. Н. Муравьевымъ могли спуститься по нему на лодкѣ до Виеанскаго пруда. Наконецъ—6) если этого ручья не существовало тогда, при благопріятствовавшей лѣсистой мѣстности, и если онъ существуетъ нынѣ, не смотря на отсутствіе лѣсовъ, то уже одно это обстоятельство не указываетъ ли на чудесное происхожденіе этого ручья?—Здѣсь уместно съ благодареніемъ къ угоднику Божію упомянуть и о томъ, что его обитель и теперь пользуется обильнымъ источникомъ воды, напаяющимъ посредствомъ водопровода не только всю Лавру, но и всѣ гостиницы, Богоугодныя и хозяйственныя заведенія обители, и что этотъ источникъ находится также на сѣверной сторонѣ обители, занимствуя, быть можетъ, свои воды отъ тѣхъ же подземныхъ ключей, которые, повинаясь благодатному слову молитвы Сергіевой, пробились тогда на поверхность земли и образовали рѣку Сергіеву...

87. Троицк. Лист. № 134.

88. Слова и Рѣчи м. Филарета, по изд. 1844, II, 437—438.

89. Проф. В. О. Ключевскій. Троицкій Цвѣтокъ № 9.

90. Тамъ же.

91. Подробное изслѣдованіе сего вопроса можно найти въ „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“, въ т. VII, статья іеромонаха Арсенія: „О вѣчныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя Пр-

Сергія.“ Авторъ рѣшаетъ сей вопросъ отрицательно, хотя и ослабляетъ силу своихъ заключеній словомъ кажется. Его мнѣніе подтверждаетъ 2-я Соф. Лѣтопись: „Святый пребываше въ велицѣй нищетѣ, ни коего имѣнія притяжа, ни селѣ, но пребывая уповаю ко Богу“. П. С. Л. VI, 122.

92. Е. Голубинскій, стр. 29. Акт. Юрид. Качалова I, № 63.

93. Полное Опис. Лавры, ч. II, стр. 189. Примѣч. архим. Леонида.

94. Служба Пр. Сергію, стихиры на „Господи возвахъ“.

95. Ник. Лѣт. IV, 223.

96. Тамъ же, 224.

97. Приведено по Лѣт. Ник. 224.

98. Тамъ же, 225.—Разсказъ о посольствѣ патріарха къ преп. Сергію и о введеніи въ его обители общежитія мы изложили такъ, какъ онъ записанъ преподобнымъ Епифаніемъ. Если относить это событіе, какъ мы относимъ, къ 1372 году, то оказывается, что Епифаній прибылъ въ обитель Сергіеву спустя лишь три-четыре года послѣ введенія общежитія, слѣдовательно, слышалъ исторію этого важнаго въ жизни обители событія и отъ братіи, и отъ самого Преподобнаго Сергія во всѣхъ подробностяхъ подѣ съѣжимъ впечатлѣніемъ самого событія. Поэтому мы признаемъ необходимымъ не только вѣрить этимъ подробностямъ, но и тому впечатлѣнію, какое произвело это событіе, то есть, посольство вселенскаго патріарха, какъ на смиреннаго игумена, такъ и на братію обители, впечатлѣнію, которое такъ ярко выступаетъ въ разсказѣ Епифанія. А Епифаній именно говоритъ, что это посольство было совершенно неожиданно для самого Преподобнаго Сергія... Вотъ почему мы рѣшительно не можемъ согласиться съ г. Е. Голубинскимъ, который говоритъ, что „необходимо представлять дѣло иначе,“ что необходимо думать, что Сергій и Алексій (такъ пишетъ это имя г. Голубинскій) лишь прибѣгали къ авторитету патріарха, что „имъ нужно было посланіе патріарха, чтобы при помощи его придать своему

начинаю большую твердость... И вотъ, говоритъ ученый историкъ-профессоръ, чтобы подѣйствовать на большинство (тѣхъ монаховъ, которымъ не могло быть пріятно введеніе общежитія) Алексѣй и Сергій рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который бы своимъ голосомъ верховнаго пастыря Русской Церкви подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое предпріятіе... Но вѣдь если такъ, то „необходимо предполагать“, что Преподобный Сергій ждалъ этого посланія, которое ему „было нужно“, а если ждалъ, то что же значить это его удивленіе при полученіи посланія, эти вопросы: не ошиблись ли, къ нему ли посланы патріаршіе люди? Что значить, что онъ даже не рѣшился самъ вскрыть это посланіе, а пошелъ для этого въ Москву, къ митрополиту Алексію?.. Да проститъ намъ ученый профессоръ, но думать такъ, какъ онъ думаетъ, значить представлять себѣ Преподобнаго Сергія *притворяющимся* предъ братіей, а это значило бы считать его „себѣ наумъ“, что было бы хулою на угодника Божія... Мы не смѣемъ также бросать тѣмъ подозрѣнія во лжи и на ученика его, которому мы обязаны столь драгоценными свѣдѣніями о житіи угодника Божія... Повидимому, этого не жалеетъ и г. Голубинскій, — стр. 29, — хотя въ данномъ случаѣ противорѣчить себѣ, не довѣряя Епифанію въ такомъ показаніи, въ которомъ нельзя ему не вѣрить.

99. Ист. Пр. Мон. со вр. Пр. Сергія, діакона М. Кудрявцева, ч. I, стр. 57—64.

100. Подробныя свѣдѣнія о рукописяхъ того времени, хранящихся въ Лаврской ризницѣ и бібліотекѣ, можно найти въ полномъ Ист. Опис. Лавры и въ „Описаніи Славяно-русскихъ рукописей Библіотеки Св. Тр. Серг. Лавры“, 1879 г. въ трехъ частяхъ.

101. Русскіе Святые, Фил. Черн., сент. 12, стр. 49.

102. Она значится подъ № 308. Изслѣдованіе Ѳ. И. Буслаева о сей рукописи съ факсимиле образцовъ ея письма и украшеній издано обществомъ Л. Д.

Писъм. въ 1881 г. и поднесено авторомъ Государю Императору.

103. Ист. Р. Іерарх. IV, стр. 446—7. Ср. Посл. царя Грознаго въ Кирилловъ мон. въ Акт. Ист. т. I, стр. 382.

104. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 384.

105. Тамъ же, V, пр. 5

106. Тамъ же, пр. 15.

107. Тамъ же, пр. 103.

108. Ник. Лѣт. IV, 225.

109. Одна изъ Переяславскихъ волостей.

110. Слова и Рѣчи м. Филарета, изд. 1845, т. III, 473—475.

111. Мѣстное преданіе.

112. Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи.

113. Определенныхъ указаній нѣтъ; но сохранилось на Киржачѣ преданіе, что Пр. Сергій подвизался на Киржачѣ около 4-хъ лѣтъ. См. Кр. Исторія упрзд. Благ. Кирж. мон. стр. 9, по изд. 1880 г.

114. Стефанъ скончался въ глубокой старости и погребенъ вѣроятно въ Троицкой же обители.

115. Сіе посланіе помѣщено въ Прав. Соб. 1860 г. ч. I, стр. 459 и д.

116. Полное Собр. Лѣт. I, подъ 1375 г. (6883) Ник. IV, 41.

117. Пр. Исаака Сирина, Слова Духовноподвижн. сл. I, стр. 8.

118. Слова и Рѣчи м. Филарета, 1845 II, 109.

119. Ник. Лѣт. IV, 59.

120. Дух. Грам. Пр. Іосифа Волоколам гл. 10.

121. Ник. Лѣт. IV, 222 и 232.

122. Мысль м. Платона.—Этотъ крестъ и понынѣ хранится въ Лаврской ризницѣ, какъ священный памятникъ смиренія Сергіева и его любви къ нищетѣ, вмѣстѣ съ его крашенною ризою, деревянными сосудами и пр.—Изображеніе сего креста читатели могутъ видѣть въ заставкѣ предъ сею главою.

123. Ник. Лѣт. IV, 63—64.

124. Поученія преосв. Никанора архіеп. Херсонск. и Одесск., по изданію 1886, т. III, стр. 392—398.

125. Рѣчь м. Филарета къ новорукположенному епископу Леониду. — Изъ

обитатели Пр. Сергія вышло до 100 архипастырей, изъ коихъ одни были ея настоятелями, или намѣстниками, другіе получили воспитаніе въ Лаврской Семинаріи и Дух. Академіи.—Разск. изъ Ист. Р. Церкви гр. М. В. Толстаго, в. II, 80—81. Полное Опис. Лавры, часть 2-я, стр. 123—128.

126. Степен. кн. ч. I, стр. 468.

127. Пр. Фил. Черн. Русскіе Святые, окт. стр. 233.

128. У него же.—Грамота Патріарха въ Акт. Истор. 1, № 251.

129. Рукописный Лѣтописецъ, принадлежавшій о. архим. Леониду, листъ 38.

130. Они напечатаны въ „Прав. Собес.“ 1860 г. к. 2.

131. Митр. Макарія, Ист. Р. Церкви. IV, 66.

132. Лѣт. Ник. IV, 74.

133. Русскіе Святые, окт. 15, стр. 235.

134. См. Житіе М. Кипріана у преосв. Фил. Черн. Русскіе Св., подъ 16 сент.—Историки, въ томъ числѣ и покойный м. Макарій, обвиняютъ Святителя Кипріана въ умысленномъ дѣйствіи противъ Святителя Алексія. Одинъ Богъ—Сердцевѣдецъ и Судія помышленийъ сердечныхъ. Но намъ хотѣлось бы отмѣтить вотъ что: еслибы Кипріанъ по личнымъ корыстнымъ расчетамъ былъ врагомъ Св. Алексія, еслибы онъ искалъ его каѣдры по такимъ нечистымъ побужденіямъ, то можно ли было бы ожидать, чтобы Пр. Сергій, другъ Св. Алексія, хотя бы и по смерти послѣдняго, сталъ такъ настойчиво, вопреки желаніямъ В. Князя, держать сторону Кипріана? Пр. Сергію лучше были извѣстны тогдашнія обстоятельства, чѣмъ позднѣйшимъ историкамъ; его племянникъ Θεодоръ былъ духовникомъ В. Князя, и, конечно, былъ хорошо обо всемъ освѣдомленъ, а между тѣмъ мы и его видимъ на сторонѣ Кипріана... Это замѣчательно! Не забудемъ, что и тотъ и другой, и третій и четвертый—въ прославленные Церковію угодники Божіи... Мы не отрицаемъ слабостей человѣческихъ, которыя возможны и у святыхъ людей, но мы не хотимъ такъ рѣшительно раздѣлять мнѣнія истори-

ковъ о намѣренныхъ клеветахъ Кипріана на Алексія предъ Вселенскимъ Патріархомъ, точно такъ же, какъ не смѣемъ обвинять Θεодора въ измѣнѣ Кипріану и въ сочувствіи Пимену: опять замѣчательно, что тотъ же Патріархъ, который осудилъ Пимена, возвелъ въ санъ Архіепископа рукоположеннаго имъ Θεодора!..

135. Слова и Рѣчи м. Филарета, 1844. II, 107—108.

136. Путей. къ св. мѣстамъ Русскимъ, А. Н. Муравьева, изд. 3, ч. I, стр. 6.

137. Проф. В. О. Ключевскій. „Благодатный воспитатель Русскаго народнаго духа“, „Тр. Цвѣтокъ“ № 9.

138. По однимъ лѣтописямъ 17 августа, по другимъ—20 и 23.—У Иловайскаго, въ „Исторіи Россіи“, т. II, 117,—говорится, что В. Князь прибылъ въ обитель 18 авг.—и 20 выступилъ изъ Москвы.—У Карамзина онъ 20 авг. выступаетъ уже изъ Коломны къ устьямъ р. Лопасни, V, 70.

139. Такъ они названы въ древнихъ синодикахъ Лаврскихъ. Въ лѣтописяхъ вм. Александръ—Иродіонъ; у Фил. Черн., по рукоп. святцамъ, въ иноцѣхъ—Адріанъ. Смѣшеніе созвучныхъ именъ очевидно.

140. Историч. Опис. Симонова мон. Пассекъ, 68—69.

141. Въ надписи на крестѣ обращаетъ на себя вниманіе 21-е число августа: оно не согласно съ показаніемъ лѣтописей. Почтенный профессоръ Кіевской Духовной Академіи, В. Завитневичъ, которому мы обязаны благодарностью за доставленіе намъ фотографическаго снимка съ креста,—въ своей статьѣ объ этомъ крестѣ, —Труды К. Д. Академіи 1889 г. январь,—объясняетъ эту разницу тѣмъ, что въ надписи указано время устройства самаго оклада, а не день благословенія. Какъ ни хотѣлось бы намъ вѣрить его соображеніямъ въ пользу того мнѣнія, что надпись сдѣлана „чрезъ девять дней послѣ благословенія“, и что она „редактирована самимъ Великимъ Княземъ“, смѣемъ однако же въ этомъ усомниться; намъ кажется, что едва ли

бы Князь, редактировавший надпись", допустилъ такую несообразность: увѣковѣчить, такъ сказать, день устройства оклада, и не упомянуть о столь знаменательномъ для него самого днѣ благословенія у Преподобнаго... Скорѣе можно думать, что ошибка въ числѣ есть — съ одной стороны доказательство, что окладъ сдѣланъ гораздо познѣе, съ другой — это одинъ изъ вариантовъ сказанія о посвѣщеніи героемъ Донскимъ обители Сергіевой, вариантъ менѣе достовѣрный, чѣмъ указанные выше, въ примѣч. 138. Что касается подлинности креста, то покойный знатокъ древностей, о. Архим. Леонидъ, высказывалъ намъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Преподобный дѣйствительно благословилъ такимъ крестомъ В. Князя Димитрія: въ одной запискѣ, сохранившейся у насъ въ черновикѣ, онъ говоритъ: „1. Литейщикъ (чеканщикъ?), кто бы онъ ни былъ, едва ли бы посмѣлъ на окладѣ креста, принадлежащаго В. Князю, назвать его въ надписи просто „Княземъ Димитріемъ“, а не „Великимъ Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Московскимъ“, а Мамаѣ современникъ назвалъ бы въ подписи скорѣе „безбожнымъ“, чѣмъ „поганымъ“. 2) Зная то высокое вниманіе, какое оказывали обители Преп. Сергія какъ самъ В. Князь Димитрій, такъ и сынъ его В. К. Василій Димитріевичъ, трудно предположить, чтобы крестъ, столь драгоценный по своему значенію, не былъ бы ими *своевременно* отданъ на храненіе туда, гдѣ ему быть надлежало — въ обитель Преподобнаго. А изъ этихъ *двухъ* положеній невольно уже возникаетъ 3) что подпись эта вырѣзана на басменномъ окладѣ креста, дѣйствительно *стариннаго*, въ новѣйшее время для корыстныхъ цѣлей. для сбыта его *богачу* собирателю, но плохому археологу.“ — „Если бы Преп. Сергій *благословилъ* В. К. Д. И. крестомъ отъ своей обители, продолжаетъ о. Леонидъ, то конечно только крестомъ — *тѣлникомъ*, какіе Великіе Князья тогда дѣйствительно носили на персяхъ, и каковые могли въ обители быть“... Голубинскій прямо говоритъ въ примѣчаніи

къ своей книгѣ: „не можетъ подлежать сомнѣнію, что крестъ этотъ есть фальсификація: Преподобный Сергій могъ благословить В. Князя въ смыслѣ даренія крестомъ тѣльнымъ, но съ какой бы стати онъ благословилъ его крестомъ *напрестольнымъ*? Последнимъ крестомъ Преподобный нѣсколько разъ благословилъ государя въ смыслѣ осѣненія и поднесенія къ цѣлованію“. — Прим. 45. — Намъ представляется не невозможнымъ принять среднее мнѣніе, именно, предположить, что этотъ крестъ и есть тотъ самый *напрестольный*, который Преп. Сергій употребилъ при осѣненіи Князя, но который не сопутствовалъ Князю, а оставался послѣ въ обители. Вѣдь надпись не говорить, что сей крестъ былъ *врученъ* В. Князю. При такомъ предположеніи понятна и надпись, сдѣланная можетъ быть долго спустя, по предавію иноковъ въ обители. Какъ крестъ могъ попасть въ постороннія руки — это вопросъ другой, — который можетъ быть рѣшенъ только предложеніемъ какой либо случайности.

142. Древній Лѣтописецъ, СПб. 1775 г. ч. 2, стр. 31—32.

143. Имя Нектарія сохранилось въ одной изъ рукописей XVI в., которою мы пользовались.

144. „А поможетъ ти Богъ и Троица“ — это выраженіе можно читать еще въ Псковскихъ и Новгородскихъ лѣтописяхъ того же XIV-го вѣка при разсказѣ о моровой язвѣ 1351 года. См. Душен. Чт. 1890 г. ноябрь, статью о моровой язвѣ. Выраженіе это имѣло приблизительно такой смыслъ: „а поможетъ ти Богъ, по молитвамъ Церкви, возноsimымъ во храмѣ Пресвятыя Троицы“. Во Псковѣ былъ соборный храмъ посвященный имени Пресвятыя Троицы такъ же, какъ и въ обители Преподобнаго Сергія.

145. Синописисъ, стр. 84.

146. Карамзинъ, Исторія Гос. Росс. т. V гл. I, прим. 75.

147. Стихирарь № 22, л. 48.

148. Ник. Лѣт. IV, 104.

149. Тамъ же, 124.

150. Церк. Вѣд. 1892 г. № 41.

151. Гробницы иноковъ-героевъ находятся въ церкви Рождества Богородицы, что на Старомъ Симоновѣ, близъ Симонова монастыря. Вѣроятно, по перевесеніи въ Москву останковъ Александра Пересвѣта, здѣсь пожелалъ положить ихъ св. игуменъ Симоновскій, Пр. Теодоръ. Въ Арханг. Лѣт. сказано, что Ослябя тоже убить,—Карамз. V, 82;—но въ одномъ рукописномъ уставѣ Троицкаго Сергіева монастыря есть записи: „Пересвѣтъ инокъ Александръ, Ослябъ—инокъ Иродіонъ, иже былъ бояринъ Лубутской, посыланъ былъ съ милостынею въ Царьградъ 906 (8906—1398) лѣта, В. Княземъ Василюемъ Дмитріевичемъ. А сынъ его Акинеъ былъ бояринъ у Митрополита Фотія 933 (1425) г.“ Значитъ, въ битвѣ падъ одинъ Пересвѣтъ, который и въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ упоминается одинъ же. Соф. Вр. Строев. I, 364.—Полн. Опис. Лавры, I, 53.

152. Въ селѣ Монастырщинѣ, послѣ 500-лѣтія Куликовской битвы, возобновленъ храмъ; Его Императорское Величество, Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, во вниманіе къ нуждамъ этого храма, изволилъ двукратно для него дѣлать отъ своихъ Монаршихъ щедротъ пожертвованія; въ первый разъ въ сентябрѣ 1883 года Высочайше повелѣтъ выдать изъ собственныхъ суммъ Его Величества пособие въ количествѣ 1,000 рублей, а потомъ, въ мартѣ 1885 года благоволилъ принять на собственный счетъ всѣ расходы по возстановленію древнихъ царскихъ вратъ и исполненію вновь для этихъ вратъ, въ древнемъ стилѣ, иконостаса для придѣла во имя Преподобнаго Сергія. Тульск. Еп. Вѣд. 1885 г. № 10, отд. оффиц. стр. 158.—Такимъ образомъ эта древняя святыня будетъ говорить русскому сердцу о благочестивомъ усердіи великаго подвижника св. игумена и Вѣнцеснаго Монарха въ одно и то же время.

153. Соф. Врем. Строев. I, 402.

154. Ник. Лѣт. IV, 40. Воскр. II, 49.

155. Ник. Лѣт. IV, 131.

156. „Богословскій Вѣстникъ“, февр. 1896.

157. Кудрявцева, Ист. Пр. Мон. послѣ Преп. Сергія. стр. 52.

158. Рукопись Лаврск. Библ. № 782, Повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

159. „И не исходя отъ мѣста своего во иные предѣлы, развѣ нужды нѣкія, и не взыска царствующаго града, ни св. горы, или Іерусалима“... Епиф. въ Похв. Словъ Пр. Сергію.

160. Святѣи и Древности Ростова В., гр. М. В. Толстаго, стр. 23. Ник. Лѣт. III, 216.

161. Русскіе Святые, Фил. Черн., окт. 246.—Кудр. Ист. Монаш., 188.

162. Собр. Госуд. Грам. 209.

163. Разказы изъ Ист. Р. Церкви, гр. М. В. Толстаго, кн. II, стр. 70.

164. Ник. Лѣт. IV, 10. Воскр. II, 13.

165. Кудрявцевъ, 53.

166. Татищевъ въ Исторіи Россіи (IV, 315) говоритъ, что Пр. Сергій ѣздилъ (ходилъ) въ Рязань въ Филиппово заговѣнье, при Рязанскомъ епископѣ Θεоктистѣ.

167. Ник. Л. IV, 148. Воскр. II, 49.

168. Карамз. V, 86.—Памятникомъ посѣщенія Рязани Пр. Сергіемъ остался основанный имъ, по преданію Троицкій монастырь. См. ниже, прим. 230.

169. Собр. Госуд. Грам. I, 61.—Воскр. Лѣтоп. II, 56.

170. Пам. Др. Писъм. 1885. Житіе Пр. Сергія, стр. XVII. Издано Архим. Леонидомъ.

171. Соч. м. Платона, V, 34.

172. Въ одной древней рукописи въ большой подробности описывается мѣсто, гдѣ останавливался Стефанъ. „Оставя Пермь, поиде къ Москвѣ. Идушу же ему путемъ тѣмъ противъ Плащева и Елошекъ, Стромьинскія и Ярославскія дороги, отъ дороги семь верстъ, и провидя духомъ Стефанъ, яко въ то время Сергій Преподобный бѣ за столомъ, въ трапезѣ съ братією обѣдуеъ, поклонился ему“. Церк. Мѣсяц. Серг. Лавры, изд. 2, 1854, стр. 111.

173. Мысль Митрополита Платона. Въ 1900 г. при часовнѣ построенъ камен-

ный двухъ-этажный домъ, въ которомъ съ сентября 1901 года открыта церковно-приходская школа имени Святителя Стефана Пермскаго.

174. Слова и Рѣчи м. Филарета 1844, II, 106.

175. Ник. Лѣт. IV, 236.

176. На иконѣ посѣщенія Богоматерию Пр. Сергія Михай изображается обыкновенно позади Пр. Сергія, колѣнопреклоненнымъ, закрывающимъ лицо свое мантиею отъ сіянія славы небесной. Стоить замѣчанія, какъ объясняетъ простой народъ это закрытіе мантией. „Пр. Михай“, говорятъ простецы, „за три года предъ тѣмъ выпилъ одну чашу вина, и вотъ, вспомнилъ теперь о своемъ согрѣшеніи и боялся оскорбить Царицу Небесную своимъ дыханіемъ“... Такое толкованіе пишущему эти строки случилось слышать отъ многихъ простолюдиновъ. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку нравственного смысла этого объясненія, выразительно характеризующаго взглядъ благочестивой русской души на винопитіе, хотя жизнь и расходится далеко съ такимъ взглядомъ; но не голосъ ли это какого-нибудь древняго преданія?..

177. Ник. Лѣт. IV, 238.

178. Тамъ же, 236.

179. Карамз. V, прим. 137.

180. Опытъ Естеств. Богословія. Современное Общество, сборникъ г. Савича, 1879 г. кн. I, стр. 143.

181. Соч. м. Платона, V, 27.

182. Слово на день Пр. Сергія, 5 іюля, въ Твор. Св. Отц. 1863, кн. 3.

183. Епифаній въ Похвал. Словѣ Пр. Сергію.

184. Ник. Лѣт. IV, 239.

185. Кончина Преподобнаго Сергія записана подъ 6900 годомъ въ лѣтописяхъ: Троицкой, Софійской, Воскресенской и Ніконовской. Вотъ, напримѣръ, запись Воскресенской лѣтописи: „Въ лѣто 6900... о преставленіи игумена Сергія Троицкаго. Тое же осени сентября 25 на память преподобна Евфросинія, преставися Преподобный и Богоносный отецъ нашъ игумень Сергій Троицкій, иже въ

Радонежи, иже бѣ началникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси, и положенъ бысть въ честнѣй обители Святыхъ Троица, юже самъ созда“ (см. Полн. Соб. Лѣт. VIII, 62; слѣхи: I, 232—233; V, 245; VI, 119; Русск. Временникъ, ч. I, 326). Только Шевыревъ видѣлъ какую-то редакцію житія съ годомъ 6905 (см. Ист. Русск. Сл. ч. 3, стр. 153, въ поздней рукоп. Синод. Библ. № 90) да въ библ. покойнаго митр. Макарія была рукопись съ тѣмъ же годомъ. В. О. Ключевскій осмотрѣлъ до десяти редакцій Пахоміева житія XV в. и вездѣ видѣлъ 6900 г.— „Несомнѣнно“, говоритъ П. С. Казанскій, „что мощи Преподобнаго Сергія обрѣтены были спустя 30 лѣтъ послѣ его кончины. При ихъ открытіи присутствовалъ Звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ. Если бы кончина Преподобнаго Сергія была въ 6905 г., то обрѣтеніе падало бы на 1427 г.; а Юрій еще въ 1422 г. удалился въ Галичъ, и не равнѣ, какъ чрезъ 10 лѣтъ былъ близъ Москвы. Пр. Ніковъ умеръ въ 1428 г., а онъ успѣлъ до своей кончины не только построить каменный храмъ въ обители, но и украсить его стѣннымъ писаніемъ. Въ 1426 г. въ семъ храмѣ уже положенъ князь Андрей Владиміровичъ Радонежскій“. Всѣ эти соображенія подтверждаютъ, что Преподобный Сергій скончался въ 6900 г., и что въ цифрѣ 6905 есть ошибка: букву е, коей оканчивалась цифра (лѣто 6900-е) писецъ принялъ за цифру и поставилъ подъ титломъ. Такъ думаютъ: преосв. Филаретъ Черниговскій, П. С. Казанскій и о. архим. Леонидъ. См. Пам. Др. Письм. 1885 г. Житіе Препод. Сергія. стр. V—VI, въ примѣчаніи.—Остается вопросъ: какой годъ слѣдуетъ принимать при переводѣ лѣтъ отъ Сотв. М. на годы отъ Р. Хр.: сентябрьскій или мартовскій? Извѣстно, что при переводѣ сентябрьскихъ годовъ на январскіе, въ мѣсяцахъ съ сентября по декабрь, принято вычитать не 5508, какъ при переводѣ въ прочіи мѣсяцахъ, а 5509, откуда и получается годъ кончины Преподобнаго Сергія — въ сентябрьскомъ

году 1391-й, а въ мартовскомъ 1392-й. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ Карамзинъ и за нимъ Строевъ, опираясь на то, что въ древнихъ лѣтописяхъ: Троицкой, Воскресенской и др.—въ началѣ княженія Василія Дмитріевича лѣтописаніе ведется повидимому съ марта, принимаютъ 1392 г. Но большинство изслѣдователей, къ числу коихъ относятся: преосв. Филаретъ Черниговскій, преосв. Сергій Владимірскій, о. архим. Леонидъ, профессоръ: В. О. Ключевскій и П. С. Казанскій, относятъ кончину Преподобнаго Сергія къ 1391 г. Мы болѣе склоняемся къ послѣднему лѣтосчисленію по слѣдующимъ соображеніямъ: неизвѣстно, съ точностію, съ какого именно года принято вести лѣтосчисленіе съ сентября; можно съ вѣроятностію предположить, что это счисленіе введено было съ начала новаго столѣтія, именно съ 6900 года. Во всякомъ случаѣ это лѣтосчисленіе было новое въ то время, и лѣтописцы, сводившіе записи о событіяхъ уже въ XV столѣтіи, могли, по выраженію Карамзина, „сбиваться на старину“ въ означеніи годовъ не только въ событіяхъ конца XIV, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка (см. Ист. Гос. Росс. т. 5, прим. 246). Первоначальнаго же текста лѣтописи, современной кончинѣ Пр. Сергія, до насъ не дошло. Допустить такую ошибку въ годъ кончины Пр. Сергія было возможно уже и потому, что ни въ одной записи не означенъ день седмицы, въ которой приходилось въ томъ году 25 сентября. Между тѣмъ и помимо лѣтописей есть указанія на 1391 г., какъ годъ кончины Преподобнаго. Въ рукописи Лаврской бібліотеки № 264, на листѣ 156. есть такая приписка: „въ лѣто 6900 мѣс. сентевріа 25 преставися Сергій Чудотворецъ... въ лѣто 6967 индикта 6, кругъ солнцу 22 и луны 12, фемеліосѣ 15... отъ сего лѣта Сергію Чудотворцу (со дня его блаженной кончины) настала година 67, а Никону игумену 31“... Опис. Слав.-Русск. Рук. Тр. Лавры, т. II, стр. 40. Всѣ пасхалическія даты этой записи соотвѣтствуютъ, по Великому Индиктіону, не-

6967, а 6966 году; значитъ, инокъ, сдѣлавшій эту записъ, считалъ годъ съ сентября, а не съ марта, и указывая на 6900 г. какъ годъ кончины Преподобнаго, тоже разумѣлъ сентябрьскій, а не мартовскій годъ. Но самый вѣрный ключъ къ рѣшенію этого вопроса даетъ намъ надпись на окладѣ Лаврскаго рукописнаго Евангелія: „В лѣ 6900 март. индикта 31 (это число очевидно относится не къ индикту, а къ мѣсяцу) оковано бысть еве се при Велицѣмъ Князѣ Василіи Дмитріевичъ всеа Руси“... см. Полное Описаніе Лавры, ч. 1, стр. 41. На этомъ, окладѣ Преподобный Сергій изображенъ уже въ числѣ святыхъ съ такою надписью: *с агоу сергѣи*, —см. рисунокъ въ началѣ книги. Если сей окладъ, какъ показываетъ эта надпись, сдѣланъ въ мартѣ 1392 года, а Преподобный Сергій скончался позднѣе—въ сентябрѣ того же года, то приходится допустить, что изображеніе Угодника Божія въ числѣ святыхъ сдѣлано еще при его жизни: но возможно ли такое предположеніе? А принимая годъ его кончины 1391, не трудно понять, что благоговѣнный читатель его памяти, рабъ Божій Ѳеодоръ (Голтиевъ), жертвуя сіе Евангеліе въ обитель Преподобнаго Сергія, чрезъ полгода послѣ его кончины, сдѣлалъ на окладѣ и его изображеніе. Достойно примѣчанія: лѣто 6900-е—годъ кончины многихъ святыхъ: Преподобнаго Сергія 25 сентября; Іакова Епископа Ростовск. 17 ноября; Ѳеодора Юрод. Новгородск. 29 января; Дмитрія Прилудкаго 11 февр.; Мееодія Пѣшновск. 14 іюня; Преп. Григорія и Кассіана Авнежскихъ; Николая Качанова Юрод. 27 іюля; Преп. Романа Киржачск. 29 іюля. Изъ сего списка видно, что св. старецъ Сергій воззвалъ къ себѣ въ небесную обитель многихъ и изъ учениковъ своихъ въ томъ же году.

186. Епифаній въ Похв. Словаъ Пр. Сергію.

187. См. вторую молитву послѣ Акаѣста Пр. Сергію.

188. Соч. м. Платона, XIX, 141—142.

189. Свѣдѣнія о нихъ см. выше, гл. VII.

190. Ник. Лѣт. IV, 236—238. — Рукоп. Святцы.
191. Ник. Лѣт. IV, 152.
192. Карамзинъ. V, прим. 137.
193. Осада Лавры, I, 164.
194. У Фил. Черн., сент., стр. 146.
195. Полн. Опис. Лавры. I. 58.
196. Житіе Пр. Нікона, игумена Радонежскаго соч. м. Филарета. Москва. 1853 г., стр. 5—6.
197. Полное Опис. Лавры, ч. I, стр. 5.
198. Надпись на „Лѣствицѣ“, писанной въ 1412 г.: „въ лѣто 6920 написася Божественная Лѣствица..... въ обители Преп. игумена Сергія. Въ то же лѣто и священа бысть церкви мѣс. септемвриа въ 25 день“. Опис. Рукоп. Лавр. Библ. т. I, 138, № 156. У преосв. Филарета Черн. (ноябр. 17, стр. 355) годъ ошибочно выведенъ 1417.
199. Полн. Опис. Л I, 57.
200. Тамъ же.
201. По прологу 1426 г.
202. О распространеніи монашества изъ обители Пр. Сергія читай въ „Исторіи Пр. Мон.“ Кудрявцева, въ „Русской Энциклопедіи“ А. Н. Муравьева, въ „Истор. Р. Церкви“ м. Макарія, т IV, въ „Разсказахъ изъ Исторіи Р. Церкви“ гр. М. В. Толстаго. Въ рукописномъ перечнѣ св. подвижниковъ, вышедшихъ изъ монастырей, основанныхъ Пр. Сергіемъ, его учениками и собесѣдниками, насчитано болѣе 100 лицъ, прославленныхъ Церковію. Болѣе подробное изложеніе того же предмета читатель найдетъ во 2-й книгѣ „Троицкой Библіотеки“ — „Троицкій Патерикъ“.
203. Фил. Черн., іюль, 122, прим. 222.
204. Словарь о Святыхъ, просл. въ Россійск. Церкви, стр. 4, изд. 2.
205. Слава Пресв. Богородицы, ч. III, 37—38.
206. Подробнѣе о Преп. Аврааміѣ и его монастыряхъ можно читать въ книгѣ: „Св. угодники Воинъ и подвижники Костромскіе“. Кострома, 1879 г. стр. 65—73. и въ Пам. Кн. для Костр. Епархіи, 1868 г. отд. I, стр. 60.
207. Словарь о святыхъ, стр. 193.
208. Фил. Черн., янв., стр. 51.
209. Ник. Лѣт. IV. 232.
210. Ист. Опис. сего мон., Калайдовича, 1837 г., стр. 6 и примѣч. на 8 стр.
211. Тамъ же, 98 и 100.
212. См. выше, гл. VII, и примѣч. къ ней.
213. Историч. Опис. Симонова Монастыря, 1843 г. стр. 7.
214. Народное преданіе, записанное у Чельцова, повѣствуетъ, что мѣстность, гдѣ теперь перковь св. Іоанна Предтечи на Нарѣ, въ селѣ-погостѣ Ивановская Гора, проходилъ нѣкогда Преподобный Сергій, не разъ посѣщая Высотскій монастырь въ Серпуховѣ. Здѣсь посадилъ онъ дубъ, который имѣлъ потомъ въ объемѣ до 13 аршинъ и теперь остался только пень. Моск. Вѣд. 1894 г. № 89, марта 31.
215. Подробнѣе объ обоихъ Аванасіяхъ см. у Фил. Черн. подъ 12 сент.
216. Моск. Губ. Вѣд. 1841 г., № 6 стр. 48.
217. Объ основаніи сего монастыря говоритъ Ник. Лѣт. подъ 1378 г. ч. IV. стр. 83—84.
218. О Саввѣ Стромынскомъ см. въ рук. Моск. Дух. Ак. № 86, подъ 20 іюля; объ Успенскомъ Стромынскомъ мон.— въ Моск. Еп. Вѣд. 1870 г. № 40 и въ статьѣ гр. М. В. Толстаго въ Читеніяхъ О. И. и Др. кн. I, 46, а также въ Дух. Чт. 1877 г. статья: „Ученики Пр. Сергія“, принадлежащая тому же автору, ч. II, стр. 245 и дал.
219. У пр. Фил. Черн., сент., 151, прим.
263. Словарь о Святыхъ.
220. Дух. Чт. 1877 г. II, 494 и д. Рукоп. Святцы Моск. Дух. Акад. № 203.
221. Дух. Чт. 1877, II, 241 и д.
222. Объ основаніи Голутвина мон. Пр. Сергіемъ говоритъ 2-я Соф. Лѣт. П. С. Л. VI, 122.—О посохѣ см. Русск. народн. картинки, Ровинскаго, кн. IV, стр. 383.
223. Полн. Опис. Лавры, ч. I стр. 51. Впрочемъ, преосв. Фил. Черняговскій считалъ Пр. Никифора за одно лицо съ Никитою Серпуховскимъ, а о Протоіерей С. К. Смирновѣ отождествляетъ съ ними и пр. Никиту Костромскаго. См. Дух. Чт. 1885 г. іунь, стр. 147—148.

224. Русская Оиваида на сѣверѣ, стр. 8 и 9.

225. Моск. Вѣд. 1892. № 250.

226. См. выше, прим. 158.—Истор. Словарь о Святыхъ, стр. 105—107. Святыхъ и Др. Ростова Великаго, 89—91.

227. О немъ говорено выше, гл. XIV. См. еще Нижегород. Еп. Вѣд. 1887. г. № 19, стр. 1071.

228. Полн. Опис. Лавры, I, 177.

229. Памятникомъ существованія этой обители осталось названіе кремлевскихъ воротъ, близъ коихъ она находилась, *Троицкими*.

230. Статистич. Историч. Описаніе церквей и монастырей Рязанск. Епархіи, свящ. И. В. Добролюбова, Рязань, 1884 г., стр. 50—51; „преданіе говоритъ, что Пр. Сергій, по прибытіи въ столицу княжества Рязанскаго, не прямо вступилъ въ княжескій дворецъ, находившійся на мѣстѣ нынѣшняго архіерейскаго дома, а предварительно остановился въ Тро-

ницкомъ монастырѣ. Но ни въ одной изъ лѣтописей это преданіе не подтверждается“. Автору упомянутой книги кажется болѣе вѣроятнымъ, что Троицкій монастырь былъ основанъ въ память пребыванія Пр. Сергія въ Рязани не ранѣе XV столѣтія. Но столь же вѣроятно и то предположеніе, что онъ основанъ самимъ Пр. Сергіемъ, по желанію Рязанскаго Князя, подобно тому, какъ имъ основаны были, по желанію мѣстныхъ Князей, монастыри въ Серпуховѣ и Коломнѣ.

231. Укажемъ хоть одинъ примѣръ: въ селѣ Чашниковѣ Московскаго уѣзда при *Троицкой* церкви есть одна плита съ надписью, что тутъ погребенъ схимникъ. Село это извѣстно по письменнымъ документамъ съ 1585 года. См., Старая и Новая Москва. И. Токмакова, вып. VII.—Замѣчательно, что Преподобный Сергій и многіе его ученики были основателями обителей во славу *Пресвятыя Троицы*

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Въ заставкахъ, украшающихъ нашу книгу, мы желали съ одной стороны дать изображеніе мѣстностей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ жизни Преподобнаго Сергія, и тѣхъ священныхъ предметовъ, какіе сохранились для насъ какъ драгоценныя вещественныя памятники отъ его времени, а съ другой—хотя отчасти познакомить читателя съ тѣми художественными вкусами, въ коихъ воспитывались наши предки во времена, близкія къ Преподобному Сергію. Съ этою цѣлю мы воспользовались древнею рукописною псалтирью, которая представляетъ образецъ художественнаго краснописанія XV вѣка и — что имѣетъ конечно свою цѣну именно для нашей книги — писана въ обители Пр. Сергія и принадлежитъ ея бібліотекѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли воспроизвести этихъ роскошныхъ заставокъ красками и золотомъ, ибо это въ нѣсколько разъ увеличило бы стоимость изданія; но надѣемся, что читатель отдастъ должную дань уваженія нашимъ предкамъ уже за то изящество и изобрѣтательность въ рисунокѣ, о которыхъ даютъ достаточное понятіе и наши заставки.—Характеръ буквъ—иниціаловъ также заимствованъ нами изъ лаврскихъ рукописей XIV и XV вѣка, съ присоединеніемъ къ нимъ видовъ окрестностей Лавры и нѣкоторыхъ ея достопримѣчательностей. Въ текстѣ настоящаго, пятаго изданія помѣщено болѣе 75-ти миниатюръ, заимствованныхъ нами изъ рукописи Житія Преподобнаго Сергія конца XVI-го вѣка, хранящейся въ Лаврской ризницѣ. Эта рукопись была издана въ 1853 году литографскимъ способомъ въ точномъ снимкѣ, но въ продажѣ этого снимка болѣе нѣтъ, поэтому наши гравюры могутъ дать нѣкоторое понятіе о характерѣ рисунковъ, украшающихъ эту древнюю рукопись. Въ подлинникѣ рисунки большого размѣра и раскрашены красками; мы выбрали болѣе характерныя изъ нихъ и предлагаемъ въ уменьшенномъ видѣ. Нѣсколько рисунковъ въ настоящемъ изданіи составлено вновь, только въ стилѣ упомянутой рукописи. Вотъ краткое описаніе всѣхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ:

1. Рисунокъ на оберткѣ (виньетка) вынмимъ свои скорби сердечныя, и духовно
ражаетъ мысль, что Пр. Сергій есть ду-просвѣтляясь, обновляясь и оживотворя-
ховное солнце, какъ своей родной оби-ясь благодатію Божіей, незримо, но для
тели, такъ и всей Русской земли, сыны вѣры осозательно воздѣйствующей на
которой и повнѣ стекаются со всѣхъ простыя, открытыя ей сердца право-
ея концовъ къ его негнѣннымъ мощамъ, славныхъ Русскихъ людей. — Рисунокъ
слагая здѣсь, у гроба его, свои нужды представляетъ внутренній видъ Лавры
и тяготы житейскія, изливая предъ южной стороны, отъ митрополичьяго

дома; группы богомольцевъ благоговѣнно сосредоточены на святѣхъ Троицкаго собора; надъ картиною сіяетъ въ лучахъ имя Преподобнаго.—Рамка рисунка составлена изъ заставокъ вышеупомянутой рукописи.

2. На выходномъ листѣ — Св. ворота Лавры.

3. На III стр. съ эпиграфомъ — древнѣйшее изображеніе Пр. Сергія, награвированное на серебряномъ окладѣ Евангелія чрезъ полгода послѣ его кончины. См. примѣчаніе 184.

4. На стр. IV—изображеніе покровъ, возложеннаго на мощи угодника Божія Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ и Его Августѣйшею Супругою въ бытность Ихъ въ Лаврѣ послѣ Коронаціи. Рисунокъ—художника Н. В. Султанова, работа — монахинь Московскаго монастыря.

5. Предъ предисловіемъ въ заставкѣ—видъ Лавры съ юговосточной стороны, отъ желѣзной дороги.

6. Тутъ же, около первой буквы, изображеніе преп. Епифанія, перваго списателя Житія Пр. Сергія.

7. Къ 1 стр. текста приложено изображеніе древнѣйшей иконы Пр. Сергія, писанной, по преданію, однимъ изъ его учениковъ и находящейся въ Новгородѣ, въ крестовой архіерейской церкви, посвященной его имени. См. Святѣи и Древн. Новгорода Великаго, гр. М. В. Толстаго, 1861 г. стр. 77. Текстъ въ свиткѣ такъ потемнѣлъ, что его разобрать было трудно; поэтому, въ видахъ назиданія, мы взяли текстъ этотъ со свитка на другой подобной же иконѣ Пр. Сергія, изъ ризницы Лаврской.

8. Стр. 1. Въ заставкѣ—видъ Ростовскаго Троицкаго Варницкаго монастыря.

9. Въ буквѣ—старая колокольня при пещерахъ Геесиманскаго скита близъ Лавры, нынѣ уже несуществующая.

10 и 11. Стр. 2. Милосердіе родителей Пр. Сергія и ихъ молитва.

12. Стр. 9. Крещеніе Вареолеомея.

13. Стр. 10. Постъ св. младенца.

14. Стр. 12. Видъ Лаврской трапезной церкви во имя Пр. Сергія.

15. Стр. 13. Въ заставкѣ—видъ села Городка, что въ древности былъ городъ Радонежъ, въ 3 верстахъ отъ Хотькова монастыря.

16. Въ буквѣ—видъ церкви въ Боголюбской киновіи близъ Лавры.

17. Стр. 14. Дѣтское горе.

18. Стр. 16. Встрѣча отрока Вареолеомея со старцемъ.

19.—Старецъ благословляетъ отрока.

20. Стр. 18. Наученіе св. гостя.

21. Стр. 19. Угощеніе св. гостя.

22. Стр. 24. Дѣтская молитва.

23. Стр. 25. Калиги, бывшія 30 лѣтъ въ землѣ на стопахъ Пр. Сергія.

24. Стр. 26. Въ заставкѣ — видъ Покровскаго Хотькова монастыря.

25. Въ буквѣ—видъ церкви, бывшей надъ пещерами Геесиманскаго скита до 1888 г.

26. Стр. 32. Переселеніе родителей Пр. Сергія въ Радонежъ.

27. Стр. 34. Прощаніе Вареолеомея съ усопшимъ родителемъ.

28.—Гробница родителей Пр. Сергія въ Хотьковѣ монастырѣ.

29 и 30. Стр. 35. Поминовеніе имъ родителей и милостыня за нихъ.

31. Стр. 36. Видъ Лаврской церкви Сошествія Святаго Духа, съ приделомъ во имя праведнаго Филарета Милостиваго, гдѣ погребены Московскіе святители—Филаретъ и Иннокентій.

32. Стр. 37. Въ заставкѣ—изображеніе чудотворной иконы Пресвятыя Троицы, писаной пр. Андреемъ Рублевымъ и находящейся съ правой стороны царскихъ вратъ въ Троицкомъ соборѣ Лавры.

33. Въ буквѣ—видъ внутреннихъ скитскихъ св. воротъ и колоколни надъ ними.

34. Стр. 40. Расчистка лѣсной чащи.

35.—Основаніе Лавры.

36. Стр. 42. Братья-подвижники у митрополита Феогноста.

37. Стр. 45. Въ заставкѣ — параманъ Пр. Сергія, хранящійся при его св. мощахъ.

Въ буквѣ—см. № 9.

- 38 и 39. Стр. 47. Постриженіе Пр. Сергія.
 40. — Причащеніе новопостриженнаго инокa Сергія.
 41. Стр. 50. Прощаніе съ Митрофаномъ.
 42. Стр. 52. Поученіе въ пустынь.
 43. Въ заставкѣ—келейная икона Богоматери, принадлежавшая Пр. Сергію и хранящаяся при его св. мощахъ.
 44. Въ буквѣ—видъ деревянной скитской церкви въ честь Успенія и взятія на небо Богоматери.
 45. Стр. 58. Мнимые литовцы.
 46 и 47. Стр. 61 и 62. Страннопримство пустытника.
 48. Стр. 64. Панагія изъ агата, въ которомъ видно нерукотворенное изображеніе Распятія и молящагося предъ нимъ инокa. Осыпана брилліантами и жемчугомъ. Устроена м. Платономъ и хранится въ Лаврской ризницѣ.
 49. Стр. 65. Въ заставкѣ—келейная икона Святителя Николая Чудотворца, принадлежавшая Пр. Сергію и хранящаяся при св. его мощахъ.
 50.—Въ буквѣ—потиръ изъ рудожелтого мрамора, обложенный золотомъ и съ золотымъ поддономъ, даръ Великаго Князя Василія Васильевича, 1448 года.
 51 и 52. Стр. 66 и 68. Первые пришельцы.
 53 и 54. Стр. 70. Пр. Сергій мелетъ въ жерновахъ и носитъ воду для братіи.
 55 и 56. Стр. 71. Пр. Сергій рубитъ дрова и варитъ пищу для своей братіи.
 57. Стр. 72. Пр. Сергій строитъ келліи для братіи.
 58. Стр. 73. Двѣнадцатилѣтній постриженникъ.
 59. Стр. 73. Видъ Лаврской колокольни.
 60. Стр. 74. Въ заставкѣ—раскрытый служебникъ, писанный при Пр. Сергѣи рукою Пр. Нікона въ 1381 году, на пергаменѣ.
 61.—Въ буквѣ—серебряная ладоница въ видѣ пятиглавой церкви, изъ Лаврской ризницы.
 62. Стр. 77. Просьбы братіи.
 63. Стр. 82. Бесѣда съ святителемъ Аѳанасіемъ.
 64.—Рукоположеніе Пр. Сергія во іерея.
 65. Стр. 83. Прощаніе съ святителемъ.
 66. Стр. 84. Въ заставкѣ—схема Пр. Сергія, хранящая у св. его мощей.
 67. Въ буквѣ—видъ Визанскаго монастыря.
 68. Стр. 85. Встрѣча св. игумена.
 69. Стр. 88. Св. игумень печетъ просфоры.
 70. Стр. 93. Ковчегъ—дарохранительница въ видѣ кувукліи Гроба Господня, въ церкви преп. Іоанна Лѣстничника, при больницѣ—богздѣльнѣ Сергіевы Лавры.
 71. Стр. 94. Въ заставкѣ—изображеніе деревянныхъ Богослужебныхъ сосудовъ, изъ которыхъ, по преданію, Пр. Сергій причащался благодатнымъ огнемъ. Слѣва—епитрахиль темносиней камки, принадлежавшая Пр. Сергію.
 72.—Въ буквѣ—видъ Симонова монастыря.
 73. Стр. 96. Лучина свѣтитъ чтенію и пѣвію.
 74 и 75. Стр. 98. Построеніе сѣней для Давиіла.
 76. Стр. 99. Напрестольное Евангеліе пожертвованное братіей Лавры въ память 500-лѣтія кончины пр. Сергія въ трапезную церковь его имени. Средняя икона вынимается и замѣняется другою, сообразно празднику. Такихъ иконъ всего 13. Вѣсъ Евангелія 38 фунтовъ.
 77. Стр. 100. Жертва невідомыхъ благодотворителей.
 78. Стр. 102. „Видите: Господь не оставляетъ рабовъ Своихъ“...
 79. Стр. 104. Изведеніе источника.
 80.—Рѣка Сергіева.
 Стр. 107 см. № 23.
 81. Стр. 110. Въ заставкѣ—Евангеліе Пр. Нікона, малой мѣры, писанное его рукою на пергаменѣ, хранится въ Лаврской ризницѣ.
 82. Въ буквѣ—серебряная солонка поднесенная М. Филарету 5 августа 1867 г. и хранящаяся въ Лаврской ризницѣ.
 83 и 84. Стр. 111. Воскрешеніе отрока.
 85. Стр. 112. Исцѣленіе разслабленнаго.
 86. Стр. 114. Исцѣленіе бѣсноватаго.
 87 и 88. Стр. 117. Св. игумень шьетъ себѣ рясу изъ гнилаго сукна.
 89. Стр. 118. Св. игумень трудится на огородѣ.

90. Стр. 119. Св. игумень съ любовью обнимаетъ поселянина.
91. Стр. 120. Князь въ гостяхъ у св. игумена.
92. Стр. 121. Паникадило въ церкви Иоанна Лѣстничника въ видѣ креста. Рисунокъ автора сей книги.
93. Стр. 122. Въ заставкѣ — крестъ, присланный Пр. Сергію Вселенскимъ Патріархомъ Филоеемъ. Золотой окладъ на немъ съ изображеніемъ Пр. Сергія, сдѣланъ въ XVI ст., на немъ надпись: „сдѣлалъ Аврейко Петровъ Сѣмаловъ“.
- 94.—Въ буквѣ — сребропозлащенная лампада, пожертвованная къ мощамъ Пр. Сергія В. Княгиней Маріей Николаевой въ 1850 г.
95. Стр. 124. Видѣніе птицъ.
96. Стр. 126. Патріаршіе посланцы.
- 97 и 98. Стр. 132. Почеркъ руки преп. Епифанія, писателя житія Сергіева.
99. Стр. 134. Св. игумень ходитъ за больными.
100. Стр. 130. Въ заставкѣ — видъ Махрицкаго монастыря.
- Въ буквѣ — см. № 16.
101. Стр. 137. Сергіи на пути въ Махру.
102. Стр. 144. Торжество любви.
103. Стр. 146. Въ заставкѣ — крестъ, возложенный на Пр. Сергія св. другомъ его Митрополитомъ Алексіемъ.
- 104.—Въ буквѣ видъ часовни на площади противъ св. воротъ Лавры.
105. Стр. 151. Предложеніе Пр. Сергію Митрополіи и его отреченіе.
- 106.—Св. Алексій благословляетъ Пр. Сергія.
107. Стр. 155. Пр. Сергіи отказывается отъ Митрополіи предъ В. Княземъ Димитріемъ.
108. Стр. 163. Въ заставкѣ — изображеніе сѣни надъ могилою иноковъ-воиновъ Пересвѣта и Осляби въ церкви Рождества Христова, что на Старомъ Сѣмаловѣ.
- 109.—Подъ буквою — панагія золотая, крестовидная, съ изображеніемъ Знаменія Богоматери на сердоликѣ, съ брилліантами и изумрудами; пожалована Государынею Императрицею Маріею Александровною митрополиту Филарету 5 іюня 1861 года.
110. Стр. 169. Пр. Сергіи поручаетъ своихъ иноковъ-воиновъ Пересвѣта и Ослябя В. Князю Димитрію Іоанновичу.
- 111.—Пр. Сергіи благословляетъ В. Князя Димитрія на брань съ Мамаемъ.
112. Стр. 170. Крестъ, которымъ Пр. Сергіи, по преданію, благословилъ В. Князя Димитрія. См. прим. 141.
113. Стр. 172. Посланцы Сергіевы на полѣ Куликовомъ.
114. Стр. 176. Битва Пересвѣта съ Челибеємъ.
115. Стр. 177. Молитва Пр. Сергія въ часъ битвы Куликовской.
116. Стр. 181. Царскія врата, по преданію, пожертвованныя преп. Сергіемъ на поле Куликово.
117. Стр. 182. Ножичекъ со влагалищемъ и деревянная ложечка, принадлежавшіе Пр. Сергію и хранящіеся при св. его мощахъ.
118. Стр. 183. Въ заставкѣ — образъ видѣнія Богоматери Преподобнымъ Сергіемъ, складной, писанный на верхней доскѣ отъ гроба Пр. Сергія. Сей образъ былъ въ походахъ 1654, 1659, 1703, 1812, 1855 и 1877 годовъ при Русскихъ войскахъ. 29 февраля 1904 г. сей образъ данъ въ благословеніе Русской арміи въ лицѣ ея главнокомандующаго А. Н. Куропаткина. Мѣсто образа — въ Троицкомъ соборѣ Лавры, надъ южной дверью въ алтарь, близъ св. мощей угодника Божія.
- Въ буквѣ см. № 44.
119. Стр. 184. Икона св. Николая чудотворца, которою Пр. Сергіи благословилъ державца Терновскаго.
120. Стр. 190. Изображеніе золотой лампы, пожертвованной Ихъ Величествами отъ всего Царскаго семейства въ 1861 г. къ мощамъ Преподобнаго Сергія.
121. Стр. 191. Въ заставкѣ часовня на 11-й верстѣ отъ Лавры, по пути въ Москву, на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался Святитель Стефанъ Перискій.
- 122.—Въ буквѣ — одна изъ древнихъ панагій, рѣзанныхъ изъ кипариса и хранящихся въ Лаврской ризницѣ.

123 и 124. Стр. 194. Заочное свиданіе святыхъ.

125. Стр. 198. Сослуженіе Ангела Пр. Сергію и причащеніе его благодатнымъ огнемъ.

126. Стр. 200. „Бодрствуй, чадо..“

127. Посѣщеніе Богоматерію Пр. Сергія.

128. Стр. 203. Вразумленіе сомнѣвающагося грека.

129. Стр. 206. Видъ Лаврской церкви въ честь чудотворной Смоленской иконы Богоматери.

130. Стр. 207. Въ заставкѣ—рака св. мощей Пр. Сергія.

Въ буквѣ—см. № 16.

131. Стр. 203. Послѣдніе завѣты св. старца.

132. Стр. 210. Предсмертное причащеніе Пр. Сергія. Копія съ картины покойнаго иконописца Лавры, соборнаго іеромонаха Симеона. Она была на Парижской всемірной выставкѣ 1867 г. и удостоена почетнаго отзыва.

133. — Сосудъ, пожертвованный въ Лавру къ 500-лѣтію кончины Преп. Сергія Московскимъ духовенствомъ.

134. Стр. 211. Плачъ осиротѣвшихъ братій.

135. Стр. 214. Видъ церкви въ честь Рождества Предтечи, надъ св. вратами Лавры.

136. Стр. 215. Снимокъ съ иконы соборъ учениковъ Пр. Сергія изъ Троицкаго Собора Лавры.

137.—Въ заставкѣ—видъ Троицкаго собора съ сѣверозападной стороны.

Въ буквѣ—см. № 9.

138. Стр. 222. Обрѣтеніе мощей Пр. Сергія.

139.—Рака надъ мощами преп. Нікона, серебряная; устроена усердіемъ Моск. купца А. П. Каверина въ 1900 гсду, по проекту академика-архитектора И. И. Поздѣва.

140. Стр. 224. Въ заставкѣ—деревянные Богослужебные сосуды Пр. Нікона; слѣва—его же серебряное кадило.

141.—Въ буквѣ—внутренній видъ Вианскаго Преображенскаго собора.

142. Стр. 238. Покровецъ, возложенный на главу Пр. Сергія въ Возѣ почившими Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государыней Императрицей Маріей Александровной въ 1856 г. послѣ священнаго миропомазанія и вѣнчанія на царство Ихъ Величествъ. Шитъ собственноручно покойной Императрицей — жемчугомъ по малиновому бархату.

143. Стр. 239. Въ заставкѣ—иконостасъ въ церкви преп. Іоанна Лѣствичника при больницѣ богадѣльнѣ въ Лаврѣ. Рисунокъ художника архитектора Латкова.

144. Стр. 256. Видъ Успенскаго собора въ Лаврѣ.

145. На 4-й стр. обертки. Видъ новой надвѣщерной церкви въ Геесимапскомъ скиту.

Оглавление.

Главы.	Стр.
Предисловіе.	III—VIII.
I. Сынъ радости. Родана Богоноснаго Сергія.—Его родители.—Ихъ семейство.—Чудное предназначеніе.—Размышленія блаженнаго Елифанія.—Молитвы святой матери.—Урокъ родителямъ.—Рожденіе благословеннаго дитяти.—Младенецъ постыникъ. (1319—1326).	1—12.
II. Благодатный отрокъ. Слабые успѣхи въ грамотѣ.—Дѣтское горе.—Молитвы дитяти.—Дивный старецъ.—Чудная перемена.—Наученіе свыше.—Дѣтскіе подвиги.—Благоразумные отвѣты отрока.—Поведеніе и устроеніе его души.—Его молитвенныя изліянія предъ Богомъ. (1326—1332).	13—25.
III. Покорный юноша. Бѣдствія Русской земли.—Возвышеніе Москвы.—Своеволія Кочевы въ Ростовѣ. Переселеніе Кирилла въ Радонежъ.—Порывы юной души.—Благоразуміе родителей и послушаніе сына.—Бояре-схимники и ихъ кончина.—Святая рѣшимость. (1330—1340).	26—36.
IV. Братья въ пустынь. Горящее сердце.—Стефанъ и Вареоламей водворяются въ пустынь.—Первая келлія и первая церквушка.—Восторгъ юнаго подвижника.—Пустынные скорби.—Стефанъ оставляетъ брата. (1339—1342).	37—44.
V. Юный постриженникъ. Мужъ разума духовнаго.—Игуменъ Митрофанъ.—Постриженіе въ пустынной церквуцѣ.—Знаменіе благодати Божіей.—Инокъ первый и послѣдній.—Прощальная бесѣда юнаго инока съ Евангельскимъ отцемъ.—Сергій Богомудрый. (1342).	45—51.
VI. Наединѣ съ Богомъ. Невѣдомые міру подвиги пустытника.—Три врага: плоть, міръ и діаволь.—Тяжесть борьбы.—Правила Василія Великаго для отшельниковъ.—Терпѣніе Сергіево.—Страхованія и привидѣнія.—Угрозы безсильнаго.—Козни „коварнаго старца“.—Хищные звѣри.—Страннопримство пустытника.—Черта образа Божія.—Вторая половина великой Христовой заповѣди. (1340—1342)	52—64.
VII. Первые сподвижники. Благоуханный цвѣтокъ.—Молва народная о пустынникѣ Радонежскомъ.—Первые пришельцы.—Благодатное слово подвижника.—Обитель двенадесяти.—Пустынные порядки.—Игуменъ Митрофанъ.—Несбывшаяся надежда Сергія.—Первый—всѣмъ слуга.—Стефанъ возвращается къ Сергію.—12-ти лѣтній постриженникъ. (1342—1354).	65—73.
VIII. Власть за послушаніе. Нужда въ игуменѣ.—Черная смерть.—Желанія братіи.—Скорбь смиренія Сергіева.—Просьбы братіи.—Угроза любви.—Братолюбіе побѣждаетъ.—Святитель Аѳанасій.—„Ты не имѣешь послушанія!“—Сергій іеродіаконъ, іеромонахъ и игуменъ.—Святительское поученіе. (1354).	74—83.
IX. Смиранный игуменъ. Радость обители.—Первое поученіе братіи.—Смирненное прошеніе игумена.—Труды игумена. — Архимандритъ-послушникъ. — Умноженіе братіи.—Разширеніе обители.—Сергій „яко единъ отъ	

- древнихъ“. — Свидѣтельство пр. Іосифа Волоколам-
скаго. (1354—1391). . . . . 84—93.
- X. Пустынная нищета.** Строгія правила пустыни Сер-
гіевой. — Богослуженіе съ лучиною. — Книги на бере-
стѣ. — Игуменъ-древодѣль. — Дорогіе куски гнилаго
хлѣба, снѣдаемаго въ потѣ лица. — Ропотъ братіи. —
Отеческое увѣщаніе. — Упованіе непосрамляющее. —
Безвѣстные благотворители. — Чудотворный источ-
никъ. — Золото и мишура. — Благоговѣйныя думы свя-
тителя Филарета. (1354—1372). . . . . 94—107.
- XI. Смиранный чудотворецъ.** Исканіе пустыни. —
Слава Сергіева. — Сердобольный отецъ и воскрешенное
дитя. — Испѣленіе поселяннина. — Вельможа съ береговъ
Волги и изгнаніе бѣсовъ. — Обиліе потребныхъ. — Ху-
дость ризная. — Соблазнившійся простецъ и благодат-
ный старецъ. (1354—1391). . . . . 108—121.
- XII. Пророческое видѣніе и дальніе посланцы.** Избран-
ники Божіи. — Птицы небесныя. — Радость о Господѣ. —
Гости съ Востока. — „Патріаршіе поминки“. — Недумѣ-
ніе старца. — Патріаршее посланіе. — Благословеніе свя-
тительское. — Начало общежитія. — Новыя должности и
послушанія. — Списание книжное. — Библиотека. — Число
братіи возрастаетъ. — Завѣтъ страннопріимства и объ-
тованіе старца. (1372). . . . . 122—134.
- XIII. Внезапная буря.** Бѣды въ пустынѣ. — Случай въ
церкви. — Смиранный игуменъ въ добровольномъ изгна-
ніи. — Уроки м. Филарета. — Махра. — Встрѣча святыхъ
друзей. — На Киржачѣ. — Скорбь троицкихъ братій. —
Новая обитель. — Братія у Митрополита Алексія. —
Послы у Сергія. — Послушаніе „устамъ Христовымъ“. —
Торжество любви и „другое солнце“. — „Болѣзнь Пре-
подобнаго Сергія. (1372— 375). . . . . 135— 145.
- XIV. Другъ святителей.** Духовное злато и мѣдницы. — Свѣ-
тильникъ въ пустынѣ. — Церковныя смуты на Восто-
кѣ. — Св. Алексій въ Царьградѣ. — Буря на Черномъ
морѣ. — 16 августа. — Исполненіе обѣта. — Памятникъ
исцѣленія Тайдулы. — Мысль Святителя. — „Отъ юности
я не былъ златоношемъ“. — Предложеніе высокаго
сана и отреченіе отъ него — Уроки мудрости духов-
ной. — Честолюбивый архимандритъ. — Кончина Святи-
теля Алексія и скорби Русской Церкви. — Пр. Діонисій
Суздальскій. — Пророчество Сергіево. — Переписка Свя-
тителя Кипріяна съ Пр. Сергіемъ. — Пророчество ис-
полняется. — Пимень и Кипріанъ. — Гнѣвъ В. Князя. —
Удаленіе и возвращеніе м. Кипріяна. (1354—1391). 146—162.
- XV. Печальникъ Русской земли.** Міръ и пустынники. —
Сергій — печальникъ родной земли. — Мамаево нашествіе. —
В. Князь въ Троицкой обители. — Его бѣсѣда съ
святымъ игуменомъ. — Иноки-воины. — Пророчество св.
старца. — Икона и крестъ. — Страхъ Рязанскаго Князя. —
Утро 8-го сентября 1380 года. — Просфора и грамотка
отъ св. игумена. — Татарскій богатырь и русскій схим-
никъ. — Грозная битва, — Молитвенная помощь Пр. Сер-

- гія.—Памятная записъ Троицкаго инокъ на 21 сентября 1380 года.—Благодарный В. Князь въ обители Живоначальныхъ Троицы.—Димитріевская Суббота.—Обѣтные монастыри.—Нашествіе Тохтамыша. (1380—1381). 163—182.
- XVI. Умиротворитель князей.** Любовь В. Князя Димитрія ко св. старцу.—Пр. Сергій благословляетъ новокрещеннаго „державца“ Терновскаго иконою.—Св. игуменъ на служеніи отечеству.—Его путешествіе въ Ростовъ.—Закрытіе церквей въ Нижнемъ Новгородѣ.—Домогательство Тверскаго Князя.—Олеѣ Рязанскій.—Сила слова Сергіева.—Усиленіе Москвы.—Кончина Донскаго и его духовное завѣщаніе.—Пр. Сергій—охранитель и сполучникъ самодержавія Русскихъ Государей. (1358—1391). . . . . 183—190.
- XVII. Благодатный старецъ.** Два вида духовнаго креста.—Лучи благодати.—Душа послѣ побѣды надъ страстями.—Заочное привѣтствіе святыхъ.—Обличенный въ лакомствѣ слуга.—Благодатный пламень отъ руки старца.—Небесный сослужитель.—Причащеніе небеснымъ огнемъ.—Небесная Гостя.—Ея дивное обѣтованіе.—Трепещущій ученикъ.—Радость святыхъ.—Сомнѣвающійся грекъ.—Его вразумленіе.—Наказанный обидчикъ.—Святолюбный образъ св. старца.—Наши духовные предки и—мы . . . . . 191—206
- XVIII. Кончина праведника.** У тихой пристани.—Откровеніе о кончинѣ.—Передача управленія пр. Нікону.—Послѣдніе завѣты старца.—Предсмертное причащеніе.—Блаженная кончина.—Благоуханіе.—Вопросъ о мѣстѣ погребенія.—Рѣшеніе Святителя Кипріяна.—Глубокая скорбь осиротѣвшихъ иноковъ.—Утѣшеніе имъ изъ загробнаго міра.—Молитвенное обращеніе къ Преподобному. (1391). . . . . 207—214.
- XIX. Ученики Сергіевы въ родной обители.** Первые сподвижники.—Архимандритъ.—Келейникъ.—Молчальникъ.—Келарь.—Экклесіархъ.—Воины-иноки.—Добрый рачитель послушанія.—Духовный плодъ сего подвига.—Никонъ-игуменъ.—Нашествіе Эдигея.—Открытіе св. мощей Преподобнаго Сергія.—Троицкій соборъ.—Кончина пр. Нікона. (1391—1428). . . . 215—223.
- XX. Ученики и собесѣдники Сергіевы въ своихъ обителяхъ.** Въ Костромскихъ предѣлахъ.—На Обнорѣ и Нурмѣ.—Въ Москвѣ и на Пѣшношѣ.—На Бѣломъ озерѣ.—Въ Серпуховѣ.—На Дубнѣ.—Въ предѣлахъ Вологодскихъ и Тверскихъ.—Въ предѣлахъ Калужскихъ и Звенигородскихъ.—Опять въ Костромскихъ.—Собесѣдники: въ Вологдѣ, на Махрѣ, въ предѣлахъ Ростовскихъ, Суздальскихъ и Перскихъ.—Отдаленные отголоски преданій и неясные слѣды.—Звѣзды полуночныхъ странъ. (1345—XV ст.). . . . . 224—238.
Примѣчанія. . . . . 239—256.
Описаніе рисунковъ . . . . . 257—260.

При сей книгѣ прилагается копія съ картины
Соборнаго Іеромонаха Сѹмеона:

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ,

ХРОМОЛЮТОГРАФІЯ ВЪ 20 КРАСОКЪ.

ЦѢНА СЕЙ КНИГИ 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.; въ красивой папкѣ-корешкѣ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р., въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 руб. Продается въ С.-Петербургѣ въ книжномъ складѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (изданіе Св. Синода), у книгопродавца И. Л. Тузова (Гостинный дворъ № 45), въ Москвѣ у книгопродавца А. Д. Ступина (Никольская, д. Мѣщан. управы) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С. Петербурга и Москвы. Требованія почтой просятъ адресовать: въ Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „ТРОИЦКИХЪ ЛИСТКОВЪ“, въ Лавръ.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры

РИО РЦ НТТМ, филиал № 3

Заведующий РИО *И. А. Осипов*

Редактор *Л. Е. Чаплыгина*

Технический редактор *Л. Е. Простова*

Оформление обложки: *А. А. Бурыкин*

Подписано к печати 29.11.89 г.

Формат 70×108/16. Бумага офсетная финская 80 г.

Печать офсетная. Объем 26,6 усл. печ. л.

Тираж 100 000. Заказ 4520

Отпечатано с диапозитивов, представленных РИО РЦ НТТМ, филиал № 3

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»

Госкомиздата РСФСР.

127018, Москва, Сушевский вал, 49

